

U 69
138 III

138
УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА
УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
Іоасафа Игнатьевича **ЖЕЛЪЗНОВА.**

ТОМЪ Ш.

ИЗДАНИЕ 3-е, ПОСМЕРТНОЕ,
съ дополненіями и включеніемъ всѣхъ неизданныхъ статей,
подъ редакціей **Н. А. Бородина.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, В. Подъяческая, 39.

1910.

УРАЛЬЦЫ.

„Вы хотите, чтобы казакъ былъ и смиренъ какъ овечка, и силенъ какъ левъ. Эти два качества не совместиы. Стало быть, ваше хотѣнье останется хотѣньемъ...“

„На родинѣ, у домашняго очага, среди родительскихъ преданій и обычаевъ, въ сферѣ хозяйственныхъ занятій, казакъ не долженъ быть стѣсняемъ ни мундиромъ, ни вытяжкой рукъ по швамъ и т. п. вещами и учрежденіями, полезными и разумными въ казармахъ и въ лагерь, но вредными и не имѣющими смысла въ обществѣ...“

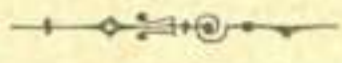
„Я, если разбирать меня съ общей точки зрѣнія, — уманистъ, но коснись дѣло до интересовъ казаковъ, я — эгоистъ. Я и днемъ, и ночью, и на яву, и во снѣ желаю, чтобы казакъ имѣлъ не только необходимое, но и лишнее. Киризъ же для меня — созданіе совершенно постороннее...“

(Отрывки изъ оставшихся послѣ смерти
І. Н. Желѣнова рукописныхъ замѣтокъ).

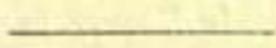
69
138.

УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА

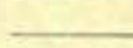
УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ

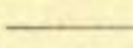
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ

Іоасафа Ігнатъевича

ЖЕЛЪЗНОВА.

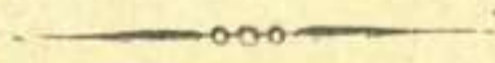
ТОМЪ III.

ИЗДАНИЕ 3-е, ПОСМЕРТНОЕ,

съ дополненіями и включеніемъ всѣхъ неизданныхъ статей,

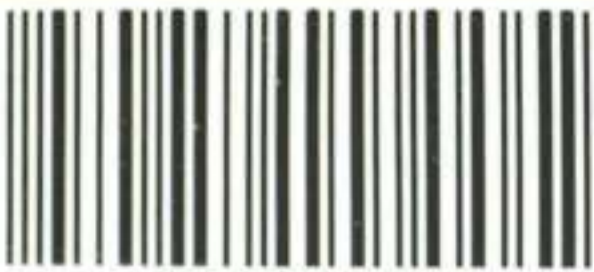
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Н. А. Бородина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

1910.

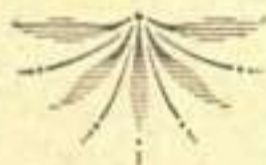

2007041229

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

I. Преданія и пѣсни уральскихъ казаковъ:	Стран.
I. Три Ивана	1
II. Рыжечка	7
III. Харко	35
IV. Видѣніе	51
V. Шилихинъ пожаръ	56
VI. Казакъ Терскій	63
VII. Утва	70
VIII. Хива	76
IX. Нѣсколько пѣсенъ	124
II. Преданія о Пугачевѣ:	
I. Вступительное слово отъ автора	135
II. Разказъ монахини	140
III. Разказъ И. М. Бакирова	159
IV. Разказъ Н. П. Кузнецова	189
V. Разказы разныхъ лицъ	199
VI. Легенда о Бородинѣ	210
VII. Заключительное слово отъ автора	219
III. Сказаніе уральскихъ казаковъ:	
I. Змій и комета	225
II. Еще змій	231

	Стран.
III. Клады	267
IV. Ермакъ	259
V. Ядъ	274
VI. Оборотни	280
VII. Проклятые	288
VIII. Баскачкина ростошь	331
IX. Опивицы	329
X. Колдуны и заговорщики	335
XI. Фармазоны	353
XII. Обмирающе	358
XIII. Домовой и лѣшій	373
XIV. Смерть и черепаха	384
XV. Калмыцкій адъ	391
XVI. Крючокъ и вилка	400
XVII. Косточка-невидимка	406
XVIII. Неразмѣнный цѣлковый	409
XIX. Камыкъ-камень-самоцвѣтъ	414
XX. Одна жена плакала, а другая пѣтъ	424

I.

ПРЕДАНІЯ и ПѢСНИ

УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

I.

Три Ивана *)

„... Въ стары годы,—началь говоритъ знакомецъ мой Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ, восьмидесятилѣтній старикъ, уральскій казакъ,—въ стары годы, когда наши праотцы заселяли Яикъ, это было у! какъ давно, старики старожилые не запомнятъ, это было, касатикъ, и прежде Харка, и прежде Марины Кайдаловны, и прежде явленія Алексѣя Митрополита, это было, должно полагать, вскорѣ послѣ того, какъ на Яикѣ былъ Добрыня Никитичъ съ Васильемъ Казберычемъ; да, въ стары годы, когда наши праотцы заселяли Яикъ,—вотъ въ то-то, видно, время расейскій царь велъ брань-войну съ невѣрными царями. Въ стары времена Расея была земелька небольшая, слабосильная. Коли устояла она, коли и возвеличилась она надъ всѣми царствами и языками, въ томъ много ей помогли казаки-лыцари, — всѣ казаки: и донскіе, и терскіе, и запорожскіе, и волжскіе, и сибирскіе, и яицкіе; они по границамъ расейскимъ „крѣши держали“ и басурмановъ усмиряли. Безъ казаковъ не знай

*) Слѣшимъ оговориться: „Преданіе о трехъ Иванахъ“ было напечатано въ рассказѣ: „Поединщики“, помѣщенномъ въ „Утрѣ“ (Литератури. Сбори., Москва, 1859 г.), и здѣсь перепечатывается потому, что стоитъ въ нѣкоторой связи съ другимъ преданіемъ, подъ заглавіемъ: „Рыжечка“.

что бы съ Руссией было... Въ старину басурмановъ было видимо-невидимо, словно саранчи проклятой. Со всѣхъ сторонъ они безперечь врывались въ Русею и вызывали царей нашихъ на брань-войну. Хошь, бывало, радъ-нерадъ, а воюй; не то дань плати. Такъ было и въ то время. Напали на Русею заразъ три невѣрные царя: салтанъ турецкій, царь казанскій и ханъ крымскій. Ну, нашему-то царю и не въ моготу стало. Онъ и такъ, и сякъ, а справиться съ троими не можетъ. Что станешь дѣлать? сила соломѣ ломить. Вотъ онъ, батюшка нашъ, и шлетъ на Яикъ къ казакамъ грамотку, пишетъ: „Такъ и такъ, помогите, православные! нехристи одолеваютъ. Сколько васъ тамъ на Яикѣ есть, всѣ не ходите: будетъ и половиночки“.

„Значить и въ тѣ поры царямъ вѣдомо было, что яицкіе казаки молодцы, настоящіе воины, на руку охулки не положить. Ладно.

„Въ тѣ поры казаковъ на Яикѣ было всего-на-все чело-вѣкъ триста; значить, самая малость. Получили они отъ царя грамотку, сошлись въ казачій кругъ, распустили знамечко свое шелковое, позлащенное, и стали думать думу крѣпкую. Что дѣлать? Всѣмъ идти — царь не желаетъ; да и Яикъ бросать опасно; пожалуй еще какъ-нибудь орда нахлынетъ. Половиночкѣ идти — другой половиночкѣ завидно. Какъ тутъ быть? Думали, думали казаки, да и рѣшили: послать на подмогу къ царю только троихъ казаковъ, что ни самыхъ лучшихъ воиновъ, троихъ лыцарей-поединчиковъ. Помолясь и благословясь, поѣхали наши лыцари на поле Куликово, гдѣ было собранье воинское. Первому лыцарю имя Иванъ Пыжала, второму — Иванъ Шатала, а третьему — Иванъ Кладъ. И четвертый лыцарь съ ними поѣхалъ, но тотъ такъ поѣхалъ: въ случаѣ какой неустойки, было бы кому на Яикъ вѣсть дать. Этого лыцаря звали Иванъ Бирючихъ-Лапъ. Ладно. Пріѣхали наши лыцари въ армію царя русскаго, то-ись въ саму пору. Стоитъ на полѣ Куликовомъ русская армия словно сиротинушка: всѣ воины невеселы, всѣ воеводы и бояры головы повѣсили; и было, касатикъ, отчего. Супро-

тивъ одной рати царя расейскаго стоятъ три рати трехъ царей невѣрныхъ. Боя они не начинаютъ, а вызываютъ поединщиковъ. Въ старину, вишь, былъ таковъ обычай: супротивныя арміи рѣдко въ бой вступали, а рѣшали споръ поединщиками. Такъ было и въ ту пору. Отъ трехъ ратей басурманскихъ выѣхали три богатыря-поединщика, престрашнѣющіе. Каждый съ ногъ до головы желѣзомъ покрытъ, точь-въ-точь собака, лютый индрикъ-звѣрь“.

— Какой звѣрь? — прервалъ я.

— Индрикъ-звѣрь, что въ пѣснѣ поется. Развѣ не слышалъ?

— Нѣтъ; а желалъ бы послушать, — сказалъ я.

— Пожалуй, мнучекъ мой уже пропоетъ.

— Нѣтъ, Иванъ Никитичъ, ты самъ пропой, если можно

— Экой ты, экой ты какой! на старости-то лѣтъ я буду грѣшить.

— Ну, пожалуй, не пой, Иванъ Никитичъ, а расскажи словами.

— Словами? Словами можно, — сказалъ старикъ и началъ:

Не галичья стая подымалася,
Не звѣриное собраньице собиралося;
Не галичья стая въ перелетъ летить,
Не звѣриное собраньице въ перебѣгъ бѣжить;—
Напередъ бѣжить собака, лютый индрикъ-звѣрь.
У индричка копыточки булатныя,
Шерсточка на индричкѣ бумажная,
Напередъ его щетинушки запрокинулись,
На спинчкѣ два блюдечка серебряны,
На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бунчукъ разсыпается.
Подбѣгаетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
Къ той рѣченькѣ, къ быстру Днѣпру.
Засвисталъ-то онъ, загаркалъ по звѣриному,
Зашипѣлъ-то онъ, собака, по змѣиному.
Оттого-то наша Нѣпречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубѣвъ вершины посломалися...

— Вотъ онъ какой собака, лютой индрикъ-звѣрь! — сказалъ старикъ. — Сунься-ка на него, ожгесся, зубъ скусишь. Побить такого звѣря, касатикъ, не мутовку облизать. Сколько тамъ съ расейской стороны ни было князей и бояръ, а выйти супротивъ басурманскихъ поединщиковъ ни одного охотника не выискалось. А невѣрные-то цари свое дѣло дѣлаютъ, нудятъ нашего, говорятъ: „высылай поединщиковъ, иль-бо самъ выходи: не то, покорись и дань плати“. Каково нашему-то царю слушать таковы словеса изъ устъ орды! Царь, говорятъ, самъ хотѣлъ идти на поединокъ, велѣлъ-было коня сѣдлать и латы себѣ готовить. А тутъ, какъ разъ, и прилетѣли наши орлы орловичи, сирѣчь наши три Ивана, да четвертый на поддачу. Царь успѣлъ только вымолвить: „голубчики!“ а голубчики ужъ вылетѣли въ поле и ударили на басурманскихъ поединщиковъ, даромъ что они похожи на индрика-звѣря. Разъ, два, три: басурманы съ коней долой! Разъ, два, три: басурманскія головы торчатъ уже на казачьихъ копьяхъ! Значить, шабашъ!

„Басурманскія рати, извѣстно, послѣ того преклонились передъ нашею. Значить, наша взяла! Царь нашъ возвеличился и по всей вселенной прославился. Значить: никто же на ны!

„На такихъ великихъ на радостяхъ царь сзываетъ всѣхъ, и князей, и бояръ, и казаковъ нашихъ, въ первопрестольный градъ, въ каменну Москву. Значить, пиръ пировать и награды раздавать! Потуманили гурьбой въ Москву всѣ князья и бояры, другъ друга перегоняютъ, другъ друга перебиваютъ... Отъ поединка хоша они и отказались, но отъ пирбанкета, а пуще отъ награды, не прочь. Значить, печи бить — нѣтъ насъ, пиво пить — мы не хуже васъ.

„И наши лыцари поѣхали, но не торопятся, и ѣдутъ себѣ, какъ въ старинныхъ пѣсняхъ поется, потихохоньку, по-смирнехоньку. Думаютъ про себя: „наше отъ насъ не уйдетъ“.

„Много ли, мало ли пировали у царя и князья, и бояры, и казаки ящкіе, наконецъ пришло время награды раздавать.

„Спрашиваетъ царь князей и бояръ:

— Чѣмъ мнѣ васъ дарить-жаловать: золотою казной иль драгоценными камнями?

„Отвѣчаютъ князья и бояры:

— Не надо намъ ни золотой казны, ни драгоценныхъ камней, а пожалуй насъ деревнями да крестьянами“.

„И пожаловалъ царь князей и бояръ деревнями да крестьянами.

„Спрашиваетъ теперь царь нашихъ казаковъ.

— А васъ, атаманы-молодцы, чѣмъ дарить-жаловать: золотою ли казной, самоцвѣтными ли каменьями, иль, какъ князей и бояръ, деревнями да крестьянами?

„Отвѣчаютъ наши казаки:

— Не надо намъ, надежа-царь, ни золотой казны, ни самоцвѣтныхъ камней, не надо намъ ни деревень, ни крестьянъ; а пожалуй насъ рѣкой Яикомъ, отъ вершинъ до устьевъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами и лѣсными порубами.

„И пожаловалъ насъ царь рѣкой Яикомъ, съ вершинъ до устьевъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами и лѣсными порубами.

„А князья и бояры слышать, да смѣются. „Вотъ дураки-то, вотъ дураки-то чего просятъ! — говорятъ межъ себя. — Развѣ земля наша клиномъ сошлась: гдѣ нѣтъ воды, гдѣ нѣтъ травы, гдѣ нѣтъ лѣса? Воткни палку, и дерево выростеть. Прямые дураки, безтолочь!“ говорятъ про нашихъ казаковъ.

„А наши казаки не дураки, не безтолочь. Они знали честь и совѣсть, помнили заповѣдь Божію: „въ потѣ лица хлѣбъ себѣ добывай“, твердо знали и пословицу: „на чужой каравай рта не разѣвай“. Нѣтъ, старики наши не дураки, они не о своей одной выгодѣ заботились, а заботились о пользѣ всего своего общества“.

„Вотъ нынѣшніе-то казаки, — прибавилъ Чакрыгинъ, —

можно сказать, тоже не дураки, да за малымъ дѣло стало, себѣ на умѣ. Стараются только сдѣлать какую-нибудь отлику, выслужить что-нибудь себѣ одному, примѣрно крестъ, а пуще чинъ, чтобы, знаешь, чиновникомъ сдѣлаться, да съ нашего брата, нечиновнаго казака, волòкшу драть...“

II.

Рыжечка.

Кто бывалъ въ городѣ Уральскѣ, во время лѣтней, петровской ярмарки, тотъ, вѣроятно, видѣлъ на флагѣ, развѣвающимся надъ ярмаркой, изображеніе казака-всадника. Это гербъ Уральского казачьяго войска, данный ему, въ 1776 году, свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ *).

*) Роясь въ одномъ изъ нашихъ статистическихъ архивовъ, я встрѣтилъ бумагу, прочетное предписаніе войсковой канцеляріи о пронажѣ войсковой печати. Въ прочетномъ, въ видѣ вступленія, говорилось такъ: „.....данную-де ему (войсковому атаману), прошлаго 1776 года, отъ его свѣлости, высокоповелительнаго господина, генераль-аншефа, государственной военной коллегіи вице-президента, ея императорскаго величества генераль-адъютанта, и многихъ орденовъ кавалера, князя Григорія Александровича Потемкина, на имя Уральского войска, войсковую печать, съ назначеніемъ на оной: въ срединѣ ѣздокъ на конѣ, внизу гора Уралъ, а сверху двѣ рыбы, что и сочиняетъ гербъ сего войска...“ Далѣе идетъ рѣчь о томъ, что печать эту у атамана украли. Кстати о гербѣ или печати. До потемкинскаго подарка у яицкихъ казаковъ была печать слѣдующая: форма печати круглая, немного болѣе нынѣшней 3-хъ-копѣечной и менѣе 5-ти-копѣечной мѣдной монеты; въ срединѣ щитъ, въ щитѣ бородатый во весь ростъ казакъ-рыцарь, въ шапкѣ, похожей на татарскую, въ кафтанѣ съ петлицами на груди, похожемъ на венгерку, въ шароварахъ, зашнурованныхъ за сапоги; въ правой рукѣ у рыцаря ружье, а въ лѣвой рогъ: подъ ногами у рыцаря что-то похожее на два хлѣбныхъ снопа, положенныхъ крестъ-на-крестъ,—хорошенько разобрать трудно (описание это дѣлано по сургучному слѣдку, уцѣлѣвшему не во всей ясности на

Покажите на флагъ и спросите любого казака, хотя старика, хотя мальчика, кого угодно, все равно: „Что это?“ или: „кто это?“ И казакъ или казаченокъ вамъ отвѣтитъ: „Рыжечка!“ Вы спросите: „Кто такой Рыжечка?“ И вамъ скажутъ: „Ярой, старыхъ временъ рыцарь, что Яикъ завоевалъ“.

Вы подумаете, что Рыжечка буквально завоевалъ Яикъ, отбивъ его отъ кочевниковъ; но вы ошибетесь въ вашемъ мнѣніи. Если вы полюбопытствуете спросить: „Какъ Рыжечка завоевалъ Яикъ?“ Вамъ отвѣтятъ: „Заслужилъ у батюшки царя“.

Тутъ, конечно, вы придете въ недоумѣніе; предъ вами явятся два положенія, совершенно противоположныя: завоевалъ и заслужилъ. Если вы человекъ любознательный, вы, разумѣется, пожелаете узнать сказаніе о Рыжечкѣ, старыхъ временъ „яроѣ“, и тогда сомнѣнія ваши разъяснятся. Но кому, думаю, изъ прїѣзжающихъ на ярмарки придетъ охота слушать старинныя исторіи и заниматься баснословными героями и ихъ подвигами?

Позвольте, лучше самъ я расскажу, или, точнѣе сказать, попрошу васъ прислушаться къ разговору моему съ Иваномъ Никитичемъ Чакрыгинымъ. Кстати же, преданіе о Рыжечкѣ ни больше, ни меньше какъ продолженіе уже рассказанной выше исторіи о трехъ Иванахъ: Пыжалѣ, Щаталѣ и Кладѣ, подвизавшихся на полѣ Куликовомъ. Разница между этими героями только въ томъ, что три Ивана жили и отличались, относительно Уральскихъ казаковъ, во времена сѣдой древ-

одной изъ старинныхъ бумагъ); надъ головой у рыцаря, изъ-за щита, торчитъ пукъ копій изъ 5-ти штукъ, а по сторонамъ этого пука развѣвается двѣ хоругви. По сторонамъ рыцаря, вѣ щита, изображены цифры: справа 17, а слѣва 64, что безъ всякаго сомнѣнія, указываетъ на 1764 годъ (значитъ, печать эта была или дана войску отъ правительства, или сдѣлана самими казаками въ этомъ году; бумага же, на которой сохранился слѣпокъ печати, относится къ 1770 году). Вокругъ щита, по самому краю печати изображено: печать Яицкаго войска. Дѣлая эту замѣтку о печатяхъ, я думаю, что она пригодится кому-нибудь изъ будущихъ историковъ Уральскихъ казаковъ.

ности, а герой Рыжечка — во времена Петра Перваго. Память о трехъ Иванахъ тонетъ во мракъ преданій, почти забывается, а память о Рыжечкѣ, какъ о позднѣйшемъ проявителѣ казацкаго героизма, еще свѣжа. Трехъ Ивановъ помнятъ только старики старожилые, „имъ же по девяносту лѣтъ“, а Рыжечку знаетъ каждый казаченокъ. Короче, Рыжечка популярнѣе своихъ предковъ.

— Умныя рѣчи, Иванъ Никитичъ, и слушать любо, — сказалъ я, когда старикъ кончилъ преданіе о трехъ Иванахъ.

— Экой ты, экой ты какой! — говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ, и на лицѣ его сіяло неподдѣльное чувство самодовольствія.

— Но ты назвалъ Ивана Пыжалу, Ивана Шаталу, Ивана Клада, еще Ивана Бирючьихъ-Лапъ. А гдѣ жъ Рыжечка? — спросилъ я.

— Экой ты, экой ты какой! — сказалъ Иванъ Никитичъ. — Тѣ жили прежде Рыжечки, тѣ жили, може-статься, Богъ знаетъ когда (старикъ махнулъ рукою), а Рыжечка почитай что на памяти нашихъ отцовъ, Рыжечка, сударь мой, былъ въ полку у Прохора Митрича.

— Кто такой Прохоръ Дмитричъ?

— Ну, и славно! — сказалъ съ удивленіемъ старикъ. — Ты и Прохора Митрича не знаешь. Хорошъ же гусь!.. А Прохора Митрича Дурманова все наше войско знало. Съ нимъ и царь Петръ Первый компанію водилъ.

— Будто?

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ. Да ты, вижу, ничего не знаешь. Такъ и быть, расскажу тебѣ съ конца. Слушай, ваше благородіе!

Я радъ былъ слушать, хотя на словѣ „ваше благородіе“ старикъ и сдѣлалъ удареніе, ясно говорившее: „хоша вы и чиновники, но ни черта не знаете насчетъ житья-бытья казацкаго“. Старикъ началъ:

„Петръ Первый, нѣсколько лѣтъ сряду, велъ брань-войну со шведомъ. Этому, вишь, за досаду и за великую грубу стало, когда Петръ Первый задумалъ отнять у него нѣсколько

губерній чухонскихъ. Вотъ изъ-за этого-то самаго дѣла они и дрались нѣсколько лѣтъ сряду не на животъ, а на смерть. Испоконъ вѣка, ни одна война не проходила и теперича не проходитъ безъ того, чтобы нашихъ казаковъ не требовали въ армію: безъ казаковъ, словно безъ соли, нельзя обойтись. Такъ было и въ ту пору. Много нашихъ полковъ перебивало въ расейской арміи: и пятисотенные, и семисотенные, и тысячные, всѣмъ было мѣсто и дѣло. Нигдѣ никогда отъ нашихъ казаковъ прослуги не было, окромя лишь отлики. Прикажутъ ли, бывало, имъ непріятели скрасть — какъ съ полки сдунуть; пошлютъ ли, бывало, соколиковъ куда, хоша бы и за море, примѣрно, языка добыть, — и языка добудутъ. Такіе ужъ были ловчаги, что днемъ съ огнемъ поискать, и то врядъ ли найдешь. А все Богъ имъ помогаль за ихъ простоту. Вѣдалъ о томъ и самъ царь.

„Разъ, зимнею порой, шведскій городъ Карантинъ брали. Вотъ тутъ-то наши казаки очень себя показали. Въ однихъ легонькихъ, сударь мой, лѣтнихъ кафтанчикахъ да курточкахъ, безъ шапокъ, съ открытыми, иль-бо съ перевязанными платкомъ головами, они, аки львы могучіе, аки звѣри дубравные рыскали впереди арміи и душили шведовъ, словно мухъ, а работали, замѣть, касатикъ, однѣми только пиками, точь-въ-точь какъ въ старинныхъ пѣсняхъ поется, примѣрно о Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, что говорилъ царю Ивану Васильевичу Грозному:

„Возьмемъ-де тебѣ Сибирь-городъ безъ свинца, безъ пороха,
Возьмемъ-де бѣлой грудью, съ камчатной съ одною плеточкой...“

„Вишь, какіе были ярои, старинные казаки-лыцари, а нынѣшнимъ чета, ученымъ, что папахи умѣютъ съ полу подымать, а отъ киргизскаго кося, къ примѣру сказать, „мамынька!“ кричатъ...

„Въ тотъ день морозъ былъ лютой, бороды у нашихъ казаковъ заиндевѣли, а отъ самихъ отъ нихъ паръ валомъ валилъ, словно съ каменки, а на пикахъ у нихъ намерзли

длинные-предлинные кровяные сосульки: много больно, вишь, Шведовъ-то покололи. Да, истинно такъ было.

„Петръ Первый стоитъ на горѣ и смотритъ на нихъ въ подзорную трубу.

— Какіе это казаки? — спрашиваетъ царь своихъ приближенныхъ.

— Яицкіе! — говоритъ ему графъ Шереметевъ.

— Я такъ и думалъ, — говоритъ царь. — Позвать, говоритъ, ко мнѣ ихняго походнаго атамана, когда кончится дѣло.

„Ладно. Карантинъ взяли; шведовъ—которыхъ побили, которыхъ въ полонъ позабрали, а король ихъ бѣжалъ за море, во-свояси. Такъ, значить, и быть должно.

„Собирались у царя, послѣ баталіи, всѣ енералы и сенаторы. Пришелъ и Прохоръ Митричъ нашъ. Царь спрашиваетъ его:

— Какъ тебя, казацкій атаманушка, зовутъ по имени и величаютъ по отечеству?

— Вотъ такъ-то, — говоритъ Прохоръ Митричъ.

— Спасибо, Прохоръ Митричъ, за вашу службу: я ея не забуду,—говоритъ Петръ Первый.—Возьми, говоритъ, на первый случай, по золотой на казака: это, говоритъ, отъ меня имъ на водку, а себѣ, на память, вотъ эту вещицу.

„Тутъ царь изъ собственныхъ своихъ ручекъ подалъ Прохору Митричу литую золотую чару съ царскимъ ербечкомъ и имечкомъ.

— Больше этого, — говоритъ Петръ Первый, — теперича дать не могу; не безсудьте; казна, вишь, на исходѣ. А вотъ, какъ пошабашу совсѣмъ шведа, возьму съ него контрибуцу, принужу его платить мнѣ дань во вѣки-вѣчные: тогда, говоритъ, расплачусь съ вами, никого не забуду.

— Много довольны твоею милостію, надежа-царь,—отвѣчаетъ Прохоръ Митричъ.—Мы не изъ интереса служимъ, мы, какъ есть рабы твои вѣрные, готовы за тебя кровь проливать до послѣдней капельки...

— Ладно, ладно!—говоритъ царь:—послѣ сочтемся, а те-

перича, Прохоръ Митричъ, оттрапезуй-ка съ нами, чѣмъ Богъ послалъ.

„Ладно. Сѣли, какъ въ сказкахъ говорится, за столы дубовые и скатерти браныя, за яства сахарныя и питья медвяныя; стали пить, ѣсть и прохлаждаться и рѣчами хорошими, разумными забавляться. Подъ конецъ честнаго столованья Петръ Первый и говоритъ Прохору Митричу:

— Шведа хоша мы и не совсѣмъ добили, однако врядь-ли онъ, послѣ нынѣшней бани, скоро оправится. Можно, значитъ, и намъ отдохнуть немного. Ступай, Прохоръ Митричъ, поведай своихъ-то молодцовъ на Яикъ,—пускай отдохнутъ на родной сторонкѣ, поживутъ въ домахъ, въ семействѣ, по-исправятъ свое хозяйство и все такое; чай, съ войной-то и они, бѣдняжки, поиздержались, поистратились, а я, говоритъ, не хочу, чтобы казаки мои голодали и безъ нужды нужду терпѣли...

„Вотъ какой онъ былъ, Петръ-то Первый! — прибавилъ старикъ. — Все зналъ, до всего самъ доходилъ, обо всемъ самъ заботился, не гнушался допускать до своихъ пресвѣтлыхъ очей“ ...

— Знаю, знаю, — прервалъ я. — Но гдѣ Рыжечка?

— Рыжечка? Ужъ ты, этакое дѣло, не соскучился ли слушать? — сказалъ старикъ. — Я тебѣ, вѣдь, давя сказалъ, что начну съ конца, ну, и дожидайся. Объ Рыжечкѣ рѣчь впереди. Слушай, касатикъ.

„Шведъ пріутихъ, войска расейскія разошлись по своимъ фатерамъ, а Прохоръ Митричъ вернулся съ казаками на Яикъ.

„Годъ спустя Прохоръ Митричъ пріѣхалъ въ Питеръ въ зимовой станицѣ съ кусомъ *) и явился къ царю. Само

*) Кусъ, первый кусъ, царскій кусъ, по старинному, по русскому или, по крайней мѣрѣ, по казацкому, презентъ, по новому, по заморскому — обычай, издавна, безъ сомнѣнія со временемъ подданства янцкихъ казаковъ Московскому государству, существующій на Яикѣ, доставлять отъ казацкой общины къ Высочайшему двору предметы произведенія своей страны, именно: рыбу и икру. Нынче доставляютъ съ Яика въ Питеръ

собой, царь обрадовался Прохору Митричу, словно родному, и повелъ его изъ парадныхъ покоевъ въ другіе. Посадилъ его тамъ за столъ, сталъ спрашивать: что и какъ на Яикѣ, здоровы ли казаки-молодцы, есть ли у нихъ хлѣбъ, одежда, гораздо ли рыба ловится? и все этакое. Потомъ сталъ угощать. Налилъ большую чару зелена вина и поднесъ Прохору Митричу. А Прохоръ Митричъ не принимаетъ чары, говоритъ:

— Не подобаетъ мнѣ, надежа-царь, рабу твоему, пить прежде тебя, моего государя и повелителя; вѣдь я чувствую, кто я, и кто ты.

„Ладно. Царь самъ напередъ выпилъ. Налилъ другую чару и поднесъ Прохору Митричу. Прохоръ Митричъ выпилъ, но не всю: на доньшкѣ немного осталось.

„Царь спрашиваетъ:

— Что же не всю?

„Прохоръ Митричъ отвѣчаетъ:

— Не осилилъ.

„Царь говоритъ:

— Да какъ же я-то осилилъ?

„Прохоръ Митричъ говоритъ:

— Да вѣдь ты, надежа-царь, слынешь у насъ за богатыря, а я только за полбогатыря.

— Ой ли? — говоритъ царь.

— Истинно такъ! — говоритъ Прохоръ Митричъ.

— Хорошо, — говоритъ царь. — Пойдемъ теперича прогуляемся; узнаемъ, кто изъ насъ богатырь, и кто полбогатыря.

„Пошли они съ задняго крыльца на Неву-рѣку. Подошли къ лѣстницѣ: надо спускаться внизъ. Царь сдѣлалъ ручкой знакъ, чтобы Прохоръ Митричъ шелъ впередъ, и Прохоръ Митричъ закобенился, сталъ по край лѣстницы, да говоритъ:

только икру и рыбу, а въ старину доставляли и дикихъ кабановъ, разумѣется убитыхъ. Подробности сего будутъ изложены въ особой главѣ подъ рубрикой „К у с ъ“. А в т. Такой главы не было. Р е д.

— Не подобаетъ мнѣ, надежа-царь, рабу твоему, идти впереди тебя, моего государя и повелителя; вѣдь я чувствую, кто я, и кто ты.

„Царь улыбается и говоритъ:

— Не подобало тебѣ, Прохоръ Митричъ, прежде меня пить чару зелена вина—это такъ, а идти впереди меня подобаетъ, даже артикуль военный повелѣваетъ: ты долженъ очищать дорогу, не притаился ли гдѣ врагъ какой.

„Прохоръ Митричъ сталъ первый спускаться по лѣстницѣ, а Петръ Первый пошелъ за нимъ, да каждый разъ—ей-ей! какой вѣдь и царь-то былъ разумникъ, забавникъ,—каженный разъ, какъ спустить ножку-то со ступеньки, ручкой-то шутки ради извѣстно, ручкой-то, и упрется въ плечо Прохору Митричу, и тиснетъ, да такъ тиснетъ, что у Прохора Митрича косточки захрустятъ. Покуда они сошли на низъ, у Прохора Митрича плечо-то отнялось, на-ка-тѣ! а самого-то его на бокъ перекосило, на-ка-тѣ! Думали, что Прохоръ Митричъ послѣ того не окаляшается, сляжетъ и совсѣмъ изведется. Анъ нѣтъ, не тутъ-то было. На другой день онъ всталъ здоровехонекъ, только немного набокъ перегибался; ну, да это ни почемъ. Старики сказывали, что Прохоръ Митричъ на всю жизнь остался нѣсколько на одинъ бокъ кривъ. Однако былъ здоровъ. Когда поутру на другой день онъ пришелъ къ царю, тотъ индо удивился.

— Ай-ай! молодецъ же ты, Прохоръ Митричъ!—говоритъ царь.—Я думалъ, ты сляжешь и не встанешь, а ты молодецъ-молодцомъ. Вчера ты объявилъ себя полбогатыремъ, а ты, вижу, полный богатырь. Однако, шутки въ сторону,—говоритъ Петръ Первый.—Вчера, какъ мы съ тобой разстались, вчера, слышишь, прибѣжалъ ко мнѣ кулъеръ изъ иной земли, привезъ нерадостную вѣсть: шведъ опять на меня поднимается. Идетъ онъ, слышу, не прямою дорожкой, не со своей границѣ; думаетъ отвести у меня глаза, врасплохъ застать границы, а пробирается, шельмецъ, обаполомъ, къ польской Дудки! не на того напалъ, не надуется. Я пойду на переѣмъ ему, и гдѣ устигну, тутъ и пошабашу! Нечего, говоритъ, съ

нимъ церемониться, много давалъ ему поблажки,—не чувствуетъ, шельмецъ... Поѣзжай, Прохоръ Митричъ, на Яикъ,—говорить Петръ Первый—снаряди полкъ иль-бо два яицкихъ казаковъ и, какъ можно скорѣе, являйся съ ними ко мнѣ подь городъ П л а т а в у *); знаю, Шведъ до Платавы грабится.

„Вотъ онъ какой былъ, Петръ-то Первый!—прибавилъ старикъ.—Все зналъ, все вѣдалъ, со всѣми банлъ...“

— Все это мы давно знаемъ, Иванъ Никитичъ,—сказалъ я.—Да гдѣ же Рыжечка?

— Недалеко, недалеко, касатикъ. Потерпи! Вотъ только расскажу тебѣ насчетъ брадобритія.

— Объ этомъ послѣ: ты Рыжечку подай!—сказалъ я.

— Нельзя, ваше благородіе; напередъ надо знать, съ чего взялось брадобритіе, а послѣ и о Рыжечкѣ рѣчь поведемъ. Потерпи! — заключилъ старикъ.

Нечего дѣлать, буду терпѣть. Кстати, и васъ, читатель, прошу запасть маленькимъ терпѣніемъ: „стерпится, слюбится“, говоритъ пословица. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ скажетъ намъ что-нибудь если не новое, не очень интересное, то по крайней мѣрѣ оригинальное.

„Побывалъ царь Петръ Первый въ иныхъ земляхъ,—началъ говорить старикъ,—полюбились ему тамошнія всѣ манеры, извѣчай и всякія заведенія. Вотъ онъ вернулся домоѣ да и задумалъ переконвалить Расею на нѣмецкій шкиль (стиль). Ладно. Слушай, что будетъ дальше. Первымъ долгомъ началъ съ отечества, сирѣчь съ бородушки. Однако, самъ собой не рѣшился на такой соблазнъ, чтобы не принять осужденія отъ народа; а вызвалъ, для близира, на совѣтъ къ себѣ соловецкихъ иноковъ. Вишь, куда метнуло! Ладно. Явился игумень съ братією. Они напередъ знали, о чемъ ихъ будетъ спрашивать царь, и заранѣе усовѣтовались дать царю отказную. Слушай, что будетъ. Собра-

*) Полтава.

лись въ палатахъ царскихъ иноки и стали въ нѣсколько рядовъ: напередѣ игумень, а за нимъ, чинъ по чину, иноки, — всѣхъ было человекъ до сорока; соборъ порядочный, хотъ куда. Ладно. Въ назначенный часъ вышелъ Петръ Первый, чинъ-чиномъ поздоровался съ братією и спрашиваетъ:

— Святые отцы! скажите мнѣ всю правду-истину: подобаетъ ли браду брить?

„Иноки молчатъ, словно языкъ у нихъ отсохъ. Царь прошелся по комнатѣ, и опять спрашиваетъ:

— Святые отцы! васъ спрашиваю: подобаетъ ли браду брить?

„Иноки опять-таки стоятъ, словно истуканы, ничего не говорятъ. Царь опять прошелся по комнатѣ, опять спрашиваетъ, замѣть, въ третій разъ ужъ:

— Святые отцы! задумалъ я браду обрить и всю Расею въ то же произвести. Скажите, васъ спрашиваю: подобаетъ ли браду брить?

„Иноки стоятъ себѣ и ни слова не отвѣчаютъ, словно языкъ прильнулъ къ гортани. Одинъ, одинъ только инокъ, самый младшій, юнѣйшій, вышелъ изъ задняго ряда и сказалъ:

— Ваше царское величество! легче главу снять, чѣмъ браду сбрить.

„А игумень и братія все-таки молчатъ, будто оглохли и онѣмѣли. Такъ, сударь мой, должно быть тому ужъ быть. Окаянный, значить, замстилъ.

„Петръ Первый прошелся по комнатѣ, остановился передъ иноками, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на нихъ, покачалъ головкой, топнулъ ножкой и сказалъ:

— Да не утвердится на единомъ!

„Сказалъ это и указалъ монахамъ двери, — мое почтеніе, значить, а самъ пошелъ къ себѣ въ комнатку, да и скосилъ свою бородушку: только ее и видѣли, голубушку...

„Черезъ сколько-то времени послѣ такого казуса игумень съ братією очнулись, пришли-было къ царю съ отказною и книгу съ собой принесли, глаголемую Ц в ѣ т н и к ѣ, иже

сборъ самаго цвѣта изъ всѣхъ богодухновенныхъ книгъ, но Петръ Первый велѣлъ безъ церемоніи прогнать ихъ, чтобъ убирались, покуда цѣлы, въ Поморію, откуда пришли. Такъ-вотъ!

„Такимъ манеромъ лишимши себя о т е ч е с т в а, сирѣчь бородушки, что Господомъ Богомъ дана на украшеніе чело-вѣку, Петръ Первый сталъ косить бороды и у бояръ, и у князей, и у приказныхъ людей. Иные изъ угожденія царю, иные страха ради, иные изъ мірскихъ выгодъ послѣдовали примѣру царя. Иные стали-было за о т е ч е с т в о, да не выдержали. Такихъ людей царь крѣпко не жаловалъ: того чиномъ обойдетъ, того отъ мѣста доходнаго отрѣштитъ, у того помѣстье на казну отниметъ, и все такое. Дулись, дулись бояры, да и перевернулись: пошли, сударь мой, косить другъ другу бороды, только стонъ пошелъ по всей Расеѣ. Уперлись одни казаки: ни страхъ ихъ не устрашилъ, ни мзда ихъ не ослѣпила. Что хошь дѣлай: хошь ножемъ рѣжь, хошь на огнѣ жги, уперлись и съ о т е ч е с т в о мъ не расстаются! Петръ Первый повернулъ-было крутенько, анъ вышло не такъ:

„Помутился, возмутился славный тихій Донъ...“

— Слыхалъ пѣсенку про Игнатьюшку Иваныча Некрасова? — спросилъ меня старикъ.

— Слыхать слыхалъ, но всю отъ конца до конца не знаю, — сказалъ я.

— Вотъ она, — сказалъ старикъ. — Слушай!

Я не противорѣчилъ, — напротивъ, я радъ былъ прослушать пѣсню. Съ позволенія читателя, я приведу эту пѣсню. Хотя она относится къ Донцамъ, но и Уральцы ее любятъ, и во всякой задушевной компаніи поютъ ее съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Старикъ сталъ не пѣть, а читать на-распѣвъ: отъ пѣнія онъ единожды навсегда отказался.

Помутился, возмутился нашъ славный тихій Донъ,
Помутился, возмутился съ вершинъ вплоть до устьяца,
До самаго до славнаго до города Черкаесскаго.

Возмутилъ его, помутилъ его, братцы, донской казакъ,
Что Игнатъюшка, сынъ Ивановичъ, Некрасовъ.
Игнатъюшка, сынъ Ивановичъ, со рѣки ушелъ.
Онъ ушелъ, увелъ силы-рати сорокъ тысячъ,
Опричь-де, опричь-де стариковъ старожилыхъ,
Опричь-де малолѣточковъ малолѣтнихъ,
Отъ умовъ-де, отъ умовъ-де казачьихъ прироженныхъ.
Со вечера добры молодцы въ походъ собиралися,
Во глуху полночь перелазили славный тихій Донъ,
На бѣлой зарѣ перелазили славному Нѣпречку (Днѣпръ),
На восходѣ солнца краснаго перелазили Дунай быструю.
Перелѣземши Дунай быструю, становилися.
Становилися добры молодцы въ зеленыхъ лугахъ.
Расположились добры молодцы казачьимъ теплымъ лагеремъ.
Распускали добры молодцы знамечку позлащенную.
Собирался къ золотой знамечкѣ казачій кругъ.
Во кругу стоитъ хорошенькій раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ нашъ ласковый атаманушка,
Что Игнатъюшка, сынъ Ивановичъ, Некрасовъ.
Передъ нимъ стоятъ его сотнички, пятидесятнички,
Да любезные его стоятъ все хорунжіе.
Они пишутъ отъ Игнатъюшки скорой липортъ,
И шлютъ его съ скорымъ посломъ, съ каленой стрѣлой,
Ко нашему ко батюшкѣ, ко бѣлому царю,
Какъ ко Пѣтрушкѣ, сыну Алексѣевичу:
„Спасибо-те, батюшка: ты насъ поилъ-кормилъ,
Ты поилъ-кормилъ насъ, батюшка, берегъ-жаловалъ.
Ты въ одномъ же на насъ, батюшка, прогнѣвался.
Ты прислалъ же къ намъ на тихій Донъ разыщика,
Ты разыщика прислалъ къ намъ Долгорукаго.
Безъ указа осударева онъ разорять насъ сталъ,
Безъ московскаго курьера „командировать“ насъ сталъ.
Стариковъ нашихъ старожилыхъ велитъ казнить-вѣшать,
Молодыхъ казаковъ беретъ онъ во солдаты,
Молоденькихъ малолѣточковъ беретъ онъ во некруты,
Молодыхъ красныхъ дѣвушекъ беретъ во постелю,
Онъ маленькихъ младенцевъ кидаетъ за заборы.
Оттого-то мы бросили житье-бытье свое, богатство,
Мы пошли-то къ турецкому хану въ подданьце“.
Довѣдался о томъ батюшка православный царь,
Выходилъ батюшка на красенъ крылецъ,
Возговорилъ батюшка, православный царь, таковы слова:
„Ужъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!

Вы подайте мнѣ коня рѣзваго, сивогриваго,
 Осѣдлайте его вы сѣделищемъ черкасскимъ.
 Побѣгу я, православный царь, ко Игнатюшкѣ,
 Ворочу его я, Игнатюшку, его со путинушки“.
 Подбѣгаль нашъ батюшка къ Дунай-рѣченькѣ.
 Онъ сымаль, сымаль съ себя пухову шляпу,
 Онъ махаль, махаль Игнатюшкѣ, сыну Ивановичу:
 „Воротись-ка ты, Игнатюшка, назадъ домой!“
 Говорить рѣчь Игнатюшка царю бѣлому:
 „Прощай, прощай, нашъ батюшка, православный царь!
 Спасибо-те, батюшка: ты насъ поилъ-кормилъ,
 Поилъ-кормилъ ты насъ, православный царь, берегъ-жаловалъ“.
 Пошелъ тутъ нашъ Игнатюшка во путинушку,
 Во путинушку пошелъ, въ чужу дальнюю земелюшку *)).

*) Въ бумагахъ, оставшихся послѣ І. И. Желѣзнова, имѣется его собственной рукой написанная слѣдующая историческая справка „къ пѣснѣ о Игнатюшкѣ Некрасовѣ“.

Бунтъ на Дону, вслѣдствіе реформъ Петра 1-го, поднялъ Кондратій Булавинъ.—Подъ конецъ бунта, Булавинъ былъ убитъ.—Некрасовъ былъ послѣдователемъ Булавина.—Сдѣлавъ возстаніе на Дону, Булавинъ писалъ на запорожьѣ къ Атаману Гордѣенку, 1708 г. 17 мая, вотъ что:

„Великаго Государя, Царя и Вел. Князя, Петра Алексѣевича, Всея Великія, и Бѣлыя, и Малыя Россіи Самодержца, Его же Царскаго Пресвѣтлаго Величества въ Запорогѣ Войсковому Атаману, Константину Гордѣевичу, и всему войску Запорожскому, Атаманамъ молодцамъ, Донскіе Атаманы и казаки, Войсковый Атаманъ, Кондратій Булавинъ, и все войско Донское челомъ бьютъ.

Въ нынѣшнемъ 1708 году, Маія въ 17 день, вѣдомо вамъ, Атаманамъ молодцамъ, всему Запорожскому войску, мы войскомъ Донскимъ чрезъ сіе писаніе чинимъ. Въ прошломъ 1707 году совокупилися мы войскомъ Донскимъ и иными рѣками постоять за домъ Пресвятыя Богородицы и за Православную Христіанскую вѣру, за Святыя Апостольскія Церкви, и о томъ у насъ войскамъ Донскимъ былъ сборъ на рѣкѣ Хопрѣ, чтобъ въ Нашемъ войску Донскомъ... и по инымъ рѣкамъ утвердить по прежнему, какъ... Казачья обыкновенія у дѣдовъ и у отцовъ нашихъ и у насъ, а это собраніе было для того, что присланъ былъ къ намъ, войску Полковникъ, Князь Юрій Долгоруковъ, для розыску и высылки изъ нашихъ Казачьихъ городковъ новопринзлыхъ съ Руси всякихъ чиновъ людей, а съ нимъ были въ томъ розыскѣ изъ Черкаскаго наши Старшины, Ефремъ Петровъ съ товарищи, и чинили по нашимъ Казачьимъ городкамъ непротивъ Ево, Великаго Государя, Указу, не такъ, какъ повелѣно, и городки наши многіе раззорили и пожгли, а вашу братію, казаковъ, многихъ пытали и кнутомъ били и носы и губы рѣзали напрасно, и жонъ и дѣтей брали на постели на-

— Да! — сказалъ Иванъ Никитичъ, кончивъ пѣсню, — Петръ Первый самъ, своею персоной, поѣхалъ ворочать Некрасова, но Некрасовъ былъ уже за турецкою границей, за Дунаемъ. Петръ Первый съ этого берега вскакалъ въ воду, въ Дунай, по самыя тебенъки *) и махалъ Некрасову, чтобы онъ вернулся; однако Некрасовъ не вернулся. „Снявши голову, надъ волосами не плачутъ“, — сказалъ Игнатьюшка и тихимъ маршемъ пошелъ къ турку. — Послѣ этого хоша Петръ Первый и оставилъ казаковъ въ покоѣ, насчетъ бородъ не пудилъ, однако казаки все-таки имѣли опаску. Пуще всего боялись наши Яицкіе казаки, какъ бы царь не добрался до ихъ бородушекъ. Чуешь, какая статья?

— Чую, чую, — сказалъ я. — Но гдѣ Рыжечка?

— Сю минуту и Рыжечка явится, — отвѣчалъ старикъ. Потомъ продолжалъ:

„Лишь только Прохоръ Митричъ пріѣхалъ на Яикъ и объявилъ царское повелѣніе, какъ въ одну недѣлю снарядили два пятисотенныхъ полка и отправили подъ городъ Платаву. Походнымъ атаманомъ, знамо дѣло, пошелъ Прохоръ Митричъ. За башней на лугу служили молебень. Прохоръ Митричъ самъ держалъ войсковую харунку (знамя). На дворѣ было тихо-претихо. Но когда зашѣли: на с у п р о т и в н ы е д а р у й! въ тотъ мигъ вдругъ повѣялъ съ западной стороны,

сильно, и чинили надъ ними всякое ругательство, а дѣтей нашихъ, младенцовъ, по деревьямъ вѣшали за ноги. — И такое видя ихъ къ себѣ напрасное разорѣніе, ево, князя Долгорукова, и при немъ будущихъ побили до смерти; и убиты они не однимъ нынѣшнимъ Атаманомъ, Кондратьемъ Булавинымъ, а по совѣту всего нашего войска Донскаго, за ихъ неправду и за напрасное разорѣніе; потому что они чинили непротивъ Его, Великаго Государя, Указу“. Булавинъ призываетъ далѣе Гордѣенка съ Запорожцами на помощь противу Русскихъ войскъ, чтобы избѣжать разоренія, и говоритъ, что онъ вызвалъ уже на границы Донской земли до 15 т. казаковъ, въ отпоръ Русскимъ, и пр. (См. „Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Моск. Университетѣ. 1859 г. Кн. 1-я, въ отдѣлѣ: „Матеріалы Отечественные“ стр. 169, — „Отписка къ Запорож. Атаману Гордѣенку, отъ Донскаго Атамана Булавина, коею, увѣдомляя о убіеніи Князя Юрія Долгорукаго, проситъ вспоможенія отъ Запорожцевъ). Р е д.

*) Сѣдельныя принадлежности.

сирѣчь оттуда, гдѣ городъ Платава, повѣяль, говорю, легонькій вѣтерокъ, зашевелиль харунку, подняль-поднялъ на воздухъ, всполоснулъ раза два, да и обвилъ ее вокругъ Прохора Митрича, да и затихъ. Прохоръ Митричъ и сталъ словно спеленанный. Въ то же самое время, сударь мой, и лошадь Прохора Митрича, — а лошадь Прохора Митрича держалъ Рыжечка, онъ былъ на ту пору вѣстовымъ у него, — и лошадь, сударь мой, заржала... и подала хорошій знакъ. Тутъ все войско возрадовалось и заговорило: „къ добру! къ добру! къ добру!“

„Полки тронулись и пошли. Прохоръ Митричъ остался. Сошлись около него старшины и почтенные старики: извѣстно, вышивку на прощанье сочинить. Когда Прохоръ Митричъ простился со всѣми и сѣлъ на коня, старшины и все общество говорятъ ему:

— Есть когда Господь Богъ поможетъ тамъ вамъ сдѣлать какую ни-на-есть отличку, то, говорятъ, главнаго-то, Прохоръ Митричъ, не забудь, — напомнимъ, говорятъ, батюшкѣ нашему, Петру Алексѣевичу, чтобы не нудилъ насъ насчетъ креста и бороды.

— Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль у меня и у самого изъ головы не выходитъ, — сказалъ Прохоръ Митричъ, и поѣхалъ къ полкамъ.

— Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль и у меня изъ головы не выходитъ, — сказалъ тоненькимъ голоскомъ и Рыжечка, сѣлъ на лошадь, заломилъ на ухо шапку, да и поскакалъ за Прохоромъ Митричемъ.

„Тутъ все индо засмѣялись.

— Куда тебѣ! пузырь! — кричатъ взадъ Рыжечкѣ. Но Рыжечка махнулъ рукою и удралъ.

„Рыжечка былъ маленькій человекъ, точь-въ-точь самъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ. Оттого и прозвали его въ шутку Рыжечкой, сирѣчь грибокъ рыжикъ. Это имя такъ и осталось за нимъ на всю жизнь. А настоящее его прозваніе было *З а м а р е н о в ъ*, Егоръ Максимовичъ.

„Идутъ полки наши къ городу Платавѣ, идутъ лугами,

болотами, идутъ они топятся, къ городу Платавѣ торопятся точь-въ-точь какъ въ пѣснѣ поется про проходъ къ городу Азову. Да, идутъ полки наши къ Платавѣ, а подѣ Платавой, сударь мой, чудеса творятся. Шведъ успѣлъ упредить Петра Перваго и застроилъ что-ни-лучшія мѣста шанцами да бутарями. Поди ты, толкуй что хочешь, а шведъ успѣлъ упредить, даромъ что невѣрный. Еще сударь мой,—такъ должно быть тому ужъ быть,—еще, сударь мой, случилось тутъ казусная оказія: царю нашему сдѣлалъ измѣну хохлацкій атаманъ, Мазена, и предался со своими полками шведу. Отъ этого самаго, рати шведской прибыло, а рати расейской убыло. Что тутъ станешь дѣлать? Какъ ни шатай, какъ ни валяй, а приходится сказать: плохо. Петръ Первый было и такъ, и сякъ, а дѣло все-таки выходитъ плохое. Какъ ни кинь, все выходитъ клинь. Петръ Первый собралъ-было енаралушковъ и всѣхъ думчѣихъ своихъ сенаторушковъ, чтобы собча придумать что ни-на-есть къ лучшему, чтобы какъ ни-на-есть не потерять свою армеюшку и не дать шведу надъ собою возвыситься, а тутъ, сударь мой, какъ разъ,—такъ должно быть тому ужъ быть,—тутъ какъ разъ прибѣгаетъ отъ шведа переговорщикъ: не угодно ли, дескать, кончить споръ поединщиками? Давай Богъ! это намъ на руку. Петръ Первый радъ былъ этому, по той самой причинѣ, что ему жаль было губить понапрасну армію. А шведъ дѣлалъ это по-неволѣ“.

— Какъ такъ?—прервалъ я:—ты же сказалъ, что рати шведской прибыло.

— Оно такъ-то такъ, да тутъ была одна закавырка, что нашему брату и разобратъ мудрено,—сказалъ старикъ.—Король шведскій, изволишь ли знать, извѣрился у своихъ енараловъ и думчѣихъ сенаторовъ. Когда онъ собирался подѣ Платаву, они не хотѣли давать ему ни арміи, ни пушекъ, ни казны. Такой вишь, обычай въ невѣрныхъ земляхъ: тамъ, говорятъ, цари-то служатъ заурядъ, словно офицеры въ башкирскомъ войскѣ. Поди, да и пойми ихъ тамъ: народъ дикій, несуразный. „Ты, говорятъ шведскіе енаралы своему королю, ты и такъ много погубилъ арміи, много казны поистратилъ,

а все понапрасну. Гдѣ тебѣ, говорятъ, тягаться съ Расеей; вѣдь она всѣмъ осударствамъ голова. Оставь, говорятъ лучше, и не затѣвай больше коловратностей: нашему царству и безъ того жутко“. Но король шведскій былъ лукавъ; прикинулся мелкимъ бѣсомъ, успѣлъ уговорить, умаслить своихъ думчѣихъ сенаторовъ; тѣ сжалялись надъ нимъ и дали ему армію, пушекъ и все прочее; однако взяли отъ него, по ихнему закону, запись, чтобъ онъ, ни подъ какимъ видомъ, не смѣлъ вступать съ Петромъ Первымъ въ баталію, а рѣшилъ бы споръ поединщиками; а есть когда осмѣлится преступить эту заповѣдь, то, не прогнѣвайся, съ царства долой. „Лучше-де, говорятъ, двѣ-три головы потерять, чѣмъ всю армію погубить“. Хоша и невѣрные они, эти шведскіе енаралы и сенаторы, а разсудили, грѣхъ напрасно сказать, разсудили дѣльно, — добавилъ старикъ.

„Стали готовиться къ поединку. Шведъ зналъ, что безъ поединщика ему не обойтись, поэтому самому загодя еще приготовилъ какого-то силача, съ собою, вишь, изъ-за моря вывезъ; ростомъ, сударь мой, чуть-чуть не съ колокольню, а въ плечахъ коса сажень. Поилъ-кормилъ его до отвала, нарочно, словно на убой, что-ни лучшими яствами и питьями; а обрядилъ его, собаку, въ кольчугу да въ латы, такъ что и самъ чортъ не добрался бы до его кожи. И конь подъ нимъ былъ не конь, а суцій слонъ, да и тотъ покрытъ панцырною попонкой. Просто, сударь мой, на оказію! Какъ появился этотъ уродина передъ нашею арміей, такъ всѣ съ диву упали. Думали, что это какая-нибудь башня на колесахъ, а не чело-вѣкъ. Такой былъ этотъ поединщикъ престрашнѣйшій, преогромнѣющій, что и сказать нельзя. На что ужъ агарянскіе поединщики, которыхъ наши Иваны укокошили на Куликовомъ полѣ, на что ужъ, говорю, агарянскіе поединщики походили на индрика-звѣря, но и тѣ, сударь мой, въ подметки этому не годились. Право слово.

„Петръ Первый видитъ, что вся армеюшка его струхнула, что найти такому чудовищу супротивника трудно; однако, все-таки велѣлъ кличь кликать: „нѣтъ ли де охотника?“

Какъ же! сейчасъ и явились. Разослалъ царь по арміи всѣхъ своихъ адъютантовъ, всѣхъ енаралушковъ и всѣхъ думчїихъ сенаторушковъ; и всѣ воротились ни съ чѣмъ: нѣтъ охотниковъ, да и на-поди! Петръ Первый обратился къ своей свитѣ и спросилъ: „Изъ васъ, господа, нѣтъ ли кого?“ Ни гугу! всѣ молчатъ, да старшій за младшаго хоронится.

„Петръ Первый не вытерпѣлъ, самъ поскакалъ по всѣмъ полкамъ своимъ и сталъ вызывать охотника, а охотника нѣтъ да нѣтъ. Въ это самое время, такъ, сударь мой, должно быть тому ужъ быть, въ это самое время подошелъ Прохоръ Митричъ съ нашими казаками и сталъ подлѣ крайняго армейскаго полка. Царь лишь только узрѣлъ нашихъ, тое жъ секунду подскакалъ къ нимъ, рассказалъ, въ чемъ дѣло, и кликнулъ:

— Нѣтъ ли охотника?

— Я охотникъ! — вскричалъ тоненькимъ голоскомъ Рыжечка и выскакалъ изъ фрунта.

„Царь взглянулъ на него, покачалъ головой, да и сказалъ:
— Маль!

„Петръ Первый вдругорядь ѣдетъ по полкамъ, вдругорядь кличетъ охотника, а охотника все-таки нѣтъ. Сверстался съ нашими полками и кличетъ:

— Кто охотникъ?

— Я! — кричитъ Рыжечка и выскакиваетъ изъ фрунта...

„Царь опять посмотрѣлъ на него, опять головой покачалъ, опять сказалъ:

— Маль!

„Въ третій разъ царь объѣхалъ свою армеюшку, въ третій разъ кликалъ охотника, а охотника все-таки нѣтъ. Въ третій разъ царь остановился передъ нашими полками, въ третій разъ кликнулъ:

— Кто охотникъ?

— Я! — закричалъ Рыжечка и вылетѣлъ изъ фрунта.

„Царь призадумался, посмотрѣлъ на Рыжечку, посмотрѣлъ и на шведскаго поединщика, покачалъ головкой, вплес-

нуль ручками, да и говоритъ своимъ приближеннымъ, чуть-чуть не со слезами:

— Что буду дѣлать? Отказаться отъ поединка, вся Европія станетъ смѣяться; пустить этого малыша (царь показалъ на Рыжечку), пустить этого —заранѣе пиши пропало!

Рыжечка тутъ стоитъ, слышитъ царскія рѣчи, да вдругъ и говоритъ:

— А Богъ-то что? При помощи Божіей Давидъ побѣдилъ же Галифа!

„Говоритъ такъ-то Рыжечка, а самъ индо дрожитъ: яройское сердце, значить, въ немъ закипѣло.

„Царь пристально посмотрѣлъ на Рыжечку, да и говоритъ:

— Храбрости-то въ тебѣ, молодецъ, вижу, много, да силы-то, може, мало: вотъ въ чемъ бѣда! Ты взгляни хорошенько, супротивъ кого хочешь идти, — вонъ онъ разѣзжаетъ, — а потомъ ужъ и скажи: надѣнешься ли побѣдить.

„А Рыжечка толкуетъ себѣ одно: Давидъ, дескать, побѣдилъ же Галифа. Такъ отчего бы и ему, за молитвы святыхъ отецъ, не побѣдить этого супостата; надѣюсь, дескать, ваше царское величество. Только-де, говоритъ, позволь мнѣ коня другого выбрать изъ всѣхъ полковъ.

„Нечего было дѣлать, другого охотника нѣтъ; царь согласился и на Рыжечку, а пуще всего царю понравились Рыжечкины рѣчи насчетъ Давида и Галифа; а насчетъ коня царь сказалъ, что дозволяетъ ему выбрать какого угодно, хоша бы и съ царской конюшни. Но Рыжечка отказался отъ царскаго коня и сказалъ:

— Твои лошади, надежа-царь, только для парада хороши, а для ратнаго дѣла, не прогнѣвайся за слово, никуда не годятся.

„Тое-жь секунду Рыжечка бросился къ казачьему фронту и выбралъ лошадь у калмычнина. Стали пересѣдывать. Въ это время Рыжечка успѣлъ перешепнуться съ Калмычиномъ, о чемъ было нужно.

— Какой обычай у твоей лошади? — спросилъ Рыжечка калмычина.

— Знай сиди!—говорить калмычининъ.—Водамъ идетъ, огнямъ идетъ.

— Еще?

— Вилка даетъ. Бьешь правымъ нога—лѣвая идетъ; бьешь лѣвымъ нога—права идетъ. Догадался?

„Рыжечка только кивнулъ головой, вскочилъ на калмыцкую лошадь и выѣхалъ въ поле.

„Тутъ, сударь мой, встрепенулись и заколыхались обѣ армеюшки,—и расейская, и шведская. Распустили всѣ свои знамечки. Заиграли на трубахъ, литаврахъ и на разныхъ мусикійскихъ органахъ. Потомъ все затихло: значить, бой скоро будетъ.

„Рыжечка взоткнулъ на шку шапку, замахалъ надъ головой и подѣхалъ къ шведскому поединцику. Спрашиваетъ его: на чемъ имъ биться, на копейцахъ ли булатныхъ, или на сабелькахъ вострыхъ.

„Шведъ замычалъ что-то на своемъ телячьемъ языкѣ и махнулъ рукой своимъ: вишь, онъ не понималъ Рыжечку. И Рыжечка махнулъ рукой своимъ. Тое-жъ секунду прискакали къ нимъ два енарала: одинъ съ нашей стороны, а другой съ шведской, потребовали толмача. Толмачъ выслушалъ Рыжечку и пересказалъ шведскому поединцику. А тотъ, уродина, оперся на копье, оскалилъ зубы-то, да и говорить:

— По мнѣ на чемъ хошь! Хошь на кулакахъ, я на все согласенъ.

„Толмачъ пересказалъ Рыжечкѣ. Тотъ обидѣлся и говорить:

— Коли живъ будешь пріѣзжай къ намъ на Яикъ. Тамъ, говорить, на кулачномъ бою можешь пробовать своими только боками наши кулаки; а здѣсь, говорить, не угодно ли помѣряться вотъ этимъ?

„Тутъ Рыжечка потрясъ своимъ копейцемъ.

„Рыжечка опять вернулся къ казачьему фронту и перемялся съ однимъ казакомъ пиками. Рыжечку спросили

енаралы, зачѣмъ онъ перемѣнилъ копье, Рыжечка сказалъ:
— Такъ надо!

„Рыжечка и на переговоры-то къ Шведу ѣздилъ съ подвохомъ, не проста. Сказано, Шведъ былъ весь въ желѣзѣ, и рожа-то у бестіи завѣшана была желѣзною рѣшеткой. Однако и Рыжечка былъ не промахъ. Покуда переговаривались, онъ успѣлъ осмотрѣть супротивника своего со всѣхъ сторонъ. На башкѣ у Шведа была стальная шлычка, а по щекамъ и по затылку спускались желѣзные дощечки; задняя-то дощечка немного оттарлычилась, а это Рыжечкѣ и на руку. Онъ тотчасъ смекнулъ, что тутъ, не говоря худаго слова, можно запустить пику. А какъ у Рыжечки пика была толстовата, дупестовата, то онъ и отдалъ ее казаку, а у него взялъ его, потоньше. Значить, Рыжечка былъ себѣ на умѣ. Ладно.

„Передъ началомъ боя, Рыжечка, какъ подобаетъ христіанину и воину, слѣзъ съ коня, воткнулъ въ землю пику, повѣсилъ на нее образъ Михаила Святителя, положилъ семь земныхъ поклоновъ и раскланялся на всѣ четыре стороны. Потомъ, сударь мой, оборотился лицомъ къ востоку, сирѣчь въ ту сторону, гдѣ нашъ родной Яикушка, оборотился лицомъ къ востоку, да и говоритъ:

— И вы братцы-товарищи, старики наши старожилые, и все общество наше почтенное! помолитесь, чтобы Господь Богъ соблаговолилъ!

„Это ужъ онъ говорилъ заочно къ тѣмъ, что на Яикѣ остались.

„Вишь,—присовокупилъ старикъ,—вишь, какъ старые казаки жили другъ съ другомъ: нигдѣ другъ друга не забывали. Поэтому имъ во всемъ Господь Богъ и помогаль.

„Затѣмъ Рыжечка побросалъ съ себя всю одежду, остался только въ однихъ шараварахъ да въ кармазинной безрукавной фуфаечкѣ. Шапка, на что ужъ шапка, онъ и ту бросилъ, и перевязалъ голову барсовымъ платкомъ. Рукава у рубахи засучилъ по локти. Перетянулся шелковымъ пояскомъ, за поясъ заткнулъ длинный хивинскій ножъ, а въ руки

взялъ копейцо. Вспрыгнулъ на лошадь, оправился на сѣдельцѣ; напоследокъ перекрестился и крикнулъ: „держайте, людіе: яко съ нами Богъ!“ да и полетѣлъ на супротивника, точь-въ-точь какъ маленькій ястребокъ на орла заморскаго, точь-въ-точь какъ въ ветхо-завѣтное время Давидъ на Галифа, сирѣчь на Галейку, татарина,—все едино.

„И Галифъ помчался на Рыжечку, уставилъ противъ него копыще съ добрую жердь.

„Рыжечка лишь только подскочилъ къ Галифу, сей же мигъ даль вилка вправо: Галифъ словно быкъ-дуракъ, пронесся мимо.

„Рыжечка обернулся, да какъ далдыкнетъ его копейцомъ въ затылокъ, гдѣ дощечка-то отъ шлычки оттарлычилась: Галифъ и покатился съ лошади кубаремъ.

„Рыжечка въ единъ мигъ спрыгнулъ съ своего коня, какъ клещъ насѣлъ на плеча Галифа, и отляпалъ ему ножемъ голову. Знай нашихъ! Впередъ дуракамъ наука: не хвались идучи на бой, хвались идучи съ боя.

„Туть армія наша возрадовалась, зашумѣла, словно волна морская заходила и „ура!“ закричала. А шведская армія, знамо дѣло, пріуныла, затихла, харунки свои къ землѣ преклонила, словно, голубушка, несолоно хлебала. Только одинъ король шведскій заклянчилъ, сударь мой; такой безпокойникъ былъ. Не хочетъ кориться кричить:

— Подвохъ! подвохъ! Русакъ сзади ударилъ нашего! Подвохъ!...

„А енаралы и сенаторы его и говорятъ ему:

— Что, что сзади? У нашего и сзади былъ панцырь. Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Не клянчай, король. Эй, лучше будетъ, покорись.

„А король и слышать не хочетъ, реветъ въ источникъ, словно кто съ него шкуру деретъ, рветъ на себѣ волосы, словно сумасшедшій мечется во всѣ стороны, словно угорѣлый кричитъ: „пали!“, а его никто не слушаетъ. Самъ побѣжалъ на главну свою бутарею, вырвалъ у канонера

фитиль, приставилъ къ пушкѣ и открылъ по нашей арміи огонь.

„Тутъ ужъ и нашего царя взяло за ретивое. Подалъ онъ своимъ енаралушкамъ знакъ къ бою, да и скомандовалъ:

— Катай! Безъ пардона катай! На зачинающаго Богъ.

„Вотъ тутъ-то, сударь мой, наша армеюшка и пошла чесать шведскую,—и пошла, и пошла чесать! Дымъ коромысломъ сталъ! Всю, сударь мой, лоскомъ положили!

„Хошь одинъ ли на одного, стѣна ли на стѣну идетъ — все равно, лиха бѣда только одному кому или одной какой сторонѣ струсить; а тамъ смѣло говори: пропалъ. Такъ было и со шведскою арміею. Спервоначала она очень храбрилась, голову очень высоко поднимала, а какъ ярой нашъ Егоръ Максимычъ Замареновъ, сирѣчь Рыжечка, сверзилъ ихняго великана и отляпалъ ему голову, такъ, что и толковать, у шведской арміи душа ушла въ пятки. Ну, нашей-то арміи это и на руку. Пошабанила она армеюшку короля шведскаго, словно пить дала. А король шведскій, самъ-другъ съ измѣнникомъ Мазепою, еле—еле удралъ въ Турскую землю. Тамъ, говорятъ, оба они съ Мазепою въ кабалу пошли къ Турку; тамъ, говорятъ, и пропали. Туда, значить, дорога...

„А главная статья въ этомъ дѣлѣ, что тамъ ни толкуй, все-таки ярой нашъ Рыжечка: онъ, значить, сдѣлалъ первый начинъ; отъ его, значить, молодецкой руки палъ Галифъ, отъ его значить, лыцарскаго подвига въ страхъ-ужасъ пришла шведская армія.

„Лишь только немного поуспокоилось, Рыжечка и явился къ Петру Первому съ головой Галифа на копѣѣ. Царь во слезахъ-то, — съ радости, значить, — царь во слезахъ-то не видитъ его и спрашиваетъ приближенныхъ:

— А гдѣ нашъ малышъ? Гдѣ безцѣнный Рыжечка?

— Здѣсь! — пищитъ Рыжечка.

— А! голубчикъ мой! сокровище мое! — говоритъ царь и цѣлуетъ Рыжечку въ голову.

„Рыжечка поцѣловалъ ручку у царя.

„Когда совсѣмъ поуспокоилось, царь позвалъ Рыжечку въ

свою палатку и, при всѣхъ енаралахъ и сенаторахъ, при всѣхъ иныхъ земель посланникахъ, спрашиваетъ его:

— Чѣмъ тебя, друже мой, дарить-жаловать? Говори! Ничего не пожалѣю.

„Рыжечка поклонился царю и говоритъ:

— Мнѣ, надежда-царь, ничего не надо, а пожалуй, колѣ на то милость твоя, пожалуй наше обчество.

„Царь спрашиваетъ:

— Чѣмъ? говори.

„Рыжечка говоритъ:

— Отъ предковъ твоихъ, благовѣрныхъ царей, мы жалованы рѣкой Яикомъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами, лѣсными порубами; а в л а д ѣ н а *) у насъ на то пропала. Пожалуй намъ, надежда-царь, за своею высокою рукой, другую „владѣну“ на Яикъ рѣку.

— Съ великою радостью! — говоритъ царь. — Секлетарь, бери перо, бумагу и валяй отъ меня Яицкимъ казакамъ „владѣну“ на Яикъ-рѣку, со всѣми сущими при ней рѣчками и проточками, со всѣми угодыями, на вѣки вѣчные!

„Секлетарь написалъ.

„Царь говоритъ Рыжечкѣ:

— Этого мало. Еще что? Проси!

„Рыжечка говоритъ:

— Еще, надежда-царь, пожалуй, коли милость твоя, пожалуй насъ „крестомъ да бородою“.

„Царь говоритъ:

— Для кого нѣтъ, а для Яицкихъ казаковъ есть! Секлетарь, пиши во владѣной, что я жалую Яицкихъ казаковъ крестомъ и бородою на вѣки вѣчные, чтобъ имъ насчетъ креста и бороды быть невредимыми.

„Секлетарь написалъ“.

— Будто? — спросилъ я.

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ было такъ, — сказалъ старикъ такимъ тономъ, который не допускалъ никакихъ со-

*) Грамота на право владѣнія Яикомъ.

миѣній. — Есть когда-бъ мы не были жалованы крестомъ и бородою, то давно бы начальство, съ позволенія сказать, вашъ братъ, скосило намъ бороды; а мы, видишь, по милости Божіей да царской, не лишены еще „отечества“. Посмотри на иныхъ прочихъ казаковъ, примѣрно на донскихъ, оренбургскихъ, всѣмъ имъ, бѣдняжкамъ, оскоблили рыла-то, а наши еще цѣлы. Значить, правда, что говорю.

— Вѣрю, вѣрю, — сказалъ я. — Что-жъ дальше?

— Дальше? Дальше было вотъ что:

„Написамши во владѣной крестъ и бороду, царь спрашиваетъ Рыжечку:

— Это для общества. А тебя-то, Егоръ Максимычъ, чѣмъ дарить-жаловать? Проси! ничего не пожалѣю.

„Рыжечка отвѣчаетъ:

— Есть когда, надежда-царь, на то твоя милость, позволь миѣ съ дюжинкой иль съ полдюжинкой моихъ друзей-товарищей погулять на твой счетъ въ твоихъ царевыхъ кабакахъ, безданно-безпошлинно, недѣльки двѣ.

„Царь улыбнулся и спрашиваетъ:

— Развѣ любишь?

„Рыжечка отвѣчаетъ:

— Грѣшный человекъ: люблю!

— Гуляй во здравіе—говоритъ царь.—Секлетарь, пиши говорить, за одно ужъ, во владѣной, чтобъ в ы х о дъ в и н н ы й на Яикъ отнынѣ на вѣки вѣчные былъ казачій.

„И выходъ винный написали во владѣной“.

(Подъ словами: в ы х о дъ в и н н ы й мы должны разумѣть свободную продажу вина).

— Будто? — спросилъ я.

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ! — возразилъ старикъ. — На моей памяти вино-то продавалось по сорока алтынъ за ведро, да не такое, какое продаютъ нынче за семнадцать съ полтиною: старое-то вино позабористѣе было нынѣшняго.

— Однако,—замѣтилъ я,—в ы х о д а у насъ ужъ нѣтъ.

— Ну, что, что нѣтъ! царю деньги нужны, такъ винный

то выходъ и отошелъ въ казну. За этимъ казаки не стояли и не стоятъ. Для батюшки-царя мы готовы отдать послѣднюю рубаху съ плечъ, лишь бы только не воротили насъ на солдатскій шкиль, да не нудили насчетъ креста и бороды. Вотъ въ чемъ сила, а выходъ дѣло плевое, мірское, крестъ же и бородушка дѣло душевное...

— Умныя рѣчи, Иванъ Никитичъ, и слушать любо, — сказалъ я.

— Экой ты, экой ты какой!

— Что-жъ дальше?

— Дальше? Дальше вотъ что:

„Шведа, значить, совсѣмъ пошабашили: и память его погубе съ шумомъ.“

„Петръ Первый возвысился, по всей Европѣ прославился, анператоромъ нарекся: а этого титула, значить, нѣтъ на свѣтѣ больше.“

„Нѣсколько недѣль, изо дня въ день, подъ Платавой пировали, изъ ружей, изъ пушекъ палили, на трубахъ, литаврахъ и разныхъ мусикійскихъ органахъ играли и разными потѣшными огнями забавлялись. На послѣдокъ все затихло. Войска разошлись по своимъ фатерамъ. И Прохоръ Митричъ съ полками нашими вернулся на Яикъ.“

„Годъ спустя вернулся на Яикъ и Рыжечка самъ-другъ“ ...

— Это какъ? Развѣ онъ не съ полками вернулся? — спросилъ я.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ старикъ.—Петръ Первый далъ ему за своимъ подписомъ и царскою печатью открытый листъ, „чтобы этому ярою, славному поединцику, сирѣчь Егору Максимычу Замаренову, онъ же и Рыжечка, съ дванадцатью товарищами, пить, безданно, безпошлинно, во всѣхъ царевыхъ кабакахъ и трактирныхъ заведеніяхъ, цѣлый годъ“ . Славно! Забравши въ руки такую бумагу, Рыжечка съ товарищами и оторвался отъ полка, и пошелъ странствовать изъ города въ городъ, изъ села въ село, отъ одного кабака къ

другому, и такимъ, сударь мой, манеромъ прображничаль по Расеѣ круглый годъ. Вернулся домой ужъ тогда, какъ открытый-то листъ, что Петръ Первый далъ, вышелъ изъ срока, потерялъ силу, не сталъ дѣйствовать. Въ компаніи у Рыжечки былъ тотъ самый калмычнинъ, что лошадь давалъ ему на Галифа. Вотъ съ этимъ-то калмычниномъ Рыжечка и вернулся на Яикъ: оба, вишь, были насчетъ выпивки молодцы, тягуци; а всѣ прочіе, что были въ ихъ компаніи, всѣ прочіе, чтобъ одрало ихъ, дураковъ, не вынесли, перепились и сложили свои головы кто въ кабакъ, кто въ трактиръ, а кто у мамошковъ... Такой ужъ народъ былъ беззаботный, безшабашный.

— Что же случилось съ Рыжечкой?

— Жилъ онъ послѣ того, сударь мой, на Яикѣ лѣтъ десять благополучно. Правда, велъ онъ часто споръ съ киргизкимъ ханомъ Абдуль-Харей *), да это Рыжечкѣ было за потѣху. Спорилъ онъ съ ханомъ изъ-за луговъ: гонялъ отъ нихъ хана и его орду. Разъ захватилъ въ лугахъ на бухарской сторонѣ сорокъ что-ни-лучшихъ ханскихъ аргамаковъ, да столько же крупныхъ быковъ. Быковъ перерѣзалъ, а аргамаковъ роздалъ по казакамъ. Ханъ вступился. Рыжечка отдѣлался. Онъ и все наше общество сказали хану: „Не пуцай въ наши луга. Есть-когда впередъ такъ сдѣлаешь, и впередъ то же будетъ“. Ханъ пожаловался вышнему начальству, и вышнее начальство сказало то же. Значить, что тамъ ни толкуй, а бухарская сторона изъ предковъ наша. Ханъ присмирѣлъ, грызъ зубы на Рыжечку, а ничего не подѣлалъ. Онъ тоже былъ мужикъ славуцій по всей ордѣ, и киргизской, и хивинской; однако, нашего малыша, сирѣчь Рыжечки, боялся. Случалось, бывало, какъ-нибудь, нечаянно, встрѣтится съ Рыжечкой въ степи, сейчасъ, собака, вилка дастъ въ сторону, обаполомъ объѣдетъ, а Рыжечкѣ въ глаза не смѣетъ взглянуть. Ханъ зналъ, что Рыжечка и Галифа шведскаго свалилъ, такъ куда, думаетъ, тягаться съ такимъ яро-

*) Абдуль-Ханръ.

емъ. Дулся, дулся ханъ, да и отступился, махнулъ рукой и въ степь удалился.

— А Рыжечка?

— Пошелъ по указу царя съ княземъ Бекичемъ въ Хиву и тамъ, голубчикъ, за компанію съ княземъ и всѣмъ честнымъ воинствомъ сложилъ свою буйную головушку.

Ш.

Х а р к о.

— Былъ ли у насъ на Яикѣ Разинъ?—спросилъ я Ивана Никитича Чакрыгина.

— Разинъ?—должно полагать, что былъ,—отвѣчалъ старикъ. Потомъ, немного подумавъ, сказалъ:

— То-ись въ самомъ-то городѣ нашемъ, пожалуй, и не былъ, а былъ на Низу, у Гурьева: тамъ у него главный притонъ былъ. А городъ нашихъ казаковъ въ ту пору былъ иль-бо на Голубомъ-Городищѣ, на островѣ Кошъ-Яикѣ, близъ Илека рѣки, иль-бо на Кирсановомъ-Яру, гдѣ теперь Кирсановскій форпостъ. Съ Кирсанова Яра на рѣку Чаганъ, то-ись на теперешнее мѣсто, городъ нашъ перенесенъ послѣ Разина, по благословенію Алексѣя Митрополита. Слыхалъ?

— Слыхалъ! *)

— Ну, и ладно. А въ Разину пору тутъ, то-ись гдѣ теперь Уральскъ, была глушь и заросль.

— Почему ты все это знаешь?

— Почему? Слухомъ земля полнится. Старики такъ изъ рода въ родъ передавали.

— Старики могли ошибаться, могли перезабывать и перепутать обстоятельства, — замѣтилъ я.

*) См. ниже В и дѣ н і е.

— А пѣсню-то куда дѣнешь?—сказаль старикъ.—Сказка складка, пѣсня быль.

— Какую пѣсню?

— А вотъ какую.

И старикъ, не дожидаясь, чтобы я просилъ его, сталъ читать мнѣ на-распѣвъ слѣдующую пѣсню:

„У насъ-то было на батюшкѣ, на тихимъ Дону,
Во славномъ было во городѣ у насъ во Черкасскѣ *),
Жила-была у насъ тутъ благочестивая вдова;
Не имѣла-то она, братцы, безкорыстнаго грѣха,
А нынче вдова себѣ сына родила...
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тутъ съѣзжались все поны, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имечко Степанушкою.
Степанушка у насъ, братцы, сталъ на возрастѣ,
Какъ младъ-ясенъ соколъ сталъ на возлетѣ.
Доселева Степанушка въ Круги къ намъ не хаживаль,
Крѣнку думушку съ казаками не думываль,
А нынче Степанушка въ Кругу стоитъ,
Съ казаками крѣнку думушку онъ думаетъ.
Возговорилъ Степанушка таковы слова:
„Ой, вы, гой еси, казаки-братцы, добры молодцы!
Послушайте вы, казаченьки, своего атаманушки,
Меня Степанушку, сына Тимоѣенча, Разина.
Сядемте мы, ребятушки, въ свой легкій корабличекъ,
Побѣжимте мы, ребятушки, въ сине море,
Станемте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики:
Татарскіе, армянскіе, все басурманскіе,
Безъ того только безъ сиза орла, безъ осударева.
Поѣдемте, ребятушки, къ царю съ повинною;
Повеземте съ собой, братцы, топоръ плаху.
Повеземте, братцы, царю дары драгоцѣнные:
Сребро, злато и каменя самоцвѣтные.
Тутъ насъ станетъ царь благодарить-жаловать,
И станетъ насъ царь крѣнко спрашивать.
Мы скажемъ царю всю правду-истину“.
Тутъ возговорить православный царь таковы слова:
„Ужъ вы, гой еси, младае корабельщички,

*) Иные казаки, вмѣсто Черкасска, упоминаютъ въ этой пѣснѣ городъ Владиміръ.

Степана Разина вы согласнички!
Скажи мнѣ всеё правду-истину:
Гдѣ вы были, гдѣ вы ѣздили?“
Тутъ возговорили младые корабельщички,
Степана Разина все согласнички:
„Ужъ ты, батюшка нашъ, православный царь!
Мы скажемъ тебѣ всеё правду-истину:
Мы гдѣ были, мы гдѣ ѣздили.
Ужъ мы были, ужъ мы ѣздили въ синемъ морѣ,
Разбивали мы на синемъ-морѣ бусы-кораблечки:
Татарскіе, армянскіе, все басурманскіе,
Безъ того только безъ сиза орла, безъ осударева.
Ты пусти насъ, батюшка, на Яикъ-рѣку;
Мы заведемъ на рѣкѣ Яикъ славный Яикъ-городъ.
Заведемъ мы его между двухъ рѣчушекъ:
При первой рѣчкѣ при Яикѣ быстринъ,
При другой рѣчкѣ при Чаганѣ тихинъ“.
Потомъ побывали они во городѣ Гурьевѣ,
Изъ Гурьева пошли они на матушку Волгу-рѣку,
Съ Волги-рѣки пошли они на Узень-рѣку,
Съ Узень-рѣки переправились за Яикъ-рѣку,
Прошли-то они, изошли всю орду азійскую:
Киргизскую, тухменскую, кызылбацкую.

— Слышишь, Степанъ Тимоѳеевичъ и его согласнички, младые корабельщички, собирались заводить городъ промежъ быстрого Яика и промежъ тихаго Чагана. Значитъ, мѣсто было пустое, незанятое, — сказалъ старикъ.

— Однако, Разинъ зналъ это мѣсто, — замѣтилъ я.

— Еще бы ему не знать!—возразилъ старикъ.—Въ этомъ и сумнѣнья не нужно имѣть. Степанъ Тимоѳеевичъ всю все-ленную могъ знать, какъ свои пять пальцевъ: онъ былъ съ прибылюю.

— Съ чѣмъ?

— Съ прибылюю, — говорятъ!

— Что такое: съ прибылюю, — вотъ этого-то слова я не понимаю.

— Экой ты какой! Простого русскаго слова не понимаешь, а еще книжки пишешь. Это значитъ попросту в о р о ж е ц ѣ, что чертями повелѣваетъ. Понялъ?

— Понялъ.

— Ну, и ладно!—сказалъ старикъ.—Еще надо и то въ толкъ взять, что есть-когда не самъ Разинъ, то его сподручники могли и вдоль, и поперекъ искрестить нашъ Яикъ, разузнать, гдѣ какія рѣчки, проточки, раскопать всѣ, можно сказать, мышины норки: на то они и сподручники Разина. Одинъ, думаю, Харко исходилъ, изъѣздилъ всю нашу земелюшку изъ конца въ конецъ.

— Кто такой Харко? — спросилъ я.

— Ну, и славно! Харку-то не знаешь, а вѣдь по немъ, добромъ молодцѣ, и форпостъ Харкинской прованъ,—сказалъ старикъ.

— Будто? — спросилъ я.

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ,—сказалъ старикъ.

— Вѣрю, вѣрю, — сказалъ я. — А кто же такой Харко? Расскажи-ка.

— Съ великимъ удовольствіемъ! — сказалъ старикъ. — Слушай.

„Харко, сударь мой, былъ сподручникъ Разина, первый, можно сказать, герой по немъ. Послѣ того, какъ Разина со всѣмъ порѣшили, Харко съ двѣнадцатью человѣками, съ своими, значить, причетниками, и удалился съ Волги на Яикъ.

„Въ тѣ поры наши казаки, извѣстно тебѣ, жили на Кошъ-Яикѣ, иль-бо на Кирсановомъ яру; значить далеко отъ моря, верстъ безъ малаго семьсотъ будетъ. Хоша казаки наши изъ предковъ всѣмъ владали Яикомъ, однако, далеко на низъ рѣдко спускались по той самой причинѣ, что красной рыбы было не въ приборъ и около города. Ну, и выходитъ, гдѣ пустыня, тамъ, извѣстно дѣло, и орда: безъ этого быть нельзя. Говорится: безъ дурака городъ не стоитъ. На подобіе сему, можно сказать: безъ орды пустыня не бываетъ. Пустыня значить пустое мѣсто, а орда, знамо дѣло, пустой человѣкъ, никакого толка нѣтъ. Ну, одно къ другому и идетъ. Казаки наши хоша не въ частымъ бываньи хаживали въ походы супротивъ басурманцевъ, гоняли басурмановъ отъ Яика, однако, нѣтъ-нѣтъ, да и прикочуетъ кака-либо орда къ Яику;

знаешь, чтобы лугами казачьими поживиться. Такъ было и въ ту пору. Прикочевала къ Яику и сѣла около Маринкина городка *) одна орда, а казаки наши и не чуютъ. Этою ордой повелѣвала дѣвка, воинъ-дѣвка. У этой дѣвки и гвардія была изъ дѣвокъ. Въ старину такія оказіи были не въ диковину.

„Харко съ своими приспѣшниками пробирался къ нашимъ казакамъ на Кошъ-Яикъ; но дѣвка-воинъ преградила ему дорогу. Хоша воинъ-дѣвка была и дѣвка, по-просту баба, однако дѣло свое знала не хуже мужчины. Созвала она совѣтъ и говоритъ своимъ гвардейкамъ и всей сущей ордѣ:

— Намъ и безъ того отъ нихъ (то-есть отъ казаковъ нашихъ) житья нѣтъ, а какъ еще этотъ дьяволъ (сирѣчь Харко) съ своими причетниками соединится съ ними, тогда совсѣмъ пропадемъ; тогда, говоритъ, не поживишься отъ нихъ клочкомъ травы иль беремемъ дровъ, тогда, говоритъ, не дадутъ они намъ и воды напиться изъ своего заповѣднаго Яика. Надо, говоритъ, во что бы то ни стало, не допускать до нихъ Харку.

„Сказала это и стала свое дѣло дѣлать.

„Тѣмъ временемъ и Харко держитъ совѣтъ съ своими; говоритъ къ нимъ таковую рѣчь:

— Погуляли мы съ батюшкой нашимъ, Степаномъ Тимоѣевичемъ, по святой Руси и по всему вольному свѣту довольно-таки. Много погубили мы всякаго народа, и крещенаго, и некрещенаго, гдѣ по дѣлу, а гдѣ и не по дѣлу. Знамо, некрещенымъ туда и дорога, а за крещеныхъ доведется когда-нибудь отвѣтъ отдать на судѣ страшномъ. Теперь, братцы, настало время удобное, можно загладить, сколько ни-на-есть, грѣхи наши тяжкіе. Давайте, говоритъ, очищать расейскія границы отъ орды поганой. Давайте, братцы, доканаемте эту орду, чтобы она и воздухомъ здѣшнимъ не дышала! Этимъ самымъ дѣломъ, говоритъ, мы сдѣлаемъ три

*) Такъ называется одно урочище, гдѣ по преданію имѣла пребываніе жена Лжедмитрія Марина, послѣ бѣгства ея изъ Астрахани, въ 1614 году. Объ этомъ будетъ рассказано въ особой главѣ подъ рубрикой „Маринкинъ Городокъ“. Авт. См. т. II, стр. 209. Ред.

хорошихъ дѣла: первое дѣло—отпущеніе грѣхамъ получимъ, второе дѣло—расейскія границы отъ орды очистимъ, третье дѣло — яицкихъ казаковъ хлопотъ избавимъ.

„Сказалъ это и сталъ свое дѣло дѣлать.

„Воинъ-дѣвка кибитки свои и весь скарбъ отправила отъ Яика въ степь, къ Кара-Кулю, въ безопасное мѣсто, а сама съ гвардейками вышла супротивъ Харка. Гвардеекъ у нея было ста два человѣкъ, а у Харка, и съ его буйною головой, всего-на-все тринадцать человѣкъ. Но Харко былъ травленый волкъ: онъ не пошелъ на нее открытымъ боемъ, а пустился на хитрости.

„Дѣвка съ гвардейками наступала на Харка, а Харко отступалъ. Такимъ манеромъ хороводились они нѣсколько дней. Напослѣдокъ Харко уллучилъ темную ночь, обрядилъ двоихъ или троихъ своихъ согласничковъ въ бирючьи (волчьи) шкуры и велѣлъ имъ подкрасться къ конскому табуну гвардеекъ и броситься на него. Обряженные въ бирючьи шкуры подползли на четверенькахъ къ табуну, да и завыли, словно бирюки,—на все были дотѣшники,—а потомъ и бросились въ самую середку табуна. Лошади шарахнулись, и какъ былъ табунъ, такъ весь и понесся въ степь, въ разныя стороны. Лошадямъ, знамо дѣло, лиха бѣда только чего испугаться, а тамъ и самъ чортъ не удержитъ.

„Въ лагерѣ у гвардеекъ сдѣлалась суматоха страшная, а Харко того только и ждалъ. Не медля ни секунды, онъ съ остальными своими молодцами и нагрянулъ на гвардеекъ, да и пошелъ ихъ душить. Къ утру онъ всѣхъ ихъ пошабашилъ. Не отвертѣлась и предводительша: ее убилъ своею рукой Харко.

„Покончивши дѣло съ гвардейками и ихъ предводительшей, Харко пошелъ за Яикъ искать ихнюю кочевку. Добрался и до кочевки. Тамъ, сударь мой, много было золотой казны и цвѣтнаго платья всякаго. Все это добро Харко забралъ и раздуванилъ по своимъ согласничкамъ. Тамъ же, въ кочевкѣ-то, застали они сколько-то дѣвокъ,—дѣвки были все

молоденькія,—иныхъ побили, а иныхъ, что были покрасивѣе, взяли по себѣ...

„Пожили они тутъ сколько-то времени, отдохнули, и стали собираться въ путь-дорогу. Харко свою дѣвку бросилъ, живую пустилъ на всѣ четыре стороны; порѣшить ее совсѣмъ жалко стало: вѣдь такъ ли, сякъ ли, а все-таки она жила у него замѣсть жены. Совѣтовалъ то же сдѣлать и своимъ причетникамъ, чтобъ и они дѣвокъ своихъ бросили, а тѣ не послушались: жалко было разстаться съ дѣвками; больно ужъ по сердцу пришлись. Тогда Харко говоритъ своимъ согласничкамъ:

— Всѣ мы люди свободные, казаки вольные, приказывать вамъ не смѣю, а совѣта моего не слушаетесь. Ваше дѣло, воли съ васъ не сымаю. Ступайте, куда хотите, а я вамъ послѣ этого не товарищъ!

„Согласнички говорятъ:

— Теперь дѣвки намъ не помѣха, а когда будетъ нужно — бросимъ.

„Харко говоритъ:

— Когда будетъ нужно, тогда будетъ поздно.

„Согласнички спрашиваютъ:

— Какъ такъ?

„Харко говоритъ:

— Эти дѣвки не семьянны: онѣ, думаю, на своемъ вѣку и сами не мало нюхали человѣчьей крови. Мы же гнѣздо ихнее разорили: не забудутъ онѣ этого, и рано ли, поздно ли порѣшатъ, доканаютъ васъ, — не мытьемъ, такъ катаньемъ, проклятыя, доймутъ. Эй! послушайте меня: бросьте!

„Сподручники смѣются и говорятъ:

— Доселева, Харкушка, мы чли тебя за храбреца, а теперь видимъ, ты трусу празднуешь. Вспомни, давно ли мы, двѣнадцать человѣкъ, побили дѣвокъ болѣе двухъ сотъ. Ну, статочное ли дѣло, чтобы двѣнадцать дѣвокъ осмѣлились супротивничать намъ, такимъ молодцамъ?

„Харко говоритъ:

— Открыто поле особъ статья, постель особъ статья.

Слыхали, чай, сказаніе библейское про Олоферна, а если не слыхали, такъ я скажу. Олофернъ былъ не вамъ чета, однако, отмахнула же ему голову жена слабая...

„Подручники Харка только засмѣялись, да промежь себя говорятъ: — „трусу празднуеть!“

„Харко осердился и поѣхалъ прочь.

„Согласнички его поѣхали сами по себѣ. Выбрали они себѣ мѣстечко на Красномъ-Яру, гдѣ теперь Красноярскій форпостъ, и тутъ устроили станъ.

„Харко одинъ остановился ниже этого мѣста, верстахъ въ пятнадцати, и тоже устроилъ себѣ станъ, не на землѣ, а на деревѣ. Тамъ онъ свилъ себѣ гнѣздо, словно Соловей-разбойникъ, и зажилъ въ милу душу. Идти къ нашимъ казакамъ на Кошъ-Яикъ пораздумалъ; ждалъ, что будетъ отъ его согласничковъ, думалъ, не образумятся ли, не разведутся ли съ дѣвками-то.

„Пожили они на новыхъ мѣстахъ сколько-то времени, самую малость однако: Харко самъ по себѣ, а согласнички его сами по себѣ. Вотъ, сударь мой, въ одну ночь, на самой на зорѣ, притащился къ Харкѣ съ Краснаго-Яра одинъ изъ его согласничковъ, весь, бѣдняжка, израненъ, еле-еле дышетъ, да тихо, жалобно, чуть слышно и говоритъ:

— Сбылись слова твои, атаманушка: стубили насъ змѣи скорпіи...

„Сказалъ это, да и тутъ же и духъ свой испустилъ.

„Харко то-ежъ секунду спрыгнулъ съ гнѣзда своего, вскочилъ на бураго коня, что у дерева привязанъ былъ, и помчался къ Красному Яру. На восходѣ солнышка онъ былъ уже тамъ и засталъ дѣвокъ: тѣ, бестіи, дуванъ дуванять, значить, дѣлятъ по себѣ добро убитыхъ молодцовъ. Лишь только узрѣли онѣ его, такъ и одурѣли на мѣстѣ. Какъ тигра, съ пѣной у рта, Харко бросился на дѣвокъ съ саблей въ рукѣ; да вдругъ и остановился. — „Этого для васъ мало, бестіи!“ — сказалъ Харко, да и давай живьемъ вязать дѣвокъ; всѣхъ перевязалъ, да и положилъ, словно осетровъ на багреньи, въ рядъ, одну подлѣ другой. Славно! Осмотрѣлъ и со-

гласничковъ своихъ: а тѣ, бѣдняжки, всѣ измясничены до-
нельзя, узнать даже не можно, кто Карпъ, кто Иванъ: такъ,
бестіи, постарались. Съѣздилъ и за тѣмъ, что у его дерева
умеръ. Потомъ вырылъ двѣнадцать могилъ, положилъ въ
нихъ убитыхъ согласничковъ, а подлѣ каждого изъ нихъ по-
ложилъ по дѣвкѣ-душегубкѣ: эти, бестіи, были живыя, кри-
чали, визжали, просили Харку, чтобъ онъ добилъ ихъ; да не
на того напали: „Что торопитесь? успеете еще околѣть“, го-
ворить Харко, и дѣло свое дѣлаетъ. Потомъ, сударь мой,
опустилъ въ могилу къ каждому согласничку по ношѣ се-
ребра, по ношѣ золота, по саблѣ, по ружью, по копыю, по
парѣ пистолей, и все это, не топорясь, чинъ-чиномъ, зарылъ.
Напослѣдъ всего на могилѣ каждого согласничка посадилъ
по лѣсной яблонѣ. Покончивши это дѣло, Харко сказалъ:

— Не пропадай эта казна даромъ: дайся казна эта тому
молодцу, кто, на своемъ вѣку убьетъ двѣнадцать дюжинъ
басурмановъ или-бо басурманокъ!

„Сказалъ это, да и удалился въ свое тепло гнѣздо“.

— Ну, а что кладъ? Дался ли кому? — спросилъ я.

— Нѣтъ! Казаться казался, а не дался, — сказалъ старикъ.

Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, когда, кому и при какихъ об-
стоятельствахъ казался Харкинъ кладъ, но „исторію“ объ
этомъ я опускаю здѣсь, а приведу подъ рубрикой „Клады“.

Что-жъ сдѣлалось съ Харкой? — спросилъ я старика.

— Богъ вѣсть, — сказалъ старикъ. — Пожилъ онъ сколько-
то времени на Яикѣ, потѣшился въ милу-душу надъ басур-
манами, которы къ Яику подходили, да и удалился куда-то
въ другія мѣста.

По преданіямъ, сохранившимся въ устахъ народа въ раз-
ныхъ мѣстностяхъ Уральскаго войска, жизнь и подвиги удаль-
ца Харка, во время пребыванія его на Яикѣ, рисуются въ
слѣдующей картинѣ.

Устроилъ Харко себѣ гнѣздо на высокомъ деревѣ, стояв-
шемъ на правомъ берегу Яика, и съ гнѣзда своего наблю-
далъ за Ордынцами. Но здѣсь, кстати, я приведу отрывокъ,
не то пѣсни, не то сказки, какъ угодно, такъ и назовите.

Жаль, конца нѣтъ. Но что дѣлать? По пословицѣ: „на нѣтъ и суда нѣтъ“.

„Увиль, ухитиль Харкушко
Себѣ тепло гнѣздушко,
На высокомъ семиствольномъ осокорѣ.
И зажилъ въ немъ словно во палатушкахъ.
Подъ навѣсомъ у корня сокорь-дерева,
И день, и ночь стоялъ наготовѣ
Богатырскій конь осѣдланый.
Другой заводной конь, вороненькій,
Гулялъ на лугу стреноженный,
Питался храбрый Харкушко
Отъ своихъ трудовъ праведныхъ:
Рыбы, дичи, всякой живности,
Не въ приборъ было у молодца.
Но исторія наша не о томъ гласить,
Чѣмъ удалый Харкушко питался:
Исторія сказать должна,
Какъ надъ ордой онъ потѣшался.
Сидить, бывало, Харкушко
Въ своемъ тепломъ гнѣздушкѣ,
Поноухаетъ, бывало, Харкушко
Изъ рога табачекъ съ вязовой золкою.
Глядитъ-поглядываетъ, бывало, Харкушко,
Своими соколиными глазками,
Въ степь широкую, пустынную:
Не идутъ ли, не ѣдутъ ли киргизы бритоголовые,
Міра крещенаго враги лютые.
Вотъ видитъ удалой Харкушко:
Вечеркомъ, при закатѣ солнца краснаго,
Ѣдетъ отъ Каракуля толпа нарядная,
Толпа двуконная, шумливая, егозливая:
То киргизскіе хвастливые батыри,
Родовъ: Адайскаго, Тазларскаго, Черкаскаго
Намѣреніе ихъ злое, басурманское:
Ѣдутъ они искать брода неглубокаго,
Ѣдутъ искать перелаза неширокаго,
Гдѣ-бъ легче было и вольготнѣе
Перелѣзть Янкъ-рѣченьку,
Потомъ идти къ матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ,
Грabitъ, разорять селенія расейскія,
Иль-бо улусы калмыцкіе, нагайскіе.

Для Киргизовъ все единственно,
Кого бѣ не разорять, кого бѣ не грабить,
Лишь бы добычу имѣть богатую,
Но и для Харкушки все единственно,
До кого бѣ тамъ киргизы ни грабились,
На кого бѣ ни точили ножи свои булатные,
На кого бѣ ни припасали арканы крученые,—
У Харкушки намѣреніе благое,
Благое намѣреніе, христіанское:
Разбить, избить киргизскихъ батырей,
Отбить у нихъ охоту дурацкую—
Топтать зелены луга казацкіе,
Мутить, сквернить воды яицкія,
Пугать, гонять рыбу красную,
Рыбу красную, пужливую, прихотливую.
Подъѣзжаютъ киргизы къ Яикъ-рѣкѣ,
Становятся киргизы по край кряжа,
Того кряжа високаго, Индерскаго,
По край луга зеленаго,
Того луга заповѣднаго.
Растилають по землѣ бѣлы войлочки,
Всѣ персидскіе, хивинскіе коврички.
Разставляютъ свои легкія джуламеечки.
Коней, стреноженныхъ и спутанныхъ,
Пуцають пастись въ зеленый лугъ,
Въ зеленый лугъ некошенный, нетронутый,
Пуцають безъ часовыхъ безъ караульщиковъ;
Разводятъ огонечки веселые,
Наводятъ котелочки чугунные,
Варятъ мясо кобыляцкое,
Тѣхъ кобыль ворованныхъ.
Сидятъ киргизы за ужиномъ:
Жрутъ маханъ, похваливаютъ,
Пьютъ кумызь, побрякиваютъ:
О голенище пальцы повытирають,
Черезъ бороды слюнями подзвигиваютъ.
Пьютъ, жрутъ, прохлаждаются,
Надеждой будущихъ удачъ потѣшаются.
Любо, весело киргизамъ кумызничать.
Времечко стоитъ благодатное, весеннее,
Ноченька стоитъ тихая, прохладная,
Комаровъ и мошекъ въ заводѣ нѣтъ.
Не чуютъ, не вѣдаютъ киргизскіе батыри,

Что стережетъ ихъ удалой Харкушко;
Дождается Харкушко темной ноченьки,
Спускается съ своего тепла-гнѣзда,
И плыветъ Харкушко за Яикъ-рѣку;
Переплыши Яикъ-рѣченьку,
Ужомъ ползетъ къ киргизскому лагерю...

.

Старику, передававшему мнѣ эти вирши, память изменила: онъ не могъ продолжать, но исторія Харка не прерывается. Она продолжается въ слѣдующемъ видѣ:

Замѣтивъ киргизовъ, пріѣхавшихъ на Яику и остановившихся на ночлегъ, смѣльчакъ Харко переплываетъ рѣку Яикъ и, какъ уже сказано, подползаетъ къ киргизскому стану. Покуда киргизы сидятъ около огней, покуда бесѣдуютъ, ужинаютъ, Харко начинаетъ считать ихъ по головамъ. Пересчиталъ. Всѣхъ киргизовъ оказывается, на примѣръ, тридцать человѣкъ. Харко такъ же тихо, какъ приползъ, отползаетъ прочь отъ киргизскаго лагеря, прячется подальше въ кусты и ждетъ, когда киргизы улягутся, уснутъ. Обезпеченные пустынною и необитаемою береговъ Яика, киргизы не принимаютъ никакихъ мѣръ предосторожности; а это Харкѣ и на-руку: меньше, слѣдовательно, ему хлопотъ. Полночь. Киргизы уснули. Харко выходитъ изъ засады и отправляется... Къ киргизамъ въ лагерь? думаете. Нѣтъ! Харко остороженъ и терпѣливъ. Нападать одному, притомъ пѣшему, да вдобавокъ еще ночью, на огромную толпу—и безразсудно и опасно. Харко не тревожитъ сонъ киргизовъ. Онъ идетъ въ луга, и ловитъ киргизскихъ лошадей всѣхъ до одной, плавитъ ихъ на самарскую сторону и загоняетъ въ густой лѣсъ, далеко отъ Яика. Потомъ отправляется къ себѣ въ тепло-гнѣздо и преспокойно ложится спать. „Утро вечера мудренѣе“, говоритъ Харко и засыпаетъ.

Поутру киргизы встаютъ и поражаются страхомъ: лошадей нѣтъ! кидаются въ луга и видятъ: слѣдъ пошелъ на самарскую сторону. Киргизы по себѣ знаютъ, что въ пѣшемъ состояніи преслѣдовать вора, угнавшаго лошадей, бесполезно.

Съ проклятіемъ и бранью киргизы покидаютъ негостепріимный берегъ Яика, забираютъ съ собой кое-какія вещи получше, поцѣннѣе, напрімѣръ сѣдла, оправленные въ серебро и камни, персидскіе ковры и т. п., остальное все или предають огню, или бросаютъ въ воду и пѣшимъ боемъ отправляются туда, откуда такъ недавно пріѣхали веселые, довольные, на рѣзвыхъ и статныхъ аргамакахъ, обремененные ношами. Киргизы шагъ-за-шагомъ, длинною вереницею, тянутся къ Кара-Кулю и не чувтъ, что позади ихъ собирается гроза. Харко жадно смотритъ съ гнѣзда своего на это печальное шествіе, ядовито улыбается и пересчитываетъ киргизовъ: разъ, два, десять... двадцать... тридцать.

— Всѣ,—говоритъ Харко.—Ступайте-ка, соколики, прогуляйтесь. До Кара-Куля шестьдесятъ верстъ, не скоро добредете, успѣю еще догнать, вотъ только позавтракаю, да силами запасусь.

Съ этими словами онъ спускается съ дерева, закидываетъ въ Яикъ плавную сѣть, черезъ минуту вытаскиваетъ на берегъ или тугоносаго осетра, или остроносую севрюгу, разводитъ огонь, наводитъ котелъ, варитъ щербу (уху) и, когда щерба поспѣетъ, кушаетъ, не торопясь, съ пшеничными сухариками.

Харко покушалъ, съ часъ времени повалялся на травкѣ, понѣжилъ, понюхалъ табачку и потомъ уже пускается за Яикъ. Конь у Харка смышленный, пріученный, словно хорошая подружейная собака. Харко подводитъ коня къ берегу, говоритъ ему: а й да! причемъ ударяетъ его слегка по спинѣ ладонью, и конь смѣло идетъ въ воду и плыветъ на ту сторону. Харко одною рукой ухватится за хвостъ коня, а другую держать надъ головой своею, чтобы не обмочить пицаль и рогъ съ порохомъ. Черезъ минуту Харко на бухарской сторонѣ; садится на коня и скачетъ по слѣдамъ киргизовъ. На полпути къ Кара-Кулю, среди открытой степи, гдѣ нѣтъ ни одного кустика, ни одного овражка, Харко является передъ киргизами. Утомленные долгою ходьбой и озадаченные нечаяннымъ появленіемъ храбраго, нѣсколько звѣрообразнаго

врага (фізіономія у Харка была не изъ сладенькихъ), киргизы только взвизгнуть и одурѣютъ на мѣстѣ. Не давая киргизамъ ни на мгновеніе оправиться, Харко съ ужаснымъ крикомъ бросается на нихъ и начинаетъ ихъ или колоть пикой, или стрѣлять изъ пищали, какъ вздумается, или какъ укажетъ случай и положеніе врага. Всѣхъ передупитъ, забретъ цѣнныя ихъ вещи и возвращается въ свое теплое гнѣздо.

Случается подобная исторія не разъ, не два. Киргизы около тѣхъ мѣстъ, гдѣ свито у Харки гнѣздо, не показываются. Харкѣ скучно безъ занятія. Онъ отправляется или вверхъ, или внизъ по Яику и устраиваетъ себѣ временное жилище, но непременно на деревѣ. Гдѣ нѣтъ высокихъ деревьевъ, онъ н а ч а л и в а е т ъ (наставляетъ) дерево и вѣтъ на немъ гнѣздо. И вездѣ, гдѣ только появляются бывало киргизы, Харко шутитъ съ ними шуточки не маленькія.

Случалось, что Харко одного изъ киргизовъ оставитъ въ живыхъ, чтобы тотъ шелъ въ Орду и повѣстилъ, что-де къ Яику ходить не приказано.

Надоѣлъ Харко киргизамъ. Тѣ не разъ пытались схватить какъ-нибудь его врасплохъ въ гнѣздѣ, но никогда имъ это не удавалось. Харко въ высшей степени былъ остороженъ; а когда спалъ, то чуткій и ученый конь его всегда при приближеніи киргизовъ за нѣсколько верстъ подавалъ хозяину знакъ и фырканиемъ, и ржаньемъ. И Харко заблаговременно снимался съ тепла-гнѣзда и удалялся въ глухія мѣста.

Киргизы пускались и на хитрости, чтобъ овладѣть особой Харка или убить его; но Харко всегда бывало перехитритъ киргизовъ.

Разъ киргизы, пустивъ лошадей на паству, одну изъ нихъ, самую рѣзвую, сивую, заковали въ желѣзы, чтобы Харко не могъ угнать ее въ числѣ другихъ, а ключъ отъ замка завернули въ гриву коня, съ тою цѣлію, чтобы тотъ изъ киргизовъ, кто во время тревоги первый поймаетъ этого

коня, имѣлъ ключъ подъ рукой. Но Харко, лежа въ травѣ близъ киргизскаго лагеря, слышитъ ихъ рѣчи и уговоры и смѣется. Когда киргизы уснули, первымъ дѣломъ Харка было завладѣть сивою лошадыю: поймалъ ее, лебедушку, досталъ изъ гривы ключъ, отомкнулъ желѣзы, и дѣло пошло какъ по маслу. Утромъ киргизы увидѣли себя въ дуракахъ и, какъ тараканы изъ вымораживаемой избы, разбрелись по степи. Харко, само собой разумѣется, у к о к о ш и л ъ ихъ всѣхъ, не оставилъ и на племя.

Въ другой разъ, оставшись по милости Харка безъ лошадей и отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ Яика, киргизы побросали съ себя дорогіе шелковые халаты и наваляли изъ нихъ цѣлую груду. Одинъ изъ киргизовъ, что-ни-самый смѣлый и сильный батырь, запрятался въ кучу халатовъ съ предательскимъ намѣреніемъ — схватить Харка врасплохъ, когда тотъ слѣзетъ съ коня и станетъ брать халаты. Но Харко, выѣхавъ въ степь для расчета съ киргизами, первымъ долгомъ пересчитывалъ киргизовъ, разбредшихся по сторонамъ, и тотчасъ смекнулъ, что одного врага противу прежняго числа нѣтъ. „А, хитрите, бестіи!“ — сказалъ Харко. Съ этими словами онъ осторожно подѣхалъ къ кучѣ халатовъ, приложился по ней изъ пицали и выстрѣлилъ: халаты запылали, а батырь, смертельно пораженный ж е р е б ь е м ъ *), взвизгнулъ и духъ испустилъ. Затѣмъ началась расправа и съ другими: ни одинъ не узрѣлъ своего аула.

Конечно, не всегда и не всѣ киргизы, завидя Харка, предавались отчаянію и страху. Случалось, что храбрые изъ нихъ дѣлали Харкѣ отпоръ; но что могли пѣшіе, не защищенные никакими мѣстными преградами и не имѣющіе ружей съ европейскими замками, что могли сдѣлать такіе люди Харкѣ, гарцовавшему передъ ними на отличномъ скакунѣ и притомъ вооруженному исправною пицалью? Само собой, храбрые батыри, такъ же точно какъ и не-храбрые, одинъ за другимъ валились и падали отъ руки Харка.

*) Продолговатый кусокъ свинца, замѣняющій пулю.

Такимъ образомъ на всѣхъ пунктахъ теперешней нашей низовой линіи Харко искоренялъ, донималъ киргизовъ и наконецъ совсѣмъ донялъ. Ш а й т а н ъ (дьяволъ!) — сказали киргизы про Харка, и не смѣли уже показываться близъ Яика.

Харкѣ, говоритъ преданіе, сдѣлалось скучно жить безъ дѣла, онъ удалился. Что съ нимъ подѣялось — преданіе молчитъ. Но то урочище, гдѣ у него было свито на осокорѣ т е п л о - г н ѣ з д о, прозвалось въ народѣ Х а р к и н ы м ъ.

Впослѣдствіи, когда яицкіе казаки заселили низовья Яика, а это было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, и между прочимъ, построили на томъ урочищѣ форпостъ, форпостъ этотъ наименованъ и доднесь именуется Х а р к и н ы м ъ.

IV.

Видѣніе.

— ...Задумали наши казаки перенести свой городъ съ Кирсанова-Яра къ рѣчкѣ Чагану,—говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ. Мѣсто, вишь, на Кирсановомъ-Яру было неудобно: зимой снѣгомъ заносило, а лѣтомъ отъ песку житья не было. Задумали они это дѣло, снарядили небольшую партію посыльщиковъ, да и послали спросить совѣта у старѣйшихъ, что жили на морѣ, на Камынь-островѣ.

— Развѣ на Камынинѣ-островѣ жили въ тѣ поры казаки? — спросилъ я.

— Какъ же! Исконибѣ тамъ жили казаки-лицари, самые то-ись старики-старожилые, которымъ въ городѣ было душно и которые, между нами будь сказано, любили просторъ и раздолье, а ужъ есть ли что просторнѣе и раздольнѣе батюшки синя-моря Каспицкаго? Може статья, на Яикѣ вверху и поселеній настоящихъ не было, а на морѣ, на островахъ да на буграхъ навѣрное были казачьи притоны. И нельзя не быть, касатикъ: вѣдь въ стары годы казаки наши частенько развѣзжали по морю, какъ въ пѣсняхъ поется: „во легкихъ стругахъ за добычею, разбивали бусы-кораблики все армянскіе, татарскіе; басурманскіе“; этимъ только и жили, что грѣха таить. Такъ какъ же на Камынь-островѣ, иль-бо на другомъ какомъ, не жить нашимъ казакамъ? И въ пѣснѣ про Янкушку-Горынча, знаешь, поется:

...На островѣ-Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ.
Старики живутъ старожилые,
Имъ же по девяносту лѣтъ...

— Постой, постой, Иванъ Никитичъ! — перебилъ я. — Въ этой пѣснѣ говорится про стариковъ-старожилыхъ. Може-статься, они жили на Камынь-островѣ ради Бога, то-есть спасали свои души.

(При сихъ словахъ Иванъ Никитичъ улыбнулся: замѣчаніе мое насчетъ стариковъ, спасавшихъ души, показалось старику до крайности смѣшнымъ и наивнымъ).

— Но нѣтъ ли такой пѣсенки, — продолжалъ я, — гдѣ бы прямо говорилось, что на Камынь-островѣ, иль-бо на другомъ какомъ, жили не старики-старожилые, а казаки-лицари?

Старикъ подумалъ и сказалъ:

— Какъ не быть! Есть! Вотъ одна такъ и вертится на языкѣ, да, чтобъ ее намочило, забылъ, какъ съ конца то начинается. Поди ты, вотъ такъ и вертится... чтобъ ее... Постой, постой! Вспомнилъ.

И старикъ началъ нараспѣвъ читать слѣдующую пѣсню:

„Выметывалъ нашъ Янкушка
На синемъ-морѣ Камынь-островъ.
На островѣ-Камынѣ казаки живутъ,
Казаки живутъ, люди вольные.
Разбивали они на синемъ морѣ
Бусы-корабли, все легкія лодочки.
Разбили одну лодочку съ золотой казной,
Снимали съ золотой казной красну-дѣвицу,
Красну дѣвицу, раскрасавицу, дочь купецкую.
И начали дѣлить золоту казну пуховою шляпой.
На конѣ клали раскрасавицу, красну дѣвушку.
И начали между себя трясти жеребій.
Досталась атаманушкѣ красна дѣвушка.
Возговорить атаманушка таковы слова:
„На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ;
На паю на дуванѣ я послѣдній сталъ:
Досталась мнѣ, атаманушкѣ, красна дѣвушка“.
Возговорить красна дѣвушка таковы слова:

„Ужь ты, гой еси, казачій атаманушка!
У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,
Золото кольцо, оно во пять сотъ рублей;
Поднизочка есть на мнѣ, атаманушка, во всю тысячу.
Самой-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, мнѣ цѣны нѣту.
Сотку тебѣ, атаманушка, шелковый коверъ“.

— Вотъ тебѣ и лыцари, коли хочешь знать! — сказалъ старикъ. — Эти, чай, не очень заботились о душѣ, — прибавилъ старикъ, засмѣявшись. — Потомъ продолжалъ:

„Да что объ этомъ толковать! Наши праотцы, какъ орлы поднебесные, перепархивали съ мѣста на мѣсто, когда и куда хотѣли, и жили тамъ, гдѣ лучше и вольготнѣе. Хоша постоянно, временно, а надерживались-таки казаки около устьевъ Яика, по островамъ морскимъ, да по буграмъ черневымъ. Такъ было, значить, и въ ту пору, когда наши задумали переносить городъ. Вотъ къ нимъ-то, къ этимъ, значить, камынинскимъ старикамъ-лыцарямъ, кирсановскіе казаки и поѣхали за совѣтомъ. Тогда, сударь мой, не какъ нынче, тогда все дѣлали собча, всѣмъ войскомъ.

„Побыли наши казаки сколько-то времени на Камынь-островѣ у старѣйшихъ, усовѣтовались съ ними насчетъ этого дѣла, то-ись насчетъ переноса города, и поплыли назадъ къ устьямъ Яика. Лишь только вѣхали они въ Золотинскій про-ранъ, навстрѣчу имъ попался старецъ, плыветъ въ маленькой лодочкѣ одинъ-одинехонекъ, гребетъ на одно весельце. Старецъ, такой древній, важный, благолѣпный, въ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ на лбу. Съѣхались казаки и старецъ; поздоровались. Казаки говорятъ:

— Отче святой!—задумали мы перенести городъ съ мѣста на другое.—Начинать ли намъ это дѣло?—Дай совѣтъ.

Старецъ спросилъ ихъ, куда они хотятъ перенести городъ. Казаки указали на Чаганъ рѣку.—Тогда старецъ говоритъ имъ:

— Не былъ я на томъ мѣстѣ, а знаю, что оно хорошо, къ поселенію удобно, лугами всякими угодыями богато. Только вѣдайте, чада, на томъ мѣстѣ городу вашему приве-

дется испытать разныя коловратности: будутъ у васъ тамъ труси, мятежи, кровопролитныя брани и всякія сумятицы и неурядицы. Станутъ васъ тамъ нудить насчетъ креста и бороды, станутъ заводить у васъ солдатскія очереди, богопротивныя легіоны и разныя неполезныя для васъ штаты, а въ единое время появится между вами такой набѣглый царь... Вотъ изъ-за него-то вы много пострадаете, много крови прольете, много примете горечи. Однако, со временемъ все затихнетъ, и вы узрите спокой...

„Казакѣ говорятъ:

— Ничего, святой отче, къ трусямъ, мятежамъ и кровопролитнымъ бранямъ намъ не привыкать-стать: на томъ и живемъ. Намъ и прежде говаривали: „на крови-де Яикъ зачался, на крови-де и кончится“.—Да мы на это мало смотримъ. А на очереди, да на легіоны и плевать-то не хотимъ: все перемелется, мука будетъ. Ты только благослови насъ, отче!

— Богъ васъ благословитъ!—сказалъ старецъ, осѣнилъ казаковъ крестомъ, да и поплылъ путемъ-дорогой.

И казакѣ поплыли своимъ путемъ-дорогой. Много ли, мало ли отплыли они отъ того мѣста, гдѣ съ старцемъ-то повстрѣчались, остановились, да и говорятъ промежъ себя: „Что же, братцы, мы не просили старца-то,—кто онъ такой? Вернемтесь!—Сказали это да и вернулись назадъ. А старецъ плылъ уже въ морѣ. Однако, они скоро его догнали и спрашиваютъ:

— Прости насъ, отче, давя мы не спросили тебя,—кто ты такой?—Повѣдай намъ.

— Алексѣй Митрополитъ!—говоритъ старецъ.

Лишь только онъ выговорилъ, какъ въ тое жъ секунду поднялось отъ воды густое облако и скрыло и лодку, и святителя. Отъ такихъ словъ, казакѣ пришли въ ужасъ неописанный. Не пришли они еще въ себя отъ страха и ужаса, не отудобили, какъ облако прорѣдѣло, разсѣялось, и ни лодки, ни святителя не видать стало, одно гладкое, какъ стекло, море.—Значить: видѣніе было.

„Такое-то, сударь мой, чудо повстрѣчалось съ нашими казаками. Не откладывая дѣла въ даль, казаки въ то же лѣто поднялись съ Кирсанова Яра и перебрались къ рѣкѣ Чагану. Подѣлали плоты, посадили на нихъ женъ, дѣтей, нагроузили имуществомъ и всякимъ скарбомъ, что можно было взять, отслужили Господу-Богу молебенъ, пропѣли канунъ Алексѣю Митрополиту и пустились внизъ по Яику; а лошадей и всю животину погнали берегомъ. Чего не могли взять, то все сожгли, и теперь на Кирсановомъ Городищѣ тьма-тьмущая углей; чай, и ты видѣлъ.

„Изъ строенія казаки взяли только одну церковь чернаго лѣса. Бережненько разобрали ее по бревешкамъ, да по дощечкамъ и сплавили на плоту. Церковь была во имя Казанской Божіей Матери. Поставивши на новомъ мѣстѣ церковь, казаки по приговору всего общества и по благословенію духовныхъ чиновъ сдѣлали къ ней въ память чуднаго видѣнія придѣлъ во имя Св. Алексѣя Митрополита. Этотъ придѣлъ и поднесъ существуетъ, Церковь эта стояла на берегу Яика, что теперь Старица, между нынѣшнимъ Архангельскимъ соборомъ и Петропавловскою церковью, и прозывалась Кирсановскою. Въ Шилихинѣ пожаръ она сгорѣла. Казаки опять выстроили на томъ мѣстѣ деревянную церковь и въ отлику отъ другихъ церквей все-таки называли ее Кирсановскою. Въ годъ Волконскаго и новая сгорѣла. Тогда уже выстроили каменную, на другомъ, на теперешнемъ мѣстѣ. Но эта, каменная-то церковь, просто называется Казанскою, а память о Кирсановской въ народѣ забылась“.

Шилихинъ пожаръ.

... — Кстати, Иванъ Никитичъ, расскажи-ка что-нибудь о Шилихиномъ пожарѣ, — сказалъ я старику, когда онъ кончилъ преданіе о „Видѣніи“. Я часто слышу: „Шилихинъ пожаръ“, „въ Шилихинъ пожаръ“, „до Шилихина пожара“. Вотъ и ты сейчасъ сказалъ, что Кирсановская церковь сгорѣла въ Шилихинъ пожаръ. Но отчего онъ названъ такъ и давно ли случился? вотъ этого не знаю.

„Изволь, касатикъ! — сказалъ старикъ. — Исторія не долга.

„Шилихинъ пожаръ, сударь мой, случился очень давно, до Пугача лѣтъ за двадцать пять, иль-бо и больше еще. Такъ родитель мой сказывалъ мнѣ. А пустила этотъ пожаръ одна старуха, по прозванью Шилиха: оттого-то онъ и слыветъ въ народѣ Ш и л и х и н ы м ъ. И тому, сударь мой, есть причина... Да ужъ рассказывать ли тебѣ все-то: ты, пожалуй, и не повѣришь?“ — спросилъ меня старикъ.

— Что ты говоришь? — вскричалъ я: — какъ это можно! Пожалуйста, говори, говори! Каждое твое слово я готовъ на носу зарубить. Пожалуйста, Иванъ Никитичъ, говори!

Старикъ продолжалъ:

„И прежде, и послѣ Шилихина бывали пожары, весь городъ, почитай, превращали въ уголья; вотъ хоть бы, къ при-

мѣру сказать, тому лѣтъ полста съ хвостикомъ, въ годъ Волконскаго князя *) ужаснѣющій былъ пожаръ, весь, почитай, городъ сгорѣлъ, а послѣ того годовъ черезъ пятнадцать еще былъ преужаснѣющій пожаръ, тоже весь городъ сгорѣлъ; однако, ихъ просто называютъ: „первый большой пожаръ“, „второй большой пожаръ“, а не называютъ вѣдь по имени, отъ кого начались. Ну, а Шилихинъ пожаръ слыветъ такъ не безъ причины.

„Шилиха — не объ ней будь сказано — была отъ всего свѣта злѣющая-презлѣющая колдунья, только окаянная въ то и жила, что добрыхъ людей портила. Бывало, ни одна свадьба не пройдетъ безъ того, чтобы Шилиха не испортила молодыхъ, иль-бо не сдѣлала какой пакости хозяевамъ, есть когда только хозяева не упрелятъ ее, не задарятъ что-ни-лучшими подарками. Такая была скверная, чтобы ей и въ аду-то не было ни дна, ни покрывки! Занимались въ старину этимъ дѣломъ, нечего грѣха таить, и мужчины; но тѣ дѣлали все-таки съ пощадой; есть-когда и „заговаривать“, бывало, однако, черезъ нѣкоторое время опять „отговаривать“. Мужчина тамъ какой бы ни былъ, а супротивъ женщины все-таки имѣетъ честь и совѣсть. А Шилиха, чтобы ей и въ аду-то мѣста не было, все дѣлала на смерть. Ужъ отъ природы ли она была такая злѣющая, иль ужъ уговоръ у ней былъ съ дьяволомъ, дьяволъ ее знаетъ; только, всѣмъ вѣдомо, не было отъ нея, лиходѣйки, никакой волюты тѣмъ, кого на своемъ вѣку портила. И мужчины-воржецы побаивались входить съ нею въ споръ: всѣхъ, вишь, была она сильнѣе насчетъ чертовщины. Не стану рассказывать тебѣ, какъ сатикъ, о дѣлахъ ея богомерзкихъ: противны они; а расскажу одинъ только случай насчетъ того, какъ Шилиха сильна была нечистою силой. Родитель мнѣ сказывалъ объ этомъ, а онъ слышалъ отъ своего родителя, а его родитель самъ былъ тому свидѣтель.

„Разъ на одной свадьбѣ заспорилъ съ Шилихой знахарь,

*) Въ 1807 году.

какой-то заѣзжій молодець, изъ Стародубіи, говорили, тоже по этой части былъ ходокъ, Дѣичемъ звали. Хотѣлъ видно онъ осмѣять Шилиху, а себя превозвысить, анъ грибъ съѣлъ. Это было еще въ ту пору, когда Шилиха была молодая, когда она еще медь-брагу тянула и съ мужескимъ поломъ зналась... Тогда, въ молодости-то сирѣчь, она была, говорятъ, помягче, на подарки и на мужской полъ была падка, а настоящей вѣдьмой-то кеевской сдѣлалась уже въ старости. Воронъ ворона видитъ издалека, говоритъ пословица. Скоро они, Дѣичъ и Шилиха, снюхались, сдружились. Случилось на ту пору одному именитому казаку свадьбу играть: сына, вишь, женилъ. Вотъ онъ не пожалѣлъ казны, подарилъ Шилиху съ Дѣичемъ что-ни-лучшими подарками и позвалъ ихъ на свадьбу — Дѣича дружкой, а Шилиху свахой. Хорошо.

„Идетъ чинъ-чиномъ честная пиръ-бесѣдушка. Всѣ гости навеселѣ. Подпили и друженька съ свахонькой. Всѣ пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются и рѣчи межъ себя ведутъ хорошія. Только Шилиха и Дѣичъ — чтобъ ихъ одрало — ведутъ рѣчи не хорошія; по ихнему-то може, и хорошія, да по нашему-то не хорошія, не потребныя: ведутъ они, сударь мой, рѣчи о чертовщинѣ. Говорили, говорили они, да и заспорили. Дѣичъ говоритъ.

— Не родился еще на свѣтъ тотъ человѣкъ, чтобы супротивъ меня могъ стоять: кто бы что ни заговорилъ, я отговорю; но коли я что заговорю, никто не отговоритъ!

„Шилиху такая похвальба задѣла видно за живое. Вскочила она съ мѣста и говоритъ:

— Чѣмъ намъ, добрый молодець, хвастаться да перекояться, давай лучше, попробуемъ!

— Давай!—говоритъ Дѣичъ.

„Господи, какъ только слышали таковыя слова, такъ и всполошились всѣ. Тутъ кажній подумалъ, какъ бы на немъ воржецы-то вздумали содѣять пробу. До кого ни коснись, всякій струситъ.

„Шилиха, замѣтила, что гости въ тревогу произошли, и говоритъ:

— Не бойтесь, гости любезные! Коли я гдѣ сама присутствую, коли я на свадьбѣ сама свахой, я не сдѣлаю никакого лиха. Бойтесь меня заочно.

„Этимъ она,—прибавилъ рассказчикъ, — навѣтки давала, чтобъ, вишь, всѣ ее чтили, да подарками ублагодворяли. Хорошо. Гости успокоились. Потребовали Шилиха и Дѣичъ двѣ рѣдьки, очистили ихъ и поставили на столъ, вострымъ концомъ къ верху.

— Начинай! — говоритъ Дѣичъ.

— Нѣтъ, ты начинай!—говоритъ Шилиха.—Ты мужчина, а я женщина; ты же первый похвалился; такъ первый и начинай.

— Хорошо! — говоритъ Дѣичъ: — которая твоя рѣдька? Бери!

„Шилиха взяла одну рѣдьку и подвинула къ себѣ. Дѣичъ взялъ другую рѣдьку и подвинулъ къ себѣ.

„Дѣичъ сталъ что-то про себя шептать, а Шилиха улыбается. Дѣичъ шепчетъ, а рѣдька Шилихина начинаетъ мало-по-малу темнѣть-темнѣть, чернѣть-чернѣть; напоследъ сдѣлалась, какъ уголь, черна.

„Гости смотрятъ и дивуются.

„Дѣичъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на всѣхъ такъ-то весело-весело. Шилиха въ лицѣ измѣнилась, сдѣлалась сумрачна.

— Кончилъ? — спрашиваетъ Шилиха Дѣича.

— Кончилъ! — говоритъ Дѣичъ и улыбается.

— Смотри! — говоритъ Шилиха и начинаетъ что-то шептать.

— Шилиха шепчетъ, а рѣдька ея начинаетъ мало-по-малу бурѣть-бурѣть, бѣлѣть-бѣлѣть, — а напоследокъ совсѣмъ побѣлѣла, какъ прежде была.

„Гости смотрятъ и пуще прежняго дивуются.

„Шилиха подняла голову и посмотрѣла на всѣхъ какъ-

то весело-весело. Дѣичъ въ лицѣ измѣнился, сдѣлался сумраченъ.

— Что скажешь? — спрашиваетъ Шилиха Дѣича и улыбается.

— Ничего! — говоритъ Дѣичъ. — Теперь ты начинай.

— Хорошо! — говоритъ Шилиха и начинаетъ шептать.

„Шилиха шепчетъ, а рѣдъка Дѣича мало-по-малу начинаетъ темнѣть-темнѣть, чернѣть-чернѣть; напоследѣ сдѣлалась, какъ уголь, черна.

„Гости смотрятъ и пуще прежняго дивуются.

— Кончила? — спрашиваетъ Дѣичъ Шилиху.

— Кончила! — говоритъ Шилиха и улыбается.

— Смотри! — говоритъ Дѣичъ и начинаетъ шептать.

„Дѣичъ шепчетъ, а рѣдъка его начинаетъ мало-по-малу бурѣть-бурѣть, бѣлѣть бѣлѣть, — напоследѣ совсѣмъ побѣлѣла, какъ прежде была.

„Дѣичъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на всѣхъ такъ-то весело-весело. Шилиха въ лицѣ измѣнилась, сдѣлалась сумрачна.

— Что скажешь? — спрашиваетъ Дѣичъ Шилиху.

— Ничего! говоритъ Шилиха. — Разрѣжь свою рѣдъку и посмотри.

„Дѣичъ разрѣзалъ рѣдъку и устаурился на Шилиху: середка рѣдъки была черна, какъ уголь. Немного погодя, Дѣичъ схватилъ Шилихину рѣдъку и разрѣзалъ: Шилихина рѣдъка была вся бѣла, какъ снаружи, такъ и внутри.

„Дѣичъ сидитъ ни живъ, ни мертвъ, только бурколами на всѣхъ поводитъ.

„Шилиха улыбается и говоритъ Дѣичу:

— Давя ты сказалъ, а теперь я скажу: не родился еще на свѣтъ тотъ человѣкъ, кто бы могъ супротивъ меня стоять: кто-бы что ни заговорилъ, я отговорю; но коли я что заговорю, никто во вѣки вѣковъ не отговоритъ.

„Вотъ она какая была дошлая, эта Шилиха, — сказалъ Иванъ Никитичъ. — Въ молодости своей, я опять скажу, въ молодости своей она была еще туда-сюда, по крайности, на

подарки, на угощенье, да на молодецкія приманки шла, а подь старость въ то только и жила, непотребная, чтобы добрымъ людямъ гадить. Напослѣдъ насталь часъ, его же никто не прейде.

„Жила Шилиха съ снохой, а сынъ былъ гдѣ-то на службѣ царской. Эта бѣдная, сноха-то сирѣчь, сколько приняла маяты и назолы, воззясь съ свекровью-колдуньею, только Богу одному извѣстно.

„Двѣ недѣли Шилиха томилась, а не издыхала. Напослѣдъ кто-то посовѣтоваль снохѣ, чтобы конекъ у избы поднять“ ...

— Это зачѣмъ? — спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ? спросилъ въ свою очередь старикъ. Безъ этого ни одинъ колдунъ не можетъ умереть, — продолжалъ старикъ. — Когда колдунъ умираетъ, въ это время окружаетъ его цѣлый сонмъ чертей; они заграждають дорогу ангелу; а душу изъ тѣла, — такъ въ Святомъ Писаніи сказано, — душу изъ тѣла, какая бы тамъ душа ни была, праведная ли, грѣшная ли, все одно, — душу изъ тѣла окромя Ангела Господня никакой чертъ не смѣеть вынуть. Послѣ уже, какъ ангель-то вынетъ душу, черти-то и отобьютъ ее, есть-когда она грѣшная, а кольми паче еретицкая, отобьютъ, подцѣпятъ на багры, да и поколябятъ во тьму кромѣшную. Вотъ для этого-то самага дѣла и поднимають у избы конекъ, чтобы дать ангелу мѣсто пробратся въ избу.

„Сноха такъ и сдѣлала. Дождалась вечера, пошла на подволоку и приподняла немного конекъ у избы, а сама схватила скорехонько ведры, да и побѣжала по воду, чтобы, знаешь, не видать, какъ свекровь-то окачурится. Но не дошла еще сноха до Яика, какъ домъ ихъ въ одинъ моментъ загорѣлся со всѣхъ четырехъ угловъ. Ударили въ сполохъ, сбѣжался народъ, а подойти къ дому никто не можетъ: какъ-то невидимая сила всѣхъ отталкиваетъ. Народъ въ страхъ и ужасъ смотритъ на пожаръ. Вдругъ изъ трубы вылетаетъ огненный змій въ видѣ бѣса триклятаго, что на Страшномъ Судѣ пишется: съ когтями, съ рогами, съ хвостомъ — какъ

быть бѣсу; въ когтяхъ держитъ самое Шилиху и летитъ съ нею черезъ городъ. А колдунья Шилиха вертится словно березка на огнѣ, да ручищами своими цѣпляется за крыши домовъ; за который домъ уцѣпится, тотъ и загорится; за который уцѣпится, тотъ, сударь мой, и загорится, и загорится. Такимъ манеромъ чортъ пронесся съ Шилихой черезъ весь городъ, и весь городъ загорѣлся.

„За башней, гдѣ теперь зимній базаръ, было озеро,— въ ту пору городъ нашъ былъ маленькій. Въ томъ озерѣ бѣсъ и Шилиха исчезли. А городъ нашъ все-таки сгорѣлъ до тла. Вотъ отчего пожаръ тотъ и названъ Шилихинымъ. Случился онъ въ день Св. Благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба. Съ тѣхъ поръ и доднесь въ день этотъ служатъ у насъ молебны и ходятъ в округъ города“.

То старина, то и дѣянье:
Морю Каспю на утѣшенье,
Быстрому Янку слава до моря,
Добрымъ людямъ на послушанье,
Уральскимъ казакамъ на потѣшенье.

Москва. 1859 г. Июль-Августъ.

Казакъ Тѣрскій.

— Да кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Ужъ мы выберемъ, ребята, атаманушку,
Атаманушка мы выберемъ походнаго.

(К а з а ч ь я п ѣ с н я).

— Слушаешь бывало рѣчи стариковъ-старожилыхъ объ ихъ старинныхъ заведеніяхъ, слушаешь, батюшка, и ушамъ своимъ не вѣришь: „неужто, думаешь, въ ихъ времена было все такъ, какъ они рассказываютъ?!“ — Такъ началъ рѣчь собесѣдникъ мой Аф. Д-чь Барсуковъ.— Не вѣрится, батюшка, ты хоть что. А почему не вѣрится! Потому не вѣрится, что сами-то мы возросли въ иныхъ порядкахъ. Къ примѣру начать хоть съ того: теперь кого надъ тобой поставятъ, того и слушай; въ порядкахъ ли, не въ порядкахъ ли на тебя находятъ,—молчи: супротивничать иль-бо оправдываться не смѣй, не то Боже сохрани! засудятъ, такъ что своихъ не узнаешь. Въ правилахъ будто бы сказано даже; „аще и палочку надъ тобой поставятъ, и той повинойся“. Хорошо, если палочка-то умная, толковая и жалостливая; ну, тутъ и спорить не объ чемъ—такъ ли, сякъ ли, хоть и скрипитъ, а идетъ колесо, и большихъ тычковъ не слышать. А вѣдь попадають такія, которымъ не только человека, но и тварь безсловесную довѣрить нельзя. Вотъ какъ

попадаешь подъ такую палочку, такъ и запоешь словно М. Е. Кочемасовъ:

„Кому повѣмъ печаль мою?
Кого призову ко рыданію?“...

— А въ старину, рассказываютъ старики, было совсѣмъ не такъ: кто достоинъ, того всѣмъ обществомъ и выбирали, тому и честь и власть предоставляли. Въ ребячествѣ я слышала отъ дѣдушки любопытную исторію про одного казака Терскаго, какъ выбрали его въ атаманы. Если хочешь, я тебѣ расскажу. И старикъ началъ:

„Кто за что, а Терскій за варочки“...

— Понимаешь ли, къ чему эти слова?

— Должно быть къ казаку Терскому,—сказалъ я.

— А въ какомъ смыслѣ?

— Я отрицательно покачалъ головой.

— Ну такъ слушай.

— Въ старые годы, когда еще насъ путемъ Москва не знала, когда была въ силѣ и поговорка: „ж и в и т е, б р а т ц ы, п о к а М о с к в а н е у з н а л а“—вотъ въ тѣ-то годы жилъ былъ на Яикѣ межъ нашими казаками съ Терека, отъ чего и прозванье ему было Терскій. Съ Терека такъ съ Терека — не диво. На Яикъ собирались со всѣхъ сторонъ, со всей, можно сказать, вселенной. Народъ сюда шелъ ловкій, смѣлый, храбрый, гордый, народъ съ амбиціей; такой, батюшка, народъ, которому не жилось на мѣстѣ своего рожденія, который искалъ вольготы, простора; одно слово — народъ, что называется, первый сортъ.

— Скажу тебѣ притчу,—отгадаешь ли?

— Говори. Попробую, авось и отгадаю.

— Пчелка беретъ со всякаго цвѣтка по капелькѣ соку.
Что выходитъ?

— Медь,—отвѣчалъ я.

— Отгадалъ, — сказалъ старикъ.—Подобно сему и наше дѣло: со всякаго, значить, со словья по молодцу, и вышло славное и храброе войско

Я и ц к о е, по нынѣшнему Уральское. Это не забывай, голубчикъ, и нашимъ братомъ не брезгуй.

— Я и не брезгаю. Съ чего ты взялъ?

— Такъ къ слову пришлось. Извини. Теперь о Терскомъ слушай.

— И такъ, жилъ былъ межъ нашими казаками казакъ Терскій. Кажись, чего бы лучше казакъ съ Терека. По всѣмъ правамъ долженъ бы быть молодчина. Анъ нѣтъ. Такой вышелъ, съ позволенія сказать, уродина, такой лѣнтяй, изъ рукъ вонъ. Ничего-то онъ, бывало, не сдѣлаетъ, все-то у него изъ рукъ валится. Къ примѣру: пойдутъ казаки-десятники въ луга сѣно косить,—всѣ работаютъ какъ слѣдуетъ, а Терскій только и знаетъ, что косу точить да пробиваетъ—въ цѣлый день больше двухъ-трехъ прокосовъ не пройдетъ. Пойдутъ десятники рыбачить, закинутъ неводъ, всѣ тянутъ, всѣ работаютъ до пота лица, только Терскій ни за что не принимается,—возьметъ въ руки багоръ и ждетъ, когда подтянутъ неводъ, чтобы забagrить готовую рыбку. Соберутся десятники на кошъ, станутъ обѣдъ или ужинъ варить—всѣ что-нибудь дѣлаютъ, только Терскій ни за что не принимается: ни дровъ онъ не наберетъ, ни воды не принесетъ, ни рыбы не почиститъ. Словомъ, такой былъ увалень этотъ Терскій казакъ, хоть брось. На два дѣла былъ только гораздъ: поспать да пожрать. Супротивъ этой статьи не было Терскому ни спорщика, ни поборщика. На счетъ ѣды одинъ за десятерыхъ уписывалъ, а на счетъ спанья,—словно богатырь послѣ боя по цѣлымъ суткамъ головы не приподнималъ, развѣ только для ѣды.—Сварятъ казаки обѣдъ, собираютъ чашки, ложки, припасаются чиннымъ манеромъ сѣсть за столъ; глядь, а Терскій ужъ у котла, лѣзетъ съ ковшемъ, схватитъ самый лучшій кусокъ и сожретъ. Когда, бывало, варятъ рыбу, казаки сначала щербу хлебаютъ, а Терскій сію-же минуту „присусонится“ къ рыбнымъ варкамъ, всѣ повытаскаетъ изъ котла и сожретъ—любилъ, значитъ. И смѣхъ, и грѣхъ. Отъ этого самага и сложили казаки про него поговорку: „кто за что, а Терскій за варочки“. Казаки

посмѣиваются надъ нимъ, а онъ и въ усъ не дуетъ, только ухмыляется. Отъ жранья, да отъ спанья Терскій разбухъ, словно тюлень.

— Такимъ образомъ прожилъ Терскій сколько-то времени, десятники особенно не нудили его, а только подтрунивали. На послѣдокъ попалъ Терскій въ другой десятокъ. Новые товарищи пристрюнили его, говорятъ: „ты что за атаманъ такой?! Коли хочешь сладко ѣсть, работай, а мы тебѣ не халуи“. Терскій и тутъ вздумалъ было алырничать, да не на таковскихъ попалъ. Новые десятники разъ сказали, два сказали, въ третій ужъ не говорили, а пошли къ атаману и пожаловались.

„Атаманъ собралъ кругъ, и въ кругу присудилъ дать Терскому науку, а если наука не пойдетъ впрокъ, то выключить его, какъ ледащаго, изъ казачьяго званія и прогнать съ Яика на всѣ четыре стороны. За наукой дѣло не стало—тутъ-же въ кругу, при всемъ честномъ народѣ разложили Терскаго на шары-на-палы и откатали голубчика *).

„Что-жъ изъ этого вышло? А то, что Терскій словно переродился—золото, а не казакъ сталъ. Еще десятники, бывало, спятъ, а онъ поднимается ни свѣтъ, ни заря и примется хозяйничать: и воды принесетъ, и дровъ наберетъ, и кашу сваритъ: словомъ, работаетъ за десятерехъ, а самъ веселъ, доволенъ, дѣлаетъ все вподпрыжку, да казакамъ спасибо сказываетъ, что уму разуму научили. Справедливо, значить, сказано, что „битый двухъ не битыхъ стоитъ“.

„Прошло сколько-то времени, Терскаго сдѣлали десятникомъ. Пошелъ въ гору нашъ Терскій. Разъ въ одной

*) На шары-на-палы—это своего рода штрафованіе. И теперь между казачатами оно нерѣдко употребляется. Если, напр., казаченокъ дѣлаетъ въ игрѣ какую-нибудь фальшь или въ срединѣ игры закапризничаетъ, бросить игру и тѣмъ разстроить весь ходъ игры, то участники, чтобы отучить товарища отъ капризовъ подобнаго рода, кричатъ: „на шары-на-палы“, и если угроза эта не подѣйствуетъ, то хватаютъ его за руки и за ноги и опускаютъ на рядъ разложенныхъ по землѣ палокъ и какъ валекъ по скалочкѣ катаютъ виновника по палочкамъ. Почятно, при такомъ наказаніи важна не физическая боль, а нравственная.

стычку съ ордой Терскій показалъ большую храбрость и расторопность, и общество сдѣлало Терскаго старшиной. Вотъ какъ! Прошло еще сколько-то времени, умеръ главный атаманъ. Казаки, много не думая, къ Терскому: „опричь тебя никто-де иной не достоинъ быть атаманомъ. Бери въ свои руки атаманскій посохъ и заправляй нашими дѣлами“. Вотъ какъ,—замѣтилъ рассказчикъ,—Терскаго въ атаманы! А все шары-да-палы. Справедливо, видно, сказано: „не уча въ пошы не ставятъ“.

Терскій отъ атаманства отказывается, говоритъ, что атаманомъ быть не достоинъ.

— Сами знаете, казакъ я причинный, то-ись штрафованный, — пояснилъ рассказчикъ.

— Чѣмъ же причинный? — спрашиваютъ казаки.

— Какъ чѣмъ?—говоритъ Терскій.—Развѣ забыли, какъ вы меня на шарахъ-на-палахъ валяли?

— Эта причина не въ причину. Это наука — ничего больше. Еслибъ наказали тебя за воровство или за другое какое преступленіе противъ общества, то дѣло иное, тогда бѣ и сами мы тебя атаманомъ не сдѣлали. Дѣло происходило, какъ слѣдуетъ, въ кругу, при собраніи всѣхъ казаковъ. Терскій отговаривается: я-де молодъ, есть постарше меня. Но ему возражаютъ, что въ такихъ дѣлахъ нуженъ не старый, а бывалый. Терскій проситъ дать ему три дня на размышленіе. Казаки не соглашаются, прямо требуютъ, чтобы онъ сейчасъ-же взялъ въ руки атаманскій посохъ и дѣло съ концомъ.

— Полно, товарищъ, „огуряться“, сказалъ кто-то изъ казаковъ—тебѣ-же хуже будетъ. Смотри, говоритъ проказникъ смѣхомъ, опять взвалимъ на шары-на-палы.

Весь кругъ отъ этихъ словъ разсмѣялся. Улыбнулся и Терскій.

— Ну, быть по вашему,—промолвилъ онъ.—Только вотъ что, товарищи: дайте мнѣ ваши руки, т. е. подписку,—пояснилъ рассказчикъ.

— Въ какой силѣ?—спрашиваютъ казаки.

— Чтобы вы во всемъ меня слушались,—говорить Терскій.

— Да какъ же мы не будемъ тебя слушать,—говорятъ казаки, на то ты и атаманъ.

— Однако,—говорить Терскій, отобравши отъ васъ руки, я буду спокоенъ.

Казаки согласились, и сталъ Терскій атаманствовать отличнымъ манеромъ, словно родился атаманомъ.

Перезимовали. На весну казаки собираются въ море на промыселъ. Ты не подумай рыбу ловить, — замѣтилъ казакъ и улыбнулся.—Терскій не соглашается, говоритъ, что годъ высокосный, что Кассіанъ-Рымлянъ обидится, и отъ того удачи не будетъ, что если разъ потерпятъ они неудачу, то всегда фортуна служить не будетъ.—„Если нынче пойдёмъ на промыселъ, — говоритъ Терскій, то никогда не будемъ ходить; а если нынче не пойдёмъ, то вѣчно будемъ ходить“.

Но казаки резонамъ атамана не внимали, требовали похода. Терскій сослался на „з а р у ш н ы й“ листъ. Но казаки пуще прежняго уперлись.—„Вишь гусь лапчатый“,—говорятъ казаки про Терскаго. „Вонъ онъ зачѣмъ требовалъ отъ насъ руки, чтобы совсѣмъ волю съ насъ снять! Дудки! Что бы тамъ ни случилось, а пойдёмъ въ походъ; на зло атаману пойдёмъ, чтобы впредь не было атаманамъ повадки распоряжаться нами по своей волѣ“.

Въ тотъ день собрались казаки въ кругъ и выбрали новаго атамана. „З а р у ш н ы й“ листъ, значить, потерялъ свою силу.

Новый атаманъ изъ воли казаковъ не вышелъ, повелъ ихъ въ море и попалъ, словно куръ во-щи. Гдѣ-то на Персидскомъ берегу попали казаки въ засаду и половины не досчитались, а добычи получили брусъ съ оселкомъ. Послѣ того, собравшись съ силами, пошли казаки сухопутьемъ въ Орду, кажется подъ Хиву. Та же исторія:—казаковъ пощипали и прогнали. Словомъ куда послѣ того казаки ни пойдутъ, вездѣ уронъ понесутъ. Сбылось, значить, предсказаніе Терскаго — фортуна отказалась служить.

Казаки дулись-дулись, да и перевернулись: рѣшились идти въ Москву просить подданства. Подданство-то выпросили, а фортуна все-таки не воротили,—покинула она казаковъ на вѣки-вѣчные.

Послѣ подданства куда ни пойдутъ—все уронъ, да уронъ. Пошли по указу царя Петра I Алексѣевича съ княземъ Бекичемъ въ Хиву въ полутора-тысячахъ кромѣ солдатъ, и всѣ сложили тамъ свои головушки; вернулась самая малость, и то по-одиночкѣ—гдѣ казакъ, гдѣ два. Еще какъ-то столкнулись съ Ордой на Утвѣ рѣкѣ—та-же исторія. Объ этой битвѣ у насъ и пѣсня есть:

„Какъ за рѣченькой, за Утвой,
За той водой, за черной...“

Я тебѣ и дѣло-то это расскажу. Слушай.

VI.

У т в а.

Какъ за рѣченькою было за быстрою
За Утвою,
За славными было за Утвинскими
За горами,—
Распахана была тамъ пашенка
Яровая.
Не плугомъ была пашня пахана,
Не сохою.
Распахана была пашня булатными
Копіями,
Взборонена она была коневыми
Копытами.
Не рожью была, братцы, засѣяна,
Не пшеницею,—
Засѣяна была, братцы, казачьими
Головами.
Засѣялъ ее добрый молодецъ—
Самъ уѣхалъ.
Засѣявши ее, онъ, добрый молодецъ,
Самъ слезно заплакалъ:
„Ты расти, моя пашенка,
Зеленѣйся,
На поливочку, моя пашенка,
Не надѣйся“.
(К а з а ч ь я л ѣ с н я).

— Въ давніе годы киргизы отогнали у нашихъ казаковъ изъ-подъ самаго города табунъ коней,—началъ рассказъ старикъ.—Казаки, какъ водится, пошли въ погоню за киргизами. Сколько было казаковъ, не умѣю сказать, а полагаю сотъ пять человѣкъ. Не добѣгая до Утвы-рѣки, казаки попали на огнище, т. е. на такое мѣсто, гдѣ у киргизовъ былъ лагерь. Казаки на нѣкоторое время пріостановились, чтобы

осмотрѣть мѣсто. Между казаками былъ одинъ калмыкъ, человекъ старый, бывалый, тертый калачъ. Осмотрѣлъ онъ огнище и говоритъ походному атаману:

— Атаманъ, вернемтесь назадъ: удачи не будетъ.

— Почему ты знаешь?—спросилъ атаманъ.—Развѣ не догонимъ?

— Нѣтъ, догнать—догонимъ, да не осилимъ.

— Отчего-жъ не осилимъ?—спрашиваетъ атаманъ. — Развѣ это другой какой народъ, не киргизы?

— Киргизы-то, киргизы,—говоритъ казакъ,—да только выродки изъ нихъ, народъ самый отчаянный, огневой.

— Почему ты знаешь?—спрашиваетъ атаманъ.—Развѣ видѣлъ?

— Не говоря ни слова, казакъ, съ лошади, поднялъ съ земли нѣсколько шашлинокъ (заостренныхъ палочекъ), на которыхъ киргизы маханину жарили, подалъ атаману и говоритъ:

— Видишь, атаманъ, всѣ шашлыки закопчены, значить, всѣ въ дѣлѣ были; на каждомъ шашлыкѣ по три маленькихъ, бѣлыхъ пятнышка—выходить три маленькихъ кусочка жарились, — значить, люди ѣдятъ мало, а такіе люди храбрые бываютъ. Не осилимъ мы ихъ.

— Трусую празднуешь,—сказалъ атаманъ калмыку и приказалъ отряду гнать дальше, а казакъ свое толкуетъ.

— Постой,—говоритъ онъ атаману,—я тебя до конца доведу.

— Казакъ пошелъ по огнищу и сталъ подбирать шашлыки, на каждомъ, словно нарочно, по три бѣлыхъ пятнышка—значить, съ каждаго шашлыка закусывали по трое; казакъ хорошо зналъ эти порядки. По шашлыкамъ и по пятнышкамъ сосчитали и воиновъ: вышло вдвое больше, чѣмъ казаковъ. Атаманъ и этого въ резонъ не взялъ. Поѣхали дальше. За Утвой-рѣкой опять набѣжали на огневище. На этомъ огневищѣ опять то же, что и на первомъ. Калмыкъ пристаесть къ атаману: „Вернемся. Удачи не будетъ“.

— Убирайся къ черту или къ своему бурхану,—сказалъ атаманъ казаку и приказалъ гнать дальше.

Нагнали киргизовъ. Они, приготовившись къ бою, стоятъ на пригоркѣ. Казаки приостановились, чтобы дать вздохнуть конямъ и оправить оружіе. Атаманъ спрашиваетъ совѣта у казаковъ, огонь ли сперва открыть, или прямо на „уру“ идти. Подъѣзжаетъ къ атаману калмыкъ и говоритъ:

— Мой совѣтъ: ни огня не открывать, ни на „уру“ не идти, а сейчасъ же спѣшиться и отбиваться. Непрiятель не по нашимъ силамъ. Смотри, весь непрiятель въ панцыряхъ.

— Не успѣлъ казакъ рѣчь докончить, какъ киргизы загикали и сами пошли на „уру“.

— Крѣпче стой, ребята!—закричалъ атаманъ,—да ужъ было поздно. Казаки дрогнули и пошли на-утекъ. А сробили казаки, полагають надо, отъ того, что калмыкъ раньше всѣхъ настрацалъ: „люди-де огневые, храбрые, не осилимъ“. Да, ужъ, отъ того ли, не отъ того ли, а сробили срамники, и вся недолга! Скверно, что и говорить!

Калмыкъ заскакалъ впередъ, останавливаетъ казаковъ:

— Стойте, товарищи! Стойте! Перебьютъ они сзади-то всѣхъ насъ“.

— Куда! На казаковъ робость нашла, они улепетываютъ, а киргизы знай поковыриваютъ ихъ взадъ, да поковыриваютъ,—киргизамъ „лафа“ вышла. Такимъ образомъ, киргизы изрядное число нашихъ добрыхъ молодцовъ перекололи,—самая малость, говорятъ, осталась вживѣ и воротилась въ городъ“.

— Вотъ съ чего и пѣсня взялась:

„За рѣченькой за Утою,
За той водой за черною...“

Атаманъ, говорятъ, сложилъ свою голову. Въ пѣснѣ иногда поють:

„Засѣяна пашенка тѣлами бѣлыми.
Одно тѣло лежитъ какъ снѣгъ бѣло—
Тѣло это казачьяго атаманушки...“

— Не поставь, Господи, въ осужденіе, —сказалъ разсказчикъ:—атаманъ самъ виновать. Упреждалъ, вѣдь, казакъ, что удачи не будетъ—не послушалъ; самъ на себя пеняй. По человѣчеству судить, жаль атамана, жаль и казаковъ. Впрочемъ, ничего не подѣлаешь: не они первые, не они послѣдніе. На то и родимся, чтобы кровь свою за отечество проливать. Пуще всего жаль калмыка,—такой герой былъ, такой дошлый. Не вернулся онъ въ городъ, пропалъ. Убили ли его киргизы, въ полонъ ли взяли, неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего убили: такая храбрая душа была. А все, что ни говори, Терскаго вспомнешь, замѣтилъ старикъ. Сказалъ онъ, фортуна служить не будетъ, — и не стала служить.

Между множествомъ вариантовъ на пѣсню, приведенную въ началѣ этой главы, есть и такой, гдѣ, вмѣсто стиха:

„Это тѣло казачьяго атаманушки“

Поется:

„Это тѣло стрѣleckаго атаманушки“.

Изъ этого можно заключить, что пѣсня эта въ корнѣ своемъ принадлежитъ не однимъ яицкимъ казакамъ, а всему русскому народу, претерпѣвшему въ старину не рѣдкія пораженія отъ орды. Такъ напр., въ русскихъ народныхъ былинахъ, собранныхъ г. Шейномъ, есть двѣ пѣсни, гдѣ поле побоища сравнивается тоже съ пашней...

...Да не сохами ту пашню распахнули,
Не всхожими сѣменами эту пашню засѣвали.
Распахали эту пашню турецкими лошадьми...
Засѣвали эту пашню крестьянскими головами *)...

Яицкимъ казакамъ, какъ выходцамъ изъ городовъ и се-

*) См. въ „Чтеніяхъ ист. и древн.“ 1854 г. 3, смѣсь, стр. 151.

леній великорусскихъ, не могли быть неизвѣстны пѣсни, начинающіяся подобнымъ сравненіемъ.

Казаки, претерпѣвъ значительное пораженіе за р. Утвой, и приурочили пѣсню къ своему несчастію. А что преданіе объ Утвинскомъ побоищѣ, сохранившееся въ памяти народной, идетъ отъ истиннаго событія, о томъ свидѣлствуютъ акты, именно:

„Въ прошломъ 723 году посланъ я былъ нижайшій отъ войска Яицкаго атаманомъ Иваномъ Тимофѣевымъ въ полторастахъ человѣкъ за непріятельскими людьми каракалпаки и киргизъ-кайсаки, которые подбѣгали тогда подъ Яицкій городокъ съ триста человѣкъ и побрали нашихъ казаковъ пять человѣкъ и нѣсколько скота отогнали; только тѣхъ непріятелей мы не догнали, а какъ возвратились обратно и, не доѣзжая до городка дни за два, на рѣкѣ Утвѣ напала на насъ другая непріятельская орда, человѣкъ съ триста, и былъ съ онымъ непріателемъ бой, при которомъ повзяли оные непріатели насъ человѣкъ съ девять въ полонъ, въ томъ числѣ и нижайшій взятъ и былъ въ полону пять лѣтъ“.

Это писалъ въ доношеніи своемъ В. Коллегіи яицкій казакъ Михайлъ Бородинъ, бывшій въ плѣну въ Хивѣ, куда перепродали его каракалпаки и откуда онъ былъ выкупленъ татаринномъ, прикащикомъ яицкаго казака Лобика.

Кромѣ того, яицкое войско въ отпискѣ своей Госуд. В. Коллегіи отъ 18 октября 1731 года, исчисляя потери свои въ людяхъ, понесенныя имъ въ разнаго рода походахъ, между прочимъ, писало слѣдующее:

....И въ прошедшемъ 724 году подбѣгали подъ нашъ казачій Яицкій городокъ непріятельскіе люди каракалпаки и киргизъ-кайсаки тысячнымъ числомъ, и мы войскомъ Яицкимъ погнали за оными непріятельскими людьми, выбравъ изъ старшинъ походнаго атамана Ивана Логинова и при немъ семь сотъ человѣкъ, и какъ догнали оныхъ непріятельскихъ людей при урочищѣ Утвѣ рѣкѣ и, догнавъ, состоялся съ

оними непріятелями бой, и бились съ нимъ два дни и ночь, и волею Божіею и нашимъ несчастіемъ нашихъ казаковъ семьдесятъ два человѣка побито, а другихъ многое число ранено и въ полонъ побрано“ *)...

Москва. Ноябрь 1861 года.

*) Изъ Арх. В. Кол. Каз. пов., кн. № 12, стр. 150.

VIII.

Х и в а *).

(Изъ сказаній уральскихъ казаковъ).

I.

ПОХОДЪ КНЯЗЯ БЕКОВИЧА.

„Еще долго ли намъ ребята, на Дарьѣ стоять?
На Дарьѣ стоять, ребята, карауль держать?—
Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,
А Кувань-рѣку пройдемъ въ глуху полночь,
А въ Хиву придемъ вокругъ бѣлой зари“...

(Изъ пѣсни уральскихъ казаковъ).

— Хива — страна з а к л я т а я; до поры, до времени покорить ее никакими силами нельзя, — началъ свой рассказъ мой собесѣдникъ, Аф. Д. Барсуковъ, когда я попросилъ его рассказать что-нибудь о походѣ въ Хиву князя Бековича-Черкаскаго. — Еще допрежь Бековича — продолжалъ старикъ — не разъ наши праотцы, то-есть казаки яицкіе, дѣла-

*) Рассказъ этотъ былъ напечатанъ г. Витевскимъ въ Др. и Нов. Россіи за 1880 г., сентябрь. Г. Витевскій предпослалъ рассказу краткій біографическій очеркъ І. И. Желѣзнова (извлеченіе изъ ст. Савичева), а самый текстъ рассказа снабдилъ примѣчаніями съ выписками изъ писемъ Перовскаго о хивинскомъ походѣ. Эти выписки, оказывается, вполне подтверждаютъ вѣрность общаго взгляда казака Барсукова на походъ. Рассказъ печатается здѣсь въ томъ видѣ, какъ онъ былъ воспроизведенъ по черновой рукописи Желѣзнова г. Витевскимъ.

ли попытки—хаживали въ Хиву, сами собой, безъ указу значить царскаго; щипать-щипали ее, было дѣло; но совсѣмъ покорить не могли, то-ись не могли подвести ее подъ державу Бѣлаго Царя, подобно тому, какъ Ермакъ Тимофеевичъ подвелъ Сибирь. Нѣтъ, живуча, проклятая! Случалось, батенька, и такъ, что наши-то и сами насилу оттуда ноги утаскивали; чай, не одна тысяща нашихъ молодцовъ сложила свои буйны головы въ Хивѣ проклятой. Хотя прискорбно и вспоминать объ этомъ, однако, „шила въ мѣшкѣ не утаишь“—что правда, то правда! На нашихъ, впрочемъ, и дивовать нельзя, что Хиву не покорили,—наши что? наши—народъ вольный, беззаботный, отчету наши никому не давали, а вотъ когда о Бековичѣ вспомнишь—какъ онъ-то, голубчикъ, не покорилъ Хиву, такъ поневолѣ призадумашься; не повѣрилъ бы, да повѣришь, что на Хиву заклятье положено. Вѣдь князь Бековичъ пошелъ на Хиву не самъ собой, а по указу царя Петра Перваго, а Петръ Первый шутить не любилъ: чуть не такъ — за ушко, да на солнышко. Предъ Петромъ Первымъ не точю свои, а и чужестранные енаралы дрожали, какъ листъ передъ травой. Что енаралы? — цари-то всѣ, короли-то всѣ невѣрныые ему дань платили; одна только Хива въ усъ не дула—вотъ ты и подумай! Бековичъ пошелъ въ Хиву не съ горсточкой, какъ къ примѣру наши праотцы допрежь него ходили: Бековичъ пошелъ, батенька, съ цѣлой арміей. Опричь нашихъ казаковъ, у Бековича были и донскіе казаки, и гребенскіе, были и солдаты, и драгуны; у Бековича и антиреліи и всякаго пушечнаго снаряда была бездна; при Бековичѣ было много и другихъ енараловъ, полковниковъ и всякихъ военныхъ чиновниковъ: одно слово, Бековичъ пошелъ съ настоящей ратью. Теперь спрошу тебя (обратился ко мнѣ старикъ): какъ же Бековичъ не взялъ Хиву? А вѣдь до Хивы-то онъ дошелъ. Что ты на это скажешь, а?

— Какъ, въ самомъ дѣлѣ, Бековичъ не взялъ Хивы?—переспросилъ я въ свою очередь рассказчика.

„Взять-то онъ ее взялъ, да не удержалъ; вотъ въ чемъ и

сила-то! Бековичъ благополучно дошелъ до Хивы. Безъ бою, безъ драки хивинцы покорились ему. Хивинскій ханъ и всѣ его мурзы-визири вышли за ворота, пали предъ Бековичемъ на колѣни и, какъ водится, чебурахнулись головою объ землю три раза; поднесли ему на золотомъ блюдѣ ключи отъ города—значить, покорились.—По нашимъ книгамъ,—говорять хивинцы,—мы довольно хорошо извѣстны, что рано ли, поздно ли, намъ не миновать рукъ Бѣлаго Царя, подобно тому, какъ не миновали Казань и Астрахань. Видно-де, говорятъ, пришло то время: покоряемся. Шествуй, говорятъ хивинцы Бековичу, въ городъ и твори волю пославшаго тя; бери съ насъ дань, какъ указы Царя Бѣлаго повелѣваютъ: повинны заплатить, супротивничать не смѣемъ. Только вотъ что осмѣлимся объяснить вашему княженецкому степенству, говорятъ злые и хитрые хивинцы: Хива городъ не очень большой, какъ и самъ изволишь видѣть; боимся, какою бы утѣсненія не послѣдовало твоей арміи насчетъ фатеръ и насчетъ продовольствія. По этимъ резонтамъ (говорять хивинцы Бековичу), не угодно ли будетъ вашей княженецкой милости сдѣлать такъ: разставить свою армеюшку не въ одной Хивѣ, а въ другихъ по смежности городкахъ и мѣстечкахъ; самыя что ни лучшія мѣста отведемъ, гдѣ и людямъ будетъ привольно, и конямъ ихъ кормно; одно слово,—говорять хивинцы Бековичу, потщимся предоставить вашему княженецкому степенству и всему воинству расейскому всякое удовольствіе; такъ ублаговоримъ, что на всю жизнь довольны останетесь. Выслушавши такую льстивую рѣчь злыхъ хивинцевъ, князь Бековичъ умилился и тотъ же часъ, не говоря худого слова, отдалъ подначальнымъ енараламъ и чиновникамъ приказъ въ такой силѣ, чтобы каждый енараль, каждый чиновникъ съ своимъ отрядомъ разошлись на фатеры по разнымъ мѣстамъ, гдѣ хивинцы укажутъ; а самъ со свитой и съ небольшимъ конвоемъ вступилъ въ городъ Хиву; вступилъ—и больше ужъ не выѣзжалъ, больше ужъ и на свѣтъ то божій не глядѣлъ. Такимъ манеромъ, продолжалъ старикъ, заманили хитрые хивинцы Бековича съ арміею словно въ западню; заманили,

и въ одну ночь задали карачунъ всѣмъ русскимъ, то-исъ иныхъ голубчиковъ перерѣзали какъ барановъ, иныхъ въ полонъ забрали и невольниками подѣлали, а самого Бековича злой-презлой казни предали: съ живого, говорятъ, съ него кожу содрали, разбестіи! Вотъ тебѣ и покорились! Вотъ тебѣ и ублагодворили! Вотъ тебѣ и дань заплатили! Если и всѣ такъ будутъ поступать, добра немного!“ Старикъ при этомъ плюнулъ презрительно. Помолчавъ немного, онъ проговорилъ:

„Не бѣлый-то лебедь, лебедчикъ воскликнулъ, —
Добрый молодецъ, князь Бекичевъ, слезно восплакалъ“...

— Вотъ этими самыми словами (продолжалъ рассказчикъ) зачиналась пѣсня про князя Бековича; да я, словно на грѣхъ, и въ молодую-то пору плохо ее зналъ, а хоша и пѣвалъ, то за другими, теперь же—говорить-ли?—совсѣмъ забылъ, а то-бы я тебѣ, кстати, спѣлъ; не взыщи ужъ. Помню (прибавилъ старикъ), пѣсня была такая жалостливая, такая заунывная! Да и какъ не быть ей жалостливой; шуткали? — съ живого кожу снять!?!... — Бррррръ!!!“ — Старикъ сдѣлалъ кислую гримасу и отчаянно потрясъ головой. Потомъ продолжалъ: — А сколько нашихъ-то казаковъ погибло — языкъ не выговорить! Полторы тысячи, сказывали старики, полторы тысячи пошло съ Бековичемъ въ походъ, а вернулось на Яикъ, въ разное время, какихъ-нибудь два-три десятка, не больше; всѣхъ хивинцы-изверги порѣшили: которыхъ, значить, перерѣзали, которыхъ въ плѣнъ забрали, и тѣ тамъ дни свои скончали. Только одному казачку, молодому парню и собой красавцу, въ тотъ разъ посчастливилось: не видалъ онъ, этотъ казачокъ, ни рѣзни, ничего такого, отъ чего сердце крушится; скорѣй, можно сказать, видалъ онъ то, отъ чего сердце голубится. Слушай, какая линія вышла. На фатерѣ, гдѣ казачокъ стоялъ, полюбила его молодая хивинка, дочь ли, сноха ли хозяйская,—не умѣю сказать хорошенько, да вѣдь не въ томъ сила! — Вотъ она-то, это молодая хивиночка, и защитила

казачка. Въ ту ночь, въ которую хивинцы уговорились задать Бековичу и веѣмъ нашимъ карачунъ, хивиночка увела казачка изъ дому въ садъ, въ самый глухой и удаленный уголь и спрятала; одно слово, припрятала молодца въ какомъ-то потаенномъ мѣстечкѣ. Тамъ казакъ и сохранялся сколько-то времени; тамъ, значить, и любовью они пробалялись, то-ись, казачокъ и хивиночка. Сортъ!“—замѣтилъ старикъ съ нѣкотораго рода самодовольствомъ.

— На послѣдокъ послѣ рѣзни (продолжалъ старикъ), послѣ всей заворохи, когда со всѣхъ мѣсть хивинцы съѣхались въ Хиву къ хану праздновать, по всей поганой вѣрѣ, богомерзкое торжество надъ русскими, хивинка обрядила казачка въ хивинскую одежду, дала ему провизию и сколько-то серебряныхъ и золотыхъ денегъ, — въ Хивѣ бумажекъ нѣтъ, — потомъ вывела изъ база самую что ни есть рѣзвую лошадь, тухменскаго аргамака, отдала ее казачку и на ней велѣла ѣхать въ путь-дорогу, то-ись, на родимую сторону. Больше, значить, не можно было хивинкѣ сохранять казачка (пояснилъ рассказчикъ), а выдать его хивинцамъ на смерть, либо на неволю злую—жалѣла: любила, значить. Басурманки — басурманки, а за ними этакія художества водятся! Хорошо. Хивинка совѣтовалась съ какой-то старухой, пособницей своего дѣла, и, по ея совѣту, научила казака, какъ проѣхать ему черезъ хивинскую землю, чтобы не попасться хивинцамъ въ руки. Казакъ простился съ хивиночкой, поѣхалъ и, за родительскія молитвы, выѣхалъ на Яикъ здоровъ и невредимъ.—Въ дорогѣ казакъ не одинъ разъ встрѣчался съ разными хивинцами и удачно отдѣлывался отъ нихъ. А какъ отдѣлывался? Смѣшно сказать! Къ примѣру: встрѣнутся съ нимъ хивинцы, спросятъ, кто онъ, куда ѣдетъ и зачѣмъ. А онъ притворится нѣмымъ, не говоритъ, а только мычитъ; потомъ сниметъ съ сѣдельной луки запасную узду, покажетъ хивинцамъ, ткнетъ пальцемъ въ гриву лошади и сдѣлаетъ руками знакъ: лошадь-де пропашую разыскиваю. Этого мало: спрыгнетъ съ лошади и преведетъ ладонью по лбу ло-

шади, даетъ знакъ: лошадь-де лысая; потомъ нагнется и обведетъ рукою около колѣнь лошади — даетъ знакъ: лошадь-де бѣлоногая. Каково?! Ай да хивиночка! Полюбила молодца и уму-разуму научила!—замѣтилъ старикъ съ самодовольствомъ: „такихъ давай Богъ нашему брату!... Хивинцы поглядятъ-поглядятъ на нѣмого, улыбнутся и покачаютъ головой: не видали-де; и поѣдутъ, оболтусы, своей дорогой, а казачокъ и радъ; дальше ѣдетъ. Такимъ манеромъ и проѣхалъ онъ сквозь хивинскія жилища и выѣхалъ въ степи. Въ степяхъ случилось ему сталкиваться кой съ какимъ людомъ, примѣрно, съ киргизами; но отъ нихъ онъ прямо пускался вскачь и ускакивалъ: лошадь была ужъ очень рѣзвая.

„А другой казакъ, по имени Тр. М-чь Новинской, инымъ манеромъ спасся и вышелъ изъ Хивы,—продолжалъ рассказчикъ. — Этотъ былъ мужчина пожилыхъ лѣтъ; бороду имѣлъ большую-пребольшую, чуть не до пояса, окладистую и сѣдую. Онъ что сдѣлалъ? Обрядился, сударь мой, татарскимъ муллою, то-ись наvertѣлъ на шапку куса два бязи, и въ такомъ видѣ пошелъ путешествовать. Молодецъ! Справедливо въ пѣсняхъ говорится про стариковъ:

„Старый казакъ догадливъ былъ“...

„И что же? — продолжалъ рассказчикъ, — куда Тр. М. ни придетъ, вездѣ орда встрѣчаетъ его съ почетомъ: напоить, накормить и на дорогу провизіи дать. Въ иномъ мѣстѣ спросятъ его: кто онъ, откуда и куда путешествуетъ, а онъ, чтобы не доказать себя, кто онъ такой есть, прикинется молчальникомъ, опустивъ глаза въ землю, вздыхаетъ, поглаживаетъ свою бородушку да шепчетъ про себя, однако, такъ, чтобы ордѣ было слышно, шепчетъ: „Алла! Алла! бисмилля!“ Орда разинетъ ротъ, дивуется, принимаетъ Тр. М. за странника, за богомольца, за молчальника, пуще прежняго оказываетъ ему почтеніе. Случалось, и очень часто, отъ аула до аула лошадь подъ него давали, провожатыхъ съ нимъ посылали; одно слово, встрѣчали и провожали

Тр. М. съ уваженіемъ и почтеніемъ. Такимъ манеромъ онъ всю орду прошелъ, проѣхалъ безпрепятственно. По выходѣ изъ орды въ Расею Тр. М. представлялся самому Петру Первому. Представлялся онъ царю на Волгѣ, когда Царь плылъ изъ верховыхъ городовъ въ Астрахань, царь очень удивился и спросилъ Тр. М-ча, какимъ побытомъ онъ, одинъ-одинёхонекъ, прошелъ чрезъ орду басурманскую?

— Бородушка помогла!—отвѣтилъ Тр. М-чъ.

— Какъ такъ? — спрашиваетъ царь и пуще прежняго дивуется.

— Такъ и такъ! — говоритъ Тр. М-чъ: — по бородушкѣ меня вездѣ съ почетомъ встрѣчали и провожали.

— Исполать же тебѣ, старинушка! — сказалъ Петръ Первый и ласково погладилъ Тр. М-ча по сѣдой его бородушкѣ.—Значить не всеу я пожаловалъ вашу братью, яицкихъ казаковъ, бородой: умѣете пользоваться ею; что хорошо, то хорошо! — сказалъ царь. — А какъ твое имя, отчество и прозвище?—спросилъ Петръ Первый: — скажи-ка въ другой разъ, я забылъ. — Тр. М-чъ сказалъ свое имя, отчество и прозвище. Царь съ минуту подумалъ и сказалъ: — Такъ какъ провела тебя чрезъ орду басурманскую твоя почтенная борода, то будь же ты, Тр. М-чъ отнынѣ до вѣка не Новинской, а Б о р о д и н ѣ!

— Царское слово свято!—сказалъ рассказчикъ: — и сталъ послѣ того Тр. М-чъ прозываться Бородинымъ. Одни изъ теперешнихъ чиновниковъ Бородиныхъ, — прибавилъ старикъ, — къ примѣру почтенный П. М., храбрый К. Ф. и другіе ихъ родня, идутъ отъ колѣна Тр. М-ча; въ ихъ роду и сохранилась память о томъ, какъ Тр. М-чъ надулъ цѣлую орду и славу себѣ получилъ.

II.

ПОХОДЪ ГРАФА ПЕРОВСКАГО.

— Жаль Бековича!—замѣтилъ я, выслушавъ старика.

— Коли не жаль? Очень жаль! — сказалъ старикъ.—

Хоша Бековичъ и новокрещенъ былъ, не русской, значить, природы, а все-таки служилъ Богу и великому государю, все-таки пострадалъ за нашу матушку Расею. И пострадалъ же, голубчикъ! Страдаютъ хуже, да рѣдко. Шутка ли: съ живого шкуру содрали! У насъ по этому побыту и поговорка вошла въ силу: пропалъ, какъ Бековичъ!

— Ужъ не измѣну ли Бековичъ сдѣлалъ?—спросилъ я моего собесѣдника.—Не подкупили ли его хивинцы? *).

— Что ты, что ты! — заговорилъ старикъ: — какъ можно! Шила въ мѣшкѣ не утаишь! Рано ли, поздно ли, а это бы открылось: „нѣсть-бо тайно, еже не явится“, это, батенька, въ писаніи сказано, — замѣтилъ глубокомысленно старикъ и потомъ продолжалъ: — хоша не отъ нашихъ, отъ хивинцевъ бы можно было послѣ услыхать. Нѣтъ, нѣтъ, касатикъ! Грѣхъ такую напраслину взводить на Бековича. Еще вотъ что въ резонъ возьми, — прибавилъ старикъ: — когда-бъ Бековичъ сдѣлалъ измѣну, хивинцы не казнили-бъ его, не содрали-бъ съ него съ живого шкуру, а скорѣе сдѣлали-бъ его какимъ-нибудь мурзой или какимъ-нибудь салтаномъ. На этотъ счетъ хивинцы молодцы: они всякому рады, кто своей волей передается имъ. Бывали случаи на моей памяти: солдатъ иль-бо мужикъ какой изъ астраханцевъ убѣжить къ нимъ въ Хиву, они и того съ радостію

*) Да не покажется кому-либо страннымъ вопросъ, сдѣланный мною рассказчику. Казаки, какъ и солдаты, и всѣ вообще простолюдины, въ высшей степени недовѣрчивы и подозрительны: всякую сколько-нибудь значительную, неудачу главнаго начальника на войнѣ или въ походѣ, особенно того, кто носитъ не русскую фамилію, они готовы отнести къ измѣнѣ или ко взяткѣ, что въ отношеніи предводителя тожественно. Отъ такого нареканія не уходятъ и свои офицеры, начальники стенихъ отрядовъ. Если, на примѣръ, офицеру, начальнику отряда, не удастся взять въ плѣнъ или разбить какого-нибудь бунтующаго киргизскаго батыря, напр., Исета Кутебарова, и если, по мнѣнію казакѣвъ, удобные къ тому случаи были упущены, то казаки непременно выведутъ такое заключеніе, что начальникъ взялъ съ батыря с дарку, т. е. взятку, а по-просту: сдѣлалъ измѣну. Все это, конечно, доказываетъ, что казаки не очень-то вѣрятъ въ чистоту начальническихъ убѣжденій.

примуть и въ большіе чины произведутъ. Это ужъ такъ, не спорь!

— Значить, сплеховаль Бековичъ?! — замѣтилъ я, выслушавъ доводы старика въ защиту Бековича.

— Съ одной стороны, може и такъ, а съ другой, пожалуй, и не такъ! — возразилъ старикъ. — Хоша и есть поговорка: самъ плохъ — не дастъ Богъ, однако, въ иномъ разѣ и поговорка не попадаетъ въ точку; по крайности, насчетъ Хивы это такъ. Вѣдь ужъ сказано: Хива— страна подъ заклятьемъ, ну и шабашъ: суемудрствовать тутъ нечего! Бековичъ ли — не Бековичъ ли, сплеховаль ли — не сплеховаль ли, это, сударь мой, все единственно; конецъ одинъ, рѣшенье одно, хоть къ бабушкѣ не ходи: неудача, да и вся недолга! Къ примѣру, Василій Алексѣичъ Перовскій, чай, не Бековичу былъ чета, поважнѣе, чай, Бековича (я тебѣ послѣ расскажу, кто таковъ былъ Перовскій), а когда пошелъ на Хиву, что взялъ? брусъ съ оселкомъ! Только рать свою разсѣялъ по дикой степи, да бездну царской казны задаромъ истратилъ.

Старикъ остановился и призадумался. Видно было, что онъ предался воспоминаніямъ не очень-то отраднымъ; потомъ заговорилъ:

— У! и походъ же былъ хивинскій — одно слово гибель! и скоту, и людямъ гибель! Для насъ, уральцевъ, ни-печемъ: народъ мы не такой, чтобы степныхъ походовъ бояться, а вотъ для солдатиковъ бѣдныхъ и говорить нечего: для нихъ хивинскій походъ былъ гибельный-прегибельный, что твоя холера, не объ ней будь сказано. Я самъ сломалъ этотъ походъ, кое-что многое видалъ своими глазами: не хорошо!

Старикъ сдѣлалъ печальную мину и потрясъ головой.

— Такъ ты былъ въ хивинскомъ походѣ? — спросилъ я моего собесѣдника: — я этого не зналъ.

Старикъ кивнулъ головой.

— Расскажи-ка; я послушаю, какъ вы отличались.

— Пожалуй, расскажу, — сказалъ старикъ, — только (прибавилъ онъ) не обезсудь, какъ умѣю и что помню!

Помолчавъ съ минуту, старикъ началъ:

— Сперва-на-перво слѣдуетъ знать, сударь мой, кто таковъ былъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, и по какому по-быту онъ сочинилъ хивинскій походъ, а потомъ уже рѣчь пойдетъ и про самый походъ. Согласенъ? — спросилъ старикъ.

— Сдѣлай одолженіе, очень радъ! — отвѣтилъ я.

— Ну, такъ слушай, — сказалъ старикъ, — или нѣтъ, не слушай, а прежде мнѣ отвѣтъ дай, когда знаешь: отчего Перовскій прозывался Перовскимъ?

— Такая ужъ фамилія, а отчего — не знаю.

— Я такъ и думалъ, что не знаешь, — сказалъ старикъ съ самодовольствомъ и прибавилъ: — Перовскимъ онъ прозывался отъ пера!

— Отъ какого пера? — спросилъ я.

— А вотъ отъ какого, — отвѣтилъ старикъ: — къ примѣру, орель-птица надъ всѣми птицами старшая; такъ и православный царь нашъ надъ всѣми земными царями старшій. У орла-птицы есть крылья; безъ нихъ онъ и парить не можетъ; такъ и у царя нашего есть енералы-сенаторы, безъ нихъ онъ и управлять державой не можетъ. У орла-птицы въ крыльяхъ есть по два главныхъ, по нашему, правійльныхъ пера; безъ нихъ и крылья, какъ слѣдуетъ, дѣйствовать не могутъ; такъ и у царя нашего межъ енеральствомъ-сенаторствомъ есть два-три енерала главныхъ, что называется, два-три правійльныхъ пера; безъ нихъ и енеральство-сенаторство прямо держаться не можетъ, а пойдетъ вкось и вкривь. Вотъ изъ числа этакихъ-то енераловъ и былъ Василій Алексѣевичъ Перовскій; отъ этого самого онъ и прозывался Перовскимъ. Хоша Перовскій заправлялъ только одной Оренбургской губерніей, но гремѣлъ на всю Расею. По лѣтамъ онъ былъ молодъ, а по службѣ да по чину онъ разсыпчаты эполеты носилъ и былъ старше всѣхъ обнаковенныхъ енераловъ въ Расеѣ. Въ Питерѣ, говорятъ, ни одинъ енераль, кто

бы онъ ни былъ — графъ ли, князь ли, все единственно — не смѣлъ на стулъ сѣсть при Перовскомъ, есть когда онъ не прикажетъ; одно слово, Перовскій былъ большой человекъ, только одной титлы ему не доставало, чтобы возвыситься надъ всѣми людьми и стать, что называется, на одну ногу съ царскими персонами; и мудреное такое названіе этой титлы — г е н е р а л м у с ъ, вотъ этакое что-то право, хорошенько-то не выговорю. Кто изъ енераловъ получить такую титлу, тотъ выходитъ изъ-подъ всякаго закона, то-ись ни за какую винность нельзя такого енерала ни подъ арестъ посадить, ни разжаловать; одно слово, енераль съ такой титлой становится на одну ногу съ царскими особами. Въ случаѣ, когда бы произволеніемъ божіимъ прекратилось царское сѣмя, то на царство сажаютъ г е н е р а л м у с а, а если енералмусовъ двое-трое, то даютъ имъ жербій. Вотъ видишь, какая важная эта титла; но что дорого, то и рѣдко: не очень-то часто жалуютъ такими титлами: къ примѣру, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ наша Расея, только и носилъ эту титлу одинъ Суворовъ. Есть въ военномъ артикулѣ такое изрѣченіе: „плохъ тотъ солдатъ или казакъ, который не надѣется быть енераломъ“. Коль скоро ужъ солдату или-бо казаку дозволяется имѣть надежду на енеральство, то какъ же енералу-то запретить имѣть надежду на генералмуса, а тѣмъ паче Василью Алексѣвичу Перовскому, который безъ того былъ главнымъ, что называется, правільнымъ перомъ-енераломъ. Вотъ и онъ задумалъ получить эту титлу. Но какъ ее получить? вотъ загадка! Прежде чѣмъ получить такую высокую титлу, прежде этого, сударь мой, надо заслужить двойную фамилію, безъ этого и титла не дается; а заслужить двойную фамилію, съ позволенія сказать, не мутовку облизать: для этого нужно сдѣлать такую отлику, которую не всякій сдѣлаеть, которая бы всѣмъ кидалась въ глаза. Къ примѣру, Суворовъ, прежде чѣмъ получилъ титлу генералмуса, заслужилъ другую фамилію — Рымницкаго, это за то, что онъ городъ Рымъ завоевалъ, гдѣ папа римскій престоль имѣеть; значить самый знаменитый городъ, что называется,

на „ура“ взялъ. Одно слово, добратся до такой великой титлы очень, очень мудрено. Даже не всякій, получившій и двойную фамилію, достигаетъ этой титлы: кромѣ Суворова, были и другіе генералы съ двойными фамиліями, къ примѣру, Дибичъ Забалканскій, — за Балканскія горы перешелъ, Паскевичъ-Ириванскій, — городъ Ириванъ у персіянъ завоевалъ; а все-таки такъ и умерли съ двойною фамиліею, а титлы генералмуса не получили. Ну да Богъ съ ними, не о нихъ рѣчь! Василій Алексѣевичъ — царство ему небесное — очень близокъ былъ къ покойному царю, Николаю Павловичу. Когда Василій Алексѣевичъ бывалъ въ Питерѣ, царь, говорятъ, ни обѣдать, ни чай пить не садился безъ него: всегда, значить, присуглашалъ его къ своей царской трапезѣ. Однако, какъ царь ни уважалъ Василья Алексѣевича, а и для него не хотѣлъ ломать законные порядки: тожь безъ двойной фамиліи не давалъ и ему титлы генералмуса, да и двойную-то фамилію приказалъ прежде выслужить; значить, надо было Перовскому заслужить прежде всего двойную фамилію. Вотъ онъ и вздумалъ сочинить походъ въ Хиву, и сталъ просить у царя на то дозволенія.

— Позвольте, говоритъ, ваше царское величество, идти мнѣ на Хиву и покорить ее подъ твое великое державство.

— Пожалуй, — говоритъ царь, — ступай; только вотъ что, Василій Алексѣевичъ, — сказалъ будто бы царь Перовскому: — какъ бы замѣсто двойной фамиліи не получить тебѣ конфузій иль-бо другое что похуже. Вѣдь всѣ толкуютъ, — говоритъ царь, — что Хива — страна подъ заклятьемъ: покоришь ли?

— Будьте благонадежны, ваше царское величество! Все это сказки, людскіе предразсудки; когда позволите, я докажу, что этакіе слухи распускаютъ хитрые и лукавые хивинцы, чтобы отклонить отъ себя Расаю.

— Толкуй себѣ: сказки, предразсудки, — замѣтилъ рассказчикъ: узналъ послѣ, каковы эти сказки, да поздно! — Хорошо, — продолжалъ старикъ, — пошла у насъ по войску молва, что скоро будетъ походъ на Хиву; признаться,

сначала мы не совсѣмъ вѣрили этому слуху. Ужъ коли Петръ Первый не завоевалъ Хивы, говорили мы про себя, то кому другимъ, думать, придетъ охота валандаться съ нею. Толкуемъ такъ-то, а того въ голову не заберемъ, что, може статься, не Хива нужна, а двойная фамилія нужна; вотъ она въ чемъ штука-то, — поди да и пойми съ перваго разу. Еще — ложь ли, правда ли, — болтали въ народѣ, что Василью Алексѣвичу, во что бы то ни стало, а безпремѣнно нужно было сочинить походъ, чтобы развязаться съ однимъ нашимъ полкомъ, лишь бы тотъ не кололъ ему глазъ.

— Съ какимъ это полкомъ?—перебилъ я рассказчика.

— Какъ съ какимъ, развѣ ты не знаешь? — возразилъ старикъ съ удивленіемъ и, немного помолчавъ, продолжалъ:—а впрочемъ, гдѣ-жъ тебѣ и знать-то было: небольшой еще, чай, былъ въ то время, и слышалъ звонъ, да не зналъ, откуда онъ. Слушай, я расскажу тебѣ вкратцѣ! — Старикъ началъ: — Года за два до хивинскаго похода, именно въ 37 году, утраздило нѣкоторыхъ нашихъ казаковъ, обойдя начальство, *п о д а т ь п о д а ч у* (прошеніе) на кое-какіе войсковые непорядки. Стлушили казаченьки, что и говорить! И всему дѣлу заводчикъ былъ В. Г. Филичевъ, неспокойный и строптивый старикъ. Хорошо. Въ подачѣ (прошеньѣ) казаки обнесли атамана, Василя Осишчы Покатилова — покойникъ уже, царство ему небесное! — и какъ то стороной задѣли и самого Василя Алексѣвича Перовскаго; чуешь, въ чемъ дѣло-то? Вотъ за такую-то продерзость и вздули голубчиковъ: В. Г. Филичева и всѣхъ его сугласниковъ, — если я не ошибаюсь, человекъ до пятидесяти, а може и до семидесяти, хорошенько не упомню, — наказали по закону: кого плетми, кого сквозь строй, смотря по возрасту, а потомъ разослали голубчиковъ, по винѣ судя, кого въ Сибирь на каторгу, кого туда же на поселеніе, кого въ солдаты, кого въ арестантскія роты; одно слово, всякому прошатаю воздали по закону. Хорошо. Перебравъ прошатаевъ, принялись и за всѣхъ насъ, то есть въ наказаніе всего нашего общества и чтобы, знаешь, отбить у нашего брата

охоту къ дерзостнымъ и дурацкимъ подачамъ, потребовали отъ насъ заразъ четыре пятисотенные полка, т. е. въ 550 человѣкъ каждый полкъ, а всего 2,200 человѣкъ. Вотъ это ужъ было и обидно, и тяжело для насъ: обидно потому, что больше половины общества даже не слышали о томъ, что затѣвалъ Филичевъ и его сугласники; однако, дѣлать нечего, повинны были исполнить: вѣдь мы слуги царскіе. Если когда-бъ батюшкѣ-царю угодно было спросить всѣхъ насъ, мы бы всѣ сѣли на конь и пошли, куда прикажутъ служить и кровь свою за отечество проливать: это долгъ нашъ, наша обязанность, за то и нарицаемся казаками. Хорошо. Наличный комплектъ войска, за разными разкомандировками, былъ въ ту пору небольшой, всего тысячи въ три съ чѣмъ-то. Знаешь, по нашему положенію, служба у насъ отправляется по найму, и по этому самому и приходилось одной тысячѣ выставлять двѣ тысячи, то-есть одному казаку нанимать двоихъ казаковъ — это говорить даже страшно! Однако, наняли и выставили четыре полка. Каждый служащій казакъ платилъ двоимъ наемщикамъ круглымъ счетомъ по тысячѣ рублевъ, такимъ родомъ наемъ четырехъ полковъ обошелся нашему войску круглымъ счетомъ въ тысячу тысячу рублевъ, вотъ во сколько! натоцакъ и не выговоришь. Одному изъ снаряженныхъ полковъ въ тотъ же годъ дали работу: послали на Кавказъ противъ черкашъ, а остальные три полка распустили по домамъ: некуда, значить, было потребить. Вотъ это-то особенно было тяжело. Знаешь, по нашимъ правиламъ, тѣмъ казакамъ, кои находятся въ своихъ предѣлахъ, ничего отъ казны не даютъ — ни жалованья, ни провіанта, ни фуража, одно слово, ничего. По нашимъ же правиламъ, знаешь, тѣмъ казакамъ, кои наймутся на какую-бы то ни было службу, не дозволяется уже пользоваться ни рыбными, ни другими промыслами. По этой причинѣ распущенные по домамъ полковые казаки и очутились въ своихъ семьяхъ какъ бы чужіе, и стали пить-ѣсть изъ готоваго, а промыслять не могли. Вотъ это-то, говорю, и было тягостно. Черезъ годъ, однако, сжалились — дали

работу еще двумъ полкамъ: одинъ услали въ Бессарабію, а другой въ Финляндію. Слава Богу! два полка съ хлѣбовъ долой; остался на Яикѣ одинъ полкъ, четвертый, въ которомъ и я числился: этому, бѣдняжкѣ, нигдѣ, знать, мѣста не нашлось. Вотъ этотъ-то полкъ и кололъ глаза Перовскому. Теперь понялъ?“ — спросилъ старикъ. — Я отрицательно покачалъ головой.

— Эхъ, какой непонятный! — добродушно замѣтилъ старикъ. — Межъ нами будь сказано, — продолжалъ онъ, — еслибъ въ Питерѣ до тонкости знали въ ту пору объ нашихъ обстоятельствахъ, то-бы Перовскому никоимъ манеромъ нельзя было отвертѣться отъ строгаго выговора за то, батенька, что требовать — требовалъ съ насъ четыре полка, а работы имъ всѣмъ нѣтъ, — вотъ за что! Какъ бы тамъ Василій Алексѣевичъ ни былъ возвеличенъ и превознесенъ, однако, за такіе порядки царь не сталъ бы гладить его по головѣ, а безпремѣнно сдѣлалъ-бы ему строгій выговоръ, да не одинъ-на-одинъ, а при собраньѣ всего генеральства и сенаторства. Вотъ этого-то самаго Василій Алексѣевичъ будто боялся, и потому, чтобы развязаться съ нашимъ полкомъ, чтобы потребить его какимъ ни на есть манеромъ въ дѣло, и вздумалъ, говорятъ, заразъ устичъ двухъ зайцевъ, то-ись двойную фамилію заслужить и нашъ четвертый полкъ потребить, чтобы онъ не былъ у него, яко бѣльмо на глазу. Теперь понялъ? — спросилъ старикъ-рассказчикъ. — Я кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Ну, слава Богу! — сказалъ старикъ, а потомъ продолжалъ: — Еще не было отдано никакого приказанія, еще не слышать, не видать было никакихъ приготовленій къ походу, а въ народѣ у насъ пошла уже молва, что будетъ походъ въ Хиву, и задолго, сударь мой, до похода прошла молва, за полгода иль бо за годъ, вотъ когда!

— Да какимъ же образомъ народъ узналъ, что будетъ походъ, когда, какъ ты говоришь, не было ни приказаній, ни приготовленій? — спросилъ я моего собесѣдника.

— Очень просто, — отвѣчалъ старикъ: — г л а с ь

народа — гласъ Божій — это не даромъ говорится. Слыхаль я въ молодую пору отъ старыхъ людей, и самъ на своемъ вѣку испыталъ, что ни одно сколько-нибудь значительное дѣло не укроется отъ народа, чтобы народъ не узналъ о немъ допрежъ публикаціи. На первый разъ, кажется, мудреная вещь, а какъ всмотришься поближе, да вдумаешься хорошенько, видишь — вещь очень простая. Къ примѣру, батюшка-царь только еще посовѣтуется съ своими думчими сенаторами о какомъ-нибудь значительномъ дѣлѣ, прикажетъ имъ держать покуда въ секретѣ; сенаторы крѣпятся, держать дѣло въ секретѣ. Но вотъ одинъ какой-нибудь сенаторушка, слабенькій на язычекъ, и проболтается хоть, къ примѣру, супружницѣ своей, — ну и шабашъ: пошла, значить, пыльня въ ходъ. Такимъ манеромъ въ Питерѣ въ ину пору только еще судятъ-рядятъ, и бумагъ-то еще не думаютъ писать о какомъ-нибудь дѣлѣ, а народъ уже, смотришь, шушукаетъ: „такъ и такъ, то и то будетъ“. Смотришь — правда. Не даромъ, значить, говорится: гласъ народа—гласъ Божій. Понялъ?—обратился ко мнѣ рассказчикъ.

Я кивнулъ головой, а старикъ снова заговорилъ: — Прошла, говорю, у насъ молва, что будетъ походъ на Хиву; народъ нашъ и осѣлся, приунылъ. Не оттого приунылъ, что походъ — къ походамъ намъ не привыкать стать, — а оттого, что на Хиву походъ, вотъ въ чемъ сила-то! У насъ отъ предковъ идетъ, что Хива возьметъ въ послѣднее время, въ одно время съ Ерусалимомъ и Цареградомъ; объ этомъ якобы и въ книгахъ написано. Не хочу лгать, самому мнѣ не доводилось читать въ книгахъ насчетъ Хивы, а вотъ, насчетъ Цареграда самъ читалъ; у меня даже и списокъ есть насчетъ Цареграда и насчетъ антихриста; хочешь, покажу?

— Сдѣлай одолженіе, очень радъ! — отвѣтилъ я.

— Изволь! — сказалъ старикъ, и съ этимъ словомъ онъ выдвинулъ изъ стола ящикъ и досталъ оттуда засаленную и крѣпко потертую тетрадку, писанную уставомъ и довольно безграмотно. Порывшись въ тетрадку, старикъ указалъ мнѣ

на одну страницу и пригласилъ прочесть. Я прочелъ слѣдующее: „Антихристъ титанъ преисподней, и нарицаеть себѣ имя по врейски авдонъ, по иланиски (поэллински?) а п п о л о н ъ, а по гречески п о н о т а р т ъ, а по расейски а н т и х р и с т ъ, возжеть огонь неугасимый, пролетъ кровь яко воду... никакія силы его одолѣти не могутъ, только его угонятъ войско казаки, урядою бородатые, съ крестами, а Царьградъ будетъ взятъ тремя царями... и останется единъ царь, именемъ Константинъ... Книга Максима Грека: когда русскій народъ турковъ побѣдитъ и Царьградомъ начнетъ владѣти, тогда антихристъ явится въ самое взятіе Царьграда...“

— Ну, что, вѣрно?—спросилъ меня старикъ, когда я кончилъ чтеніе.

— Вѣрно-то вѣрно,—замѣтилъ я,—да вѣдь здѣсь только насчетъ Царьграда, а о Хивѣ ни слова.

— Спору нѣтъ,—возразилъ старикъ,—о Хивѣ тутъ не сказано; да, вѣдь, я тебѣ и давеча сказалъ, что самъ я насчетъ ея нигдѣ не читалъ; только въ томъ могу завѣрить, что у насъ отъ предковъ идетъ, что какъ-де завоюють Хиву, такъ кругомъ свѣта пойдутъ въ Ерусалимъ, гдѣ гробъ Господень, а изъ Ерусалима опять же кругомъ свѣта пойдутъ въ Царьградъ; а какъ только Царьградъ возьмутъ, такъ и шабашъ: міру конецъ! Это ужь, сударь мой, вѣрно, вѣрнѣе смерти. Жаль, касатикъ, что Яковъ Михайлычъ Тарасовъ умеръ: онъ довелъ бы тебя насчетъ этой статьи до тонкости.

— А кто такой былъ Яковъ Михайлычъ?—спросилъ я рассказчика.

— Какъ кто такой? Неужто-жь ты не зналъ его? Хорошъ же гусь, нечего сказать!—замѣтилъ старикъ не безъ ироніи, затѣмъ продолжалъ:—Да вѣдь Якова Михайловича Тарасова все общество знаю; да что общество!—ребятишки-то градскіе, чай, всѣ знали его. Онъ жилъ въ Новоселкахъ и славныя удочки дѣлалъ, не хуже англицкихъ; може статья, и ты, когда мальчуганомъ былъ, покупывалъ у него удочки, припомни-ка?

Я отрицательно покачалъ головой. Старикъ съ досады махнулъ рукой и потомъ заговорилъ:—Вы всё таковы, не въ обиду будь сказано. Къ примѣру, какого-нибудь балалаечника, скоморошника изъ нашего брата вы знаете, а такихъ людей, каковъ былъ покойный Яковъ Михайлычъ, не знаете; да вѣдь это, батенька, былъ столбъ старой вѣры! Это былъ такой грамотей, такой начетчикъ, какихъ еще свѣтъ не видывалъ: онъ всѣ книги, сколько ихъ ни есть въ Расаѣ, и рукописныя, и печатованныя,—дай ему Богъ царство небесное,—всѣ отъ доски до доски прочелъ, и по тому самому ни одинъ церковный священникъ, ни одинъ благочинный спорить съ нимъ не могли; всѣхъ ихъ Тарасовъ побѣждалъ, всѣхъ значить сильнѣе былъ насчетъ божественнаго писанія и насчетъ всего, что касается до креста, до семипросфорія, до аллилуія и проч. такого; одно слово, покойникъ Тарасовъ всю подноготную зналъ; отъ него-то, братецъ мой, я своими ушами слышалъ, что Хиву до поры до времени взять нельзя. Въ тотъ разъ, какъ прошла молва о хивинскомъ походѣ, къ Тарасову гурьбой повалилъ народъ узнать, правда ли это и чего нужно ожидать отъ похода. Насчетъ того, будетъ ли походъ или нѣтъ—Тарасовъ прямо говорилъ, что не знаетъ и что знать этого не можетъ: „не святъ-де духъ“; а насчетъ того, удаченъ ли, счастливъ ли будетъ походъ, прямо такъ и рѣзалъ: „нѣтъ!“ Или: „пойдутъ, да не дойдутъ“—говорилъ Тарасовъ; или пойдутъ, да не воротятся; потому, говорилъ Яковъ Михайлычъ, что „время еще не приспѣло“. Оно такъ и вышло,—замѣтилъ рассказчикъ,—пошли и не дошли! Послѣ уже, когда походъ формально обозначился,—продолжалъ старикъ, начальство, должно полагать, запретило Тарасову говорить правду, и онъ скрытничалъ. Къ примѣру, придетъ къ нему какая-нибудь старушка, заливается слезами: знамо, сына иль-бо внука вьюношу снаряжаетъ въ походъ, спросить какъ и что, а Тарасовъ только и скажетъ: „Молись, молись, касатушка: безъ воли Божіей и волосъ съ головы не упадетъ; Господь поможетъ—единъ побіетъ тысячу, а тысяча побіетъ тьму!“ Это ужъ онъ говорилъ такъ

только, чтобы успокоить народъ, а потихоньку-то, межъ близкими людьми, прямо рѣзалъ, что не будетъ удачи“.

— Да Тарасовъ могъ и сболтать, наобумъ сказать! — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, касатикъ, не грѣши!—сказалъ старикъ съ жаромъ:—Тарасовъ не такой былъ человекъ, чтобы болтать и наобумъ говорить; одно слово, человекъ онъ былъ испытанный: о чемъ и когда онъ ни предсказывалъ, ничто, сударь мой, во ложь не оставалось. Къ примѣру, лѣтъ за десять до хивинскаго похода, была война у нашего царя съ Туркомъ; армія наша зашла въ Туречину; вездѣ, на каждомъ, значитъ, шагу била и гнала турецкую армію и подошла близехонько къ самому Царюграду. По газетамъ слышно было, что стоитъ наша армія отъ Царяграда близехонько, всего въ какихъ-нибудь 30 иль бо въ 40 верстахъ. Чиновники наши, что газеты читаютъ, бывало говорятъ намъ, что не нынѣ-завтра армія наша вступитъ въ Царьградъ; а Тарасовъ, царство ему небесное!—говорилъ напротивъ, то-ись, что этого быть не можетъ, что время еще не приспѣло!—Наплюйте мнѣ въ глаза,—говорилъ онъ,—есть когда наши возьмутъ Царьградъ!—Да вѣдь наши уже близко отъ Царьграда!—говорятъ Тарасову.—Нужды нѣтъ, что близко,—отвѣтитъ на это Тарасовъ: — и ближе будутъ, а все-таки не возьмутъ; и подъ стѣнами постоятъ, и все-таки вернутся вспять! — Оно такъ и случилось, — замѣтилъ старикъ: прошло сколько-то времени, слышимъ: замиренье съ туркомъ; армія наша вернулась домой, Царяграда не видала... Иль-бо вотъ что еще скажу насчетъ Царяграда же,—продолжалъ рассказчикъ послѣ небольшого перерыва нашей бесѣды: — предъ тѣмъ, какъ быть войнѣ подъ Севастополемъ, наши пошли за Дунай, въ Туречину, значитъ, и хлестко было пошли, надо отдать справедливость: вездѣ били турка. Всѣ думали, что туркамъ капуть пришелъ, что Царьградъ будетъ за нами; а Тарасовъ—царство ему небесное!—покачивалъ только головой, да поговаривалъ:—время не приспѣло, время не приспѣло, братцы!—Оно такъ и вышло! наши подошли еще только подъ

Селистру—это такая крѣпость турецкая,—пояснилъ рассказчикъ,—да, подошли, говорю, наши только еще подъ Селистру, какъ, слышимъ, за турка вступились французъ и англичанинъ, да, не говоря дурного слова, вломились къ намъ въ Расею, то-ись, подъ Севастополь; турокъ-то, подлець, и остался въ сторонѣ и до сихъ поръ владѣеть Царьградомъ. Значить, правду сказалъ покойный Яковъ Михайлычъ, что время не приспѣло. Да-съ, это такъ! Хоть не меня, другихъ кого спроси, и всякъ скажетъ тебѣ то-же, то-ись, что Яковъ Михайлычъ зря, наобумъ, никогда не болталъ, а всякое его слово попадало въ точку. Вотъ хоть бы насчетъ все той же Хивы: есть когда по твоему Тарасовъ наобумъ говорилъ, то разсуди на милость, съ чего жъ взяли сами хивинцы говорить тѣ же рѣчи, то-ись, что для Хивы время не приспѣло; значить, и у нихъ въ книгахъ написано.

— Когда жъ и кому хивинцы объ этомъ говорили? — спросилъ я рассказчика.

— А вотъ когда, — сказалъ старикъ. — Когда Василій Алексѣевичъ Перовскій задумалъ идти на Хиву, то приказалъ задержать всѣхъ хивинскихъ купцовъ, кои пришли въ ту пору изъ Хивы въ Оренбургъ съ караванами. Не помѣстно ли было въ Оренбургѣ, или по чему другому, не умѣю тебѣ сказать, а только то извѣстно, что большею частію хивинцевъ пригнали изъ Оренбурга къ намъ, въ Уральскъ, и размѣстили въ солдатскихъ казармахъ. Карауль къ нимъ поставили изъ нашихъ казаковъ, словно будто бы къ плѣнникамъ. Хорошо. Хивинцы сильно пріуныли, да и нельзя было не пріуныть: до кого не коснись, своя рубаха къ тѣлу ближе. Хорошо. Надзоръ за хивинцами былъ не такой, какой бываетъ за настоящими арестантами: не ковали ихъ, не запирали въ секретныя; пускали ихъ на базаръ за покупками и къ нимъ слободно допускали желающихъ, къ примѣру, татаръ-купцовъ, киргизовъ и др. Такимъ манеромъ добыли они отъ своей братіи басурмановъ какую-то книгу и вычитали въ ней, что для Хивы время не приспѣло; вычитали это, сударь мой, и совершенно переродились. Дотолева были унылы,

печальны, неговорливы, а тутъ повеселѣли, собаки, словно бы и не въ плѣну сидятъ; и откуда взялись рѣчи, пошли сказки, смѣхи да хихи; одно слово, переродились хивинцы, будто и не въ плѣну, будто не до нихъ касается. Дѣло, замѣть, было въ срединѣ зимы: Перовскій былъ уже далеко въ степи. Отъ Василя Алексѣевича часто приходили въ Уральскъ письма къ Матвѣю Львовичу, нашему атаману, что въ отрядѣ-де все обстоитъ благополучно, что отрядѣ-де подвигается впередъ. Въ ту пору сложили у насъ въ отрядѣ пѣсню и прислали списокъ съ нея въ Уральскъ; въ этой пѣснѣ были такія слова:

„Славно, братцы, пришло время!
Мы идемъ всѣ на Хиву;
Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу“...

и прочее такое, все насчетъ того, что русскіе скоро, скоро зададутъ хивинцамъ перц-аз-ра. Хорошо, слушай. Родственникъ мой, урядникъ Чапуринъ, все время находился въ караулѣ при хивинцахъ, покуда они содержались у насъ въ городѣ. Вотъ онъ-то, этотъ самый Чапуринъ, и пересказывалъ хивинцамъ, что слышно было изъ отряда; знамо дѣло, говорилъ и про пѣсню, переводилъ слова ея хивинцамъ, а они, мошенники, и въ усъ не дуютъ: подсмѣиваются и подшучиваютъ. „Спору нѣтъ“, говоритъ однажды старый хивинецъ Чапурину: „русскіе люди храбрые, може всѣхъ храбрѣе и воинчѣе (воинственнѣе), особенно вы, д ж а и к ъ у р у с ы (то-ись мы, уральскіе казаки, пояснилъ рассказчикъ), а нашей Хивы все-таки не видать вамъ, какъ ушей своихъ: время еще не приспѣло! Хоша вашъ Перовскій и смѣло пошелъ на Хиву“, говоритъ хивинецъ, „однако не на добро: иль бо къ нашимъ въ руки попадетъ и одну чашу съ Бековичемъ испіеть, иль бо испугается и съ полпути вернется назадъ“. Оно такъ и вышло, замѣтилъ старикъ и потомъ продолжалъ:—Хоша нашему брату и прискорбно слышать такія рѣчи отъ поганныхъ хивинцевъ, а все-таки супротивъ этого ничего не подѣлаешь: что правда, то прав-

да! А всего важнѣе, сударь мой, та вещь, что хивинцы почти слово въ слово говорили то же, что говорилъ и нашъ Яковъ Михайловичъ Тарасовъ. Выходить: Хива — страна подь заклятьемъ: до поры, до времени покорить ее никимъ манеромъ нельзя. Такъ что ли?—спросилъ меня старикъ, слегка дотрогиваясь до моего плеча и глядя прямо на меня съ видомъ увѣренности, не допускавшимъ никакого возраженія.

— Должно быть такъ—отвѣтилъ я, кивнувъ головой.

— Именно такъ!—сказалъ старикъ и потомъ прибавилъ: —Ну-съ, теперь пойдетъ рѣчь о самомъ походѣ. Слушай.—И старикъ началъ:—Въ походъ мы, то-ись уральцы, выступили съ нашей низовой линіи, изъ Калмыковской крѣпости; а Перовскій съ солдатами, башкирцами, оренбургскими казаками и со всей своей свитой, вышелъ другой дорогой, изъ Оренбурга. Сошлись мы съ Перовскимъ, есть когда не ошибаюсь, у Темиръ рѣки. Хорошо. Насъ, уральцевъ, было два полка: одинъ № 4, что отъ наслѣдника года остался, а другой, № 5, вновь снаряженъ былъ собственно для этой оказіи. Этотъ полкъ набранъ былъ изъ форфоциковъ, то-ись изъ линейныхъ казаковъ. Знамо дѣло, выбирали казаковъ самыхъ лучшихъ и на самыхъ лучшихъ лошадяхъ. Хорошо. Мѣсяца за два иль бо за три до похода велѣно было намъ откармливать лошадей какъ наивозможно лучше, и мы откормили,—и все это, касатикъ, на свой счетъ: на то, значить, и казаки! Сами не ѣли, а лошадушекъ кормили—кто овсомъ, кто мѣсвомъ, кто печенымъ хлѣбомъ. Печеный хлѣбъ больно полезенъ для лошади,—пояснилъ старикъ:—съ него лошадь больше дюжить; хотя тѣломъ послѣ и спадеть, однако, мозгами въ костяхъ сильна бываетъ. По этой причинѣ каждый казакъ и заботился о лошади пуще не знай чего, послѣднее втравлялъ въ лошадку. Знамо дѣло, походъ походомъ, что и толковать, а свои души берегли. Знаешь поговорку старыхъ казаковъ: конь подо мной, то и Богъ надо мной?! Хорошо. Одѣяніе себѣ подѣлали сами же, по своему вкусу, кто какое хотѣлъ и какое считалъ удобнымъ и

пользительнымъ для своего тѣла. Насчетъ этого, спасибо Перовскому! прибавилъ рассказчикъ—предоставилъ, значить, намъ на изволящаго, и хорошо сдѣлалъ: по нашей милости, безъ похвальбы скажу, и воротился изъ похода цѣлъ; а сдѣлай иначе, къ примѣру—вели одѣться намъ по настоящей формѣ, какъ солдатусшекъ одѣвали,—ну, и шабашъ, пиши пропали! перемерзли бы мы, перехворали всѣ до одинаго; тогда не съ кѣмъ бы и вернуться Перовскому во-свояси.

— А что, развѣ солдаты плохо были одѣты? спросилъ я рассказчика.

— Плохо-то, пожалуй, не плохо, а какъ слѣдуетъ, по-солдатски, да только не по-походному, не по-зимнему,—сказалъ старикъ.—Къ примѣру, обыкновенная солдатская шинель, а подъ ней джибажинная короткая шубка (полушубокъ), покрытая бѣлымъ холстомъ, потомъ суконныя шаравары да съ длинными голенищами сапоги; потомъ обнаковенная теплая солдатская фуражка съ ушами—вотъ и все одѣяніе, вотъ и вся защита отъ холода! Въ другихъ какихъ случаяхъ, примѣрно въ походахъ по жидымъ мѣстамъ, гдѣ есть обнаковенныя избы, конечно, ничего: хоша-бъ и плоше солдатски были одѣты, все-таки бы перенесли, потому днемъ на морозѣ, а ночью въ избѣ; иль бо ночью на морозѣ, а днемъ въ избѣ, ну, и есть, значить, время обсушиться, обогрѣться; а что касается киргизской степи, да въ зимнее время, да въ лютые морозы, да въ страшнѣющіе бураны, коли и волкамъ бываетъ жутко, ну, тутъ пѣшему солдатикѣ въ шинелькѣ да въ джибажинѣ нѣтъ ходу!

— Ну, а вы-то какъ же одѣвались?—спросилъ я собеседника.

— Мы-то?—переспросилъ старикъ и потомъ продолжалъ: —Я ужъ сказалъ, что всякъ изъ насъ одѣвался по своему вкусу. Къ примѣру о себѣ скажу: первымъ дѣломъ, на мнѣ была, поверхъ рубахи, фуфаячка, стегана на верблюжьей шерсти, такая мяконькая, а поверхъ ея новый изъ урослыхъ мерлушекъ полушубокъ, немного ниже колѣнъ, крытый черной китайкой. Это, знаешь, для корпуса, а для ногъ было

вотъ что: поверхъ обнаковенныхъ штановъ другіе штаны, стеганы на верблюжьей же шерсти, верхъ китаечный, а низъ выбоичатый, тоже такіе мягкіе, такіе теплые, не уступятъ фуфайкѣ, а поверхъ ихъ кожаныя киргизской выдѣлки шаравары. Сапоги, знамо дѣло, огромнѣющіе, а онучь пять аршинъ съ походцемъ. По сапогамъ глядя, и стремена состроилъ деревянные: это для того еще, знаешь, что отъ дерева, не какъ отъ желѣза, ноги не зябнутъ. Хорошо. Полушубокъ, якобы кафтанчикъ, подпоясывалъ ремнемъ, какъ для теплоты, такъ и для ловкости. Одѣянье, самъ видишь, удобное. Но это еще, батенька, не все; этого все-таки мало. Дальше, поверхъ полушубка—саксачій тулупъ, якобы хламида какая, а поверхъ саксачьяго тулупа обнаковенная киргизская доха, изъ рыженькихъ жеребчиковъ, хоша и не красива, зато тепла. Тулупъ съ дохой тоже подтянешь другимъ поясомъ для удобства. Хорошо. На головѣ, извѣстно, баранья шапка, а поверхъ шапки, на случай бурана, башлыкъ изъ верблюжьего сукна, да, про запасъ, еще киргизской овчины малахай, по нашему т р е у х ъ. Вотъ этакъ-то я и былъ одѣтъ—и важнецъ!—заклучилъ старикъ. —Такимъ же точно манеромъ, продолжалъ онъ, и прочіе казаки позаботились о себѣ, то-исъ каждый казакъ имѣлъ и полушубокъ мѣховой съ разными мяконькими и теплыми фуфаечками, иль бо курточками, иль бо халатиками, и тулупъ саксачій съ дохой иль бо съ зипуномъ изъ верблюжьего сукна, и башлыкъ съ треухомъ; одно слово, каждый казачекъ изъ послѣдняго лѣзъ, а одѣлъ, укуталъ себя такъ, чтобы морозъ отскакивалъ. И оттого-то мы, уральцы, какъ пошли молодцами, такъ и шли всю дорогу молодцами, такъ и домой вернулись молодцами, то-исъ ни одинъ изъ насъ не замерзъ до смерти, подобно бѣднымъ солдатикамъ...

— А развѣ замерзали солдаты?—спросилъ я рассказчика.

— Было дѣло! — сказалъ старикъ какъ-то нехотя.

— Отчего же?

— Чудной ты человѣкъ!—спрашиваешь, отчего. Сказано: одѣты были по-казенному, вотъ отчего! По-нашему одѣтъ ихъ,

продолжалъ старикъ,—нельзя: дорого, казны много требуется: опять и то: есть когда одѣть ихъ по-нашему, то надо было бы коней подѣ нихъ, а пѣшимъ боемъ въ нашей одеждѣ не повернешься; какъ, значить, не кинь — все выходитъ клинь! Одно слово, пѣшему солдатику въ киргизской степи зимнимъ временемъ нѣтъ ходу, объ этомъ и толковать нечего. Есть когда-бъ Перовскій догадался, рассуждалъ старикъ, набралъ насъ однихъ, то-ись, уральцевъ, да въ придачу башкиръ и киргизишковъ сколько-нибудь взялъ, хотя бы для обращенія съ верблюдами, тогда-бъ дѣло-то вышло совсѣмъ иное; мѣсяца въ три, безъ похвальбы сказать, мы были бы въ Хивѣ, и хоша бы и пришлось поворотить оглобли назадъ, но урона-бъ въ людяхъ не было. На грѣхъ, насъ-то въ ту пору было мало на Уралѣ; почестъ все войско было въ раскомандировкахъ: къ примѣру, въ Москвѣ былъ полкъ, на Кавказѣ полкъ, въ Бессарабіи полкъ, въ Финляндіи полкъ; и еще кое-гдѣ по сотнѣ, по двѣ сотни. Вотъ если-бы Перовскій догадался, требовалъ всѣ наши полки въ дома, да годика два далъ намъ вздохнуть, да потомъ бы ужъ и сочинилъ походъ съ нами одними, тогда-бъ было не то: что бы тамъ ни вышло, по крайности маху такого бы не далъ, орду поганую не насмѣшилъ бы; удалось ли бы побывать въ Хивѣ, нѣтъ ли—это особъ статья, не къ тому и рѣчь веду: по крайности не поморозилъ бы людей, вотъ къ чему я рѣчь веду. Мы тогда же заговорили промежъ себя, какъ въ походъ собирались, что Василій Алексѣичъ напрасно беретъ съ собой солдатиковъ: съ ними связь одна! Оно такъ и вышло. Правду что ли я говорю?—спросилъ меня старикъ.

Я кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:—Помню: выходили мы изъ Калмыковской крѣпости въ обѣденную пору въ самое заговѣнье, то-ись, въ день Филиппа апостола (14-го ноября). И были же тутъ проводы, и было же разставанье, —на оказію! Чудное дѣло, сударь мой! Сколько на своемъ вѣку видалъ я проводовъ, сколько разъ доводилось и самому оставлять родимую сторону; а ужъ такихъ проводовъ сроду не видывалъ: стонъ, вой, плачь, рыданіе со всего свѣта! Какъ

теперь смотрю: схватить иная женщина за шею сына да такъ и замреть, хошь водой разливай! Да что объ этомъ говорить! —не диво, что мать обнимаетъ сына; нѣтъ, сударь мой, иная мать, словно въ чаду, отъ сына къ лошади кинется, и ту обовьетъ руками вкругъ шеи, да и повиснетъ; виситъ, да плачетъ, да приговариваетъ:

„Ужъ конь ты нашъ сѣрый,
Конь сѣрошѣгій!
Не покинь ты млада-вьюноша,
Сына мово милова.
Не дай ты взять верху надъ собой
Коню басурманина.
Вывези мово сына
На родимую сторонку.
Отплатчу же я тебѣ
За то сторицею:
Подкую тебѣ
На серебряны подковки.
Сплету я тебѣ своими руками
Уздечку шелковую;
Покрою тебѣ
Попоной ковровою;
Уберу я тебѣ гриву
Въ ленты алыя.
Будешь ты у насъ стоять
Въ стойлицѣ ясеновомъ;
Будешь ты у насъ ѣсть
Бѣлоярую пшеничку;
Будешь пить
Воду ключевую,
А не то—сыту медвяную.
Голубчикъ сѣренкій,
Сѣрошѣгенькій!
Не покинь мово вьюноша
Въ ордѣ басурманской“.

Причитаетъ, причитаетъ такъ-то, да и бухнется коню въ ноги, яко бы къ человѣку, обхватитъ ихъ и цѣлуетъ; ноги-то, сударь, у коня цѣлуетъ; а конь—дивная вещь!—конь хоть бы что: въ другое время не точію баба, а и ка-

закъ, разиня ротъ, не подходит къ нему—шарахнется и такого страху задасть, что душа уйдетъ въ пятки, а тутъ стоитъ, родимый, смирнехонько, словно коровушка, только ушками поводитъ, какъ бы прислушивается, да слегка головой потряхиваетъ, какъ бы даетъ понять: „хорошо-де, слушаю!“ да мордочкой обнюхиваетъ женщину. Тварь—тварь, а чуетъ, голубушка, что дѣло-то не тово... не на шутку затѣяно. Одно слово, разставанье было горькое! А отчего, батенька? Все оттого, что подь Хиву пошли. Сказано: страна подь заклятіемъ; то-ли, се-ли—а дешево не обойдется, вотъ отчего!

„Лагерь былъ назначенъ верстахъ въ 3-хъ отъ Яика, но казаченьки всѣ собрались туда только къ полуночи; знамо, разставанье задерживало. Яикъ, помню, переходили по льду, а снѣга еще не было, да и морозцы въ ту пору были легкіе; но къ зарѣ, въ первую же ночевку, задула, сударь мой, такая злѣющая сиверка—носъ воротить! Вотъ тебѣ и разъ, думаемъ: не успѣли скрыться изъ виду отъ домовъ, а зима на встрѣчу. Тутъ на умъ намъ все тѣ же солдатики; коли, ужъ, намъ, уральцамъ, въ саксачьихъ хламидахъ жутко, то каково, думаемъ, теперь солдатакамъ въ шинелькахъ съ свѣтлыми пуговицами. Бѣда! — Старикъ потрясъ головой и потомъ продолжалъ:—Утромъ поднялись, повернулись лицомъ къ Яику, перекрестились, въ последний разъ поклонились родной землѣ, отечеству, махнули рукой и пошли въ путь-дорогу; знамо дѣло, пошли съ пѣснями; таковъ ужъ обычай, а на сиверку-смотрѣть нечего. У Темиръ рѣки, я ужъ тебѣ сказывалъ, сошлись съ Перовскимъ и съ остальной ратью. Покуда мы шли къ Темиру, перепадали временемъ снѣжки порядочные, да по крайности бурановъ злѣющихъ не было; а какъ пошли дальше отъ Темира, такъ кажинный Божій день зарядили бураны да бураны, отдыха нѣтъ, и откуда они, этакая вещь, взялись, даже киргизамъ на удивленье.

„Навалило снѣгу столько, что ступить нельзя: лошади по брюхо; стыдь злѣющая, словно сверломъ сверлитъ тебя. Справедливо, видно, говорится: куда русскій не зайдетъ, а зиму съ собой непременно приве-

д е т ь. Вотъ ты теперь и посуди, каковъ былъ походъ хивинскій,—одно слово, гибель!

— Однако, каковъ же онъ былъ?—Разскажи-ка съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой!—сказалъ я своему собесѣднику.

— А вотъ каковъ онъ былъ, слушай.—И старикъ началъ:—Лагерь стоитъ, отрядъ спитъ. Ладно. Часа въ три или въ четыре за полночь, еще далеко до свѣта, встаетъ Ц—ій, полковникъ ли, енераль ли, не помню ужъ, а одно знаю,—первый человекъ у Перовскаго, правая его рука, что называется. О немъ я послѣ поразскажу тебѣ, что за персона такая была этотъ Ц—ій, а теперь рѣчь о походѣ. Да, встаетъ, говорю, Ц—скій и зычнымъ голосомъ кричитъ: „горнисть! труби подъемъ“. Задудить горнисть Ц—го на весь лагерь, и въ тотъ же мигъ подхватятъ и задудятъ прочіе горнисты, а гдѣ горнистовъ нѣтъ, тамъ барабаны забьютъ: значить, будетъ-де прохладяться; вставай! Хорошо. Всѣ, значить, пробуждаются, всѣ встаютъ, всѣ волей-неволей вылѣзаютъ изъ джуламеекъ и начинаютъ убираться на походъ. Киргизы и башкиры выучатъ верблюдовъ; нашъ братъ имъ помогаетъ, вытягиваютъ верблюдовъ въ линіи, по нашему въ нитки; примѣрно, одна нитка съ овсомъ, другая съ сухарями, та съ тѣмъ, эта съ этимъ. Джуламейки ломаютъ, разбираютъ и выучатъ на верблюдовъ же. Солдатики строятся въ ряды, ротами. Нашъ братъ, казаки, становятся посотенно. Чиновники разѣзжаютъ по лагерю, распоряжаются, даютъ приказанія. Наши ефрейторы и вахмистры мечутся туда-сюда: наряжаютъ, значить, кого въ боковые патрули, кого въ передній, кого въ задній „а л е н г а р д ь“, кого къ кому на вѣсти, кого къ ниткамъ, кого куда. Киргизы и башкиры галдятъ, верблюды ревуть, кони фырчатъ, колеса подъ антиреліей скрыпятъ. Больные солдатики охаютъ, стонутъ. А буранъ свое дѣло справляетъ—вѣетъ, мететь, завываетъ; одно слово, свѣта преставленіе! И длится эта исторія, сударь мой, часа два, а иногда и больше, а солдатики, замѣть, тѣмъ временемъ стоятъ въ рядахъ, обло-

котившись на ружья; стоять, голубчики, и дрогнуть. На-последокъ, какъ должно, уберемся. Опять горнисты задудятъ; опять въ барабаны забьютъ—значить, ступай въ походъ! И пойдёмъ въ походъ. Идёмъ шагъ за шагомъ, батенька, по тому самому, что снѣгъ выше колѣна. Вдругъ скомандуютъ: „стой!“ Остановились. Что такое? Верблюды повалились съ вьюкомъ и всю нитку остановилъ, разстроилъ. „Экой грѣхъ!“ думаешь. Однако, рассуждать некогда; надо, значить, верблюда развьючить, поднять, расчистить снѣгъ, чокнуть верблюда, то-ись положить его должнымъ манеромъ, потомъ снова навьючить, потомъ все въ порядокъ произвести и потомъ ужъ снова идти въ путь-дорогу. Хорошо. Управились. Идёмъ. И только лишь отойдемъ сколько-нибудь, глядишь, опять кричатъ: „стой!“ Что такое? Опять та же, батенька, исторія, то-ись, верблюды валятся; опять, значить, остановка. А отчего верблюды валятся? Оттого, что снѣгъ глубокъ, а верблюдъ—скотина хлибкая, по глубокому снѣгу идти не можетъ. Случалось не разъ, что людей высылали впередъ съ лопатами, чтобы расчищать дорожку для верблюдовъ, а скоро ли такое дѣло? Такимъ манеромъ отрядъ подвигался шагъ за шагомъ, и почти на каждомъ шагу остановка; а каждая остановка, батенька, доставалась солдатикамъ съ сокомъ. Къ примѣру, идетъ солдатикъ съ ранцемъ за спиной да съ ружьемъ въ рукахъ, идетъ, версты двѣ мѣситъ снѣгъ, а онъ выше колѣнъ; дергаетъ, дергаетъ ноги, устанетъ, вспотѣетъ, взмылится, а тутъ вдругъ остановка. Покуда поправляютъ верблюдовъ, покуда ждуть, какъ расчистятъ впереди дорожку, тѣмъ временемъ солдатикъ стоитъ и стынетъ на вѣтру и на морозѣ, да такъ иной бѣдняжка застынетъ, закоченѣетъ, что опосля съ мѣста тронуться не можетъ—сажай тогда его на верблюда въ зыбку. Для этого особенно были назначены верблюды, пояснилъ рассказчикъ: на нихъ съ боковъ привѣшены были такія мѣстечки, въ родѣ зыбокъ; въ нихъ-то и грузили солдатиковъ. Опять, и зыбка не въ спасеніе,—замѣтилъ старикъ:—покуда отрядъ идетъ, покуда на стоянку придетъ, тѣмъ

временемъ солдатикъ, сидя въ зыбкѣ безъ движенья, еще больше заоченѣеть. Это я тебѣ не лгу: я самъ часто бывалъ въ нарядѣ при верблюдахъ съ зыбками. Бывало, какъ придешь на стоянку, такъ нѣсколько зыбочныхъ солдатиковъ своими руками примешь съ зыбки, словно дѣтей, да прямо въ лазаретъ и отнесешь: значить, отжили свой вѣкъ. Просто, безъ смерти смерть! Часа за два, за три до сумерекъ,—продолжалъ старикъ,—отрядъ остановится на ночлегъ. Хорошо. Хорошо, да не больно! Солдатики и безъ того измучились, перезябли, а тутъ еще надо расчищать снѣгъ, надо ставить джуламейку (на 25 человѣкъ полагалась одна джуламейка); надо, пуще всего, добыть дровъ, то-ись набрать изъ-подъ снѣга кой-какой травки, кой-какихъ корешковъ, чтобы развести огонь и обогрѣться; а скоро ли все это сдѣлаешь? Солдатики народъ непривычный, къ этому дѣлу несручный, а снѣгъ, тебѣ ужъ сказано, снѣгъ выше колѣнъ, чуть не по поясъ, сверху зачернѣлъ, а трава рѣдкая, скоро ли наберешь ее!? А хоша и наберешь сколько-нибудь, надо первымъ долгомъ разжечь, а она промерзла, обледенѣла, не повинуется, мошенница, не горитъ, только курится; только, значить, дымъ одинъ даетъ, а дымъ, извѣстно, глаза только ѣсть, не грѣетъ... А морозъ, бурань свое дѣло справляетъ, жмутъ и до костей пронимаютъ. Случалось, батенька, такъ: покуда ставятъ джуламейку, покуда раздобудутся огнемъ, тѣмъ временемъ, глядишь, иной солдатикъ какъ упрется объ ружье, такъ и заоченѣеть: неси, значить, въ лазаретъ. Выходить—стоянка не лучше похода. И такъ ли, сякъ ли, поставятъ, однако, джуламейку; залѣзутъ въ нее солдатикъ, да не всѣ: инымъ, кто подъ очередью, надо идти на часы къ бунтамъ, ну и пропалъ солдатикъ! Не бѣда идти на часы изъ теплой избы или караулки, а съ часовъ въ избу: по крайности, послѣ часовъ есть гдѣ обогрѣться; джуламейка же, сударь мой, не изба, особенно за полночь, когда ужъ въ ней не точію огня, а и золы-то, и дыму-то нѣтъ: что на дворѣ, то и въ ней... Стоя на часахъ, солдатикъ передрогнетъ, заоченѣеть, а послѣ смѣны и

обогрѣться негдѣ; ну и пропаль. Не разъ, батенька, случилось, что солдатики на часахъ до смерти замерзали, особенно послѣ того случая, какъ одного часового разстрѣляли.

— За что же?

— Знамо, за что: артикуль не соблюлъ, то-ись часы бросилъ.

— Какъ же такъ?

— А вотъ какъ. Слушай. Поставятъ солдатика на часы, къ примѣру, на часъ времени, а онъ и полчаса не вытерпитъ, кричитъ смѣну, а смѣна якобы не слышитъ. Дѣло извѣстное: и ефреторъ, и солдатики очередные—люди же, кой-какъ пригрѣлись, не хочется, значить, прежь времени выдѣзать изъ джуламейки и идти на буранъ; по этой самой причинѣ пришибаются, яко-бы спять, не слышать. Солдатикъ часовой кричитъ, кричитъ смѣну, не докричится, и самъ пойдетъ въ джуламейку будить ефретора. Ладно. Случалось это не разъ, не два, все сходило съ рукъ. Ближніе начальники, къ примѣру, ротный командиръ или кто другой тамъ, тоже, статья, и видѣли, да сквозь пальцы смотрѣли; дѣло извѣстное: по человѣчеству смотрѣли. Ладно. Но вотъ какъ-то разъ, во время злѣющаго бурана, одинъ бѣдный солдатикъ продрогъ донельзя, до самага, что называется, мозга и потерялъ рассудокъ; бросилъ, гдѣ стоялъ, ружье и побрелъ, куда глаза глядятъ, то-ись, правду надо сказать, не куда глаза глядятъ, а куда буранъ погналъ. Какъ шальной, въ забывчивости, солдатикъ изъ лагеря вонъ вышелъ, не попалъ, значить, ни на одну джуламейку и очутился въ степи, а буранъ, словно овцу, гонить его да гонить и пригналъ на цѣпь, а цѣпь завсегда занимали мы, уральцы. Попадись онъ намъ однимъ, глядишь бы, мы, може статья, отогрѣли бы его своими тулупами, да отвезли на то мѣсто, откуда онъ ушелъ; глядишь бы, дѣло-то уладилось. Но на бѣду солдатика, случился въ ту пору на цѣпи Ц—ій съ конвоемъ: повѣрялъ, значить, цѣпь. Увидамши солдатика, Ц—ій и зашіялъ, и велѣлъ взять солдатика подъ арестъ и представить въ лагерь. Заутро, слышимъ, судъ нарядили

надъ солдатикомъ; велѣно осудить въ 24 часа, яко измѣнника; а солдатикъ, говорили, и отвѣтовъ никакихъ дать не можетъ, потому, сказано, что разсудокъ потерялъ, сначала отъ мороза, а послѣ отъ испуга. Однако, судъ ни на что не посмотрилъ—на то онъ и судъ—и присудилъ солдатика къ разстрѣлу. Ложь ли, правда ли, говорили, яко бы Перовскій не хотѣлъ разстрѣливать, долго не подписывалъ конфирмацію, да Ц—ій настоялъ; „для примѣра, говорить, безпремѣнно нужно разстрѣлять!“ И разстрѣляли солдатика. Я не былъ у разстрѣла, признаться—совѣсть зазрела... Послѣ того всѣмъ и каждому подтвердили, что есть когда кто оставитъ часы, тотъ будетъ разстрѣлянъ яко измѣнникъ. „Умри, говорятъ, на часахъ, а дальше указанной черты шагу не смѣй сдѣлать!“ И точно,—прибавилъ старикъ:—съ того самаго разу словно рукой сняло: ни одинъ солдатикъ часовъ не бросалъ, зато ужъ рѣдкая ночь проходила безъ того, чтобы гдѣ-нибудь не замерзъ солдатикъ до смерти. Бѣда!!

Старикъ сдѣлалъ плачевную гримасу и потомъ продолжалъ:—Бывало, стоишь на часахъ на цѣпи (насъ, братецъ мой, всегда на цѣпь становили, саженьяхъ ста въ два отъ колонны, да на маячные пикеты, версты за двѣ иль бо за три отъ колонны, а солдатъ разставляли по карею), стоишь бывало на цѣпи и въ ину пору по вѣтру слышишь:—Смѣ-ѣ-ѣ-ну! Смѣ-ѣ-ѣ-ну! Заме-о-о-о-рзъ! Заме-о-о-о-рзъ. Это солдатикъ на часахъ кричитъ. Кричитъ, кричитъ, голубчикъ; тянеть, тянеть, сердечный, сначала внятно, а потомъ все тише да тише, а подъ конецъ совсѣмъ смолкнетъ... Мы ужъ знаемъ, что это значить; это, сударь мой, значить: солдатикъ, повыбимшись изъ силъ... Эхъ, да что объ этомъ толковать! Сказано: гибель была на солдатиковъ, и все тутъ!—Старикъ махнулъ при этомъ рукой и замолчалъ; видно, грустныя картины промелькнули въ его головѣ. Немного спустя, онъ заговорилъ:—Ложь ли, правда ли, была въ народѣ молва, сударь мой, въ такомъ смыслѣ: когда-де Василій Алексѣичъ собирался въ походъ и уговаривался насчетъ его въ Питерѣ съ царемъ, то батюшка-царь яко бы

говорилъ Перовскому: „Нужно ли тебѣ, Василій Алексѣичъ, забирать съ собой солдатиковъ; вынесутъ ли они зимній походъ; не лучше ли обойдтись одними уральцами?“ На это яко бы Перовскій представилъ царю такой резонъ: „Насчетъ этой статьи не извольте беспокоиться, ваше величество! Есть у меня такой чиновникъ, Ц—ій прозывается, больно дошлый человекъ, степной, что называется, ходатель: онъ сумѣетъ обрядить солдатиковъ такъ, что они и не почувютъ зимняго похода!“ Что правда, то правда!—замѣтилъ иронически рассказчикъ.—Еще бы не сумѣть обрядить солдатиковъ; мудрости тутъ особой нѣтъ: всякій это сможетъ сдѣлать, даже и не степной ходатель. Къ примѣру, джибажинка обойдется въ рубль, а въ казну можно показать въ два. Чего еще лучше! Ну, а насъ, то-ись, уральцевъ, обрывать нельзя: мы люди не казенные, а собственные; мы сами себя обрываетъ. Вотъ по этой самой причинѣ, може статья; и нельзя было обойтись безъ солдатиковъ!

Старикъ зло улыбнулся, взглянулъ на меня и потомъ прибавилъ:—Мы хорошо знаемъ, кто таковъ былъ Ц—ій, степной, ходатель! Онъ, чай, и Перовскаго-то обморочилъ. Ходатель-то степной онъ ходатель, спору нѣтъ, да кромѣ того, ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ прочихъ чиновниковъ, что при Васильѣ Алексѣичѣ были. Одно только было за нимъ художество: падохъ былъ на побои. Бывало за всякую малость лупить нашего брата и всякаго, кто у него подъ командой; лупить, сударь мой, нагайками не на животъ, а на смерть. Насчетъ этого Ц—ій,—не тѣмъ будь помянуть!—сущій звѣрь былъ. Онъ и Перовскаго-то подбилъ, я ужъ тебѣ сказывалъ, чтобы разстрѣлять солдатика, что съ часовъ ушелъ; одно слово, звѣрь былъ, а не человекъ. Зато и кончину получилъ звѣрскую: подъ старость жилъ онъ въ покоѣ въ своей деревнѣ, и тамъ уходилъ его какой-то изъ халуевъ: въ окно изъ ружья всадилъ ему пулю въ лобъ. Такъ-то вотъ!—проговорилъ старикъ и сдѣлалъ головою такое движеніе, которое въ переводѣ означало: „По дѣломъ-де!...“

— Ну, а васъ-то, уральцевъ, какъ Богъ правиль?—спросиль я рассказчика.

— Кривую стрѣлу Богъ править, батенька!—сказаль старикъ и самодовольно засмѣялся.—Надъ нами смѣются, къ примѣру, иногородные чиновники, купцы и всякій людъ расейскій: называютъ насъ кошомнымъ войскомъ. Что правда, то правда, противъ этого и спорить нельзя. Самъ знаешь, коли мы собираемся въ степные походы, то всякой-всячиной запасаемся, примѣрно и кошмами, и тулупами, кошомными сапогами; ничѣмъ, батенька, не брезгуемъ, а главное, на щегольство не смотримъ; оно хоть съ виду-то неказисто, не по образцу, зато тепло, уютно, въ этомъ и дѣло-то все! Кошомное ли войско, не кошомное ли, все единственно: главная статья—теплое, не мерзлое войско. Вотъ хоть бы и въ тотъ разъ, какъ подъ Хиву пошли. Ты ужъ знаешь, какъ мы были одѣты, сортъ! Слушай теперича и смекай: може, самому доведется быть въ степяхъ зимой. Сидишь бывало на лошади, ѣдешь. Какъ ни укутанъ ты, а морозъ мало-по-малу пробираетъ; чувствуешь это, и сейчасъ съ коня долой. Идешь пѣшкомъ, коня ведешь въ поводу. Пройдешь сколько-нибудь шаговъ, чувствуешь, что нагрѣешься; тутъ ужъ бойся, какъ бы не взопрѣть. Сейчасъ остановишься, тулупъ съ зипуномъ долой, перекинешъ черезъ сѣдло; останешься въ одномъ короткомъ полушубкѣ; опять идешь, чувствуешь, холодъ сильнѣе пробираетъ въ полушубкѣ — ничего: прибавишь шагу, нагрѣваешься. Идешь, а самъ, какъ воръ, смотришь по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ чего полезительнаго. Видишь—торчитъ изъ-подъ снѣга кустикъ травы; „а, тебя-то и нужно, голубчикъ!“ скажешь кустикъ и сейчасъ къ нему; разгребешь ногами снѣгъ, сорвешь кустикъ, тонкія вѣточки обломаешь и сунешь въ ротъ лошади; та, разумѣется, рада, въ одинъ мигъ схватитъ и съѣстъ; такъ и ржетъ, такъ морду къ тебѣ и суетъ, словно цѣловаться хочетъ; а что покрѣпче, потолще, примѣрно, стебельки, корешки, это свяжешь въ пучекъ, да и въ торока: значить, на дрова. Тѣмъ временемъ, покуда роешься у

куста, тѣмъ временемъ и лошадка не дремлетъ: разгребаешь копытами снѣгъ и рветъ травку, какую найдетъ. Пройдешь такимъ манеромъ съ версту, нагрѣешься, опять въ хламиду и опять на лошадь; а тамъ, какъ почувешь морозъ, опять долой съ лошади и опять за то же. Такимъ побытомъ всю дорогу, отъ лагеря до лагеря, въ занятъѣ: то себя грѣешь, то дровами запасаясь, то лошаdkѣ даешь волюгу и случай пощипать травки, дѣло-то и выходитъ важнецъ! Придешь теперь на стоянку, смотришь: почитай у каждаго товарища въ торокахъ пучекъ травы, а у иного цѣлое беремя: чего еще надо? Значить, на первый разъ дрова есть; значить, есть чѣмъ кашу сварить, есть около чего погрѣться. Сейчасъ хламиды долой. Что хламиды? Полушубки-то и тѣ долой; останемся въ однихъ халатикахъ или курточкахъ, схватимъ лопаты, и работа закипитъ; только паръ отъ насъ валить, словно въ жару на багреньѣ. Буранъ ли тамъ, морозъ ли, намъ дѣла нѣтъ, наплевать! Мы знаемъ, что черезъ двѣ-три минуты будетъ у насъ защита. И точно, не успѣетъ, какъ говорится, дѣвка стриженной косы заплести, а у насъ готова джуламейка, у насъ горитъ пылаетъ костеръ, что твоя люминація, еще лучше! Вотъ тебѣ и кошомное войско.

Старикъ самодовольно улыбнулся. Потомъ продолжалъ:— У насъ вездѣ и во всемъ сноровка. Къ примѣру, мнѣ очередь въ карауль, положимъ, на цѣпь иль-бо въ табунъ верблюжій, значить, сражаться съ бураномъ и морозомъ; въ такомъ случаѣ товарищи мои, хоша бы я и желалъ, ни въ жисть не допустятъ меня ни до какой работы, чтобы я не утомился и, пуще всего, не взопрѣлъ: буранъ и морозъ сейчасъ пронижутъ того человѣка, который взопрѣетъ. Пока расчищаютъ снѣгъ и уставляютъ джуламейку, ты стой или расхаживай, яко начальникъ какой; а какъ разведутъ огонь, ты садись къ нему ближе, сиди, словно невѣста, и грѣйся, чтобы послѣ супротивъ бурана не сдрѣфить. Тоже и насчетъ пищи. Къ примѣру, кому въ нынѣшнюю ночь въ карауль, того товарищи накормятъ, что называется по горлышко: любой кусо-

чекъ мяса ему подсунуть, себя обдѣлять. А для чего? Для того, батенька, что часового съ сытымъ брюхомъ и морозъ уважаетъ, не такъ ужъ донимаетъ, какъ голоднаго: не сможетъ, значить. А вотъ насчетъ солдатиковъ нельзя этого сказать,—продолжалъ старикъ:—всякъ думалъ о самомъ себѣ. Да что солдатики? Оренбургскіе казаки, что въ походѣ были, и тѣ въ этомъ случаѣ не лучше солдатиковъ. Къ примѣру, варятъ кашу въ одномъ котлѣ артелью, а мясо порознь, то-ись, каждый казакъ привяжетъ къ своему куску кто нитку, кто мочалку; а послѣ, когда дѣло дойдетъ до ѣды, поднимутъ споръ, шумъ; одинъ кричитъ: „это мой кусокъ“, а другой ему въ отвѣтъ: „врешь, мой!“ И грѣхъ, и смѣхъ, батенька! Право, не лгу.

— Кстати, А. Д., насчетъ пици-то расскажи: что ѣли?

— Насчетъ пици ничего,—отвѣтилъ старикъ:—пица была с н о с н а. Къ примѣру, каждому человѣку давали въ день по полуфунту мяса, сколько-то сухарей, крупъ; ну, а винная порція шла, кажись, по шести чаръ въ мѣсяць; тоже меду нѣсколько давали: медъ разводили въ горячей водѣ и пили замѣсто чаю, передъ походомъ. На лошадей давали по 1½ гарнца овса въ сутки. Больше ничего не давали. Спервоначала только сухарей давали очень мало, счетомъ нѣсколько сухариковъ въ сутки: берегли, значить; а подъ конецъ похода, когда, значить, стали верблюды валиться, давали вволю. Впрочемъ, сначала похода всего давали мало, по расчету; да мы, уральцы, на то не взирали: у насъ всего завсегда было въ волю.—Старикъ улыбнулся.

— Гдѣ-жъ вы брали?

— Воровали!

Старикъ опять улыбнулся.

— Какъ же воровали, развѣ не было караула?

— Коли не было! Были вездѣ и у всего караулы; что про это и говорить. Да намъ что за дѣло? Вѣдь мы кошомное войско, это не забывай! Къ примѣру, въ иномъ мѣстѣ мы сами карауль, ну, толковать ли? своя рука владыка. Въ другомъ мѣстѣ, положимъ, солдатъ въ карауль, да вѣдь онъ,

сказано ужъ, человѣкъ мерзлый, до того ли ему: у такого караульнаго не только-что украсть немудрено: хотъ самого-то укради, и то не услышитъ. Насчетъ этого я поразскажу тебѣ забавныя исторія, если когда угодно.

— Сдѣлай одолженіе!

— Ну, такъ слушай!

И старикъ началъ:

— Въ отрядѣ было всякихъ запасовъ вдоволь: и сухарей, и муки, и крупъ, и овса, и мяса, и сала, и меду, и капусты, и дровъ...

— Какъ, и дрова были?—прервалъ я разсказчика.

— Были, только не про нашего брата,—отвѣтилъ старикъ.

— Для кого же?

— Знамо, для кого; для Перовскаго и для большихъ чиновниковъ; вѣдь имъ не около-жъ курной травы грѣться. У Перовскаго и у большихъ чиновниковъ были кибитки изъ двойныхъ кошемъ, съ желѣзными печами, для нихъ, значить, и нужны были дрова. Кромѣ того, и для лазарета требовались дрова. Самъ посуди: не мерзлой же и обледенѣлой травой обогрѣвать больныхъ, иль-бо варить имъ лѣкарства, пищу. Вотъ для всего этого и было запасено много дровъ березовыхъ, еловыхъ и всякихъ другихъ; были и уголья. Теперь слушай. Въ отрядѣ, говорю, было всякаго добра вволю; но ничего съ залишкомъ не давали, а всего въ учетъ. Мало того, что давали въ учетъ, нѣтъ, сударь мой, приказъ по отряду послѣдовалъ въ такой силѣ: „есть когда-де кто осмѣлится что украсть изъ казеннаго интереса, къ примѣру, сухарь ли, горсть ли овса, полѣно ли дровъ, того къ разстрѣлу!“ Легко сказать: „къ разстрѣлу!“ За горсть овса къ разстрѣлу, а? Да какъ ты его не украдешь? Сказано: въ сутки отпускали на лошадь только полтора гарнца, больше ничего; сѣна небыло ни клока. Замѣсто сѣна лошадка пробивалась тѣмъ, что Богъ пошлетъ ей изъ-подъ снѣга; а вѣдь это, сударь мой, скуднѣе скуднаго: вѣдь съ этакого корма лошадь ноги протянетъ. Сначала мы, кошомное войско, пре-

достерегались, то-ись, приказу послушались, а потомъ видимъ—дѣло плохо: безъ воровства не обойдешься. Разсудили мы такъ: есть когда украдешь, разстрѣляютъ тебя—скверно, что и толковать! Есть когда не украдешь, лошадь отоцаетъ, издохнетъ—опять скверно: останешься пѣшъ, словно карга съ подрѣзанными крыльями: выйдетъ безъ смерти смерть, безъ разстрѣла разстрѣлъ; одно слово, какъ не кинь, все выходитъ клинъ. Что въ такомъ случаѣ дѣлать? Рѣшились жить воровствомъ. Сначала положили воровать только одинъ овесъ, гдѣ представится случай, а послѣ и до всего добрались: все на пользу, все на потребу. А воровали какъ? Слушай. Къ примѣру, приставленъ я къ ниткѣ, что съ овсомъ. Хорошо! Вдругъ упадетъ, верблюду—это мнѣ и на руку. Другой кто, примѣрно, киргизъ, бросится къ верблюду, осматриваетъ, не ушибся ли; а я кидаюсь къ кулю съ овсомъ, смотрю, не лопнулъ ли. Если лопнулъ, то, значить, дѣло въ шляпѣ; а если не лопнулъ, то, значить, какъ-нибудь изловчусь, чтобы никто не видалъ, да дерну куль ножемъ по боку, а самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ явлюсь къ дежурному и говорю: такъ и такъ, ваше благородіе, верблюду упалъ, куль съ овсомъ лопнулъ. „А! скверно“, скажетъ дежурный и прибавитъ: „однако, сейчасъ же пересыпать въ другой куль! Мнѣ это-то и нужно. „Слушаю!“ скажешь да тое-же минуто и подашь товарищамъ, кто по близности, маякъ; а тѣ знаютъ, въ чемъ дѣло, и въ одинъ мигъ, словно орлики, слетаются къ тебѣ, якобы помогать. Хороши помощники!—замѣтилъ рассказчикъ и улыбнулся.—Хорошо. Сейчасъ хламида съ себя долой и примемся изъ худого куля пересыпать овесъ въ крѣпкій; въ рукахъ у насъ такъ и кипить! Дежурный смотритъ и похваливаетъ: „Ай же, уральцы молодцы! Не заставляешь, сами являются на работу“. „Рады стараться!“ говоримъ, а сами проворимъ. У каждаго изъ насъ въ шароварахъ есть карманы фальшивые, то-ись карманы безъ дна. Понимаешь, для чего? Горсточку по горсточкѣ и посовываешь въ бездонный карманъ овсеца-то, а овсецо, родимое, проваливается

внизъ за голенища да вокругъ ноги обсыпается, а около кармановъ тощо, ничего не замѣтно. Еслибы какъ и заподозрили и вздумали обыскивать, не скоро догадаются, не скоро найдутъ, важнецъ!—Старикъ съ самодовольствіемъ улыбнулся.—Такимъ манеромъ и поживались мы овсецомъ, да не однимъ овсецомъ поживались,—продолжалъ старикъ:—всѣмъ поживались, все къ рукамъ подбирали, что могли; къ примѣру, и сухарики, вѣдь и ихъ лошадка кушаетъ, и рубленую говядину, вѣдь и самимъ съѣсть послаще не мѣшаетъ, и сальце, и полѣно дровъ, и старый овсяной кулечекъ; одно слово, ничему не давали спуску, что шло на какую-нибудь потребу.

— Зачѣмъ же вамъ нуженъ былъ овсяный куль?—спросилъ я старика.

— Какъ зачѣмъ—возразилъ старикъ:—Чудной ты человекъ! Вѣдь и рогожа-то горитъ, значитъ, тѣ же дрова,—пояснилъ старикъ и потомъ продолжалъ:

— Сначала начальству было невдомекъ, чѣмъ кошомное войско пробавлялось, а потомъ обозначилось. Наше начальство, то-ись, казачье, съ перваго же раза все видѣло, да, знамо дѣло, яко бы и не видало—сортъ!!! Солдатское же начальство какъ узнало, возроптало, осердилось, что уральцы всѣхъ обдуваютъ. Дознался объ этомъ и самъ Перовскій, однако, промолчалъ, яко бы не знаетъ. Это нашему брату и на руку. Взяли мы послѣ того большую волю: стали воровать овесъ изъ-подъ часовъ цѣлыми кулями. Разъ пресмѣшная, сударь мой, вышла исторія: куль овса въ глазахъ часового убѣжалъ къ намъ въ джуламейку.—Старикъ расхохотался.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— А вотъ какъ!—отвѣчалъ старикъ: джуламейка наша стояла близко къ одному бунту, такъ какихъ-нибудь въ сажняхъ десяти. Хорошо. Былъ въ ту ночь буранъ. Двое ловкихъ казака вышли изъ джуламейки и подошли къ часовому, а онъ, бѣдняжка, чуть живъ; радъ, что люди къ нему подошли: хоть есть съ кѣмъ слово сказать, есть кому пожа-

ловаться на судьбу. Одинъ изъ казаковъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ—утѣшаетъ его, ублажаетъ, а другой тѣмъ временемъ привязалъ къ крайнему кулю за лузгъ веревку, да и пошелъ опять въ джуламейку, а веревку незамѣтно протянулъ по землѣ. Такимъ манеромъ одинъ конецъ веревки къ кулю привязанъ, а другой очутился у казаковъ въ джуламейкѣ. Хорошо. Прошло сколько-то времени, и другой казакъ ушелъ въ джуламейку. Часовой остался одинъ и сталъ расхаживать; и лишь только часовой обернулся задомъ къ джуламейкѣ и пошелъ на другой конецъ бунта, наши потащили веревку и покалябили куль съ себѣ. Сортъ! Часовой обернулся и видитъ чудо: куль съ овсомъ самъ собой ползетъ въ казачью джуламейку. Часовой хочетъ бѣжать и остановить куль, да не смѣетъ: военный артикуль не позволяетъ оставлять часы. Покуда часовой соображалъ, что дѣлать, куль съ овсомъ тѣмъ временемъ скрылся въ казачьей джуламейкѣ. Часовой сталъ кричать: „карауль“!—И грѣхъ, и смѣхъ! Прибѣжалъ ефреторъ, да не скоро. Покуда часовой рассказывалъ ефретору, въ чемъ дѣло; покуда ефреторъ сходилъ доложить дежурному; покуда сообразили, въ чемъ дѣло; покуда собрались идти къ намъ съ обыскомъ,—тѣмъ временемъ мы всецѣо раздували, по горсточкамъ разобрали, по торбамъ разсыпали да лошадушкамъ роздали, а тѣ въ одинъ мигъ скушали; куль сожгли, буранъ и слѣдъ замелъ. И вышли мы чистехоньки; этого мало: еще въ амбицію вломились; жалуемся, какъ-де смѣли насъ опорочить. А въ другой разъ,—продолжалъ старикъ,—точно такимъ же манеромъ утащили мы у часового будку.

— Какую будку?—спросилъ я.

— То-ись, не настоящую будку,—пояснилъ старикъ, а большой деревянный коробъ изъ-подъ говядины, что служилъ часовымъ замѣсто будки. Вотъ этотъ-то коробъ мы и укалябили у часового такимъ же точно манеромъ, какъ куль съ овсомъ,—укалябили и сожгли; и съ обыскомъ къ намъ не ходили: знали, значить, что ничего не найдутъ,—важнецъ!.. Когда услыхалъ Перовскій, что къ намъ, уральцамъ, изъ-

подъ часовъ бѣгають кули да будки, то до слезъ, говорятъ, смѣялся. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не смѣяться? Мы-то ужъ, на что проще, сами прокудили, а тоже смѣялись до упаду; какъ же послѣ того Василью Алексѣевичу то не смѣяться? Очень смѣшно! А еще, сударь мой, у генерала Ц-го коробъ съ французскими сухарями украли, и сошло съ рукъ. То-ись, оно бы, пожалуй, и не сошло, да ловко сдѣлали: сухарики съѣли, а коробъ сожгли. Какъ дознаешься? Не распарывать же намъ брюха! Ц-ий жаловался Ѳедоту Григорьевичу (Бизянову), а Ѳедотъ Григорьевичъ отвѣтилъ ему, что за однимъ-де коробомъ нечего гнаться, ваше превосходительство: у меня-де два украли, да и то не взыскиваю; на то-де они—кошомное войско; прошу не прогнѣваться. Молодецъ былъ Ѳедотъ Григорьичъ—царство ему небесное!—прибавилъ старикъ:—всѣ наши обстоятельства зналъ, лелѣялъ и берегъ насъ, какъ дѣтей... Есть-когда тебѣ рассказывать все, что мы прокудили, то долго не перескажешь; одно скажу: мы, кошомное войско, не взирали на приказъ къ разстрѣлу, и хорошо поступали. Первымъ долгомъ себя и лошадушекъ своихъ сберегли, а вторымъ долгомъ что мы не своровали, не потребили, то все пришлось бросать въ степи, и бросили. Вотъ ты и разсуди теперь, хорошо или худо мы дѣлали. Подъ конецъ похода, когда верблюды стали валиться не десятками, а сотнями; когда, значить, не на чемъ было поднимать и везти провизию, подъ конецъ, говорю, дозволено было брать всякому, кто чего и сколько захочетъ, да ужъ та бѣда—некому было брать: все больные, хворые да мерзлые. Однимъ только намъ была лафа: катались, словно сыръ въ маслѣ. Что, резонъ я говорю?—спросилъ меня старикъ, положивъ руку мнѣ на плечо.

Я кивнулъ головой и спросилъ:

— Ну, что еще тамъ у васъ было?

— Да ничего особеннаго: воротились назадъ,—сказалъ старикъ и, немного погодя, прибавилъ:—значить, не всуе сказалъ Яковъ Михайловичъ Тарасовъ: пойдѣмъ и не дойдѣмъ; ужъ такая проклятая страна эта Хива, что бы ей ни

дна, ни покрывки!—Старикъ съ досадою плюнулъ, потомъ заговорилъ:

— На половинѣ пути, близъ Усть-Урта, простояли сколько-то дней въ раздумьѣ—идти впередъ или вернуться. Идти мало: на половину, чай, перемерзли, а которые остались впередъ—боязно: не на чемъ провіантъ везти, да и людей вживѣ, тѣ, кромѣ насъ, уральцевъ, почти всѣ были больны. Вернуться—стыдно: орду насмѣшишь. Долго, говорятъ, Василій Алексѣевичъ былъ въ раздумьѣ; напоследокъ послалъ Федота Григорьевича Бизянова съ сотней казаковъ на Усть-Урть провѣдать, какова дорога, можно ли идти, и нѣтъ ли гдѣ непріятеля. Черезъ нѣсколько дней Федотъ Григорьичъ вернулся. Что же? Да все то же, батенька! Непріятеля, положимъ, нигдѣ нѣтъ, за то снѣга все тѣ же, по брюхо лошади.—Тогда ужъ Перовскій рѣшился воротиться, и воротился. Ложь ли, правда ли, говорили: Перовскій яко бы не хотѣлъ ворочаться, а хотѣлъ, во что бы то ни стало, идти впередъ, да Ц—ій разговорилъ. Онъ, то-ись Ц—ій, въ тотъ разъ получилъ письмо изъ дома, а въ письмѣ яко бы ему писали, что въ Хивѣ-де ждетъ его и Василю Алексѣича лютая казнь. Ц—кій яко бы струсилъ и застрацалъ Василю Алексѣича.

— Что такое? Я не понимаю.

— Сразу и не поймешь; надо, значить, рассказать до конца. Слушай.—И старикъ началъ:— У Ц—го былъ денщикъ изъ солдатъ, долго у него служилъ; но передъ тѣмъ, какъ быть походу подъ Хиву, денщикъ этотъ ушелъ въ домовый отпускъ, куда-то въ удаленную губернію, и тамъ запропалъ. Ц—ій пошелъ въ походъ съ другимъ денщикомъ. Хорошо. Когда Ц—ій былъ въ походѣ, въ то время пришелъ къ нему въ домъ старый денщикъ. Барыня, то-ись жена Ц-го, тотчасъ же и пристала къ денщику, чтобы онъ погадалъ о судьбѣ барина, то-ись Ц-го, и всѣхъ сущихъ съ нимъ; а денщикъ, надо тебѣ сказать, былъ ужаснѣющій дока насчетъ этихъ дѣлъ: и по картамъ, и по бобамъ узнавалъ, главное—по водѣ узнавалъ все, что съ человѣкомъ будетъ. Денщикъ

сталь гадать на картахъ—выходить скверное; сталь гадать на бобахъ—скверно же; гадать на водѣ—еще сквернѣе. Велѣлъ самой барынѣ взглянуть на воду. Барыня взглянула черезъ плечо денщика въ чашку съ водой и ахнула: и Ц—ій, и Перовскій, и всѣ большіе господа, что въ походѣ съ Перовскимъ были, всѣ они представились ей въ водѣ безъ головъ; а головы ихъ особо торчатъ на кольяхъ. Вотъ она какая притча-то! Лишь только жена Ц—го отудобѣла, тотчасъ же написала мужу письмо, объяснила ему все: такъ-де и такъ, любезный супругъ, Григорій-де (денщика Григорьемъ звали,—пояснилъ старикъ) вернулся къ намъ и вотъ-де что узналъ: сама-де я своими глазами видѣла и тебя, и всѣхъ васъ безъ головъ; вернись-де, другъ любезный, домой. лучше будетъ; напишю-де на Хиву... Написала, говорю, жена Ц—го письмо и отправила его къ мужу съ нарочнымъ, съ киргизомъ; письмо-то и попало какъ разъ въ точку. Что, не вѣришь?—обратился ко мнѣ старикъ, замѣтивъ, вѣроятно, на лицѣ моемъ невольную улыбку. Пожалуй, не вѣрь,—заговорилъ старикъ.—Ц—ій генералъ былъ, да вѣрилъ. Онъ зналъ своего денщика хорошо, что тотъ дока былъ. Однако такъ ли, сякъ ли, оттого ли, не оттого ли, вернулись, батенька, назадъ.

Старикъ на минуту остановился и потомъ продолжалъ:—И былъ же обратный походъ горше передняго! Покуда шли впередъ, по крайности, надежду питали, что не нынѣ—завтра выйдемъ изъ снѣговъ, встрѣтимъ хивинцевъ и съ ними сразимся; а какъ пошли назадъ, совсѣмъ другое.—Старикъ махнулъ рукой.—Идучи впередъ,—продолжалъ старикъ,—все пѣсни распѣвали, особенно одну, что на этотъ случай нарочно сложили, а сложилъ кто-то изъ господъ, что при Перовскомъ были; часто эту пѣсню распѣвали. Хочешь, я пропою ее?”

— Сдѣлай одолженіе! очень радъ,—сказалъ я.

Старикъ прокашлялся и запѣлъ:

„Славно, братцы, пришло время:
Мы идемъ всѣ на Хиву.

Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу.
Черезъ Эмбу перейдемъ,
Ко Усть-Урту подойдемъ.
Тамъ мы спустимся подъ горы,
Гдѣ живутъ хивинцы-воры.
Намъ всего даютъ довольно,
И одѣты мы тепло.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны нипочемъ;
Джибаги прокляты сбросимъ;
Скинемъ теплы сапоги;
Шапки теплыя доносимъ,
Будемъ бравы молодцы,
Мы съ колоннами сойдемся,
Винну порцію зашьемъ;
Винну порцію зашьемъ,
Закричимъ мы вразъ „ура“!
Туть погибнетъ вся Хива.
Мы избавимъ изъ неволи
Своихъ братьевъ-земляковъ;
Расколотимъ въ иху долю
Всѣхъ хивинцевъ-подлецовъ“ *)).

— Вотъ какъ мы расхрабрились,—сказалъ старикъ, кончивъ пѣсню.—Зато, путешествуя назадъ, никто и не зай-

*) Припѣвка къ этой пѣснѣ, не встрѣчающаяся въ рассказѣ Барсукова:

„Мы уральскіе казаки,
Идемъ съ радостью въ походъ.
Генераль съ нами Перовскій—
Никакихъ намъ нѣтъ заботъ:
Онъ казачью службу знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ;
Провіантомъ насъ провадитъ,
Фуражемъ насъ наградитъ.
Мы муніціей исправны,
Всѣмъ нарядомъ снабжены.
У насъ шашки, пики востры;
Только быть намъ вооруженымъ,
Какъ мы словно на ученѣ
Разъѣзжаемъ всегда встрой;

кался про эту пѣсню; заказано было: стыдно-де... Что правда, то правда! Досадно, братецъ мой, что мы подлецовъ-хивинцевъ и въ глазъ не видали. Только одному капитану Ерофѣеву съ одной ротой солдатъ посчастливилось отличиться. Онъ, этотъ капитанъ, провожалъ больныхъ изъ отряда въ Чушкакульское укрѣпленіе и столкнулся съ хивинцами, но ружейной пальбой и барабаннымъ боемъ разогналъ ихъ, словно стаю воронъ. Тутъ особенно отличился барабанщикъ. Какъ только ватага хивинцевъ пріударить на отрядъ Ерофѣева, такъ барабанщикъ и выскочить съ барабаномъ впередъ и трахъ! трахъ! трахъ! Хивинскіе кони всѣ въ разсыпную. Барабанщику дали егорьевскій крестъ, и за дѣло: молодецъ!

Въ обратный путь, помню, мы поднялись въ первыхъ числахъ февраля, а въ мартѣ пришли на Темиръ-рѣку; тутъ отдыхали и ждали весны. За недѣлю до Благовѣщенья, помню, въ первый разъ увидали въ отрядѣ дикихъ гусей. И радость же въ отрядѣ была великая:—„весна! весна!“—говоримъ мы другъ другу и крестимся: морозы то ужъ больно намъ надоѣли. Съ Темира, когда ужъ снѣгъ сошелъ, стали отрядами расходиться на линію. Съ больными было много возни. Зимой бѣдняжки отъ мороза гибли, а весной отъ цынги: заѣла она неладная, солдатиковъ. Есть когда не ошибаюсь, больше половины солдатиковъ пропало, а насъ, уральцевъ, Богъ миловалъ: изъ двухъ полковъ развѣ-развѣ съ десятокъ казаковъ не узрѣли родимой стороны; остальные всѣ вышли здоровы и невредимы; благодареніе Господу Богу!

Старикъ съ благоговѣніемъ перекрестился.

Командуемъ всѣмъ въ страженьѣ,
Мы идемъ въ кровавый бой,
Вотъ намъ драться не учиться,
Мы бывали на войнахъ;
Лишь бы дали намъ сразиться,
Расчирхаемъ всѣхъ ихъ врахъ—
И потомъ мы возвратимся
Во Уральскій городокъ“.

— Конецъ? — спросилъ я рассказчика.

— Нѣтъ, не конецъ! — отвѣтилъ онъ: — то-ись хивинскому-то походу, пожалуй, конецъ,—прибавилъ старикъ;— но мы то, уральцы, не всѣ развязались: человекъ насъ триста, съ Ѳедотомъ Григорьевичемъ, послали въ новый походъ на Эмбу, къ морю, наказывать, то-ись, по-нашему, в ы к а л ы в а т ь адайцевъ.

— За что же?

— За дѣло: — знай край, да не падай, то-ись бѣлаго царя почитай, указовъ его слушайся!

— Чтожъ адайцы сдѣлали?

— Вотъ что, слушай.

И старикъ началъ: „Для похода Перовскій собиралъ верблюдовъ съ киргизовъ; всякій родъ и поставлялъ столько-то верблюдовъ, адайскій родъ не далъ ни одного верблюда. Этого мало, что не далъ верблюдовъ; нѣтъ, онъ еще пакость сдѣлалъ: чиновника, который ѣздилъ по ордѣ и собиралъ верблюдовъ, адайцы связали и въ Хиву къ хану отправили; выходить, измѣну подлецы сдѣлали. Предъ походомъ было не до нихъ, а послѣ похода Василій Алексѣичъ и вспомнилъ про нихъ и съ Темира-рѣки, какъ я ужъ сказалъ тебѣ, послалъ изъ насъ 300 человекъ съ Ѳедотомъ Григорьевичемъ наказать адайцевъ. Помню, въ самомъ началѣ мая мѣсяца, мы сослѣдили адайцевъ близъ устья Эмбы, при урочищѣ Крынь-Узень; сослѣдили, говорю, адайцевъ и задали имъ такого трезвона, что до сихъ поръ не забыть: человекъ, думаю, съ 400, есть когда не больше, мы порѣшили адайцевъ: насчетъ этого мы, признаться, молодцы — только заставъ. Въ такихъ случаяхъ всегда отдають такой приказъ, чтобы колоть только однихъ взрослыхъ мужчинъ, а женъ да дѣтей не трогать; но гдѣ тутъ соблюсти нашему брату приказъ? Лиха бѣда войдти въ азартъ, а какъ войдешь въ азартъ, такъ шабашъ! пойдешь, значить, направо и налево, только крѣпись орда; никто, значить, не подвертывайся. Старикъ махнулъ рукой. Мы же въ тотъ разъ, признаться, были злые-презлые — замѣтилъ ста-

рикъ: первымъ дѣломъ, хивинскій походъ не удался; вторымъ дѣломъ, то, что мы съ Темира, какъ прочіе, надѣялись домой идти, а насъ вдругъ погнали въ новый походъ. Вотъ по этой больше причинѣ мы и удружили адайцамъ, то-ись какъ должно внушили имъ, чтобы на будущее время бѣлаго царя чтили и указовъ его слушались. Когда-нибудь на досугѣ я расскажу тебѣ обстоятельно о такихъ дѣлахъ, какъ нашъ братъ наказываетъ, то-ись выкалываетъ киргизовъ: любопытная, батенька, вещь, а теперь пора и забастовать; знаешь поговорку: хорошенькаго помаленьку!“

Старикъ всталъ и раскланялся съ мной.

Нѣсколько словъ отъ автора.

Походъ или, правильнѣе, гибель князя Бековича-Черкаскаго слабо сохранилась въ памяти народа; по крайней мѣрѣ, мнѣ не довелось подслушать у казаковъ болѣе того, что передано въ первой главѣ. Причина понятная: во-первыхъ, это было почти полтора ста лѣтъ тому назадъ; а во-вторыхъ, событіе это не захватывало коренной или, иначе сказать, жизненной стороны народнаго быта и потому пронеслось надъ народомъ безслѣдно, какъ обыкновенная невзгода, вродѣ, на примѣръ, пожара, мороваго повѣтрія и т. п.; однимъ словомъ, это событіе — не болѣе, не менѣе, какъ случайность войны. Подобныхъ случайностей въ жизни яицкихъ казаковъ, конечно, было не мало и прежде, и послѣ несчастнаго похода Бековича; разница только та, что въ одно время погибло казаковъ больше, въ другое меньше. И оттого народъ помнитъ только одно: „пошли-де наши протцы съ Бекичемъ въ Хиву и погибли“. Впрочемъ, историческихъ фактовъ отъ народныхъ сказаній, спустя полтора ста лѣтъ послѣ событія и ожидать нельзя; объ этомъ и говорить нечего.

Что же касается сказочной и легендарной стороны пре-

даній, то, извѣстно, народная фантазія очень изобрѣтательна, а память народа насчетъ этого очень впечатлительна, и все, что изъ сказочнаго западаетъ въ память народа, — все это долго живетъ въ народѣ. Такъ, наримѣръ, составивъ себѣ когда-то понятіе о Хивѣ, какъ о странѣ заклѣтой, вродѣ заклѣтаго клада, казаки повѣрье это перенесли и на позднѣйшее предпріятіе противу Хивы, именно на экспедицію Перовскаго. Въ этомъ отношеніи, разницы у казаковъ между взглядомъ на походъ Бековича и взглядомъ на походъ Перовскаго, какъ читатели видѣли, почти никакой нѣтъ. Даже рассказъ старика о походѣ Перовскаго наполненъ сказками и легендами больше, нежели рассказъ о походѣ Бековича. — Если чѣмъ и отличается рассказъ о походѣ Перовскаго отъ /рассказа о походѣ Бековича — это тѣмъ, что въ рассказѣ о походѣ Перовскаго много дѣйствительнаго, фактическаго. Правда, все дѣйствительное, фактическое перемѣшано съ сказочнымъ и легендарнымъ; но я не вижу надобности проводить грани, гдѣ начинается и кончается сказка, и гдѣ начинается и кончается фактъ: во-первыхъ это, по моему мнѣнію, отчасти обозначается само собой; во-вторыхъ, любознательные читатели могутъ сличить рассказъ старика-казака съ статьей неизвѣстнаго автора о хивинскомъ походѣ, напечатанной въ „Библиотекѣ для Чтенія“ за 1859 г., № 10,—статьей, извлеченной, по всему видно, изъ оффиціальныхъ бумагъ. Считаю нужнымъ заявить только вотъ что: я пишу не историческія замѣтки, а сказанія народныя, и потому, если гдѣ и окажется какой фактъ, нѣсколько расходящійся съ оффиціальными бумагами и разными отчетами и реляціями, то да не забудутъ читатели, что тутъ выразился взглядъ народа—ничей.

IX *).

П Ъ С Н И.

1.

По морю было, морю синему,
По тому морю по Каспійскому,
Супротивъ было острововъ Орловыхъ,
Стоялъ на якорѣ воровской корабль;
На корабликѣ состроенъ былъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ состроенъ былъ золотой бунчукъ,
Въ бунчукѣ стояли царскія знямочки,
Позлаченныя, распущенныя.
У знямочекъ стоитъ часовой казакъ,
Передъ нимъ стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ нашъ батюшка, воровской атаманъ
Степанъ Тимофеевичъ, по прозванью Разинъ сынъ;
Передъ нимъ стоялъ старшой есауль.
Атаманъ есаулу сонъ рассказывалъ:
„Что-то мнѣ, братъ, ночью мало спалось
И во снѣ мнѣ много видѣлось:
Спадала у меня съ головы кунья шапка,

*) Здѣсь помѣщены тѣ изъ собранныхъ Г. И. казачьихъ пѣсень, которыя не были имъ напечатаны и не вошли ни въ одну изъ его статей. Р е д.

Распоясался у меня золотъ колчанъ
И разсыпались у меня калены стрѣлы“.
Есауль этотъ сонъ разсуживаль:
„Сопадала у тебя съ головы кунь шапка,—
Это—пропадетъ твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотъ-колчанъ,
То— мнѣ есаулу быть крѣпко ранену;
Разсыпались калены стрѣлы—то казаки наши,
Воры-разбойники, на побѣгъ пойдутъ“...

2.

По горамъ то было по Индерскимъ
По раздольицамъ было широкимъ,
Собиралось тутъ собраньице киргизское.
Не мало ихъ было и не много: сорокъ тысячъ;
Предводителемъ у нихъ былъ ханъ султанъ Сержа-
линъ отецъ;
Повыше крѣпости Кулагиной, пониже яру Чепушин-
скаго,
Пикетные казаки ихъ скараулили,
Подавали вѣстынку и вверхъ и внизъ до войскова.
Тутъ казаки братцы собиралися
Всѣ Яицкіе съѣзжались,
Думали-то они думу крѣпкую за едино,
Черезъ Яикъ рѣку переправлятися;
Во глухую полночь съѣзжались,
Распустили они полковое знамя,
Поставили они распятые образы.
Чутко Богу молились, низко кланялись.
Помолившись Богу, распростились,
Распростившись, на ударъ пошли.
Напередъ-то бѣжить дорожей добрый молодець—
Васильюшка, Митрясовъ сынъ,
Во рукахъ-то онъ держитъ полковое знамя

Возговорить-то Василій таковы слова:
„Ой, вы, гой еси, казаки, братцы, Яицкіе!
Вы не робьте, казаки, не разбѣгайтесь“.
На крылѣ у киргизъ бѣжить злой басурманинъ
Басурманинъ, Каракалпачининъ,
За плечами у него турка цѣльная;
Онъ стрѣлялъ дорожаго добра молодца,
Убивалъ-то его во бѣлую грудь,
Онъ падалъ коню на черную гриву,
А съ черной гривы на мать сыру землю.
Какъ разбили казаки Яицкіе собраньице киргизское,
И, разбивши, стали дуванъ дуванить:
Доставалось на казака хорошей одежды
По сѣнной копнѣ.

3.

Не грозна туча изъ-за облака,
Туча поднималася;
Пріѣзжалъ къ намъ на быстрой Уралъ
Къ намъ небывалый гость,
Небывалый гость—царь наслѣдничекъ.
Старики, братцы, старожилые къ нему собиралися,
Съ лицомъ радушнымъ старики, братцы, ему поклоня-
лися.
„Ты заставь, заставь, царь наслѣдничекъ,
Насъ жить по старому,
Ты покинь, покинь, царь наслѣдничекъ,
Насъ на быстрой рѣкѣ“.
Не золоченая туто трубочка,
Трубочка вострубила,—
Говорить же тутъ наслѣдничекъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
„Вы подите-ка, послужите за горы кавказскія,
Усмирите-ка злую вы орду, орду некорливую,
Некорливую орду—черкесь со лезгинами“...

4.

Доселево про Кіянъ-море не слыхано,
А понече на Кіянъ-море собираются,
Собирали они тридцать кораблей безъ единого
Про себя они украшали „соколъ“ корабль:
Деревца ставятъ кипарисовы,
На немъ снасточки—бечевочки шелковыя.
Они на корму сажаютъ Илью Муромца,
А на носъ посажаютъ Добрыню Никитьевича.
Ильюшенька Добрынюшкѣ рѣчь возговорилъ:
„Ты отваливай отъ бережка отъ крутаго,
Ты отваливай отъ песочка отъ сысучаго“.
Вдругъ несчастье надъ корабликомъ приключилося,
Что садился на деревцо сизой орелъ,
Потоплялъ онъ корабличекъ во сине море.
Какъ на то ли нашъ Ильюхонька разсержался,
Онъ тугой лукъ своей рученькой натягивалъ,
Калену стрѣлу на тетивочку онъ накладывалъ,
Онъ убилъ орла въ бѣлую грудь, въ ретиво сердце,
Онъ упалъ, нашъ сизой орелъ, во сине море.

5.

Какъ изъ далеча—изъ поддалеча, во чистомъ полѣ,
Тутъ стоялъ, да росъ сыръ матерый дубъ.
У сыра дуба кореньца булатныя,
А коринушка у сыра дуба жемчужная,
Сучки, вѣточки на сырсмъ дубу хрустальныя,
А листоченьки на сыромъ дубу бумажныя.
Подъ сырымъ дубомъ было стойлице коневіе,
А во стойлицѣ сивый рѣзвый конь
На вершинушкѣ у сыра дуба сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Какъ ясенъ соколъ надъ добрымъ конемъ насмѣхаться сталъ:

„Ужъ ты кляча, кляча—сивый рѣзвый конь!
На тебѣ же, кляча, шерсть оленія,
А черное мясо твое вороніе“.
За досадушку то добру коню показалось,
И ясенъ соколъ съ добрымъ конемъ позаспорили;
Они спорили не объ ста рубляхъ, не объ тысячѣ,
Они спорили объ своихъ буйныхъ головушкахъ:
Соколу летѣть доставалось чрезъ сине море,
А коню бѣжать доставалось вокругъ синя моря.
Конь бѣжить, бѣжить—вся земля дрожить,
А соколъ летитъ, какъ колоколъ звенитъ.
Прибѣгаетъ конь до мѣстеченька до урочнаго,
До того мѣста—до колодезя до глубокаго.
Какъ прибѣгъ къ себѣ сивый рѣзвый конь, самъ во стойло
сталъ;
Ужъ онъ часъ стоялъ и другой стоялъ—нѣту сокола,
А на третьемъ онъ на часикѣ появляться сталъ.
Прилетѣлъ соколъ ко добру коню, пропустивши срокъ,
Ужъ онъ палъ коню въ рѣзвы ноженъки за просроченье;
Тутъ ясенъ соколъ добру коню виноваться сталъ:
„Ты прости меня, сивый рѣзвый конь, виноватаго;
Я летѣлъ, соколъ, чрезъ сине море шибче вихоря
И увидѣлъ я на синемъ морѣ стаю лебедей,
Выбралъ я себѣ что ни лучшую лебедушку,
Лебединаго ея мяса я понакушался
И за этимъ-то я, ясенъ соколъ, позамедлился“.

6.

Быль одинъ-то, одинъ
У отца, у матери,
Все одинъ — единый сынъ.
Какъ его-то берутъ, разудалаго,
Берутъ въ службу царскую,
По указу его, разудалаго,

Берутъ государеву.
Какъ со вечера добру молодцу,
Ему приказъ отданъ былъ;
Съ полуночи-то, душа добрый молодецъ,
Онъ собираться сталъ;
На бѣлѣй-то зарѣ, душа добрый молодецъ,
А онъ сталъ коня сѣдлать;
На восходѣ-то солнца краснаго
Сталъ онъ со двора съѣзжать.
Провожаютъ его, разудалаго,
Его молода жена,
Провожаютъ его, разудалаго,
Его всѣ отецъ и мать,
Провожаютъ еще его, разудалаго,
Его весь и родъ, и племень.
Позади идетъ его горюшенька—
Его молода жена.
Молодецъ-то жену уговаривалъ:
„Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь бѣлая:
Впереди-то у насъ все огни горять,
Огни горять неугасные“.
„Ужъ ты, миленькой сердечный другъ,
Не уговаривай меня, не обманывай,—
Это горить-то и пылаеть
У тебя, у молодца, ретиво сердце“.
„Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь бѣлая:
Позади-то у насъ вода полая“.
„Ужъ ты миленькой сердечный другъ,
Не удерживай меня, не обманывай,—
Это изъ твоихъ очей молодецкихъ
Слезы катятся, какъ рѣка льются“

7.

Какъ по морю—морю по Еврейскому
Тутъ плыли вышывали тридцать три кораблика.
Какъ одинъ-то корабль напередъ бѣжить, какъ соколъ
летитъ;
У него носъ, корма по звѣриному,
А водяные бока по змѣиному.
Какъ въ этомъ корабликѣ разукрашенъ чердакъ,
Въ чердакѣ стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ самъ прущкой король,
Передъ нимъ стоятъ два невольничка —
Со Тиха Дона два полковничка.
Какъ возговорилъ имъ прущкой король:
„Ужъ вы, гой еси, два невольничка,
Съ Тихова Дона два полковничка!
Какъ мнѣ въ нынѣшней ночи мало спалось,
Мало спалось—много видѣлось.
Мнѣ привидѣлся чистъ ракитовъ кустъ,
На кусту сидѣлъ младъ ясенъ соколъ,
Во когтяхъ держалъ бѣлу рыбицу“.
Отвѣчали ему два невольничка,
Съ Тихова Дона два полковничка:
„Ужъ ты, гой еси, прущкой король!
Чистъ ракитовъ кустъ—раздвиженный стулъ,
На кусту сидѣлъ младъ ясенъ соколъ—православный царь,
А въ когтяхъ держалъ бѣлу рыбицу—это перо лебединое.

8.

Бхалъ я, старый, братцы, по чисту полю,
По тому полю по Куликову;
Наѣзжалъ я, старый, братцы, на диковину,
На диковину—на бѣлъ горючъ камень;

На немъ написаны надписи и все разные.
По первой дороженькѣ мнѣ старому ѣхать—
Быть женатому,
А по другой мнѣ ѣхать—быть богатому,
А по третьей ѣхать—быть убитому.
Богатства мнѣ, старому, не надобно,
Жениться мнѣ, старому-то, не хочется.
Дай же поѣду я, старый, братцы,
Туда, гдѣ быть мнѣ убитому.
Поѣхалъ старый по дороженькѣ,
Наѣхалъ старый на охотниковъ,
На русскихъ удалыхъ разбойниковъ.
Возговорилъ старый, братцы, таковы слова:
„Примите меня, братцы, въ товарищи
Или въ кашеварники,
Или хоть буду я на васъ чулки сушить“...
Увидѣлъ онъ старый ихъ злой помыселъ,
Что хотятъ они у стараго коня отнять.
Возговорилъ старый таковы слова:
„Убить вамъ, братцы, меня не за что
И снять съ меня вамъ, братцы, нечего:
Одна на мнѣ сермяга—и та сѣрая,
Одна пола во пятьсотъ рублей,
А другая во всю тысячу;
А всей сермягѣ и цѣны нѣту“.
Вынулъ же онъ изъ налучна тугой свой лукъ,
Наложилъ на тетиву кленову стрѣлу,
Пустилъ же ее во сыру землю,—
Туть же ему покорились тѣ охотники.

9.

Вечеръ ночесъ къ дѣвушкамъ соловушекъ прилеталъ,
Соловушекъ прилеталъ—молодецъ въ гости пришелъ.
Звалъ онъ, манилъ дѣвушку, уговаривалъ съ собой:

„Поѣдемъ-ка, дѣвушка, во чисто поле гулять,
Во чисто поле гулять, во зеленые луга.
Заѣдемъ мы, дѣвушка, на высокій на курганъ.
Еще возьмемъ, дѣвушка, полотнянъ бѣлый шатеръ,
Полотнянъ бѣлый шатеръ и мелко точену кровать“.
„Ложись, ложись, молодець, дай въ головкѣ поищу,
Въ головушкѣ поищу, русы кудри разчешу“.
Стала дѣвушка искать, сталъ молодець засыпать.
Уснулъ, уснулъ, молодець, у дѣвушки на рукѣ,
У дѣвушкѣ на рукѣ — на ситцевомъ рукавѣ.
Всталъ, проснулся молодець,—нѣтъ ни дѣвки, ни коня;
Ни дѣвушки, ни коня, нѣтъ и бѣлаго шатра.
Заставила дѣвушка въ полѣ пѣшему ходить,
Въ полѣ пѣшему ходить, поджавъ, рученьки носить.

II.

ПРЕДАНІЯ О ПУГАЧЕВЪ

I.

Вступительное слово отъ автора.

Родившись и выросши на Уралѣ (въ старину Яикѣ) я, пишущій эти строки, видалъ во время моего дѣтства многихъ стариковъ и старушекъ, современниковъ и современницъ Пугачевщины, слушалъ рассказы ихъ объ этой эпохѣ, но многого изъ ихъ рассказовъ запомнить не могъ, по очень простой и натуральной причинѣ: дитя былъ, у котораго на умѣ были только кубари, альчи, пистолеты и т. под. Далѣе, въ пору юности моей, относящейся къ сороковымъ годамъ,—когда кубари и альчи уступили мѣсто другому рода забавамъ и занятіямъ, когда изъ казаченка-школьника преобразился въ казака-сударя, — въ эту пору я тоже встрѣчалъ, хотя немногихъ, рѣдкихъ, но все-таки еще встрѣчалъ современниковъ Пугачевщины; но и изъ этой поры память моя не много вынесла, и не потому, чтобы рассказы были скудны содержаніемъ, чтобы рассказчики не могли передать мнѣ сколько-нибудь любопытнаго и интереснаго изъ того, что было въ ихъ пору, что свершалось на ихъ глазахъ, а потому, что самъ я не придавалъ рѣшительно никакой цѣны народнымъ преданіямъ, вѣрованіямъ и воззрѣніямъ, считая ихъ за болтовню, за лепетъ ребенка, не стояющіе вниманія чловѣка порядочнаго, или, какъ говорятъ казаки, чловѣка съ понятіемъ. Напримѣръ, въ 1845—46 годахъ, проживая, въ качествѣ начальника и судьи, въ одной изъ нашихъ станицъ — Красноярскомъ

форпостѣ, я, отъ нечего дѣлать въ часы досуга отъ трудовъ служебныхъ, по часту бесѣдовалъ съ старикомъ Михайломъ Михайловичемъ Бакировымъ о нашей старинѣ и, между прочимъ, о пугачевскомъ времени. Бакирову во время Пугачева было отъ роду около двадцати лѣтъ и онъ не разъ видалъ самого Пугачева, говорилъ съ нимъ, цѣловалъ у него руку. Помню, Бакировъ рассказывалъ мнѣ цѣлую легенду о Пугачевѣ и его времени. Но, къ сожалѣнію, на большую часть рассказовъ этого старика, какъ и на рассказы другихъ, я также не обращалъ должнаго вниманія, по крайней мѣрѣ, скоро забывалъ ихъ, и все, повторяю, оттого, что самъ я не придавалъ рѣшительно никакой цѣны народнымъ преданіямъ, и тому была причина.

Прошедши чрезъ войсковое училище и прозубривши почти наизусть отъ крышки до крышки довольное число учебниковъ, въ родѣ „Исторіи“ Кайданова, „Реторики“ Кошанскаго, и т. под., я, дѣло понятное, считалъ себя уже не обыкновеннымъ смертнымъ, не казакъ-талагаемъ, не казаченкомъ-Петряемъ, не урядникомъ-бурбономъ, а ученымъ сударемъ, испившемъ до дна чашу премудрости. Независимо отъ того настроенія, которое я вынесъ изъ училища, не могъ устоять и противъ того вліянія, которое впоследствии систематически прививалось извнѣ стараніемъ отцовъ-командировъ, по ученію которыхъ, казакъ и болванъ, казакъ и грубіянъ были синонимы. Къ ученію отцовъ-командировъ присоединилось произведеніе ума человѣческаго: въ брошюрѣ „объ Уральскихъ казакахъ“ г. Левшина и въ „Исторіи Пугачевского бунта“ г. Пушкина проведена таковая мысль: казакъ и бунтовщикъ суть синонимы. Что-жъ мудренаго, если, наслушавшись поученій и наставленій отцовъ-командировъ и начитавшись книгъ вродѣ упомянутыхъ выше, я смотрѣлъ на казаковъ, моихъ земляковъ, какъ на глупыхъ, дерзкихъ и безсмысленныхъ „буяновъ“. Этого мало! Я смотрѣлъ на массу нашего казацкаго народа, какъ на грубый бездушный матеріаль, лишенный вся-

каго челоуѣческаго смысла, всякаго яснаго элемента, на матеріаль, пригодный для нашего брата, скульптора, т. е. казацкаго офицера, чтобъ лѣпить солдатиковъ, на матеріаль, изъ котораго можно нашему брату скомороху, т. е. казацкому офицеру, дѣлать гудки и балалайки, чтобы разрывать кой-какія, смотря по времени и обстоятельствамъ, арійки...

Имѣя такой офицерскій или казенный — все равно — взглядъ на самый народъ, я, натурально, всѣ вѣрованія, всѣ воззрѣнія, всѣ преданія народа ставилъ ни во что! Изъ этого понятно, что многое, слышанное мною изъ устъ народа о Пугачевскомъ времени, какъ не стоящее вниманія челоуѣка порядочнаго, я пропускалъ мимо ушей, а многоаго, можетъ быть, мнѣ и не доводилось слышать, просто, не хотѣли, можетъ быть, мнѣ и передавать, видя сову по полету. И это могло быть.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе большой учености сударя, а главное, вслѣдствіе офицерскаго взгляда на народъ, многое, можетъ статься, потеряно, если не для исторіи Пугачевщины въ частности, то для исторіи казацкаго народа вообще.

Но съ теченіемъ времени точка зрѣнія ученаго сударя на народъ перемѣнилась. Дойдя до сознанія о несостоятельности высшихъ офицерскихъ воззрѣній на народъ, я обратился къ самому народу. „Поздно, рыцарь, прискакалъ!“ подсказало мнѣ мое воображеніе. „Лучше поздно, чѣмъ никогда!“ отвѣтилъ я моему воображенію, и рьяно бросился въ поиски за народными преданіями.

Въ 1858 году, въ теченіе цѣлаго лѣта и осени, я разъѣзжалъ по Яику, отыскивалъ старичковъ и старушекъ и подбиралъ крупицы, оставшіяся отъ стариннаго пироваанья. Что собралъ, то и представляю, прибавивъ, разумѣется, и то, что запало въ память мою изъ временъ дѣтства и юности. Представляю именно то, что собралъ, представляю въ томъ именно видѣ, какъ, что, а въ иныхъ случаяхъ и отъ кого слышалъ.

Изъ этой оговорки читатель догадается, что рассказъ мой, составленный изъ разныхъ лоскутковъ, будетъ не очень строенъ, послѣдователенъ. Этого мало, прибавлю я: рассказъ мой будетъ съ нѣкоторыми повтореніями и даже противорѣчіями; но смѣю завѣрить всѣхъ и cadaго, замѣнивъ этого недостатка, рассказъ мой будетъ вѣренъ дѣйствительности, то есть, въ немъ не будетъ ни одной черты присочиненной.

Можно бы, конечно, всѣ преданія, слышанныя мною на Яикѣ отъ разныхъ лицъ, вложить въ уста одного вымышленнаго рассказчика, и тѣмъ придать рассказу форму, болѣе или менѣе стройную, болѣе или менѣе систематическую, послѣдовательную, форму пріятную и легкую для читателя. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы въ иныхъ или даже во многихъ мѣстахъ сглаживать и примирять противорѣчія; въ такомъ случаѣ на канвѣ народныхъ преданій рядомъ съ узоромъ неподдѣльнаго народнаго вѣрованія и возрѣнія появился бы узоръ искусственный, присочиненный, короче: въ такомъ случаѣ неизбежно могла бы пострадать истина, а она-то, по моему понятію, и должна быть на первомъ планѣ во всей дѣйствительности и неприкосновенности. Слѣдовательно, лучше нестройное, да вѣрное, чѣмъ стройное, да невѣрное.

Само собою разумѣется, что большая часть преданій будетъ расходиться съ дѣйствительными историческими событіями, т. е. въ большей части преданій элементъ фантазіи и вымысла будетъ преобладать надъ элементомъ фактическихъ событій; но за то каждое изъ преданій, отдѣльно взятое, будетъ вполне, по моему мнѣнію, обрисовывать характеръ народа и его образъ пониманія вещей.

Итакъ, преданія о Пугачевѣ я оставлю неприкосновенными въ томъ видѣ, какъ слышалъ ихъ изъ устъ народа, не дѣлая относительно нихъ здѣсь никакихъ поясненій и не пускаясь по поводу ихъ ни въ какія разсужденія.

За преданіями я представлю, если позволятъ обстоя-

тельства, особыя замѣтки, основавъ ихъ на фактахъ и собственныхъ соображеніяхъ, замѣтки по поводу Пугачевского бунта вообще и народныхъ преданій въ особенности. Но то будетъ уже дѣло иное, а теперь слѣдуетъ разсказъ монахини.

*) Мысли этой авторъ, очевидно, не успѣлъ выполнить, такъ какъ въ бумагахъ покойнаго не оказалось по этому предмету ничего обработаннаго для печати.

II.

Разсказъ монахини *).

Въ женскомъ скиту, пріютившемся въ разщелинѣ Общаго Сырта, неподалеку отъ Гниловскаго умета, я встрѣтилъ монахиню, чуть-чуть не столѣтнюю старушку, именемъ Августу. Дорожа такой рѣдкой находкой (не забудьте, это было въ 1858 году), я съ осторожностью приступилъ было къ разспросамъ о Пугачевщинѣ, но, къ счастью моему, осторожность оказалась совершенно излишней. Монахиня какъ ни стара, но жива, бойка, а главное — большая говорунья. Къ ней, какъ нельзя лучше, можетъ быть приложима пословица: „каковъ въ колыбели, таковъ и въ могилѣ“. На многое щекотливое для женскаго уха, на многое, о чемъ едва ли бы я вздумалъ съ нею, какъ съ женщиной и вдовокъ, какъ съ монахиней, разговаривать, она сама меня наводила. Съ позволенія читателей, я скажу нѣсколько словъ объ этой личности.

Въ бѣлицахъ имя ей было Анисья, по отчеству Васильевна, урожденная Невзорова. Замужемъ была за Махоринымъ, онъ же и Перстняковъ. По происхожденію калмычка.

*) Разсказъ этотъ переведенъ на французскій языкъ и помѣщенъ въ *Revue Historique* 1878, VII Juillet-Août, 371—479 p., подъ заглавіемъ: „Traditions populaires dans la Russie orientale sur l'insurrection de Pougascheff“, etc par A. Rambeau. Этотъ послѣдній заимствовалъ разсказъ у Витевского, который опубликовалъ его на археологическомъ съѣздѣ въ Казани.

Дѣдъ, а, можетъ, и прадѣдъ, — она хорошо не помнитъ, — калмыкъ волжской орды, принялъ христіанскую вѣру и приписался въ Яицкое Казацкое Войско. Фамилію Невзоровыхъ принялъ, конечно, отъ воспреемника, яицкаго казака Невзорова.

Сдѣлавшись христіанами и поселившись между русскими, Невзоровы-калмыки въ образѣ жизни долго сохраняли свои природныя кочевыя привычки. Такъ на примѣръ, по зимамъ, подобно русскимъ, жили въ домѣ, а лѣтомъ вели жизнь кочевую, въ подвижныхъ юртахъ и занимались исключительно скотоводствомъ. Анисья Васильевна въ дѣвицахъ проводила большую часть времени въ степи около стадъ и табуновъ, была отличной наѣздницей и оставила калмыцкія привычки послѣ замужества, когда вошла въ семейство чисто русское.

Мать Анисьи Васильевны была чисто русская, но типъ лица у дочери остался калмыцкій: однѣ высокія скулы съ перваго взгляда дадутъ понять, какого роду-племени Анисья Васильевна, а небольшой клокъ сѣдыхъ волосъ на подбородкѣ, похожій на маленькую бородку, придаетъ ей видъ довольно странный. Кромѣ наружности, манера, на примѣръ, выражаться отрывисто и дѣлать сильныя ударенія на первыхъ словахъ въ тѣхъ именно случаяхъ, когда Анисья Васильевна хочетъ или опровергнуть мнѣніе говорящаго съ ней, или придать большую силу своему, показываетъ, что она приходится съ родни любимому Ширгучу, Мантыку и имъ подобному калмыку-казаку. Но, несмотря на ея калмыцкое происхожденіе, несмотря, наконецъ, на то, что она женщина и вдобавокъ монахиня, носящая схиму, Анисья Васильевна, или Августа, пускается въ сужденіе о дѣлахъ, далеко выходящихъ изъ сферы женской дѣятельности, а тѣмъ болѣе изъ сферы монастырской жизни. На примѣръ, она разсуждаетъ о казачествѣ, точь-въ-точь какъ старикъ-казакъ, на примѣръ, какъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ. Говоритъ, каковы были казаки въ пору ея молодости и каковы они стали теперь, высказываетъ мнѣніе свое о причи-

нахъ, почему современное казачество измельчало. Разумѣется, слово „измельчало“ она не употребляетъ, а замѣняетъ его другими, или, правильнѣе, у нея есть свои слова, тотъ же смыслъ выражающія.

— Нынѣшніе-то казаки, дитятко, супротивъ прежнихъ, т а р а н ь-т а р а н ь ю, — говорила монахиня.

— Отчего-же нынѣшніе-то казаки, супротивъ прежнихъ, т а р а н ь-т а р а н ь ю? — спросилъ я монахиню послѣ нѣскольکو разъ повторенныхъ ею этихъ словъ.

— Знамо отчего, дитятко, — сказала она: — выродились, выродились, выродились!...

— Отчего же выродились, матушка?

— А все оттого же, родимый, отчего и это, — сказала монахиня и дрожащей рукой повела по воздуху вокругъ себя, указывая на возвышенности Общаго Сырта, покрытыя мелкимъ, неказистымъ кустарникомъ дубняка. — А лѣтъ десятковъ шесть тому, — продолжала монахиня, — на этихъ самыхъ горахъ дубы росли, дубы могучіе, дубы дремучіе, а теперь что? не на что взглянуть, дитятко: одинъ коряжникъ, Богъ съ нимъ, и печку путемъ нельзя истопить. И вся эта благодать, дитятко, повывелась съ плохого ухода, отъ несуразнаго обращенія...

— Значить, по твоему, матушка, и казаки выродились отъ плохого ухода, отъ несуразнаго обращенія? — замѣтилъ я, погодя немного, давши монахинѣ время успокоиться отъ волненія, съ которымъ она проговорила послѣднія слова.

Монахиня быстро взглянула на меня и кивнула головой. „Угадалъ!“ было написано на лицѣ ея.

— Какое же это несуразное обращеніе? Не узкая-ли то одежда, въ которую насъ обрядили? — спросилъ я.

— И, дитятко! что одежда? Одежда — дѣло преходящее, отвѣчала монахиня. Нынѣче одна, завтра другая; одежда не виновата. И въ старые годы одежду безперечь мѣняли. Вотъ уже мы, на что бабы, — продолжала монахиня, — да и то зачастую мѣняли одѣявье одно на другое. Примѣрно сказать о полушубкахъ. Нашивали полушубки

съ двойными рукавами; одни, какъ подобаеть, надѣвали на руки, а другіе такъ себѣ болтались позади и спускались почестъ до земли, такъ себѣ, не для удобства, а для красы, для блезира; а послѣ и ихъ отпоролы, стали обѣ однихъ носить. И въ этомъ никакого худа не было. Тоже, къ примѣру, и о сарафанахъ. Извѣстно, сарафаны были безрукавны, а въ старину были съ рукавами, но рукавчики опять-таки не надѣвались на руки и дѣлались-то не для того, чтобы надѣвать, а пришивались сзади къ мышкамъ для одного блезира. Да мало-ли какой перемѣны перебивало въ одѣяныи и въ мужскомъ, и въ женскомъ. И во всемъ этомъ, дитятко, я тебѣ скажу, ни грѣха, ни покору нѣтъ, лишь бы одежда была мало-мальски похожа на одежду, степенная, а не кургузая... Правда, всячинка бывала въ старину, не разъ казаки и артачились, не хотѣли принимать узкихъ мундировъ. Но, дитятко, не одежда, не мундиры были страшны, а штатъ былъ страшень, штатъ былъ противень. Вотъ его то и боялись старики... И за то имъ доставалось, голубчикамъ. Не одинъ, я чаю, добрый молодець претерпѣлъ за правду-истину, принялъ мученическій вѣнецъ. Одинъ, я чаю, Кочкинъ Пиръ у сколькихъ казаковъ унесъ вѣкуто. Послѣ этого, дитятко, какъ же и не выродиться казакамъ, какъ же и не сдѣлаться имъ таранью... Бывало, я помню, одинъ-двое скажутъ: „Не хотимъ“ и всѣ за ними, какъ одинъ человѣкъ... А нынче что? окургузились, осолдатылись, обритоусились, отечество забыли и вышли тарань-таранью...

— Такъ, такъ, матушка! — прервалъ я. — И старики наши тоже самое бають. Скажи-ка ты мнѣ: сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

— Много, много, дитятко: кажись, сотенный годокъ пошелъ, — отвѣчала Августа.

— Въ Пугачевъ, что-ли, годъ родилась?

— Ой, нѣтъ, дитятко! въ Пугачевъ годъ я была годовъ десятку, коли не больше.

— Значить, помнишь Пугачева?

— Какъ не помнить?! Хоша многого-то и не помню, а все-таки кое-что осталось въ памяти. Какъ теперь смотрю на него, голубчика: такой былъ мужественный, величавый, настоящій царь...

— Какъ царь? — перебилъ я. — Бродяга, какъ есть бродяга! А вы царемъ его считаете. Смѣшно!...

— Ахъ, дитятко! Что ты говоришь! Можно-ли его царскую особу такъ обзывать? — возразила монахиня. — Онъ былъ настоящій царь, истовый Петръ Ѳедоровичъ! А что онъ былъ бѣжавшій — это правда, дитятко, точно что бѣжавшій, супротивъ этого спорить не буду. Да вѣдь это со всякимъ можетъ случиться: вѣкъ пережить — не поле перейти... нынче князь, завтра въ грязь...

— Какъ бѣжавшій?—спросилъ я.

— Да такъ, просто-на-просто, бѣжавшій, отъ налога, значить, бѣжалъ, и царство не взлюбилось, — отвѣчала монахиня. — Между нами будь сказано, — продолжала она, погода немного, — не въ моготу стала жизнь ему въ Питерѣ... Да ты, кормилецъ, не поставь мнѣ въ осужденіе мои простыя, безхитростныя слова, — оговорила монахиня.

— Говори, говори, матушка!....

— Ну, то-то, дитятко! Слушай-ка. Я перескажу тебѣ, что я въ молодую мою пору слышала отъ старыхъ людей. Отецъ моего свекора близокъ былъ къ Петру Ѳедоровичу; да и дядюшка мой родной его же руку держалъ. Дядюшку моего и съ сыномъ, двоюроднымъ братцемъ моимъ (Кораблевы прозывались) убили на приступѣ къ крѣпости... Вотъ и выходитъ, что мнѣ было отъ кого слышать...

„У него, — продолжала монахиня, — у Петра Ѳедоровича, между нами будь сказано, вышло несугласье съ супружницею его, матушкой царицею Катериною Алексѣвной. Господь ихъ вѣдаетъ, изъ-за чего у нихъ тамъ стало, не наше дѣло, суди ихъ Царь Небесный, а намъ не подобаетъ разузнавать и допытываться, что какъ было... Поговаривали только, что онъ, батюшка нашъ, былъ ревнивый, ревнивый такой, а она матушка наша, супротивъ него была непокор-

лива такая... И пробѣжала, знать, между ними черная кошка... Супротивниками ему были еще эти Чернышевы, Орловы, Пановы (Панины) и иные прочіе енаралы, что въ Питерѣ при дворцѣ служили... Онъ видитъ, что одному ему супротивъ всѣхъ не совладать, взялъ да и скрылся тайно изъ дворца, какъ святой Алексѣй Божій-человѣкъ скрылся изъ палатъ своего отца-царя...

— Да какъ же все это случилось? — спросилъ я монахиню. — Царь, и тайно скрылся изъ дворца! Что-то мудрено, матушка.

— Мудренаго ничего нѣтъ, дитятко, — сказала монахиня: — всячина бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Цари — цари, а и съ ними перетурка бываетъ... Объ этомъ самомъ дѣлѣ поговаривали въ народѣ, что случилось это такимъ побытомъ. Онъ, Петръ-то Федоровичъ, хоша природой-то былъ и нашего царскаго корня, но родился въ иной землѣ, тамъ, вишь, и выросъ. Значить, были у него тамъ и сродники, и пріятели, и, между нами будь сказано, пріятельницы. Въ ту самую пору, какъ вышло у него съ матушкой-то Катериной Алексѣвной несугласье, вотъ въ эту-то пору, словно на грѣхъ, къ нему и пріѣхала изъ иной земли на корабляхъ со свитой какая-то иностранная принцесса, можетъ и нарочно, чтобы въ огонь масла подлить. Онъ обрадовался и пошелъ къ ней на корабль въ гости, да и загулялъ, батюшка!... А гулять-то онъ, сказывали старики, гулять-то, не объ немъ будь упомянуто, куда охотникъ былъ. Трое сутокъ, говорятъ, не выходилъ изъ ея банкета: все пунши, да танцы, да музыка... Матушкѣ-то Катеринѣ Алексѣвнѣ, знамо, показалось это за великую досаду. Вотъ она на четвертый день выходитъ и шлетъ къ нему посла, чтобы онъ оставилъ банкетъ и шелъ въ свою царскую семью, а онъ не слушаетъ. Она другого шлетъ; онъ и другого не слушаетъ. Она третьяго, а онъ и третьяго не слушаетъ. Напоследокъ сама матушка Катерина Алексѣвна идетъ на корабельную пристань, но не показала ему на глаза, а посмотрѣла только въ стеклянныя двери, какъ онъ тамъ прокладается. Посмотрѣ-

ла, матушка, покачала головушкой и удалилась во дворецъ, только промолвила: „нѣтъ! не исправишь!“ Адъютанты и приспѣшники, что были при Петрѣ Ѳедоровичѣ, и говорятъ ему: „пора-де до дому, ваше царское величество, а то долго-ли до бѣды: сама-де царица здѣсь была и ушла больно де сердитая, быть бѣдѣ“.

— Пустяки!—говоритъ Петръ Ѳедоровичъ.—Жена не посмѣетъ ничего супротивъ меня сдѣлать. Коли захочу, въ монастырь ее упеку. Только одно слово скажу...

— Анъ и посмѣла! — замѣтила монахина. — Женщина она, а лютая была. Чрезъ сколько-то времени,—продолжала разсказчица,—въ ночную пору царь пошелъ во дворецъ понавѣдаться, что тамъ такое дѣется, подошелъ къ воротамъ, а они на запорѣ. Вотъ тебѣ и не посмѣетъ! Часовой, что у воротъ стоялъ, окликаетъ:

— Кто идетъ?

— Царь!—говоритъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ у насъ царя! У насъ царица!—говоритъ часовой дерзкимъ манеромъ. Петръ Ѳедоровичъ кинулся было къ нему, хотѣлъ, значить, ударить его и вразумить, а онъ, не будь дурень, уставилъ въ него ружье:—Застрѣлю!—кричить.—Уйди лучше!

„Нечего было дѣлать, побился, побился онъ около воротъ и часового и ушелъ опять на корабельную пристань, сѣлъ на корабличекъ и уѣхалъ въ иную землю.“

„Такимъ-то побытомъ и сталъ онъ, батюшка, странствовать изъ царства въ царство, изъ королевства въ королевство. То къ тому придетъ царю, то къ другому. Всѣ по тайности его принимали, всѣ его поштовали, а помощи ему не давали. Одинъ говоритъ:—„Не могу въ чужія дѣла входить—своихъ много“. Другой говоритъ:—„Свой дерись-бранись, а чужой не приставай“. Съ ихъ стороны это былъ только отводъ одинъ, а на самомъ-то дѣлѣ они крѣпко побаивались матушки Катерины Лексѣевны. Вѣдь она даромъ что женщина была, а какая разумная, да и воевать-то была горазда, что твоя Ольга премудрая: супротивъ нея ни одинъ царь не

стояль—всѣхъ побивала. На что ужъ прущкой король Фридрихъ воинъ былъ, говорятъ, отъ всего свѣта, и богатырь—желѣзныя подковы разгибалъ, всѣхъ сусѣднихъ царей побивалъ, а она, наша матушка, и его побивала. Значить, всѣхъ сильнѣе, войничѣе была!.. Сколько она земель отбила отъ супротивниковъ, сколько городовъ побрала, сколько дани перебрала, и не перечесть! Турскаго салтана, говорятъ, досталь забила: все Черное море своими кораблями покрыла,—Очаковъ, Анапу взяла. И къ Царюграду подступала, да не взяла: время не пришло, дитятко,—по писанію Святыхъ Отцовъ, возьмутъ наши Царьградъ въ послѣднее время при Царѣ Константинѣ... Однако, много съ турскаго салтана отсталого взяла и обязала его, вѣкъ-по вѣки, платить нашему царю дань. И платить съ той поры турскій салтанъ нашему царю дань великую: оттого самаго наши цари и богаты... Вотъ она какая была, наша красавица!—Ну, кто-жъ супротивъ нея смѣлъ идти? Никто, дитятко! Всѣ на нее зубы грызли, а супротивничать не смѣли. Особенно золь былъ на нее турскій салтанъ. Изъ досады-то, что она его дошибла, данью обложила, въ корень, что называется, разорила, онъ, говорятъ, и шепнулъ Петру Ѳедоровичу, когда тотъ къ нему въ Царьградъ пришелъ: „Ты, говоритъ, что по чужимъ-то огородамъ шатаешься? У тебя, говоритъ, свой зеленый садъ стоитъ. Толкнись-ка, говоритъ, ты къ орламъ своимъ братамъ, сирѣчь, къ казакамъ яицкимъ: присугласи, говоритъ, ихъ къ себѣ, и ужъ черезъ нихъ, говоритъ, получишь ли, нѣтъ ли, что тебѣ слѣдуетъ. Они, говоритъ, орлы-воины, кремень-воины; я, говоритъ, знаю ихъ по ихъ сродственничкѣ, по Игнатъ-Некрасовѣ; всѣ, говоритъ, одной породы. Они, говоритъ, знаю, постоятъ за отечество...“

— И впрямь, кормилецъ,—вмѣшала рассказчица свое замѣчаніе,—какіе и воины-то были эти старые казаки, не нынѣшнимъ чета. Любо-дорого было смотрѣть на стараго казака. Разодѣнется, бывало, въ кармазинный зипунъ, въ широкія шаровары, въ ину пору парчевыя,—на голову нахлобучить высокую баранью шапку съ вострымъ бархатнымъ

верхомъ, за плечи закинетъ винтовку иль-бо турку подь серебряной насѣчкой и съ серебряными бляхами, въ руки возьметъ пику острую, древко ленточкой перевитое, къ боку прицѣпитъ кривую саблю турецкую въ серебряной оправѣ иль-бо сайдакъ (лукъ) съ колчаномъ—и этимъ старые казаки рудовать умѣли,—да какъ сядетъ во всемъ убранствѣ на лошадь, такъ и раздуется: гора-горой, копна-копной, ну, просто, богатырь старинный, примѣрно, Илья Муромецъ, иль-бо Добрыня Никитичъ. А теперь что?—тарань-таранью!

— Слышалъ, слышалъ, матушка!—перебилъ я хвалебную рѣчь монахини старымъ яицкимъ казакамъ.—О Петръ-то Ѳедоровичъ ты мнѣ рассказывай!

— Прости, дитяtko, заговорилаcь немного. Старинку-то, знаешь, вспомнила, ну, и того... мысли-то и разгулялись. На чемъ, бишь, я остановилась? Дай Богъ память,—сказала монахиня.

— Турекій султанъ присовѣтовалъ ему идти на Яикъ,—подсказалъ я.

— Да, да, вспомнила,—сказала монахиня, и потомъ продолжала:

„И говоритъ салтанъ турскій Петру Ѳедоровичу:—,Не мѣшкай, ступай къ яицкимъ казакамъ; объявись, говоритъ, имъ, кто ты есть, и обѣщай, говоритъ, царскимъ своимъ словомъ, пожаловать ихъ вашимъ крестомъ и бородой. Они, говоритъ, теперь въ загонѣ, претерпѣваютъ отъ графа Захаръ Григорьича Чернышева великую изневагу насчетъ вашего креста и бороды. А коли ты пожалуешь ихъ крестомъ да бородой, то, говоритъ, постоятъ же они за тебя, никому не дадутъ тебя въ обиду. Я, говоритъ, знаю яицкихъ казаковъ,—они, говоритъ, и ко мнѣ не прочь перейти, есть когда въ отечествѣ стануть обижать ихъ насчетъ креста и бороды, а у меня, самъ знаешь, казаки Игнатъ-Некрасова никакой изневаги насчетъ креста и бороды не претерпѣваютъ. Это, говоритъ, я говорю тебѣ изъ жалости одной: чловѣкъ-то ты добрый, гонимый; а то, что, говоритъ, за охота отбивать мнѣ у самого себя доходъ: не нынѣ, завтра, знаю,

всѣ казаки, что ни есть въ Россійскомъ царствѣ, будутъ въ моемъ обладаніи, стоитъ только кличь-кликнуть, Игнатъ Некрасовъ показалъ дорогу.—Ступай, говоритъ, куда велю; не трать понапрасну время, и такъ, говоритъ, ни за что, ни про что пропало лѣтъ десять, какъ ты безъ мѣста“.—Вотъ онъ и пришелъ на Яикъ, нашъ батюшка,—заговорила монахиня.

— Какой батюшка? Пугачь-то?—спросилъ я.

— Какой Пугачь, родимый? Не Пугачь, а самъ Петръ Ѳедоровичъ!—сказала монахиня такимъ тономъ простоты и увѣренности, что, казалось бы, и возражать не слѣдовало; но я все-таки возразилъ:

— Ахъ, матушка, какъ же и обманули васъ!—Вѣдь то былъ проходимецъ, простой казакъ съ Дона, Емельянь Пугачевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитяtko!—говорила монахиня.—Это выдумали враги его, супротивники, питерскіе енералы и сенаторы, что сторону Катерины Алексѣвны держали. Они и Пугачемъ-то прозвали его и распустили въ міру славу о немъ. Онъ, видишь ли, воинъ былъ, пугалъ ихъ, такъ и прозвали его: Пугачь, да Пугачь! а онъ былъ на самомъ дѣлѣ Петръ Ѳедоровичъ.

— Есть когда-бъ онъ былъ не Петръ Ѳедоровичъ,—продолжала монахиня,—то-бъ не то и было, тогда бы и духу нашего не осталось на Яикѣ, даромъ что Яикъ-то нашъ, родной кровью заслуженный. Я тебѣ вотъ что расскажу, дитяtko. Какъ только солучилась въ ту пору на Яикѣ завороха, сирѣчь, какъ только объявился Петръ Ѳедоровичъ и наши казаки признали его за государя и увѣровали въ него,—то недѣли черезъ три и прискакалъ на Яикъ отъ Матушки-Царицы гонецъ, чтобы, знаешь, потушить, замять это дѣло, чтобы, знаешь, не дать огласки и въ Расеи, и въ иныхъ земляхъ. А наши казаки, знамо, не сами собой, а съ приказу Петра Ѳедоровича,—наши казки возьми да и приспокой этого гонца (при этихъ словахъ монахиня сдѣлала очень выразительный и вразумительный жестъ, какъ приспокоили гонца...)—Видно такъ надо было,—прибавила

она съ какой-то не то насмѣшливой, не то жалостливой ужимкой.—А какъ узнали въ Питерѣ объ этомъ гонцѣ, что приспокоенъ, то всѣ эти Чернышевы, Орловы и взѣлись на нашихъ казаковъ: „ихъ, говорятъ, это дѣло,—никто другой тутъ не виноватъ“. Приступили къ царицѣ и даютъ ей такой совѣтъ, чтобы всѣхъ казаковъ на Янкѣ, даже до сущаго младенца, искоренить, чтобы и званія нашего не было, чтобы и городъ нашъ съ землей сравнять, камня на камень не оставить. Однако, мудрая Катерина Алексѣевна такому злomu совѣту не вняла: „Никогда, говоритъ, этого не будетъ! Вѣдь они (сирѣчь, казаки-то наши), вѣдь они, говоритъ, не за мужика какого стоятъ, а за царское имя“. Вотъ и выходитъ, что то былъ не Пугачъ какой, а все-таки онъ самъ, сирѣчь, императоръ Петръ Федоровичъ.

— Опять вотъ что скажу тебѣ, дитяtko,—говорила монахиня:—Какъ онъ впервые-то обозначился, въ ту пору многіе изъ нашихъ казаковъ признавали его въ лицо. Мой свекоръ,—тогда-то, знамо, онъ не былъ свекромъ, а сталъ послѣ,—родной мой свекоръ ѣхалъ изъ города въ Танинскіе хутора, а навстрѣчу ему, на Бѣлыхъ-Горкахъ, попалась партія казаковъ съ харунками (знаменами). Напередъ всѣхъ, въ парчевомъ одѣяньѣ, ѣхалъ мужчина, такой мужественный, такой величавый, идно свекоръ мой испугался, остановился, скинулъ шапку и поклонился.

— Чей ты?—спросила особа.

— Перстняковъ!—говоритъ свекоръ и опять поклонился.

— Какъ твоего отца зовутъ?

— Ивановъ!—говоритъ свекоръ.

— Помню, помню!—говоритъ особа.—Воротись, говоритъ, домой, и скажи своему отцу, чтобы сію минуту явился ко мнѣ и представилъ бы жалованный ковшъ, что я пожаловалъ ему въ Питерѣ, когда наследникомъ былъ: онъ знаетъ.

— И поскакалъ свекоръ мой, сломя голову, назадъ въ городъ и рассказалъ своему отцу: „Такъ-де и такъ, батюшка!“ На ту пору отца свекора была лихоманка (лихорадка), однако, велѣлъ сыну запрещъ въ телѣгу лошадь, а самъ

досталъ изъ сундука жалованный ковшъ, одѣлся по праздничному и поѣхалъ на Бѣлы-Горки, а на Горкахъ подѣланы уже были рели, словно, для качалокъ, а на реляхъ качались удавленники, человѣкъ съ семь: это были изъ нашихъ же казаковъ, кто не признавалъ Петра Федоровича. А онъ не давалъ никому потачки, кто не вѣровалъ въ него—казакъ ли, баба ли, баринъ ли, барыня ли, все единственно,—всѣхъ, значить, смерти предавалъ. Отецъ моего свекора какъ взглянулъ на него, такъ съ перваго же раза и призналъ его, нашего батюшку, и повѣровалъ въ него. А призналъ его потому, что въ Питерѣ его видалъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ. И не одинъ отецъ свекора, а и иные многіе казаки, что въ Питерѣ съ царскимъ кусомъ ѣзжали, признавали его. А онъ и самъ многихъ признавалъ. Бывало, достанетъ изъ кармана бумагу и читаетъ: „въ такомъ-то году, вотъ тотъ-то пріѣзжалъ; того-то вотъ тѣмъ-то, а того-то вотъ тѣмъ-то дарилъ“. И все выходила правда. Значить, и былъ онъ настоящій царь...

— И съ той самой поры пошелъ трусъ—мятежъ по всему нашему войску!—продолжала монахиня.—Чего, чего, кормилецъ, не было: и давили, и топили, и разстрѣливали—ужасти Господни!.. Ночью, бывало, по улицамъ не ходи. Безперечь окликають: „Кто идетъ?“—Скажешь: „Казакъ!“—Спросять: „Чьей стороны?“—Ну, и не знаешь, какъ сказать, не знаешь, съ какой стороны спрашиваютъ.—Одно было спасенье: „Калмыкъ!“—скажешь, и лучше. Ихъ, чтой-то, не трогали. Мы, кормилецъ, жили въ самыхъ куреняхъ, близъ самой, выходитъ, крѣпости, и я наслышалась страстей-ужастей вдоволь, идно и доднесъ мерещится.—Безперечь на приступъ ходили, подкопы вели, изъ пушекъ, изъ пицалей безъ умолку палили, идно мать-сыра-земля стонала, а съ крѣпости смолой, варомъ обливали! Сколько народу погибло—страсти Господни!.. Я, чаю, отъ зачатка нашего города не бывало такого кровопролитія. Моего родного дядю, по матери, и съ сыномъ,—Кораблевы прозывались,—на приступѣ убили. А въ полѣ-то, бывало, съѣдутся, то же

самое. Примѣрно, сторону царицы держать отецъ, а сторону царя—сынъ. Лошади подъ обоими семьяны. Какъ съѣдутся, лошади-то и заржутъ,—знамо, спознають другъ дружку. По лошадямъ и воины-то спознають другъ друга. Отецъ, бывало, кричить сыну. „Эй, сынокъ! иди на нашу сторону! Не то убью!“—А сынъ отцу въ отвѣтъ: „Эй, батюшка! иди на нашу сторону! Не то убью!“—А тутъ подскачетъ какой-нибудь полковникъ, да и гаркнетъ: „Въ полѣ съѣзжаться—родней не считаться!—Бей! И хватить, выстрѣлить кто-нибудь изъ пищали, иль-бо отецъ въ сына, иль-бо сынъ въ отца!.. Таковое-то было кровопролитіе за грѣхи наши.—Монахиня замолчала и перекрестилась. Немного погодя, я спросилъ:

— А знавала ли ты, матушка, Устинью, жену Пугачева?

— Устинью-то Петровну? — отвѣчала монахиня. — Какъ не знать?—шаброво дѣло, всего только черезъ два дома другъ отъ дружки жили.

— Какъ же этакое дѣло случилось, что Пугачъ на ней женился? Самъ что ли онъ захотѣлъ или присовѣтовалъ кто?

— Не знаю, какъ сказать тебѣ, кормилецъ, чтобы не солгать на старости лѣтъ,—сказала монахиня.—Въ ту пору мое дѣло было дѣтское, а послѣ, какъ подросла, слышала на двое: одни говорили, что Петръ Ѳедоровичъ самъ захотѣлъ, другіе говорили, что графы да сенаторы ему присовѣтовали...

— Какіе графы, сенаторы?—спросилъ я.

Монахиня улыбнулась и отвѣчала:

— Да все воины наши—всѣ эти Орловы, Чернышевы и пные прочіе. Вѣдь у него цѣлая свита была набрана изъ нашихъ казаковъ: кто графомъ Орловымъ звался, кто Чернышевымъ, кто другимъ какимъ енераломъ, сенаторомъ, что въ Питерѣ при Катеринѣ Лексѣвнѣ состояли. Ну, съ лентами черезъ плечо щеголяли, прости Господи, и грѣхъ, и смѣхъ...

Монахиня опять улыбнулась. Немного погодя, она продолжала:

— Сидитъ это онъ, Петръ-то Ѳедоровичъ, подь окномъ и смотритъ на улицу, а Устинья Петровна на ту пору бѣжитъ черезъ улицу, въ одной фуфаячкѣ, да въ кисейной рубашечкѣ, рукава засучены по локти, а руки въ красной краскѣ. Она, видишь ли, занималась рукодѣльемъ, шерсть красила, да кушачки ткала, такая мастерица была. Увидалъ ее Петръ Ѳедоровичъ,—а она была красоты неописанной,—увидалъ ее и влюбился; спрашиваетъ своихъ сенаторовъ:

— Чья эта дѣвица?

— Дочь казака Кузнецова! говорятъ сенаторы.

— Сію-жъ минуту, говоритъ, ведите меня въ домъ къ казаку Кузнецову.

„И пошли въ домъ къ Кузнецовымъ. Посмотрѣлъ Петръ Ѳедоровичъ на Устинью Петровну пристально, а она вышла къ нему обряжена какъ слѣдуетъ, въ азарбатномъ сарафанѣ, въ жемчужной поднизкѣ, съ монистами и жемчугами на шеѣ, въ черевичкахъ, золотомъ расшитыхъ,—какъ слѣдуетъ дѣвицѣ хорошаго отца-матери. Посмотрѣлъ на нее Петръ Ѳедоровичъ, и пуще прежняго полюбилась она ему,—больно ужъ красотой взяла.

— Хочу, говоритъ на ней жениться.

А сенаторы будто бы ему въ отвѣтъ:

— Нельзя дѣлу этому стать.

— Какъ такъ!—спрашиваетъ Петръ Ѳедоровичъ.

А сенаторы будто бы ему въ отвѣтъ:

— Мы, чай, не басурманы: отъ живой жены жениться законъ воспрещаетъ.

— А я вамъ скажу: законъ не воспрещаетъ!—говоритъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Какъ такъ?—Это ужъ сенаторы-то будто спрашиваютъ его.

— А вотъ какъ! говоритъ онъ.—Съ женой моею я разошелся давно,—больше десяти годовъ, говоритъ, живемъ мы съ ней порознь,—а законъ разрѣшаетъ послѣ развода же-

ниться черезъ семь лѣтъ. Теперича возьмите въ толкъ вотъ еще что,—говорить Петръ Ѳедоровичъ:—вѣдь цари-то, не какъ простые люди, цари не связаны никакимъ закономъ, цари сами законъ когда захотятъ, тогда и женятся, на комъ хотятъ, на томъ и женятся. Кто имъ смѣетъ указывать?

— Вотъ такими-то словами будто бы и урезонилъ Петръ Ѳедоровичъ своихъ генераловъ и сенаторовъ, сказала монахиня,—и женился на Устиньѣ Петровнѣ. А другіе говорили иное, — присовокупила, немного погодя, монахиня; — другіе говорили, будто Петръ Ѳедоровичъ не самъ собой женился, а графы да сенаторы присовѣтовали, сбили его съ пути истиннаго. Ему, видишь ли, хотѣлось имѣть ее, сирѣчь Устинью Петровну, прости Господи за слово! хотѣлось имѣть ее любовницей.—А сенаторы-то и стали протъ него, особенно, говорятъ, Мишка Толкачевъ. Правду надо сказать, Мишка первый ходокъ былъ у Петра Ѳедоровича по такимъ дѣламъ. Однако, какъ коснулось дѣло по сродственницы—онъ сродни былъ Кузнецовымъ—такъ зацѣлъ другое. По его, говорятъ, совѣту, сенаторы наши приступили къ Петру Ѳедоровичу и говорятъ:—„безчестно отецкой дочери быть наложницей. Не подобаетъ и царской особѣ пребывать въ грѣхѣ... А есть когда угодно твоей царской милости, чтобъ отецкая дочь была твоей, то, говорятъ, сочитайся съ ней законнымъ бракомъ“. А онъ имъ въ отвѣтъ:—„Нельзя этому дѣлу стать: сами знаете, у меня жена жива“. А они ему говорятъ: „Какая у тебя жена? Та, что ли, что въ Питерѣ-то живетъ и мудрить? Что она тебѣ за жена? Не жена она, а супротивница!.. Что тутъ много толковать,—говорятъ сенаторы: есть когда Устинья Петровна тебѣ полюбилась,—женись да и баста!—А на ту нечего смотрѣть; немного она надарить. Ты только положишься на насъ. Грудью за тебя стоимъ, жизни не пожалѣемъ! Всю анперю съ тобой пройдемъ, Москву возьмемъ, Питеръ возьмемъ, и самое ее плѣнимъ!“

— Такимъ-то побытомъ, — продолжала монахиня, — графы, сенаторы и соблазнили Петра Ѳедоровича, на грѣхъ навели и этимъ самымъ дѣломъ, сирѣчь женитьбой-то Петра

Федоровича на Устиньѣ Петровнѣ, всю кашу испортили. Какъ узнали въ міру про женитьбу Петра Федоровича, такъ народъ-то усумнился и весь отшатнулся отъ него, а то бы, глядишь, не то и было... Армія, что изъ Москвы на него шла, вся армія, касатикъ, хотѣла преклонить предъ нимъ знамена и покориться ему, какъ законному своему императору. А какъ узнали, что онъ отъ живой жены женился, такъ и захлестнуло.—„Пугачъ, а не царь“! сказали солдаты, и командиры ихніе и съ той поры стали супротивъ него.

„Узнала объ этомъ и Катерина Лексѣвна и крѣпко разобидѣлась, матушка“.—„Есть когда онъ такъ поступилъ, сказала Государыня,—то и я поступлю съ нимъ по свойски!—Поѣзжай, говоритъ она князю Голицыну, поѣзжай на Яикъ и безпремѣнно разбей его, грѣховодника! Живого или мертваго, все единственно,—говоритъ,—представь его ко мнѣ; будетъ, говоритъ, ему прокуратить и міръ мутить; пора, говоритъ, положить предѣль его затѣямъ, имъ же нѣсть конца!“

— И князь Голицынъ разбилъ его у Татищевой, какъ приказывала государыня,—сказала монахиня такимъ тономъ, который ясно выражалъ сочувствіе рассказчицы къ неудачѣ Пугачева.—А дотелева всѣ командиры и генералы потрафляли Петру Федоровичу, мало съ нимъ стражались, а коли и стражались, то не охотно, касатикъ: знамо, и сами опасались,—дѣло было закрыто: почему знать—чья бы взяла? Есть когда бы не женитьба, не то бы и было. Такъ старики говорили. Отъ Татищевой онъ бѣжалъ на Волгу,—продолжала монахиня,—но нигдѣ большой удачи не имѣлъ, по той самой причинѣ, что міръ-то въ немъ усумнился, да и казаки наши всѣ почестъ отъ него отшатнулись; самая малость при немъ осталась. Отъ Волги онъ опять бросился было къ Яику, да дальше Узеней оттуда, голубчикъ, не пошелъ. Сами же казаки, что при немъ оставались, привезли его съ Узеней въ городъ и сдали командирамъ, а командиры, знамо

дѣло, представили его въ Питеръ къ государынѣ. Тамъ, значить, и кончилъ онъ дни свои въ мирѣ и тишинѣ.

„Монахиня перекрестилась.

— Какъ въ мирѣ и тишинѣ?—перебилъ я.—Его, какъ буяна, душегубца, казнили!..

Монахиня улыбнулась.

— Казнить-то казнили, дитятко,—сказала она,—да не его, а другого, подставного какого-то человѣка, такого, видишь ли, подыскали колодника, кой согласился умереть за него за деньги. Деньги-то, знамо, пошли дѣтямъ его, этого колодника...

— Какъ такъ? Не можетъ быть!—возразилъ я.

— Такъ, такъ, касатикъ! Ты ужъ лучше не спорь, всякъ тебѣ то же скажетъ,—сказала монахиня.—А есть когда хочешь знать это до всей тонкости, то поѣзжай на Свистунъ и отыщи тамъ кого-нибудь изъ старожиловъ изъ Кузнецова дома: они лучше дѣло это знаютъ, потому семья ихъ тутъ замѣшалась.

— Да, кстати, матушка, скажи-ка: что случилось съ Устиньей?—спросилъ я, когда рѣчь снова зашла о Кузнецовыхъ.

— Устинья Петровна и двѣ сестры Толкачевы, обѣ дѣвушки, что во фрейлинахъ при ней состояли, взяты въ Питеръ, касатикъ — отвѣчала монахиня. — Царица призывала ихъ къ себѣ, смотрѣла одѣянья на нихъ и похвалила: „прилично-де, и красиво“. Только Устиньѣ Петровнѣ сдѣлала слегка выговоръ за башмаки, что золотомъ были вышиты: „Не подобаешь, Устинья Петровна, украшать башмаки золотомъ,—сказала царица,—я вотъ законная царица, да и то башмаки у меня безъ золота: золото идетъ только на украшеніе святыхъ иконъ, а на башмакхъ ему не слѣдуетъ быть“. Послѣ того фрейлинъ Толкачевыхъ обдарила государыня и отпустила на Янкъ, а Устинью Петровну оставила

при себѣ въ Питерѣ, а на Яикъ не отпустила. Тамъ въ Питерѣ-то, значить, Устинья Петровна и жизнь свою кончила.

— Несчастливая!—неволью сорвалось у меня съ языка.— Пропала ни за что!

— Ахъ, что ты говоришь, дитятко! — возразила монахиня.—Что она за несчастная! Развѣ, что умерла не на своей сторонѣ, а то, что за несчастная? Дай Богъ всякому такого несчастія. Матушка царица приспокоила ее въ какомъ-то хорошемъ монастырѣ, гдѣ Устинья Петровна и прожила во всякомъ изобиліи и удовольствіи. И сына-то ея матушка-царица осчастливила...

— Какого сына?—спросилъ я.

— Какого?—въ свою очередь, спросила меня монахиня, видимо озадаченная моимъ невѣдѣніемъ.—Неужто ты не знаешь? Вѣдь Устинья Петровна осталась беременна отъ Петра Ѳедоровича; жимши въ Питерѣ, она и родила сына. Вотъ этого-то самаго сына матушка-царица и воспитала, какъ подобаетъ, за царскаго сына; а какъ дошелъ онъ до отроческихъ-то лѣтъ, взяла да и подарила его какому-то бездѣтному королю иной земли, чтобы престолъ его наследовать. Развѣ это плохо?—замѣтила монахиня.

— Коли плохо!—сказалъ я, улыбаясь.—Только правдали?

— Еще бы неправда!—сказала монахиня.—Есть когда міръ болталъ, то и я болтаю. Только какъ же, касатикъ, всему міру-то болтать,—прибавила она: „гласъ народа—гласъ Божій“. Еще вотъ что не забудь, касатикъ: есть когда-бъ все это болтовня была, то посуди: отчего Мартемьянъ Михайлычъ не узривъ родину, а пропалъ въ Питерѣ; въ одночасъ, говорятъ, умеръ, а може и не умеръ, може, и въ темницѣ весь вѣкъ томился...

Тутъ рѣчь зашла у насъ съ монахиней о казацкомъ старшинѣ Мартемьянѣ Михайловичѣ Бородинѣ, судьба котораго, по народной молвѣ или по народному преданію, тѣсно связана съ судьбой Пугачева. Для этого въ концѣ статьи я по-

свящу особую главу, гдѣ сведу всѣ, хотя въ частностяхъ и разнорѣчивыя, но въ общемъ содержаніи сходящіяся преданія о Бородинѣ, а теперь послушаемъ Ивана Михайловича, сына Михаила Михайловича Бакирова, о которомъ упомянуто во вступительной главѣ.

III.

Разсказъ Ивана Михайловича Бакирова.

— Еслибъ живъ былъ родитель мой—царство ему небесное—вотъ онъ бы разсказалъ тебѣ объ немъ не такъ какъ я,—такъ началъ рѣчь свою Иванъ Михайловичъ Бакировъ, когда я заговорилъ съ нимъ о Пугачевѣ.—Бывало, заведетъ это онъ рѣчь объ немъ, говоритъ, говоритъ, что твои гусли; слушаешь, слушаешь, а все слушать хочется: такая ужъ с у с п и ц і я любопытная! Да ты, чай, и самъ кое-что слыхалъ и помнишь отъ родителя моего, когда есауломъ былъ у насъ,—прибавилъ Бакировъ.—Вѣдь помню: бывало, вернется родитель домой поздно вечеромъ, спросишь: „Гдѣ былъ, батюшка?“—„У есаула!“ скажетъ.—„Что такъ долго?“ спросишь.—„Да что, долго!“ скажетъ, „все о Петрѣ Федоровичѣ спорили“. Чай, помнишь? — спросилъ меня Иванъ Михайловичъ.

— Помню, что споры-то мы вели,—сказалъ я.—Помню, Михайла Михайловича — царство ему небесное! Михайла Михайловичъ, бывало, говоритъ, что Пугачъ былъ не Пугачъ; а я бывало говорю, знаешь, по книжкѣ, что Пугачъ былъ настоящій Пугачъ, т. е. бѣглый съ Дона казакъ, это-то помню. А вотъ главнаго-то не помню. Не помню, примѣрно, что Михайла Михайловичъ говорилъ мнѣ о прущкомъ королѣ, о турецкомъ салтанѣ, о корабельной пристанѣ, о заморской принцесѣ...

— О какой заморской принцессѣ?—перебилъ меня старикъ-собесѣдникъ, внимательно слѣдившій за каждымъ моимъ словомъ.

— А о той, что на корабельной-то пристани съ нимъ гуляла,—сказалъ я, и тутъ же прибавилъ нѣсколько подробностей, слышанныхъ мною отъ монахини Августы.

Иванъ Михайловичъ нѣсколько разъ отрицательно покачалъ головой, потомъ заговорилъ:

— Кто ни на есть другой тебѣ напуталъ, а не родитель мой, иль-бо самъ ты запамятовалъ, а я отъ родителя моего ни слова не слыхалъ ни о какой заморской принцессѣ. Правда, всему міру, чай, извѣстно, гулялъ онъ на корабельной пристани, да только не съ заморской принцессей, а съ російской дворянкой, дѣвицей, прозваньемъ, какъ бы не солгать, В о р о н ц о в о й. Она была питерская, дочь какого-то енарала ли, графа ли, князя ли—хорошенько не умѣю сказать, а только, за вѣрное знаю, наша была, то-есть расейская, а не иностранная какая принцесса иль-бо марграфиня...

Имя Воронцовой, слышанное мною въ первый разъ изъ устъ простого старика, яицкаго казака, признаюсь, нѣсколько удивило меня, и я, разумѣется, тотчасъ же пожелалъ узнать, почему Ивану Михайловичу извѣстна эта статья.

— Почему же знали здѣсь, на Яикѣ, про Воронцову?—спросилъ я.

— Какъ почемъ?—отвѣчалъ старикъ.—Вѣдь онъ подъ веселую руку всю подноготную о себѣ рассказывалъ своимъ приближеннымъ и наперсникамъ.

— Да онъ могъ врать!—замѣтилъ я.

— Зачѣмъ ему было врать?—возразилъ старикъ-собесѣдникъ.—Да хоша бы онъ и не говорилъ ничего, такъ и безъ того объ этой статьѣ здѣсь знали. Вѣдь отъ насъ, самъ, чай, знаешь, изпоконъ-вѣку, кажинный годъ раза по три, по четыре, ѣздили казаки въ Москву и въ Питеръ съ царскимъ кусомъ. Такъ какъ же не знать, что тамъ дѣется? шила въ мѣшкѣ, батенька, не утаишь...

Затѣмъ разсказъ старика, въ главномъ содержаніи, одинаковъ съ разсказомъ монахини, но съ нѣкоторыми подробностями и варьяціями, которыхъ монахиня, какъ женщина и какъ монахиня, не могла передавать. Въ этомъ случаѣ и я послѣдую примѣру монахини, не стану утомлять читателя лишними подробностями. Минуя эти подробности, мы, т. е. авторъ и читатель, ничего не теряемъ. Главный мотивъ сказки, пѣсни (какъ хотите, такъ и назовите) одинъ и тотъ же, то есть, что у него съ нею вышло несугласье, и потому онъ въ сторону, а она въ другую... И довольно. Начнемъ съ корабельной пристани.

— До кого ни коснись, болячка эта очень больна,— говорилъ Иванъ Михайловичъ.—Какъ донесли ш а п і о н ы матушкѣ царицѣ, что онъ прокладается на корабельной пристани съ своей возлюбленной, то-ись, съ Воронцовой, она, царица-то, не стерпѣла и сама туда побѣжала. Пришла къ нему и говоритъ: „—Не будетъ ли гулять? Не пора ли домой?“—А онъ ей говоритъ: „—Давно ли яйца стали курицу учить? Пошла домой, покуда цѣла!“—Она было еще заикнулась что-то сказать, да онъ не далъ: затопалъ ногами, зацыкалъ на нее,—она и убѣжала домой... Пришедши домой, созвала къ себѣ Орловыхъ, Чернышевыхъ и другихъ, кто ея руку тянулъ,—подняла изъ церкви образа, отслужила Господу Богу молебенъ, присугласила полковъ пять гвардіи, привела ихъ къ присягѣ, да и надѣла на себя царскую корону и сдѣлалась императрицей, повелительницей всей имперіи, замѣсть Петра Федоровича.—А на корабельную пристань послала строжайшій именной указъ ко всѣмъ корабельщикамъ, чтобы они отнюдь его къ себѣ не принимали.—А онъ, вишь ли, хотѣлъ съ Воронцовой-то бѣжать на корабль въ иную землю, знамо, къ пріятелю своему, прусскому королю,—вѣдь закадычные друзья были,—да не могъ бѣжать,—ни одинъ корабельщикъ не взялъ на корабль,—всѣ застращены были. Царица-то въ указѣ писала: „Кто, де, осмѣлится это сдѣлать,—велю, де, того догнать и злой смерти предать!“ Такъ онъ и остался на нашемъ

берегу, словно соколъ съ подрѣзанными крыльями... А около дворца государыня караулы разставила, чтобы и близко не подпускали его, велѣла стволами бить, есть когда будетъ силиться... На другой день, подъ вечерокъ, онъ и въправду пришелъ было къ ней, да караулы не дремали, не допустили его,—едва-едва и самъ-то ноги унесъ...

Затѣмъ старикъ разсказалъ сцену съ часовымъ, почти слово-въ-слово, какъ монахиня говорила; а потомъ продолжалъ:

— Онъ не смотритъ на часового, силится во дворецъ, а часовой отводитъ его стволомъ, однако не смѣетъ ни бить, ни колоть... Напоследокъ часовой крикнулъ: „Карауль вонъ!“

Съ абвахты, что у воротъ была, и высыпалъ карауль, и сталъ подъ ружье.—Петръ Ѳедоровичъ подходитъ къ караулу и спрашиваетъ:

— Признаете ли вы меня?

Караульный офицеръ говоритъ:

— Нѣтъ, не признаемъ! Въ первый разъ и видимъ тебя.

— Я вашъ анператоръ!—говоритъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ у насъ анператора: у насъ анператрица!—говоритъ караульный офицеръ.

— Анператрица!—кричитъ Петръ Ѳедоровичъ. „Знаю, есть у насъ анператрица. Да я-то анператоръ! Мужъ вашей анператрицы!“...

Но офицеръ такъ и не пустилъ его.

Ничего не подѣлаешь,—замѣтилъ разсказчикъ: Петръ Ѳедоровичъ долженъ былъ уйти. А она, царица-то, открыла въ палатахъ сверху окно, высунулась оттуда, засмѣялась, да и крикнула ему взадъ-то:

— Что взялъ? Ступай теперича, говоритъ, къ своей возлюбленной, а я, говоритъ, и безъ тебя проживу: на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей... Кто да нибудь и научить уму-разуму, какъ царствомъ владать. Не я, говоритъ, первая, не я, говоритъ, послѣдняя изъ женска пола царствовать буду.

Остановился онъ, прослезился, съ досады, значить, сжалъ кулакъ, погрозилъ ей въ окно да и сказалъ:

— Ну, добро же, голубушка: будетъ и на моей улицѣ праздникъ. Солью тебѣ я крестъ, да и вызолочу.—На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей: кто да нибудь и поможетъ мнѣ подобрать тебя къ рукамъ. Смотри, крѣпись тогда!

— Ступай, ступай!—говорить она, и захлопнула окно. Постоялъ, постоялъ онъ подь окномъ, ничего не выстоялъ. Ушелъ.

Спервоначала бросился было опять на корабельную пристань, а и тамъ получилъ то же, что и во дворцѣ: знаешь, именнымъ указомъ царица застрацала корабельщиковъ. Куда дѣваться? Никуда больше, какъ идти переночевать въ загородный дворецъ,—тамъ еще этого дѣла не знали,—и удалился онъ въ загородный дворецъ. На другой день, помня присяжную должность, къ нему пристали полкъ ли, два-ли гвардіи, вѣрнаго не умѣю сказать, да и самъ-то онъ, родитель мнѣ говорилъ, и самъ-то онъ вѣрнаго не зналъ, до того ли было ему; только малость какая-то пристала къ нему. Съ этими полками онъ и хотѣлъ супротивляться царицѣ, однако сила ея силу его преодолѣла. Она со всей гвардіей и со всей артилеріей,—а у него ни одной пушченки не было—выступила супротивъ него, словно Бобылина супротивъ турокъ; учинила съ нимъ за городомъ страженіе и побѣдила—ловка была!—а самого его въ полонъ взяла, словно турка, и въ томъ же самомъ загородномъ дворцѣ подь карауль посадила. Какова? Нечего сказать, ловка! Посадимши его подь карауль, велѣла отпустить ему по царскому окладу жалованье, а воли ни на одинъ пядень не давать, то-ись, никуда за порогъ дворца не выпускать его, и къ нему никого не допускать, кромѣ этихъ троихъ прислужниковъ, да караульнаго офицера. И тутъ же, при всѣхъ енаралахъ и сенаторахъ, при всемъ духовномъ чинѣ, обязала его подпиской, то-ись, взяла съ него по формѣ записъ въ такой силѣ, чтобы ему въ царство не вмѣщаться, а быть бы вѣкъ-по-вѣки отставнымъ царемъ, а цар-

*

ствовать ей одной. Волей-неволей онъ и покорился и далъ за своей рукой такую записъ.

— Въ ту пору, какъ онъ содержался въ заключеніи,— продолжалъ рассказчикъ,— близкіе-то къ государынѣ ена-ралы и графы, эти Орловы и Чернышевы и иные прочіе ненавистники Петра Федоровича, разными обвиняками совѣтовали государынѣ, какъ ни-на-есть извести его, чтобы, знаешь, не вышло чего послѣ,—чтобы не было, знаешь, какой придирки отъ иныхъ царей и королей, его сродни-ковъ, особенно опасались прущаго короля Фридриха—вѣдь пріятель былъ нашему-то, то-есть, Петру Федоровичу-то. Однако государыня, отдать ей справедливость, не подда-лась, не согласилась. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, согласи-ться на такое беззаконіе? — прибавилъ рассказчикъ: — вѣдь какой ни-на-есть, а все-таки онъ мужъ, а все-таки онъ царь, помазанникъ Божій—дѣло великое! Да и царевичъ, Павелъ Петровичъ, былъ уже на возрастѣ... Поэтому самому она и берегла его, крѣпко сторожила, чтобы не вышло ка-кой пакости отъ Орловыхъ...

— И просидѣлъ онъ въ заточеніи не мало не много, ровно семь годочковъ,— продолжалъ Иванъ Михайловичъ.— Хоша онъ содержался и не въ настоящей тюрьмѣ, въ ка-кихъ содержатся колодники, а въ палатахъ, и ни въ чемъ не имѣлъ недостатку, примѣрно, ни въ питьяхъ, ни въ яствахъ, ни въ другомъ въ чемъ, всего было вдоволь, однако не сладко же ему было сидѣть. Первое—царства лишился; второе—свободы не имѣлъ... Не мимо, видно, говорится: „крѣпка тюрьма, да чортъ ли въ ней“. На восьмомъ году уже вырвался изъ заточенія и узрѣлъ свѣтъ Божій.

— Какъ же онъ вырвался?—спросилъ я.

— Добрые люди помогли, — отвѣчалъ рассказчикъ. — Вѣдь и у него были кой-кто доброжелатели, — продолжалъ старикъ.—Вотъ они-то и выручили его изъ заточенія. Опо-или ли чѣмъ сторожей, или подкупили казной—вѣрнаго не умѣю сказать, а только одно знаю: добрые люди выручили его.

— Выдравшись на волю, онъ и бѣжалъ прямо къ прусскому королю, Фридрику, да ничего отъ него не получилъ, — говорилъ старикъ. „Есть когда не далъ бы ты записъ, я-бъ безпремѣнно за тебя вступился, говоритъ Фридрикъ Петру Федоровичу: вѣдь все-таки, говоритъ, ты мнѣ приходишься сродни маленечко. А теперича, хошь гнѣвайся, хошь нѣтъ, твоя воля, ничего не могу въ удовольствіе твое сдѣлать, самъ, чай, знаешь. Вотъ она, бумага-то печатованная, говоритъ Фридрикъ, ничего супротивъ нея не подѣлаешь. Нѣтъ, нѣтъ, товарищъ! Она (то-ись Катерина Алексѣвна, пояснилъ рассказчикъ), она, батенька, не въ примѣръ умнѣе насъ съ тобой, даромъ что женщина: на кривой лошади не объѣдешь. Взявши отъ тебя таковую записъ, чтобы тебѣ не вступаться въ царство, она, говоритъ Фридрикъ, тотъ же день велѣла напечатовать ее, да и разослала по всѣмъ царямъ и королямъ, чтобы всякъ вѣдалъ, а ко мнѣ, говоритъ, прислала двѣ, мало, видно, одной-то, вотъ возьми, читай! Пожалуйста, говоритъ Фридрикъ, не проси меня: ничего не могу сдѣлать, самъ знаешь наши уставы: коль-скоро кто изъ владыкъ земныхъ откажется отъ царства и дастъ въ томъ на себя записъ, тотъ вѣкъ-по-вѣки долженъ оставаться безъ царства, по той самой причинѣ, что царское слово свято, во вѣки вѣковъ нерушимо, не нами узаконено. Есть когда, къ примѣру, я за тебя вступлюсь, говоритъ Фридрикъ, то на меня вся Европа за пѣетъ, а одному супротивъ всѣхъ идти нельзя. Совѣтую идти къ турку, говоритъ Фридрикъ: онъ орда, не-хрестъ, для него законъ не писанъ; може, онъ не посмотритъ на твою записъ, да едва ли и есть она у него; а я, говоритъ, секретнымъ манеромъ, сколько смогу, буду, вспомоствовать тебѣ и деньгами, и инымъ чѣмъ, въ чемъ нужда будетъ, а арміи, говоритъ, дать не могу“.

— Вотъ такими-то словами и утешалъ Фридрикъ Петра Федоровича, продолжалъ рассказчикъ.—А на самомъ-то дѣлѣ, толковать ли!—его не записъ страшила, а страшила сама матушка Катерина Алексѣвна. Вѣдь она, хоша и женскаго пола, а всѣхъ королей побивала: умна больно была,

Затѣмъ слѣдоваль рассказъ на ту же тему, на которую говорила и монахиня Августа, то есть,—что турецкій салтанъ присовѣтоваль ему толкнуться къ яицкимъ казакамъ. „Ужъ поддержуть ли, нѣтъ ли они тебя, а на другихъ ни на кого не надѣйся: супротивъ, де, яицкихъ казаковъ нѣтъ воиновъ ни къ Расеи, ни въ иныхъ земляхъ“,—такой совѣтъ даваль салтанъ турецкій.

— Такимъ манеромъ,—говорилъ Иванъ Михайловичъ,—онъ, Петръ Ѳедоровичъ-то, и объявился у насъ, въ Яикѣ городу въ семьдесятъ первомъ году...

— Не въ семьдесятъ первомъ, а въ семьдесятъ третьемъ году,—поправилъ я рассказчика.

— Какъ въ семьдесятъ третьемъ? — спросилъ Иванъ Михайловичъ. — По нашимъ сказкамъ, онъ появился въ семьдесятъ первомъ.

— Ошибаетесь вы всѣ, Иванъ Михайловичъ, — сказалъ я. — Въ чемъ другомъ — не спорю — вы, можетъ быть, и больше нашего знаете, — а ужъ насчетъ года не спорь, Иванъ Михайловичъ. — Вѣрно: въ с е м ь д е с я т ь т р е т ь е м ь .

— Какъ же такъ? — говорилъ съ недоумѣніемъ старикъ. — Вѣдь насчетъ него и пѣсня есть.

И не дожидаясь моей просьбы, Иванъ Михайловичъ тотчасъ же запѣлъ:

Того мѣсяца сентября
Двадцать пятаго числа
Въ семьдесятъ первыимъ году
Во Яикѣ-городу
Приходили къ намъ скоры вѣсти:
Не бывать намъ на мѣстѣ.
Яицкіе казаки
Бунтовщики были, дураки.
Не маленькая была ихъ часть
Задумали въ единъ часъ:
Генерала они убили,
Въ томъ не мало ихъ судили:
Государыня простила—

Жить по старому пустила.
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себѣ искали.
Нашли себѣ царя—
Донского казака.
Донского казака—
Емельяна Пугача!
Онъ ко Гурьеву подходилъ,
Ничего не учинилъ.
Отъ Гурьева возвратился,
Съ своей силой скопился.
Къ Яику подходилъ,
Изъ пушечекъ палилъ.
Отъ Яицкаго городка
Протекла кровью рѣка.
Онъ къ Илецку подходилъ,
Изъ пушечекъ палилъ.
Илецкіе казаки—
Измѣнщики-дураки—
Безъ бою, безъ драки
Предались вору-собакѣ.
Въ Татищевой побывалъ,
Всю артилерію забиралъ.
Артилерію забиралъ,
Разсыпну крѣпость разбивалъ.
Изъ крѣпости Озерной,
На подмогу Разсыпной,
.
.
Въ крѣпости Разсыпной
Былъ инераликъ молодой.
Инераль Лопухинъ былъ смѣль,
На коня онъ скоро сѣлъ.
На коня онъ скоро сѣлъ,
По корпусу разѣзжалъ.
По корпусу разѣзжалъ,
Всѣмъ солдатамъ подтверждалъ:
— „Ой, вы, гой еси, ребята,
Осударевы солдаты!
Вы стрѣляйте, не робѣйте,
Свинцу-пороху не жалѣйте.

Когда мы вора поймаемъ,
Хвалу себѣ получимъ...

.
.

— Дальше запамятовалъ, — сказалъ Иванъ Михайловичъ, кончивъ пѣніе. — Да и съ молодую-то я не очень любилъ пѣть ее: — солдатска она!.. Солдаты же, чтобъ ихъ одрало — прибавилъ рассказчикъ, — солдаты же, знамо, и пришли тутъ

„Донского казака—
Емельяна Пугача!“

— А по нашему, — продолжалъ старикъ, — по нашему, онъ былъ не Пугачъ, а настоящій Петръ Федоровичъ!

— Ладно, ладно! — сказалъ я. — А насчетъ года-то все-таки ошибка. Слушай, Иванъ Михайловичъ, вѣдь очень легко, вмѣсто:

„Въ семьдесятъ первыимъ году,
Во Янкѣ городу“...

Спѣть:

„Въ семьдесятъ третьемъ году,
Во Янкѣ городу“...

— Видишь, все выходитъ складно, — продолжалъ я. — Еще вотъ о чемъ спрошу тебя, Иванъ Михайловичъ: въ пѣснѣ говорится, что генерала убили; какого генерала, знаешь ли?

— Какъ не знать? Трюмбера! — отвѣчалъ старикъ.

— Вотъ и выходитъ, что не въ семьдесятъ первомъ, а въ семьдесятъ третьемъ году, — сказалъ я. — По бумагамъ значится, что генераль Т р ю м б е р а *), убили въ семьдесятъ второмъ году. А Пугачъ-то ужъ послѣ появился.

— Пожалуй, не будемъ на счетъ этого спорить, — сказалъ Иванъ Михайловичъ. — Теперича вотъ что мнѣ при-

*) Фонъ-Траубенберга.

шло на умъ: ты говоришь, онъ объявился въ семьдесятъ третьемъ году. Это, пожалуй, и такъ, — это, пожалуй, говорится про то самое время, какъ онъ объявился у нашихъ казаковъ, — а вѣдь онъ, допрежь того года за полтора или-бо за два, объявился на Волгѣ...

— Какъ на Волгѣ? — почти вскрикнулъ я и удивился, рѣшительно не зная въ то время о самозванцѣ Богомолѣ *). Старикъ самодовольно улыбнулся и сказалъ:

— То-то же! Вы все толкуете: „Пугачъ“, да „Пугачъ“, а не знаете, гдѣ онъ спервоначала и объявлялся-то. Этого, видно, въ вашихъ книгахъ не написано, — прибавилъ рассказчикъ и саркастически улыбнулся. Потомъ, немного погодя, старикъ продолжалъ:

— Пробираясь, по совѣту турецкаго салтана, къ нашимъ казакамъ, Петръ Федоровичъ поторопился, взялъ, да и объявился на Волгѣ въ Царицынѣ, — понадѣялся, значить, на народъ, да на Волжскихъ казаковъ. Народъ хоша и призналъ его и повѣровалъ въ него, да солдатскіе командиры держали руку царицы, оттого и вышла запятая. Знамо, простой народъ, примѣрно, мужики, купцы поддержать его не могли. Знамо, расейскій народъ не воинъ; расейскій народъ просто баранъ — больше ничего. Возможно ли простому народу устоять супротивъ солдатъ? И думать нельзя! — И на Волжскихъ казаковъ была плоха надежда. Сколько ихъ? — Горсть одна, да и тѣ въ разбродѣ, то-есть разбросаны: станица отъ станицы верстъ на сотню. Такимъ манеромъ куда, бывало, онъ ни придетъ, народъ вездѣ встрѣчу ему дѣлалъ, какъ подобаетъ, съ хлѣбомъ-солью, съ колокольнымъ звономъ, а командиры гоняли его... Усталъ онъ шляться изъ города въ городъ по-пусту, взялъ, да и удалился съ Волги на Узени. — Вотъ она, исторія то, настоящая исторія!

*) Рассказъ г. Мордовцева о Самозванцѣ Богомолѣ появился въ 1 № „Паруса“, полгода спустя послѣ того, какъ я бесѣдовалъ на Янкѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Бакировымъ.

— Узнала объ этомъ государыня и тотчасъ же разослала съ кульерами по всей анперіи секретные указы ко всѣмъ командирамъ въ такой силѣ, чтобы нигдѣ его не принимали, а есть-когда будетъ гдѣ усиливаться, то заресто-вали бы и прислали бы за конвоемъ въ Питеръ, — и повелѣла объ немъ пустить въ міръ такую славу, якобы-де это не Петръ Ѳедоровичъ; онъ-де, волею Божіею, скончался, — а это-де, бѣглый съ Дона казакъ Емелька Пугачъ... Ужъ такъ, Богъ знаетъ почему, приплели тутъ донскаго казака, — замѣтилъ рассказчикъ; благо подъ руку попался, — не надоумились, видно, кого бы лучше приписать... Ай, ай! — сказалъ Иванъ Михайловичъ и покачалъ головой. — Хитрый народъ, эти питерскіе енаралы, — что и баить! — хитрѣй теленка, однако, не будутъ...

— Послѣ того, какъ на Волгѣ-то онъ ославился и ушелъ на Узени, ему нельзя было прямо придти въ нашъ городъ и объявиться всѣмъ казакамъ: въ городъ нашемъ, видишь ли, въ ту пору солдаты стояли, и командиръ ихъ сторожилъ его. Значить, и туда дошли царицны указы объ немъ; вездѣ, значить, царица упредила. — По этой самой причинѣ онъ, до поры до времени, и приютился на Узеняхъ, — мѣсто въ ту пору было дикое, уединенное. А укрывали его тамъ кой-кто изъ нашихъ же казаковъ, особенно Толкачевы: большая была семья, и въ городѣ дома имѣли, и въ Бударинѣ, и въ Танинскихъ хуторахъ *). У нихъ въ семьѣ по секрету и харунки шили, шелками и золотомъ разшивали. А въ самомъ-то городѣ еще не знали, гдѣ онъ обрѣтается. Слышать, слышали — молва, батенька, далеко идетъ — слышать, слышали, что былъ-де, въ городѣ Царицынѣ, и ушелъ, де, оттуда, а куда? — не знали. Но вскорости обозначился.

— Разъ двое г у л е б щ и к о в ъ (охотниковъ) изъ города ѳдутъ около С а к р ы л а **), и увидали: на чистень-

*) Нынѣ Владимірскій поселокъ.

***) Озеро между рр. Большимъ и Малымъ Узенями.

комъ бережкѣ на песочкѣ у самой воды стоитъ холодничекъ *), а въ немъ и лежитъ онъ, то-ись Петръ Федоровичъ. Около него было человекъ пять нашихъ казаковъ.

— Знаете ли вы эту особу? — спрашиваютъ казаки гулебщиковъ.

— Нѣтъ, не знаемъ! — говорятъ гулебщики.

— Это царь! — говорятъ казаки, — Да вы, до поры до времени, молчите.

— Тутъ и самъ онъ сказалъ имъ, кто онъ такой есть. Говорилъ, что враги его гонять и нигдѣ не даютъ ему покою, что у него одна надежда на Яицкихъ казаковъ. То же просилъ ихъ, чтобы они, до поры до времени, никому не говорили, что видѣли его, а то-де хлопотъ себѣ наживутъ.

— Охотники вернулись въ городъ и сначала ни слова о томъ, что видѣли на Узеняхъ, а потомъ не утерпели, кой-кому по секрету сказали. Вскорости молва разнеслась по всему городу. Услыхалъ и солдатскій командиръ, что городомъ-то нашимъ въ ту пору правилъ, и тотчасъ потребовалъ къ себѣ гулебщиковъ. И тѣ сказали ему всеё правду, ничего, значить, не утаили. Того же дня командиръ послалъ на Узени команду, чтобъ схватить его, а его тамъ и слѣдъ простылъ — Митькой звали! Солдатскій командиръ хотѣлъ, знаешь, выслужиться предъ Государыней, да не успѣлъ; по той самой причинѣ, какъ звѣрь, расвирѣпѣлъ на гулебщиковъ, что не тое-жъ минуто по пріѣздѣ объявили ему и велѣлъ забить ихъ до смерти. И забили бѣдныхъ; а чѣмъ виноваты? Такъ за напрасно пострадали эти гулебщики, царство имъ небесное! — сказалъ Иванъ Михайловичъ и вздохнулъ.

— Тужишь ты о двухъ гулебщикахъ, Иванъ Михайловичъ, а въ эту пору сколько, чай, кромѣ гулебщиковъ пострадало народа! — замѣтилъ я.

— И то правда, — сказалъ Иванъ Михайловичъ. —

*) Среднее между шатромъ и навѣсомъ.

Сколько погибло въ тѣ времена тяжкія народу — не сочтешь! Не даромъ въ пѣснѣ поется:

„Отъ Яицкаго городка

Протекла кровью рѣка....“

— Ужъ какое-то, въ самомъ дѣлѣ, кровопролитіе было на Яикѣ въ то время, какъ онъ гласно-то объявился народу, — индо старики не запомнятъ! — продолжалъ рассказчикъ. — Отъ самаго зачатія нашего войска не бывало такихъ трусовъ-мятежей и кровопролитныхъ браней... И диву бы не пріятель какой, что ли, напалъ, какъ въ древнія времена Агаряне нападали, иль-бо какъ въ двѣнадцатомъ году французъ съ двадцатью языками напалъ; тогда хошь то знаешь, что бьетъ тебя басурманъ, и ты бьешь басурмана, — а то свои замутились, заколобродились, братъ на брата, сынъ на отца возсталъ!... Чудное дѣло, батенька!... Родитель мой самъ видѣлъ въ городѣ, какъ братъ брата застрѣлилъ; Горбуновы прозывались, — родитель зналъ ихъ. Одинъ братъ, младшій, въ крѣпости былъ и стоялъ на валу, — значить, руку государыни держалъ; а другой братъ, старшой, на приступъ шелъ и лѣстницу несъ, — значить, держалъ руку Петра Федоровича. Младшій братъ кричитъ съ вала: „Братецъ родимый! Не подходи! Убью!“ — А старшій братъ ему въ отвѣтъ: „Посмотрю, какъ убьешь!“ — Братъ съ вала: — „Пожалуйста, братецъ родимый, не ходи! Убью!“ — А братъ съ лѣстницей ему въ отвѣтъ: — „Я-те дамъ, убью! Пстой, влѣзу на валъ, надеру тебѣ вихоръ, — впередъ не будешь стращать старшаго брата“. Сказалъ это и поставилъ лѣстницу къ валу. Но лишь только занесъ ногу на первую ступеньку, младшій братъ съ вала бацъ въ него изъ пицали! И покатился старшой братъ въ ровъ. Родителя моего вчужѣ пробила слеза, и онъ тоѣ-жь секунду бросилъ страженіе и бѣжалъ изъ города въ обозъ. Ужъ такое-то было кровопролитіе, батенька! Бывало, морозъ по кожѣ подираетъ, какъ слушаешь стариковъ, что въ ту пору жили и своими

глазами видѣли... Значить, сбылось пророчество святыхъ отцовъ....

— Какое пророчество? — спросилъ я.

— Какъ какое?—спросилъ въ свою очередь старикъ.— Ты вотъ не знаешь, али знать не хочешь,—продолжалъ старикъ, понизивъ голосъ и придавъ ему таинственный тонъ,— а у насъ во всемъ народѣ извѣстно, изъ предковъ идетъ пророчество Алексѣя Митрополита. Когда наши праотцы задумали основать городъ между Яикомъ и Чаганомъ, — а допрежь того они жили вверху, на Кирсановскомъ Яру,— вотъ тогда-то, видишь-ли, являлся имъ святой Алексѣй Митрополитъ, на морѣ гдѣ-то, и возвѣстилъ, что на новомъ-де мѣстѣ постигнуть ихъ трусы-мятежи и кровопролитныя брани... а въ едино-де время (пророчилъ Алексѣй Митрополитъ), а въ едино-де время появится между вами такой набѣглый царь, и изъ-за него-де вы примете много горя. Оно такъ и случилось,—добавилъ Иванъ Михайлычъ.—Ты думаешь—продолжалъ онъ, — ты думаешь, что Пугачъ, по вашему, просто такъ себѣ Пугачъ, явился, да и вся недолга. Какъ же! Нѣтъ, батенька! Онъ явился не спроста, а по опредѣленію Божію. Значить, и былъ онъ не Пугачъ, то-ись не Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, а самъ настоящій Петръ Федоровичъ.—И спорить нечего.

— Да я и не спорю,—сказалъ я.—Говори-ка, что дальше-то было?

— Что дальше-то было?—сказалъ Иванъ Михайловичъ, и призадумался.—Какъ тебѣ пересказать, что дальше-то было, я ужъ и не знаю,—промолвилъ онъ немного погодя.— На что ужъ родитель мой жилъ въ ту пору, многое своими глазами видалъ, а и тотъ, бывало, махнетъ рукой и скажетъ: „Кутерьма была!“ Знамо—продолжалъ старикъ,—народъ, какъ единъ человекъ, повѣрилъ въ него, а пачальники держали руку государыни и отклоняли отъ него народъ; говорили, что онъ не царь,—тотъ-де давно умеръ,—а самозванецъ; отъ того самага и заварилась каша, поднялась пыль столбомъ отъ всего свѣта: кто за царя, кто за царицу

На что ужъ нашъ Мартемьянъ Михайловичъ (Бородинъ), кажись долженъ бы стоять за него, потому долженъ бы знать, что онъ не самозванецъ,—а и его солдатскіе командиры соблазнили,—и онъ поднялъ руку на него...

— Почему же Мартемьянъ Михайловичъ долженъ былъ знать? — прервалъ я рассказчика.

— Какъ почему? — отвѣчалъ рассказчикъ. — Вѣдь е го многіе изъ нашихъ казаковъ признавали, и онъ многихъ признавалъ. Къ примѣру, спросить, бывало, онъ: „а живъ ли у васъ сотникъ, иль-бо старшина такой-то?“ Скажутъ: „живъ!“ „А гдѣ онъ?“ спросить. „Позовите-ка его ко мнѣ!“ И приведутъ, бывало, къ нему, кого спросить. „Здравствуй, говоритъ, Иванъ иль-бо Сидоръ!“ Тотъ скажетъ: „Здравствуйте, батюшка!“ „А что, спросить, цѣль ли у тебя жалованный ковшъ (иль-бо сабля жалованная), что я тебѣ пожаловалъ, когда ты, тогда-то вотъ, пріѣзжалъ въ Питеръ съ царскимъ кусомъ?“ „Цѣль, батюшка!“ скажетъ тотъ, и тутъ-же вынетъ изъ-за пазухи, иль-бо домой сбѣгаетъ и принесетъ жалованный ковшъ, иль-бо другое что, чѣмъ жалованъ былъ въ Питерѣ. Какъ же онъ не царь-то былъ?—сказалъ старикъ.—Какъ же онъ не царь-то былъ, есть когда зналъ, кто, когда и чѣмъ жалованъ былъ?—повторилъ старикъ.—А разъ вышелъ, сударь мой, такой казусный случай,—продолжалъ старикъ.—Спросилъ онъ одного казака, цѣль ли у него жалованный ковшъ. А тотъ, сдуру ли, съ испугу ли, Богъ его знаетъ,—возьми, да и отрекись. Говорить, что никогда ничѣмъ не былъ жалованъ. Разгнѣвался Петръ Ѳедоровичъ на него и приказалъ повѣсить, какъ супротивника, и повѣсили! Лишь только вздернули бѣдняжку на рѣли, въ эту самую пору кто-то изъ домашнихъ нашелъ жалованный ковшъ, гдѣ-то въ сусѣкѣ съ мукой,—вишь куда запряталъ,—и представилъ къ Петру Ѳедоровичу, на ковшѣ-то и подпись была, кому пожалованъ. Однако, поздно было: умеръ тотъ въ петлѣ. Значить, отъ своей глупости пострадалъ. Да что объ этомъ толковать! — сказалъ старикъ.—Всему міру было извѣстно, что Пугачъ былъ не

Пугачь. Стало быть и Мартемьянъ Михайловичъ зналъ, однако, не повѣровалъ въ него, а присталъ къ солдатскимъ командирамъ, присугласилъ къ себѣ челоуѣкъ съ триста, иль-бо съ четыреста нашихъ казаковъ и бѣжалъ съ ними изъ Яицкаго городка, Бухарской стороной въ Оленбурхъ (Оренбургъ) и во все время, покуда продолжалось бунтовство, стражался супротивъ него. Знамо, выслужиться хотѣлъ передъ государыней и впрямь выслужился!—прибавилъ рассказчикъ.—Какъ кончилась завороха, Мартемьянъ Михайловичъ атаманство получилъ, да та бѣда, что атаманства-то своего не видалъ, да и родину свою не узрѣлъ: въ Питерѣ пропалъ! А все о н ѣ его доѣхалъ, то-ись Пугачь, по вашему..

— Спервоначала Петръ Ѳедоровичъ большую имѣлъ удачу,—продолжалъ старикъ,—по той самой причинѣ, что многіе изъ солдатскихъ командировъ, хоша явно и не приставали къ нему, хоша и распускали объ немъ славу не добрую; знамо, боялись государыни,—та тоже шутить не любила:—чуть не такъ—въ Сибирь! Иль-бо другое что, не лучше Сибири. Все таки, помня присяжную должность, нѣсколько потрафляли ему. Гдѣ бы примѣрно надобно выслать супротивъ его арміи полкъ, иль-бо два, а они вышлютъ только роту, иль-бо много что двѣ; гдѣ бы нужно выставить супротивъ него цѣлую батарею, примѣрно пушекъ двадцать-тридцать, а они, словно на смѣхъ, выставятъ пушченку, иль-бо много что двѣ. П у х ѣ! П у х ѣ! да и драло отъ него. Только славу сдѣлаютъ, что стражаются, а на самомъ-то дѣлѣ словно въ кулюкушки играли. И то надо сказать: боялись и е г о. Почему знать, куда-бъ дѣло повернуло? Есть когда бы онъ взаправду овладалъ царствомъ и сѣлъ на престолѣ,—тогда-бъ имъ и отъ него не уйти,—не сталъ бы и онъ ихъ гладить по головкѣ. Но женитьбой своей онъ всю кашу испортилъ. Какъ только узнали, что онъ женится на Устиньѣ Петровнѣ, такъ всѣ и запіяли: „Какой онъ царь“, всѣ заговорили, „коли отъ живой жены женился!“ Женитьбой, ничѣмъ другимъ, онъ и подгадилъ самъ себѣ,—прибавилъ рассказчикъ.

— Кстати, Иванъ Михайловичъ: какимъ родомъ онъ женился?—спросилъ я.—Самъ что ли захотѣлъ или кто смутилъ его?

— Знамо, смутили!—отвѣчалъ старикъ.

— Кто же? Наши, что ли?—спросилъ я снова.

— Куда нашимъ!—отвѣчалъ старикъ.—Нашимъ, чай, и во снѣ бы не пригрезилось лѣзть въ родню съ царской фамиліей.

— Да кто же?

— Знамо кто! — сказалъ Иванъ Михайловичъ. — Изъ Москвы или изъ Питера, все единственно, оттуда, вишь, подослали на Яикъ такого сахара-медовича: онъ и соблазнилъ его и всѣхъ приближенныхъ ввелъ въ грѣхъ великій. Шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, отъ живой жены жениться?—прибавилъ рассказчикъ.

— Мудрено что-то, Иванъ Михайловичъ!—замѣтилъ я.

— Вовсе не мудрено,—сказалъ старикъ.—Родитель мой насчетъ этого дѣла рассказывалъ такъ: „Хоша-де государыня и огласила, что это не царь, а Пугачъ, однако, не много этимъ взяла: народъ все таки повѣровалъ въ него, и вездѣ, во всѣхъ, значить, городахъ и селахъ, куда онъ являлся, встрѣчалъ его, какъ подобаетъ, съ хлѣбомъ-солью, съ крестами, образами и колокольнымъ звономъ. Царица разсылаетъ во всѣ концы анперіи указы, чтобы не вѣровали въ него, а онъ разсылаетъ свои, чтобы ей не вѣрили. Ея указы не дѣйствуютъ, а его указы дѣйствуютъ. Знамо, мужу больше вѣры. По этой самой причинѣ Москва начинаетъ волноваться. Что Москва?—Вся Расея стала волноваться и потребовала царя! То же самое и армія: стала, какъ говорится, на распутьи: ни туда, ни сюда. Я ужъ сказывалъ, какъ армія-то стражалась: только отводъ дѣлала, а не стражалась. Государыня видитъ, что дѣло плохо и пошла на выдумки. И выдумала, говорятъ, такую штуку, чтобъ ославить ей, острामить его на весь міръ; взяла да и подослала къ нему такого лукаваго человѣка: онъ и соблазнилъ его, наплелъ ему турусовъ-на-колесахъ. „Яицкіе казаки,—говорить подсылный

Петру Ѳедоровичу,—первые тебя признали, первые въ тебя повѣровали, первые они тебя поддержали,—по ихъ-де милости ты престоль себѣ добываешь: по этой самой, говоритъ, причинѣ, ты и долженъ отблагодарить ихъ, возвысить родъ ихъ, то ись взять въ супруги себѣ изъ ихняго роду честную дѣвицу,—а та, что въ Питерѣ, самъ знаешь, для тебя не годится,—одна-де дорога ей въ монастырь. А изъ другого какого рода брать супругу тебѣ не приходится по той самой причинѣ, говоритъ, что долженъ же ты осчастливить яицкихъ казаковъ: вѣдь они кровью своею за тебя разливаются. Говорится: „на всякаго мудреца довольно простоты“. Такъ и съ нимъ случилось, то-ись, съ Петромъ Ѳедоровичемъ: положился онъ на слова лукаваго человѣка и погубилъ себя! А на нашихъ казаковъ болтають, якобы они соблазнили его на женитьбу; вовсе не они,—прибавилъ рассказчикъ.—Если и былъ грѣхъ съ ихъ стороны, то такой же, что и они повѣрили словамъ лукаваго человѣка.

— Смѣшная, однакожь, исторія,—замѣтилъ я.—Трудно повѣрить такому несообразному дѣлу. Самъ посуди, Иванъ Михайловичъ, статочное ли дѣло, чтобы царь женился на своей подданной, на рабѣ, можно сказать?

— Смѣшного въ этомъ дѣлѣ ничего, батенька, нѣтъ!—отвѣчалъ рассказчикъ.—Рàзи онъ первый, что ли, женился на своей... на своей рабѣ, какъ ты называешь? Рàзи встарь благовѣрные цари наши не женились на своихъ, то-ись на расейскихъ боярышняхъ? А?—спросилъ меня рассказчикъ.—Женились, женились, батенька! На своихъ женились. Между нами будь сказано, вѣдь Петръ Первый Алексѣевичъ, дѣдушка Петра Ѳедоровича, проявилъ такую моду, женился на иностранной. Съ той поры цари наши и стали жениться на иностранныхъ царевнахъ, а до него этого, почитай, не бывало,—до него цари наши брали себѣ въ супруги изъ расейскихъ боярышень, какая кому полюбится. А что боярская дочь, что казачья дочь—рàзи не все равно? А? Никакой отлики нѣтъ: всяка жена по мужѣ честна. Петръ Ѳедоровичъ могъ проявить и свою моду, потому воленъ былъ! Вся притча,

батенька, не въ томъ, что онъ женился на казачьей дочери, а въ томъ, что отъ живой жены женился: вотъ это-то самое и погубило его.

Противъ такого довода я не возражалъ. Старикъ продолжалъ:

— Съ той самой поры, какъ онъ женился на Устиньѣ Петровнѣ, міръ и усумнился въ немъ. Выходить, онъ не соблюлъ Божескаго устава, на семи Вселенскихъ Соборахъ установленнаго. Спервоначала ему слѣдовало овладѣть престоломъ и по уставу семи Вселенскихъ Соборовъ развестись съ Катериной Алексѣвной, а потомъ уже и приступить къ новому бракосочетанію съ Устиньей ли Петровной, или съ какой другой—все единственно; а онъ этого не соблюлъ, потому, значитъ, лукавые люди соблазнили; имъ того только и хотѣлось. Усумнился въ немъ народъ и мало сталъ оказывать ему почтенія и покорности. То же самое и казаки наши. Сначала всѣ горой за него стояли, а тутъ мало-по-малу стали отъ него отклоняться, хотя и не стражались супротивъ него, а и за него не стояли, лыняли... А пуще всего солдатскіе командиры съ этого самаго времени ободрились, подняли головы и стали наступать на него по настоящему, по всправски, все смѣлѣе, да смѣлѣе,—смегнули, значитъ, что ему царства не видать, какъ ушей своихъ, а напоследокъ загнали его, голубчика, на Узени, словно, тушкана (зайца) на прежнее логово... Тутъ и похожденіямъ его конецъ! Съ Узеней чиннымъ манеромъ взяли его и представили въ нашъ городъ, а изъ нашего города представили въ Москву, къ государынѣ. Только его и видѣли... Государыня, значитъ, при spokoiла его...

— То есть, казнила!—подсказалъ я.

— Какъ бы не такъ!—возразилъ старикъ.—Не точію его, а и тѣхъ, кто изъ нашихъ казаковъ при немъ въ графахъ и сенаторахъ состоялъ, и тѣхъ, сударь мой никого не казнили...

— Какъ такъ?—спросилъ я съ крайнимъ изумленіемъ.

— Да такъ! Не казнили, и вся недолга!—сказалъ Иванъ Михайловичъ.—Я вѣдь русскимъ языкомъ говорю, что то

былъ не Пугачъ, а самъ Петръ Ѳедоровичъ. Такъ какъ же его-то казнить? Надо съ ума сойти, Христось съ тобой!

— Воля твоя, Иванъ Михайловичъ, а я не повѣрю такому несообразному дѣлу,—сказалъ я.—Всему вѣдь міру извѣстно, что его казнили въ Москвѣ среди бѣлаго дня при собраньи всего московскаго народа.

— Всѣ знаютъ, что казнили,—возразилъ рассказчикъ,— а кого казнили? Не всякій, видно, знаетъ. Казнить-то казнили, что и бать!—прибавилъ старикъ,—да не его: объ этомъ и подумать-то грѣшно, а другого казнили, такого, вишь, человѣка подыскали изъ острожниковъ, что согласился умереть замѣсть его. Московскій народъ,—продолжалъ рассказчикъ,—знамо дѣло не зналъ, не видалъ, кто воевалъ на Яикѣ. Сказали: „вотъ, де, Пугачъ!“ Ну, и ладно! Пугачъ такъ Пугачъ! Нечего, значить, и толковать. А наши казаки, кои въ ту пору были въ Москвѣ, своими глазами видѣли, кому голову отрубили. Говорили, что похожъ-де, обличьемъ на Петра Ѳедоровича, а не онъ. Вотъ она притча-то какая,—прибавилъ рассказчикъ.—Значить, одинъ близирь показали. То же насчетъ приближенныхъ его, наперсниковъ: ни одного, батенька, не казнили; всѣхъ, значить, отстоялъ, никого не далъ въ обиду, всѣ померли своей волей, кому когда конецъ пришелъ. Жили кто въ монастырѣ, кто на островахъ, а Зарубинъ, онъ же и Чика—весь вѣкъ прожилъ на Яикѣ, и умеръ своей волей на Яикѣ; только жилъ по тайности, подъ чужимъ именемъ, прозывался **З у м о р ш е е в ы м ъ**.

Я посмотрѣлъ на рассказчика съ крайнимъ удивленіемъ и хотѣлъ было замѣтить о нелѣпости подобной сказки, но старикъ предупредилъ меня, сказавъ:

— Ты не дивись, батенька! Врать тебѣ не буду. Родитель мой своими ушами слышалъ объ немъ отъ покойнаго благочиннаго Асафа Карчагина,—чай, помнишь его? Недавно умеръ. А благочинный Асафъ не разъ видалъ Зарубина въ Сергіевскомъ ли, въ Бударинскомъ ли скиту—хорошенько не помню. Онъ же передъ смертью Зарубина исповѣдывалъ и причащалъ его. Хошь вѣрь, хошь не вѣрь, а я не лгу,—

прибавилъ разсказчикъ.—Благочинный Асафъ—всѣмъ извѣстно—не такой былъ человекъ, чтобы съ вѣтру болтать.

— Быть по твоему, Иванъ Михайловичъ!—сказалъ я, немного погодя.—Однако, растолкуй-ка мнѣ вотъ это: какъ же онъ самоназванный вашъ Петръ Ѳедоровичъ былъ не знающій грамоты.

— Болтають, болтають! — отвѣчалъ старикъ энергически.—Господа сболтнули про него. Онъ, видишь ли, поперекъ горла имъ сталъ, солонъ показался; такъ изъ ненависти одной и навели на него эти наводы, чтобы унижить его. А онъ, правду надо сказать, куда былъ лютъ для нихъ, не спускалъ имъ—

„Пласталъ и рѣзалъ,
На колъ сажалъ и вѣшалъ...“

„И все значить изъ-за того, что сами они ему много насолили: невѣсткѣ, значить, на отместку. Не знающій грамоты!—говорилъ старикъ, покачивая головой и улыбаясь.—Да кто въ здоровомъ умѣ повѣритъ такому несуразному дѣлу? А? Царь, и грамоты не зналъ! Смѣшно! Да вѣдь онъ былъ въ половину нѣмецъ, чудакомъ ты этакой! А нѣмцы народъ мудреный, не хуже англичанъ. Такъ какъ же ему грамоты не знать? Онъ, я думаю, на всякихъ языкахъ зналъ. Только рѣзи по-калмыцки да по-татарски не зналъ. Какъ же ему расейской-то грамоты не знать? Чудно толкуешь. Есть когда бы сызмальства не зналъ, то жимши въ Расеи научился бы. Толковать ли!

— Да вѣдь во всѣхъ бумагахъ, во всѣхъ книгахъ значится, что онъ не зналъ ни аза въ глаза,—замѣтилъ я.

— Что-жъ, что въ бумагахъ, въ книгахъ значится?—возразилъ старикъ.—Бумаги, книги кто писалъ? Господа писали! Поди и вѣрь имъ... А ты слушай, коли хочешь знать всеё правду-истину,—ты слушай, что старики говорили,—продолжалъ разсказчикъ.—Старики говорили вотъ что: бывало соберутся въ какомъ домѣ по тайности часы ли, всенощную ли отслужить, — онъ такъ отчитываетъ „псалтыри“,

„апостолы“, любо-дорого слушать; вчередь-де, иному каноннику, или уставщику прочитать“. — Вотъ, что говорили старики, а г о с п о д а, не въ обиду будь сказано, болтають... Въ чемъ другомъ не спорю, — може, г о с п о д а и не лгутъ, — продолжалъ Иванъ Михайловичъ, — а ужъ насчетъ его, якобы онъ былъ Пугачъ, то-ись самоназванецъ, якобы и грамоты не зналъ, якобы и въ одежкѣ нужду имѣлъ — насчетъ этого болтають! Примѣрно, насчетъ одѣянья. Ну, кто въ здоровомъ умѣ повѣритъ этакому несообразному дѣлу, якобы онъ въ ту пору, какъ объявился народу и покорилъ подъ свою державу Яицкій городъ и всѣ форпосты вверхъ по Илецкаго города, въ ту пору, якобы онъ не имѣлъ на себѣ хорошаго, приличнаго его званію, одѣянья? — А? — нападалъ на меня Иванъ Михайловичъ. — Вѣдь ты же говорилъ моему родителю, когда есауломъ у насъ былъ, — я помню родитель мой долго, долго послѣ того смѣялся надъ такой несуразностью, — ты же говорилъ, якобы онъ ходилъ оборванцемъ въ ту пору, какъ объявился народу подъ своимъ званіемъ, и разжился якобы хорошей одеждой въ Илецкомъ городкѣ послѣ атамана тамошняго, Портнова? А? — Не правда, что ли? Вѣдь объ этомъ въ книгахъ написано? — А? — вопрошалъ меня Иванъ Михайловичъ.

— Да! — сказалъ я, и утвердительно кивнулъ головой.

— И ты вѣришь? спросилъ старикъ.

— Какъ не вѣрить? — отвѣчалъ я, дѣло статочное.

— Не вѣрь, батенька! — сказалъ старикъ. — Совсѣмъ дѣло нестаточное, — дѣло несуразное. Болтають, болтають! А ты вѣрь старикамъ: они не солгутъ. Родитель мой, — продолжалъ рассказчикъ, родитель мой самъ лично удостоился видѣть его близъ Бударина, или Кожехарова въ ту самую пору, какъ онъ только что прибылъ съ Узеней и объявился народу, еще и къ нашему-то городу не подступалъ, а объ Илецкомъ городкѣ и слухомъ не слыхать было; — вотъ видишь ли, въ какую пору родитель мой видѣлъ его. И на немъ, батенька, въ ту пору одѣянье было нарядное, пышное, — просто — съ брызгу! — Парчевый кафтанъ, кармазинный зипунъ, полоса-

тые канаватные шаровары зашпунены за сапоги,—а сапоги были козловые съ желтой оторочкой—родитель все запри-мѣтилъ,—шапка на немъ была кунья съ бархатнымъ малиновымъ верхомъ и съ золотой кистью,—а кафтанъ съ зипуномъ обшиты широкимъ въ ладонь прозументомъ. Лошадь подымъ была бѣлая, словно лебедь; сѣдло киргизское съ широкой круглой лукой, оковано серебромъ, а въ середкѣ вставленъ сердоликъ съ куриное яйцо; то же и уздечка, нагрудникъ, пахвы, стремяна—вся конская збруя убрана была серебромъ и сердоликомъ—родитель мой все запримѣтилъ. Вотъ онъ какимъ оборванцемъ-то былъ!—заклучилъ старикъ свое описаніе. Не много погодя, онъ продолжалъ:—Пуцай, родитель мой и не видалъ бы его, а я въ жисть не повѣрю, чтобъ у него хорошей одежды не было. Спервоначала, какъ по тайности жилъ, нешто, онъ и въ армячишкѣ ходилъ, чтобы не призналъ кто его, дѣло видимое,—а въ ту пору, какъ объявился настоящимъ своимъ званіемъ, въ ту пору, батенька, хоша бы у него и не было своего хорошаго одѣянья, въ ту пору Толкачевы, иль-бо другіе кто изъ нашихъ казаковъ могли бы, чай, обрядить его, какъ слѣдуетъ; вѣдь, къ примѣру,—бабьихъ-то сарафановъ да фуфаекъ не занимать стать было; а изъ одного сарафана парчеваго или азарбатнаго—въ старину все парчи да азарбаты въ ходу были—изъ одного бабьяго сарафана два-три мужскихъ кафтана сшить можно. Какъ теперича, такъ и въ старину во всякомъ мало-мальски справномъ домѣ, гдѣ есть молодья бабы и дѣвки—во всякомъ домѣ отыщется шелковья на столько, чтобы обрядить одного человѣка,—объ этомъ и толковать нечего,—заклучилъ старикъ.

— Вхали тогда наши казаки въ городъ съ рыбой,—продолжалъ немного погодя Иванъ Михайловичъ,—вхали и въ полдни при Будариномъ ерикѣ остановились кормить. Только что выпрягли лошадей и навели котлы, какъ увидали; со степи ѣдутъ на рысяхъ, вершники, человѣкъ пятнадцать-двадцать, и всѣ съ харунками, а у иныхъ харунки по двѣ по три въ рукахъ; харунки всѣ намотаны на древкахъ, одна

только развѣвлася. Казаки наши дивуются, что бы такое это значило. Вдругъ во весь махъ подлетѣлъ къ нимъ одинъ вершникъ и закричалъ:

— Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ! На дорогу выходите!

Тутъ только наши догадались въ чемъ дѣло. Вышли все на дорогу и пали на колѣни. А вершники подскакали къ дорогѣ и стали во фронтъ и все харунки распустили. А харунки были и алыя, и голубыя, и желтыя,—всякаго цвѣта,—съ крестами, съ кистями,—разшиты и шелкомъ, и канителью—любо смотрѣть было! А онъ тихо, важно выѣхалъ на дорогу, подѣхалъ къ обозникамъ,—тутъ и родитель мой былъ,—поздоровался съ ними, назвалъ ихъ дѣтушками и велѣлъ встать. Все встали. А онъ, не слѣзая съ коня, протянулъ руку, и все одинъ за другимъ подходили, прикладывались къ его ручкѣ. Почестъ со всякимъ онъ разговаривалъ, спрашивалъ: какъ кого зовутъ, откуда, куда и зачѣмъ ѣдутъ? И все ему отвѣчали съ почтеніемъ, какъ подобаетъ; говорили, что ѣдутъ въ городъ, везутъ рыбу на продажу, чтобы запаслись мукой и всякими нужностями, чтобы оружіе исправить, свинцомъ-порохомъ запаслись.

— Дѣло хорошее, — говоритъ онъ. — Поѣзжайте съ Богомъ! Да не торопитесь, говоритъ, обратно ѣхать: може, вы мнѣ пригодитесь въ городѣ,—може, чего Боже сохрани! може доведется мнѣ добывать городъ вашъ вооруженной рукой. Тамъ, говоритъ, знаю, недруги мои сидятъ.

— Это,—пояснилъ рассказчикъ,—намекалъ онъ на солдатскихъ командировъ. Вотъ тутъ-то,—продолжалъ Иванъ Михайловичъ, родитель мой и насмотрѣлся на него досыта,—съ ногъ до головы оглядѣлъ, запримѣтилъ, въ какомъ одѣяньѣ онъ былъ: одѣянье на немъ, батенька, было нарядное, первый сортъ, съ брызгу, а вы толкуете оборванцемъ ходилъ.—Пустяки!

— Ладно, ладно, Иванъ Михайловичъ,—сказалъ я:—быть по твоему. А объясни-ка мнѣ вотъ что: въ пѣснѣ говорится:

„Онъ ко Гурьеву подходилъ,
Ничего онъ не учинилъ“.

— А по бумагамъ, по книгамъ,—продолжалъ я—не значится, чтобы онъ подходилъ къ Гурьеву. Растолкуй-ка?

— Что правда, то правда,—сказалъ старикъ.—Онъ точно, что къ Гурьеву не ходилъ своей особой, а посылалъ туда Максимича Сереберцева. Этотъ былъ изъ нашихъ же казаковъ, состоялъ при немъ въ г р а ф а х ѣ. Самъ Петръ Ѳедоровичъ пошелъ отъ нашего города вверхъ къ Оленбурху, а Сереберцеву препоручилъ идти на низъ къ Гурьеву,—приводить, значить, народъ къ присягѣ. И Сереберцевъ пошелъ, Сначала шелъ онъ Бухарской стороной, чтобы не столкнуться съ тѣми, кто держалъ руку царицы—вѣдь и изъ нашихъ были такіе, что не вѣровали въ него, а все, знамо, Мартемьянъ Михайловичъ смущалъ. Въ Мергеневѣ перешелъ на Самарскую сторону и прошелъ всю линію вплоть до Гурьева. Съ форпостовъ казаковъ забиралъ. Въ Калмыковой пона повѣсилъ и еще кой-кого, кто Петра Ѳедоровича не признавалъ. Гурьевъ осаждалъ и приступомъ взялъ; роту солдатъ, что въ Гурьевѣ стояла, всю перебилъ, а казачьяго старшину, что въ Гурьевѣ атаманомъ надъ казаками былъ, въ примѣръ и страхъ другимъ, плетью отшлепалъ и повѣсилъ: вишь ли, и онъ не вѣровалъ въ Петра Ѳедоровича. Въ отрядѣ Сереберцева былъ съ нашего красноярскаго форпоста казакъ Степанъ Ефремовъ. Этотъ гораздо старше былъ родителя моего, я ужъ въ ребячествѣ помнилъ его древнимъ старикомъ. Много онъ денегъ вывезъ съ собой изъ этого похода, все золотомъ, въ Гурьевѣ добылъ. А Желѣзновъ, Тимофей Митричъ, дѣдушка иль-бо прадѣдушка Желѣзновымъ, что въ Гребенниковѣ живутъ, этотъ былъ хорунжимъ въ отрядѣ Сереберцева, а послѣ состоялъ въ какихъ-то большихъ чинахъ при самомъ Петрѣ Ѳедоровичѣ. Я и его помню, Тимофея-то Митрича. Вотъ отъ него-то и слышалъ я про походъ Сереберцева къ Гурьеву, какъ они тамъ резолюцію дѣлали непокорливымъ. Въ Гурьевѣ присталъ къ Сереберцеву Ларочкинъ, гурьевскій казакъ,—тоже воинъ былъ,—не давалъ никому спуска, кто не корился Петру Ѳедоровичу и не признавалъ его. Попа гурьевскаго, стараго старика, повѣ-

силъ,—тотъ не хотѣлъ народъ къ присягѣ приводить. Сынъ попа, тоже попъ, только помоложе, какъ ни упрашивалъ Ларочкина, съ крестомъ къ нему выходилъ, чтобъ помиловалъ старика-отца,—нѣтъ! не упросилъ; не помиловалъ Ларочкинъ,—такая ужъ душа была злющая... Три раза вздергивали попа на рели, и три раза петля обрывалась, а пощадъ не просилъ. Каждый разъ, какъ повиснетъ, такъ и перекрестится, да бороду станеть расправлять, чтобы въ петлѣ не завязла,—вишь, и старикъ-то былъ какой устойчивый, нравный, даромъ что попъ. Въ четвертый разъ не оборвался,—повисъ... Еще, говорили, Ларочкинъ же повѣсилъ одну казачью женщину, беременную, батенька,—вотъ что не хорошо,—и повѣсилъ-то за одно какое-то слово... съ дуру ли, али съ чего другого сказала она что-то нехорошее насчетъ Петра Ѳедоровича. И Максимъ Сереберцевъ, говорили, не одобрилъ его за этакое дѣло. Да Ларочкину горя мало. Не объ немъ будь сказано, онъ много крови пролилъ за напрасно... не лучше былъ К а р г и...

— А Карга?—спросилъ я.

— Звѣрь! — сказалъ Иванъ Михайловичъ. — Настоящій звѣрь лютый былъ, что грѣха таить. Хоша и за царя стоялъ, а многихъ, кого бы совсѣмъ не слѣдовало, многихъ загубилъ изъ злобы одной. Я тебѣ расскажу объ немъ, что сдѣлалъ онъ съ одной женщиной,—родитель мой самъ былъ тому свидѣтелемъ.

Изъ всѣхъ нашихъ казаковъ, что состояли при Петрѣ Ѳедоровичѣ въ графахъ и енаралахъ, самымъ первымъ яроемъ былъ К а р г и н ѣ, иль-бо К а р г а, все единственно,—говорилъ рассказчикъ.—Всѣ эти Перфильевы, Зарубины, Толкачевы и иные прочіе въ подметки не годились Каргѣ, всѣ они супротивъ Карги агнецы были, батенька мой; а Карга... одно слово—К а р г а,—готовъ былъ у отца родного глазъ выключнуть. Разъ онъ сдѣлалъ доносъ на одну старшинскую жену, чуть ли не Донскову, хорошенько не знаю, родитель называлъ по имени, да я запомнилъ. А доносъ былъ въ той силѣ, яко бы она провожала сына своего, молоденькаго

малолѣточка, съ Мартемьяномъ Михайловичемъ въ Оленбурхъ плакала надъ нимъ и причитала: „легче-де мнѣ видѣть тебя, ненаглядное мое дитяtko, убитымъ, нежели-де на службѣ у разбойника“. Женщину присудили на смерть и подвели къ релямъ. Женщина была среднихъ лѣтъ, красивая, высокая, дородная, лебедь-женщина и — беременна. Петръ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ на нее и сжалился. Походилъ онъ около релей и говоритъ:

— Не напрасно ли мы ее казнимъ?

— Коли ее жаль казнить,—то казни меня!—говоритъ Карга.

„Петръ Ѳедоровичъ походилъ, походилъ около релей, да и опять говоритъ и смотритъ на Каргу:

— Не напрасно ли графъ?

— Коли не ее, — говоритъ Карга, — то меня казни!

„Видишь ли, Карга злобу питалъ на всю ту семью, изъ которой женщина была, прибавилъ рассказчикъ.—Може, она и словъ-то тѣхъ совсѣмъ не говорила, что Карга на нее взвелъ, да ужъ сказано, онъ злобу питалъ на ея семью, и конченъ былъ! Ему, значить, нужно было утолить злобу на комъ ни на есть изъ этой семьи. Женщина-то и попалась.

„Петръ Ѳедоровичъ опять говоритъ:

— Беременна она, графъ: зачѣмъ губить въ утробѣ невиннаго младенца? Родится и царю пригодится.

— Не младенецъ въ утробѣ у ней,—говоритъ Карга,— а щенокъ отъ тѣхъ кобелей, что на твою царскую милость лаютъ!

„Петръ Ѳедоровичъ махнулъ рукой и отошелъ прочь.

— Дѣлай, какъ знаешь,—сказалъ онъ Каргѣ.

„Карга просіялъ отъ радости. Вздернули бѣдную женщину на рели, а петля оборвалась. Другую навязали, и та оборвалась. Карга и тутъ не почувствовался, снялъ съ себя шелковый поясъ и на немъ удавилъ бѣдную... А младенецъ въ ней такъ и затрепехтался, такъ и затрепехтался, индо рѣба на всѣхъ нашла. Всѣ, кто тутъ былъ, всѣ такъ и попадали на земь, чтобы не видать мученья женщины. Только

Каргѣ ни почемъ: ухмыляется, да за ноги подергиваетъ удавленную... Вотъ онъ какой злющій былъ, этотъ Карга! — заключилъ рассказчикъ.

— Нечего сказать, хорошъ былъ и главный-то заводчикъ!—замѣтилъ я.

— Каковъ бы ни былъ, хорошъ ли, дурень ли, не наше дѣло—суди его Царь Небесный, а не мы,—промолвилъ старикъ такимъ тономъ, который ясно давалъ разумѣть, что о поступкахъ Пугачева мы, ничтожные смертные, не должны разсуждать. Потомъ, немного погодя, старикъ продолжалъ:

— Пожалуй, что хошь про него говори, какъ хошь его называй, языкъ безъ костей, все мелеть,—а все-таки онъ былъ не самозванецъ, а настоящій царь.

— Правда, и онъ много перевелъ народу, супротивъ этого говорить нельзя. Да рази солдатскіе командиры подъ конецъ бунтовства меньше перевели народу? Пожалуй, еще и больше!... Онъ, къ примѣру, казнилъ и вѣшалъ тѣхъ, кто не вѣровалъ въ него, а солдатскіе командиры казнили, вѣшали тѣхъ, кто вѣровалъ въ него. Поди и разбирай, кто правъ, кто виноватъ. И выходитъ—всѣ были хороши. Про него, примѣрно, говорится:

„Пласталъ и рѣзалъ,
На коль сажалъ и вѣшалъ...“

А вотъ про солдатскихъ-то командировъ никто, чай, и заикнуться не смѣетъ, что они народъ вѣшали, да на глаголь вздергивали...

— На глаголь? Это чта за штука?—спросилъ я.

— Это штука проста, да и забориста!...—сказалъ старикъ и улыбнулся.—Это, батенька, былъ столбъ, а на концѣ его, въ бокъ, рычагъ придѣланъ. И былъ столбъ этотъ съ рычагомъ, похожъ на слово (букву) глаголь, что въ азбукѣ. Поэтому самому, онъ и назывался глаголемъ. Понялъ?—спросилъ рассказчикъ.

Я утвердительно кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:

— Такъ родитель мой мнѣ рассказывалъ, онъ видѣлъ

эти глаголи, видѣль и то, что на нихъ дѣлали. На концѣ рычага кольцо было придѣлано, въ кольцо веревка продѣта съ желѣзнымъ багромъ. Кого надо, задѣнуть за ребро багромъ, да и вздернуть на воздуси, вертись, какъ хошь, а не сорвешься... Вотъ она какая штука, этотъ глаголь! Во всѣхъ главныхъ, то-исъ причинныхъ мѣстахъ, стояли рели и глаголи, на чемъ народъ казнили послѣ бунтовства. И я помню въ Калмыковѣ и Кулагинѣ остатки ихъ долго стояли послѣ бунтовства. Когда, бывало, случилось ѣхать мимо, родитель указывалъ на нихъ и говорилъ:—„Смотри, Ваня, и помни:— на этихъ самыхъ столбахъ народъ усмиряли“.

IV.

Разсказъ Никифора Петровича Кузнецова

Въ Кругло-озерномъ форпостѣ, Свистунѣ, проживаетъ семейство казаковъ Кузнецовыхъ, потомковъ того самаго дома, изъ котораго была Устинья Петровна, жена Пугачева. Бесѣдуя съ старикомъ, Никифоромъ Петровичемъ Кузнецовымъ о разныхъ вещахъ и матеріяхъ, я, само собой разумѣется, навелъ разговоръ на тему о Самозванцѣ или о Самоназванцѣ, какъ говорятъ казаки, и, между прочимъ, высказалъ мнѣніе мое, что Самозванцу нельзя было быть тѣмъ лицомъ, за которое признали его, и теперь признаютъ казаки:—онъ былъ безграмотный. Но на замѣчаніе это получилъ слѣдующее возраженіе:

— Мы тоже люди темные, безграмотные,—сказалъ старикъ,—а умѣемъ различать, кто грамотенъ и кто безграмотенъ; достанетъ и у насъ ума понять, кто можетъ быть безграмотенъ и кому ни подъ какимъ видомъ нельзя быть безграмотному. Конечно, дѣло темное, закрытое,—прибавилъ старикъ,—доказать этого мы вамъ не можемъ. По нашимъ примѣтамъ, онъ царь, по вашимъ—не царь, по сказкамъ нашихъ стариковъ онъ грамотенъ, а по вашимъ—нѣтъ. Кто теперича разберетъ? Пуцай будетъ по вашему, пуцай это былъ не царь—такая ужъ, видно, планида его, не хочу спорить. Кто бы онъ ни былъ—это все единственно. Теперича я

вотъ къ чему рѣчь веду. Задумалъ онъ назваться царемъ не въ одинъ же часъ,—примѣрно, съ вечера задумалъ, а къ утру взялъ, да и ухнулъ, то-ись взялъ да и объявился. Вѣроятно, онъ готовился къ такому дѣлу не малое время. Еще года за полтора допрежь того, какъ объявился у насъ, онъ объявлялся на Волгѣ. Такъ какъ же ему не научиться было грамотѣ хотя для этакого случая? Человѣкъ онъ былъ лютой, дошлый на всѣ руки: и арміей предводительствовалъ, и крѣпости бралъ, и самъ въ крѣпостяхъ отсиживался, и пушки отливалъ, и порохъ, говорятъ, дѣлалъ. Такой человекъ, хотя бы съ измальства и не умѣлъ грамотѣ, все-таки къ этому случаю приспособился, нарочно бы научился, хоть сколько-нибудь, хоть, къ примѣру, имя свое подписать, да какую ни на есть бумагу, хотя по складамъ, прочитатъ. Грамота не Богъ вѣсть какая вещь мудреная: все дѣло ума человеческого... Къ примѣру расскажу вамъ одинъ случай изъ нашего простого быта,—говорилъ старикъ, немного погодя— Жиль-быль и теперь здравствуетъ, казакъ С. въ...

— Оедуль Ивановичъ?—прервалъ я.

Старикъ улыбнулся и спросилъ:

— Али знаете?

— Какъ не знать!—сказалъ я.—Четыре года къ ряду былъ и поваромъ, и экономомъ въ полковомъ штабѣ, въ М. Весь штабный людъ поучалъ чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ: примѣрно, о пришествіи антихриста, о проклятой травѣ-табацѣ, о картофелѣ, — откуда онъ взялся,—о Цареградѣ, о воинахъ, урядою казакахъ бранныхъ,—кои Царьградъ возьмутъ...

— Значить, знаете, по какому случаю Оедуль Ивановичъ съ сѣдиной въ бородѣ выучился читать и писать?—спросилъ меня собесѣдникъ.

Я утвердительно кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:

— Ну, есть-когда знаете, нечего и толковать. Теперича я вотъ къ чему говорю: ужъ, коли Оедуль Ивановичъ, чело-

вѣкъ съ бѣлужинкой *), въ два—три мѣсяца научился читать и писать, для того единственно, чтобы получить чинъ урядническій (унтеръ-офицерскій), то можно ли сумѣвать, чтобы онъ, Пугачъ по вашему, не научился грамотѣ,—онъ, такой лютый и дошлый человѣкъ,—онъ, который задумалъ произвести себя въ цари, который, между нами будь сказана, чуть-чуть не перевернулъ вверхъ дномъ всю Расею?! Что на это скажете?—спросилъ старикъ, глядя на меня пристально и слегка улыбаясь.

Выслушавъ такое сравненіе, приведенное старикомъ не въ смыслѣ чистаго убѣжденія иль-бо неопровержимаго факта, а въ смыслѣ остроты, ироніи, я отъ всей души засмѣялся. И вздумалъ же, въ самомъ дѣлѣ, старикъ сдѣлать такое по видимому наивное, а въ сущности саркастическое сравненіе.

— Важно, Никифоръ Петровичъ! — сказалъ я сквозь смѣхъ. — Теперь повѣрую, что Пугачъ зналъ грамоту.

— Ваша воля, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, для меня все единственно: вѣдь не я выпяливаюсь съ нимъ передъ вами, а вы сами допытываетесь, — сказалъ старикъ тономъ, болѣе уже серьезнымъ. — А мы, кромѣ шутокъ, вѣримъ, что онъ зналъ грамоту, — продолжалъ старикъ еще серьезнѣе, какъ будто желая возстановить авторитетъ Пугачева, человѣка лютого и дошлаго, Пугачева, униженнаго, хотя и въ шутку, но все-таки униженнаго сопоставленіемъ его съ Ѳедуломъ Ивановичемъ, человѣкомъ съ бѣлужинкой.

— Когда онъ задумалъ жениться,—говорилъ старикъ тѣмъ же серьезнымъ тономъ, — тогда со всего нашего города и со всѣхъ ближнихъ и дальнихъ хуторовъ собирали дѣвушекъ на смотрины въ домъ къ Толкачевымъ. Дѣвушекъ собирали что ни самыхъ лучшихъ, кои красотой и смиренствомъ славны были, а кой-какихъ не тревожили. Тутъ же, то-есть на смотринахъ была и Устинья Петровна. Она доводилась родителю моему тетушкой, а мнѣ, значитъ, доводится бабушкой. Дѣвушка она была красивая и „лютая“. Сама,

*) Съ умственной простотой.

говорили, сложила про него пѣсню, и, какъ онъ пришелъ, спѣла. Пѣсня, говорили, была хорошая, такая жалостная, все насчетъ него, какъ онъ страдалъ за правду и какъ Богъ незримо за доброту его навелъ на добрыхъ людей, которые рады животы свои за него положить... Понравилась ему пѣсня, понравилась и Устинья Петровна. Обошелъ онъ всѣхъ дѣвушекъ отъ первой до послѣдней, всѣхъ кое-о-чемъ спрашивалъ, и всѣ, знамо дѣло, сидѣли ни живы, ни мертвы, говорили: да, да нѣтъ, а отъ иныхъ и слова не добились. Одна только Устинья Петровна не обробѣла, смѣло съ нимъ обходилась, словно вѣкъ жила съ такими персонами. Сказано: дѣвка лютая была. Онъ и выбралъ ее себѣ въ невѣсты. И тутъ же, собственной своей рукой, отмѣтилъ на бумагѣ, то-ись на ерестрѣ,—дѣвушкамъ ерестръ былъ сдѣланъ, — и отмѣтилъ, говорю, собственной рукой перомъ: „быть-де ей, то-ись Устиньѣ Петровнѣ, его обручальницей“. Значить, перомъ владѣть умѣлъ.

„Сестру Устиньи Петровны, Хавронью Петровну, молодую женщину, вдову, назначилъ къ ней въ штатъ-дамы, а двухъ дѣвушекъ, сестеръ Толкачевыхъ, опредѣлилъ къ ней во фрейлины, чтобы онѣ ходили за ней, какъ за настоящей царицей...

„Хавронью Петровну и я помню. Старушкой жила она у насъ въ домѣ, а когда умерла, въ ту пору мнѣ было лѣтъ десять съ чѣмъ-нибудь. Много, бывало, покойница рассказывала о разныхъ разностяхъ, что было въ ея пору и въ городѣ нашемъ, и въ самомъ Питерѣ, да всего-то не упомнишь.

„Когда немного поуспокоилось на Яикѣ, Устинью Петровну и съ штатъ-дамой, и съ фрейлинами, со всѣмъ, значить, по ихнему, штабомъ — взяли въ Москву, а изъ Москвы въ Питеръ. Фрейлинъ Толкачевыхъ недолго держали въ Питерѣ, скоро отпустили на родину, а Хавронья Петровна во все время безотлучно находилась при своемъ мѣстѣ, то-ись при Устиньѣ Петровнѣ, до той самой поры, какъ вышло рѣшеніе отъ государыни насчетъ всего этого дѣла. А жили онѣ, Устинья Петровна и Хавронья Петровна, въ

одномъ дворцѣ съ государыней, только въ особыхъ покояхъ. И кушанье подавали имъ съ царскаго стола.

„Разъ позвали ихъ обѣихъ, то-ись Устинью Петровну и Хавронью Петровну, въ упокои къ государынѣ. И было тамъ многое множество енераловъ и сенаторовъ, и всѣ они стояли въ вытяжку, словно солдаты во фронтѣ. Одна государыня сидѣла на стулѣ, съ короной на головѣ и державой въ рукахъ. Когда онѣ вошли, государыня посадила Устинью Петровну рядомъ съ собой по лѣвую сторону на другой порожней стулѣ, поменьше того, на которомъ сама сидѣла, а Хавроньѣ Петровнѣ приказала стать позади Устины Петровны за стуломъ, такъ слѣдовало по чину штатъ-дамы. Посидѣли онѣ сколько-то времени, помолчали; напоследокъ государыня говоритъ Устиньѣ Петровнѣ:

— Устинья Петровна! Узнаешь ли своего обручальника?

— Какъ не узнать! Узнаю—говоритъ Устинья Петровна.

„Государыня подала знакъ, платочкомъ махнула.

„Растворились съ боку двери, и вывели изъ нихъ подъ руки человѣка въ красной хламидѣ, обличьемъ похожаго на Пугача.

— Этотъ, что ли, Устинья Петровна, твой обручальникъ?—спрашиваетъ государыня.

— Нѣтъ! Это не обручальникъ мой!—говоритъ Устинья Петровна.

„Государыня махнула платочкомъ, и человѣка этого вывели вонъ изъ упокоевъ въ тѣ же двери, откуда ввели. Немного погодя, растворились съ другого боку двери, и вывели оттуда подъ руки настоящаго Пугача въ бѣлой хламидѣ.

— Устинья Петровна! Этотъ, что ли твой, обручальникъ?—спрашиваетъ государыня, а сама закусилла губки, чтобы не улыбнуться...

— Да! Это мой обручальникъ!—сказала Устинья Петровна.

„Государыня опять махнула платочкомъ, и Пугача вывели вонъ изъ упокоевъ въ тѣ же двери, откуда ввели. Когда вводили его, онъ только сверкнулъ глазами сперва на госу-

дарыню, а потомъ на енераловъ, — знамо, всѣ недруги его были,—потупился и ничего не сказалъ. А когда повели его изъ упокоевъ, онъ взглянулъ жалостно такъ-то на Устинью Петровну, вздохнулъ, да и сказалъ:

— Грѣхъ будетъ, есть-когда станете обижать ее: она ничѣмъ непричинна!

— Не безпокойся объ ней: будетъ сохранна!—промолвила государыня.

„Немного погодя государыня встала со стула и сказала:

— Ну, прощайтесь сестра съ сестрой!

„И бросились Устинья Петровна и Хавронья Петровна другъ дружкѣ на шею и зарыдали. Долго плакали онѣ, рыдали, напоследокъ, почитай силой, развели ихъ въ разные упокои. Съ той минуты Хавронья Петровна не видала Устинью Петровну...

„Послѣ того, чрезъ нѣкоторое время, государыня обдарила Хавронью Петровну деньгами и съ миромъ отпустила на родимую сторону, а Устинью Петровну отвезли на острова, и тамъ кончила она жизнь свою, когда часъ воли Божіей насталъ. На островахъ выстроенъ былъ для нея особый дворецъ, и жила она въ немъ до конца дней своихъ во всякомъ изобиліи: ей, значить, шло изъ казны царское жалованье.

„Хавронья Петровна ѣхала изъ Питера черезъ Москву и видѣла тамъ, какъ казнили подложнаго Пугача, того, значить, самаго человѣка, что въ упокояхъ у государыни показывали, обличьемъ-то похожаго на Петра Федоровича. Вывели его передъ народъ на площадь, подвели къ столбу, прочитали молитву, и палачъ отрубилъ ему голову, воткнулъ ее на шпиль на столбѣ и раза три прокричалъ народу: „Смстри народъ православный! Вотъ голова Пугача-самоназваща!“ А онъ, этотъ казенный человѣкъ, въ ту самую минуту, какъ палачъ сталъ замахиваться топоромъ да примѣриваться, перекрестился и сказалъ: „Умираю за матушку-Расею, да за батюшку-царя!“... Хотѣлъ, видно, еще что-то сказать и ротъ-было разинулъ, да палачъ не далъ: хватилъ

топоромъ и съ однорѣзки отсѣкъ ему голову. Хавронья Петровна все это видѣла своими глазами, слышала своими ушами: она близехонько стояла у столба, гдѣ казнь совершали, ей, значить, начальство супротивъ другихъ дорогу дало. Этимъ самымъ и прекратилось замѣшательство.

— У Устиньи Петровны былъ отрокъ отъ Петра Федоровича, — говорилъ далѣе старикъ. — Сама государыня воспитывала его. Отрокъ былъ дѣльный, разумный въ Сенатѣ засѣдалъ, да недолго прожилъ: извели его бояры, такъ и пропалъ безъ вѣсти... Ненавидѣли они самого Петра Федоровича, по этой причинѣ ненавидѣли, гнали, искореняли и сѣмя его... Объ этомъ рассказывалъ въ семьѣ нашей шурина царскій Андріянъ Петровичъ. Послѣ всей этой заворохи, онъ ѣзживалъ иногда въ Питеръ съ царскимъ кусомъ, видалъ тамъ и отрока, только не открывался ему, а издали видалъ, нельзя иначе было, — видалъ изрѣдка и самоё Устинью Петровну, ѣздилъ къ ней по тайности на острова. А какъ отрока извели, съ той самой поры и не стали допускать Андріана Петровича до Устиньи Петровны. Знамо, бояры мудрили изъ ненависти...

Подъ послѣдній конецъ замѣшательства, когда Петръ Федоровичъ встрѣчалъ вездѣ одно утѣсненіе и потому самому укрылся-было опять на Узеньяхъ, казаки стали совѣщаться насчетъ его особы, чтобы, знаете, выдать его начальству, — говорилъ далѣе старикъ. — Хотѣли вины свои искупить и къ тому же награжденіе получить, потому что объявлены были отъ государыни большія деньги, кто задержитъ и представить его къ ней живого или мертваго — все единственно, — на то, значить, дѣло пошло: она иль-бо онъ, а обоимъ несовмѣстно стало... Петръ Федоровичъ тотчасъ догадался, и сказалъ:

— Совѣтъ держите обо мнѣ! Что жъ медлите? Приступайте, приступайте!.. Ничего, братія, не сдѣлаете. Только выдадите начальству, да я этого не боюсь. Смотрите, сами послѣ не раскайтесь!..

Тутъ же былъ царскій шурина, не Андріянъ Петровичъ,

а другой, старшій братъ, Егоръ Петровичъ. Петръ Ѳедоровичъ подозвалъ его къ себѣ, вздохнулъ и тихо, жалостно проговорилъ:

— Не свѣтитъ двумъ солнцамъ на небѣ,—не бывать двумъ царямъ въ единомъ царствѣ. Одно солнце передъ другимъ должно померкнуть,—одинъ царь другому долженъ уступить мѣсто: это—я!

Минуту спустя онъ заговорилъ другимъ, сердитымъ, громкимъ голосомъ:

— Смотри, Егоръ Петровичъ! Будутъ казаки меня братъ, ты рукой до меня не моги дотронуться,—Боже сохрани. Ты знаешь, кто я, и чувствуй это! Ты родину свою узришь, а имъ воскресу не будетъ!...

Стали переѣзжать Б о л ь ш о й У з е н ь выше П о р о г о в ь. Одна половина казаковъ переѣхала прежде на этотъ берегъ, а другая половина осталась на томъ берегу. И Петръ Ѳедоровичъ оставался на томъ же берегу. На послѣдокъ стали переѣзжать и остальные казаки и какъ доѣхали до середины рѣки, тутъ и рѣшились исполнить свое намѣреніе: въ лодкѣ же и взяли его... Онъ не противился, а только примѣчалъ, кто изъ казаковъ накладывалъ руки на него...

Когда представили е г о в ь нашъ городъ въ ту пору всѣхъ казаковъ кто при послѣднемъ концѣ при немъ на Узеняхъ находился—всѣхъ тѣхъ казаковъ угнали въ Оленбурхъ по к а н а т у, и тамъ разсадили по острогамъ. Егоръ Петровичъ по канату же шелъ туда, но года черезъ два его освободили и онъ пріѣхалъ изъ Оленбурха въ нашъ городъ одинъ одиноконекъ, слылъ по Яику въ лодочкѣ на одно весло, а прочихъ всѣхъ разослали по разнымъ удаленнымъ мѣстамъ въ гармизоны, а тѣхъ, кто взялъ Петра Ѳедоровича, тѣхъ въ Сибирь на каторгу сослали. Выходить, правду онъ сказалъ, что имъ воскресу не будетъ, и не воскресли. А Егоръ Петровичъ узрилъ родину свою и на родинѣ вѣкъ свой кончилъ.

— Ложь ли, правда ли, говорили, что всѣхъ тѣхъ, кто до послѣдняго конца за н е г о стоялъ, всѣхъ тѣхъ онъ об-

стоялъ, никого изъ нихъ не казнили, а всѣ кончили жизнь свою обнаковеннымъ порядкомъ, кому какъ на роду написано; всѣ жили по тайности въ скрытныхъ мѣстахъ, а про Ивана Чичу говорили, что изжилъ вѣкъ свой на Яикѣ въ Сергіевскомъ скиту.

На счетъ женитьбы, не знаю, какъ сказать,—говорилъ Никифоръ Петровичъ, когда я коснулся этой статьи.—Все разное толковали. Какимъ манеромъ случилась такая оказія, что онъ отъ живой жены женился — не точію изъ постороннихъ, а изъ нашей семьи никто вѣрнаго не зналъ, иль-бо ужъ говорить-то не хотѣли — Богъ ихъ знаетъ. — По крайности въ ту пору, какъ я помнить себя сталъ, а родился-то я послѣ Пугачева лѣтъ двадцать спустя, — разные ходили толки. Хавронья Петровна, помню, такъ говорила, будто еще до смотришь о н ѣ влюбился въ Устинью Петровну и потому самъ собой захотѣлъ на ней жениться, и никто супротивничать ему не смѣлъ, — воленъ былъ, одно слово: царь. А со стороны говорили и такъ, будто Толкачевы погрѣшили въ этомъ дѣлѣ, будто бы они вложили въ него такую мысль: „Есть когда-де ты возьмешь себѣ въ жены дѣвицу изъ природныхъ казачекъ, то-де всѣхъ казаковъ, что ни есть въ Рации, привлечешь на свою сторону“. Онъ будто бы и польстился на это. А у Толкачевыхъ, говорили, была такая мысль: „Казаки-де мы славуци, дочери-де у насъ красивы:—авось-де изъ нашего дома возьметъ; тогда-де родъ нашъ возвысится“. А онъ взялъ изъ нашего дома—замѣтилъ старикъ.

— Были и такіе толки, будто-бы лукавые люди нарочно смутили его жениться, для того единственно, чтобы вѣру въ него у народа помутить.

— Дѣло темное,—продолжалъ старикъ,—осталось оно на душѣ у тѣхъ, кто рудовалъ этимъ дѣломъ. Самъ ли онъ далъ маху—отъ живой жены женился,—нарочно ли кто соблазнилъ его, чтобы испортить дѣло его, или кто изъ нашихъ, примѣрно Толкачевы, съ простоты вложили въ него такую мысль—разузнять этого теперь не можно. Одно вѣрно, я такъ мекаю, да и другіе вамъ скажутъ то же самое,—го-

ворилъ старикъ, — одно вѣрно, что во всемъ этомъ было произволеніе Божіе. Не женись онъ—кровопрлитіе не скоро бы утишилось,—не женись онъ—къ нему многіе-бъ ена-ралы съ полками преклонились: кровополитіе пошло бы тогда въ оттяжку. А какъ свѣдали, что онъ отъ живой жены женился, такъ во всемъ народѣ и во всей арміи пошло сумнѣніе, и стали отъ него отпадать: кровополитіе-то и прекратилось. Значить, предѣлъ Божій,—значить, такъ тому и быть.

— Чтожъ съ нимъ-то сдѣлали, есть коли казнили не его, а подложнаго?—спросилъ я моего собесѣдника.

— Да тоже, что и съ Устиньей Петровной!—отвѣчалъ собесѣдникъ.—Какъ она изжила вѣкъ свой на островахъ подъ секретомъ, такъ, значить, и онъ изжилъ вѣкъ свой въ какомъ ни-на-есть удаленномъ мѣстѣ подъ секретомъ-же..

— Мудреная вещь!—замѣтилъ я.

— Точно, что мудреная! — замѣтилъ въ свою очередь и рассказчикъ.

Затѣмъ разговоръ нашъ въ общихъ чертахъ вертѣлся около корабельной пристани, записи, и т. под.; а потомъ коснулся судьбы извѣстнаго казацкаго старшины Бородинна. Исторію о корабельной пристани, записи и т. под. читатель знаетъ уже изъ предыдущихъ рассказовъ—слѣдовательно, повторять ее здѣсь не для чего. Что-же касается до старшины Бородина, — объ немъ, какъ уже и прежде замѣчено, рѣчь впереди. Теперь послушайте еще кой-кого изъ стариковъ-казаковъ.

Разказы разныхъ лицъ.

— ...Дядюшка мой, Василій Степановичъ Толкачевъ, и товарищъ его Иванъ Ивановичъ Ерофеевъ, оба молодые парни, были въ числѣ приближенныхъ къ Петру Ѳедоровичу, — говорилъ мнѣ семидесятилѣтній старикъ-казакъ Толкачевъ, житель Чаганскаго форпоста.—Когда еще онъ не объявлялся всенародно,—продолжалъ старикъ, а жилъ по тайности на Узеняхъ, въ ту поруознакомился онъ тамъ съ дядюшкой моимъ, Васильемъ Степановичемъ, а дядюшка, Василій Степановичъ, изволите ли знать, гулебщикъ былъ первой руки, часто ѣзжалъ на Узени по дикаго звѣря. Черезъ Василья Степановича Петръ Ѳедоровичъознакомился и со всей нашей семьей, а семья наша была большая, справная. У насъ въ семьѣ и харунки вышивали; для этого и золото, и серебро, и золотыя бахромы, и прочее доставляли Петру Ѳедоровичу изъ Москвы с угласнички его. Такъ въ семьѣ нашей послѣ разказывали.—добавилъ старикъ.

Еще при немъ былъ,—продолжалъ старикъ, — не то товарищъ, не то дядька, Богъ его знаетъ, какой-то невѣдомый человекъ, должно быть не изъ расейскихъ, а изъ иностранныхъ: говорилъ онъ не чисто по-русски, а на по ко. И мудреный же былъ этотъ человекъ, отдать справедливость,—дошлый на все и чертовщинки, видно, зналъ. Одно слово, голова!...

Разъ пошли они на охоту, дядюшка Василій Степанычъ и этотъ иностранецъ. Пришли къ ильмену. Плаваешь на ильменѣ лебедь, да слишкомъ далеко, убить нельзя, никакое, значить, ружье не дострѣлить. Дядюшка поворотилъ прочь, а иностранецъ и говоритъ:

— „Васенька! Али не хочешь бить?“

— „Далеко очень! — говоритъ дядюшка...— Не убьешь. Зачѣмъ даромъ зарядъ терять?“

— „Ничего, что далеко,—говоритъ иностранецъ.—Знай, ложись на рѣжки, близко будетъ.“

Дядюшка послушался, взвелъ курокъ и прилежъ на рѣжки. Иностранецъ отошелъ немного прочь и сталъ шептать что-то. Вдругъ лебедь ни съ того, ни съ сего замахалъ крыльями и на хлопкѣхъ пошелъ прямо на дядюшку; подплылъ сажень на десять и остановился, словно привязанный. Дядюшка прицѣлился и выстрѣлилъ, лебедь свернулся. Выходить, иностранецъ слово такое зналъ, что тварь слушалась его.

Подъ послѣдній конецъ замѣшательства человѣкъ этотъ пропалъ, словно въ воду канулъ—сказывалъ дядюшка;—убили ли его на какой баталіи или самъ собой отпятился, Богъ вѣсть, а только дядюшка Василій Степанычъ мѣсяца за два до послѣдней баталіи, что была на Волгѣ, не видалъ его. А допрежь того, дядюшка сказывалъ, допрежь того онъ безотлучно находился при Петрѣ Ѳедоровичѣ и подавалъ совѣты, какъ баталіи вести.

На Волгѣ не счастливилось ему, Петру-то Ѳедоровичу,—продолжалъ рассказчикъ.—Въ одной, въ не добрый часъ, видно, зачатой баталіи онъ потерялъ и пушки, и порохъ, и казну, и харунки, и вся армія его разстроилась и разбѣжалась. Оставшись ни при чемъ, онъ перекинулся на сю (луговую) сторону Волги и укрылся опять на Узеняхъ, гдѣ и прежде привитался. Дядюшка Василій Степанычъ и товарищъ его Иванъ Иванычъ Ерофеевъ вмѣстѣ стражались, другъ отъ друга ни на шагъ не отставали, выходить, друзья были. Когда побѣдили ихъ на Волгѣ, они думали, что по-

слѣдній конецъ пришелъ, бросились въ Волгу и поплыли на сю сторону. Какіе-то люди гнались за ними въ лодкѣ, однако, не догнали, посередь Волги опрокинулись и пошли на дно. Дядюшка мой былъ о двуконь. Бурый меринъ былъ сильный и надежный конь, а и мухортый былъ хорошъ, однако, супротивъ бураго не стоилъ, немножко послабѣе, пожидковатѣе бураго былъ. Дядюшка понадѣялся на бураго и привязалъ ему подъ шею мѣшокъ съ золотомъ, фунта съ два вѣсомъ, а пучекъ ассигнацій, замѣсть пропажи, привязалъ на холку мухортому, чтобы на всякъ случай не обмочить. Мухортый меринъ переплылъ рѣку благополучно и спасъ хозяину бумажки, а бурый, на кого надежда-то была, бурый-то, сударь мой, не доплылъ до берега саженой пять-шесть, утонулъ, а съ нимъ и золота казна пропала. Знай дядюшка, что такой грѣхъ случится съ бурымъ, привязалъ бы золото на мухортаго, иль-бо по ровну раздѣлилъ. Да почему было знать? Не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Когда выдали его начальству,—продолжалъ собесѣдникъ,—дядюшка Василій Степанычъ и Иванъ Ивановъ Ерофеевъ со многими казаками, кои несогласны были на этокое дѣло, то-ись чтобы выдать его начальству, оставались на Узеняхъ и долгое время скрывались тамъ въ камышахъ, питались отъ охоты, били, значить, кабановъ и сайгаковъ, тѣмъ и продовольствовались. А въ дома возвратились тогда только, когда вышелъ отъ царицы милостивый манифестъ. Въ ту же пору и указъ отъ государыни послѣдовалъ таковой: „Не называть-де впредь Яикъ рѣку Яикомъ, а называть Ураломъ, и Яицкимъ-де казакамъ не называться впредь Яицкими, а называться Уральскими“.—И съ той поры рѣка наша стала называться Ураломъ, а сами мы Уральскими. И такая перемѣна въ имени нашемъ сдѣлана въ наказаніе намъ: больше ничего нельзя было сдѣлать... Выходить, онъ былъ не простой побродяга, не самоназванный, а настоящій царь!—заклучилъ старикъ.

— Бѣжалъ онъ изъ Питера отъ „налоги“ и прибѣжалъ къ намъ на Яикъ,—говорилъ слѣпой и очень старый казакъ Лоскутовъ, житель Краснаго умѣта.—Спервоначально никому изъ нашихъ невдомѣкъ, что онъ бѣжавшій царь. Былъ онъ у севрюгъ *) въ обозѣ у казаковъ въ кашеварахъ. Бывало, соберутся позавтракать, али пообѣдать, и онъ собираетъ имъ на столъ, кормить, прислуживаетъ, а какъ дойдетъ дѣло до сухарей, схватитъ пригоршни и броситъ въ чашку иль-бо въ котель съ азартомъ и скажетъ: „Царь сухари ѣсть!“ Всѣ только засмѣются, да межъ себя потолкуютъ: „какой прокурать, какой забавникъ нашъ кашеваръ!“ А то и въ башку никому не придетъ оболтусамъ, что кашеваръ-то не просто побродяга, а самъ царь. О себѣ, значить, навѣтки давалъ.

— Пришли отъ севрюгъ и забыли про кашевара. А онъ живетъ у кого-то изъ нашихъ казаковъ—у Толкачевыхъ ли, у Пьяновыхъ ли, у Шелудяковыхъ ли, навѣрное не могу сказать, да это все единственно, у кого бы тамъ не было.—Живетъ онъ себѣ по убожеству въ передбанникѣ. Каково? Изъ царскихъ-то палатъ въ передбанникѣ, и кажинную, бывало, ночь затеплитъ передъ образомъ свѣчку и молится. Однажды хозяева и подслушали: читаетъ онъ, батенька, канунъ за здравный, а за кого?—чудеса, батенька мой!—Читаетъ онъ за царя-наслѣдничка, за Павла Петровича, величаетъ его рожденнымъ чадомъ своимъ!—Хозявѣ, какъ услышали они это, словно колотушкой кто огрѣлъ по лбу.—И разнеслась объ этомъ слава по всему городу. Тутъ только и раскусили слова его у севрюгъ: „Царь сухари ѣсть!“ Пристали къ нему: кто онъ такой? Онъ и повинился.—И дивился же народъ такому чуду! Царь — кашеваръ! Царь сухари ѣсть!—Царь въ передбанникѣ!... Чудны, чудны дѣла Господни.

*) Названіе рыболовства, гдѣ исключительно ловятъ рыбу севрюгъ. Оно правильнѣе называется и на бумагахъ пишется: Севрюжное рыболовство; но казаки сокращенно называютъ его: Севрюги; напр., идти по севрюги, былъ у севрюгъ.

Съ той поры онъ и сталъ оперяться: взялъ вскорости силу большую и пошелъ к с т и т ь! И пошелъ! И пошелъ! Дымъ коромысломъ всталъ. Дрогнула мать-сыра земля, и застонала вся Расея!... Не проходило дня, въ кой бы не повѣсилъ онъ кого, кто не вѣровалъ въ него. Особенно г о с п о д а м ъ доставалось, долго, чай, помнили его,—никому не спускалъ, кто въ руки попадался, всякаго на рели вздергивалъ, а все за то, что самъ отъ нихъ натерпѣлся муки вволю. Значить, долгъ платежемъ красенъ,—невѣсткѣ, значить, на отместку.—А къ простому народу былъ милостивъ.

— Началъ онъ свое похождение отъ нашего города и пошелъ супротивъ солнца къ Оленбурху (Оренбургъ); отъ Оленбурха поворотилъ на заводы, оттуда на Волгу,—съ Волги пришелъ на Узени,—все, значить, шелъ супротивъ солнца. На Узеняхъ остановился. Дальше никуда не пошелъ. Тамъ, значить, предѣлъ былъ положенъ!—заключалъ старикъ.—Потомъ, погода немного, продолжалъ:

— Привезли его съ Узеней чиннымъ манеромъ въ нашъ городъ и при всемъ народѣ заковали въ кандалы, да и повезли за конвоемъ въ Москву.—Конвойнымъ былъ нашъ Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ, самый первый супротивникъ его. Ладно.—Пугача, значить, нѣтъ въ городѣ,—увезли.—Хорошо.—Слушай-ка, что вышло.

— Вечеромъ въ тотъ день, какъ увезли его, Кузнецовы, родня его, сидѣли за ужиномъ. Вдругъ отворились двери и входитъ купецъ.—„Хлѣбъ соль!“ сказалъ купецъ.—Кузнецовы вздрогнули, и ложки выпали у нихъ изъ рукъ: это, значить, онъ былъ; они по голосу его узнали.—Не бойтесь: это я!—говорить онъ.—Пришелъ провѣдать васъ и успокоить, что не пропалъ я.—Хоша Мартемьянъ Михайловичъ и везетъ въ Москву Пугача, да не того, кого бы хотѣлъ. Я, говоритъ, по милости Божіей не пропаду.—Ну, прощайте! Живите по добру по здорову!—Сказалъ это, да и былъ таковъ.—Только что Кузнецовы опамятовались, сію-жъ минуту выбѣжали на дворъ, чтобы воротить его и толкомъ

поговорить, а его и слѣдъ простыль,—Митькой звали.— Слышно только, какъ по улицѣ покатила повозка, да колокольчикъ зазвенѣлъ. Кузнецовы за ворота и видятъ: домъ ихъ офрунчиваютъ солдаты. Что за оказія? — Оказія, батенька!—Случилась эта оказія вотъ по какому побыту.

— Въ тотъ же самый вечеръ часами двумя раньше сидѣлъ у атамана въ гостяхъ купецъ. Пришелъ другой купецъ, помолился образу, поклонился атаману, взглянулъ на перваго купца и онѣмѣлъ!... Два часа совсѣмъ безъ языка былъ. Тѣмъ временемъ первый купецъ всталъ, раскланялся съ атаманомъ и ушелъ, какъ ни въ чемъ не бывало.— Часа черезъ два у втораго купца языкъ кой-какъ, кой-какъ и поворотился.

— Кто это былъ у тебя?—спросилъ онъ атамана.

— Купецъ!—говоритъ атаманъ.

— Не купецъ, а это самъ Пугачъ! — говоритъ второй купецъ.

— Онъ, значить, призналъ его сразу и отъ испугу онѣмѣлъ.— Тутъ и атаманъ догадался,—сію-жъ минуту взялъ у солдатскаго командира солдатъ и кинулся къ Кузнецовымъ, да не засталъ его. Офрунтилъ домъ, да безъ толку: шинь взялъ. Слышалъ только, какъ колокольчикъ заливался по дорогѣ къ Чувашскому умѣту. — Не такой, значить, онъ человѣкъ былъ, этотъ, по вашему, Пугачъ, одно слово: штукарь! въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ!

— Покойный родитель мой состоялъ при Петрѣ Федоровичѣ енараломъ и носилъ черезъ плечо голубую ленту,—говорилъ мнѣ Филиппъ Ивановичъ Павловъ, житель Рубежнаго форпоста.— Жалованъ былъ отъ него суконнымъ, изъ аглицкаго сукна, кафтаномъ малиноваго цвѣта, обшитымъ по борту, по поламъ и по подолу широкимъ, въ ладонь ширины, золотымъ прозументомъ.— Послѣ отца кафтанъ этотъ донашивалъ я,—насилу доносилъ: ужъ больно сукно-то было добротное; такихъ нынѣче нѣтъ.

До объявки себя царемъ,—говорилъ Павловъ,—о нъ чаще всего надерживался у Толкачевыхъ, подь видомъ, якобы работникъ, а на самомъ дѣлѣ какой работникъ, только отводъ одинъ дѣлалъ, выжидалъ удобнаго времени, чтобы дѣло свое начать. Когда явился въ городъ съ арміей, сталъ на фатеру къ Толкачевымъ. Тутъ сосѣди Толкачевыхъ и признали его. „Смотрите-ка, смотрите-ка! Какое чудо! Право чудо!!“—Толковали межъ собой сосѣди.—„Ну, кто могъ подумать, что это царь былъ?“

Съ этого времени и началась война, и длилась она до самой женитьбы его. До женитьбы онъ воевалъ счастливо: всѣ, значить, города ему сдавались. А какъ женился, такъ и отрубило!

На вопросъ мой, какимъ образомъ Пугачевъ женился?—Филиппъ Ивановичъ отвѣчалъ:

— Подгадилъ кто-то! Поговаривали про Толкачевыхъ, якобы они присовѣтовали ему жениться. Есть когда заправду они присовѣтовали,—замѣтилъ Павловъ,—то великій грѣхъ на душу взяли, незамолимый: отъ живой жены жениться не подобаетъ. Да и его-то, батюшку, въ искушеніе ввели; чай, спокаялся и онъ, да поздно: „снявши голову, надъ волосами не плачуть“, старые люди такъ говаривали. Послѣ его женитьбы казаки наши стали уклоняться отъ него: значить, усумнились въ немъ. Осталась при немъ самая малость казаковъ. Правда, собиралъ онъ рати много, да все изъ крестьянъ—что толку-то? Съ такою ратью ничего не подѣлаешь, хоть бы и совсѣмъ ее не было. Разбилъ его князь Голицынъ подъ Татищевой, и съ той поры пошелъ онъ на утекъ,—нигдѣ удачи не имѣлъ. На послѣдокъ попался въ руки царицы, первой своей супружницы.

А былъ онъ,—родитель сказывалъ,—былъ онъ воинъ настоящій, за рѣдкость такихъ: и храбрый, и проворный, и сильный,—просто богатырь!.. Въ гору лошадей обгонялъ! *) А разъ, подъ Оленбурхомъ, самъ своей персоной одинъ бута-

*) Подразумѣвается: самъ будучи пѣшкомъ.

реей управлялъ,—всѣхъ двѣнадцать орудій было, а онъ успѣвалъ и заправлять, и наводить, и палить; и въ то же время полковникамъ и енараламъ своимъ приказанья отдавалъ. Вотъ онъ молодчина какой былъ! А деньги, порохъ и всякіе снаряды изъ а в р о п і и *) получалъ: значить, сугласнички его высылали ему... И былъ онъ грамотный...

При этихъ словахъ я замѣтилъ, что по всѣмъ свѣдѣніямъ, какія мы имѣемъ, самозванецъ-Пугачевъ былъ безграмотный. Но Павловъ возразилъ: какъ не знать ему грамоты? онъ нѣмецъ былъ!!“ **).

...Удалился онъ изъ Питера на корабляхъ,—говорилъ Семень Марковичъ Стольниковъ, восьмидесятилѣтній старикъ, житель Генварцевскаго форпоста,—и былъ въ разныхъ иностранныхъ земляхъ, а на послѣдокъ объявился на Яикѣ.

Шелъ съ своею ратью изъ Яицкаго городка къ Оленбурху Самарской стороной,—продолжалъ старикъ,—а Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ съ своимъ отрядомъ пробирался туда же Бухарской стороной. Съ форпостовъ Петръ Ѳедоровичъ забиралъ всѣхъ казаковъ въ свою рать. Въ Генварцевѣ останавливался ночевать у насъ въ домѣ, родителя моего пожаловалъ въ енаралы. Въ Бердѣ остановился, и всю разграбилъ. Весь товаръ изъ лавокъ перешелъ въ руки къ нашимъ казакамъ. И было пьянство въ Бердѣ отъ всего свѣта, просто разливанное море. Изъ Берды казаки наши, то-ись генварцевскіе, вернулись и привезли съ собой мѣшки. Бабы спрашиваютъ: „что у нихъ въ мѣшкахъ?“ а казаки говорятъ: „п о р т я н к и!..“ Бабы полюбопытничали, развязали мѣшки и ахнули: мѣшки биткомъ набиты были штофомъ, левантиномъ, парчей и всякимъ шелковьемъ! Изъ этихъ самыхъ портянокъ бабы надѣлали себѣ и сарафа-

*) Аврорія тождественна съ аперіей. Такъ должно понимать.

**) Фразу какъ не знать ему грамоты? онъ нѣмецъ былъ! я не отъ одного Павлова слышалъ, а отъ многихъ и многихъ стариковъ.

новъ, и фуфаякъ, и разнаго одѣянья. Вотъ какія были портянки!...

Жутко приходилось Оленбурху,—говорилъ старикъ.— Мартемьянъ Михайловичъ и всѣ, кто тамъ въ осадѣ сидѣлъ, ѣли лошадину, и ту за честь. Едва ли, бы Оленбурхъ удержался, есть когда самъ онъ не испортилъ дѣло свое безвременной женитьбой. Лишь только государыня узнала, что онъ женился на Устиньѣ Петровнѣ, тотчасъ же и послала самага вѣрнѣйшаго ей енарала, князя Голицына, приказала, чтобы непременно разбилъ его. И Голицынъ постарался, разбилъ его подъ Татищевой. Съ той поры онъ и пошелъ скитаться. На послѣдокъ съ Узеней сами же казаки представили его въ городъ, а оттуда къ государынѣ въ Питеръ препроводили. Государыня заключила его въ монастырь; тамъ онъ и дни свои скончалъ...

На вопросъ мой: „кого же казнили?“ Семень Марковичъ отвѣчалъ, какъ обыкновенно и другіе отвѣчали, вотъ что: Богъ вѣсть кого, только не его! Знамо, подыскали такого человѣка.

...Когда онъ подступалъ подъ нашъ городъ,—говорилъ восьмидесятишестилѣтній старикъ, житель Илецкаго городка, Василій Степановичъ Рыбинсковъ,—атаманъ Портновъ подговорилъ команду, чтобъ не впускать его въ нашъ городъ и не кориться ему. Сначала казаки послушались атамана, человѣкъ-то онъ былъ хорошій, казаки любили его и по его приказу подшили сваи подъ мостомъ, чтобы нельзя было по немъ пройти. А онъ не будь дурень, захалъ съ яицкими казаками вверхъ отъ города и вплавь перебрались черезъ Яикъ на нашу сторону. Атаманъ Портновъ, Лазарь Иванычъ, и команда въ триста человѣкъ стоятъ у моста и ждутъ, думаютъ, что онъ тутъ на нихъ пойдетъ, а онъ задами вступилъ въ городъ и взялъ его. Команда обробѣла и преклонилась ему. Лазарь Иванычъ и тутъ вздумалъ супротивничать, и потому самому Петръ Ѳедоровичъ велѣлъ казнить

его, и повѣсили Лазаря Ивановича!.. А есауль Жеребятниковъ успѣлъ ускакать въ Оленбургъ и тѣмъ самымъ избавился казни.

Родитель мой,—продолжалъ рассказчикъ,—состоялъ при Петрѣ Федоровичѣ, но не долгое время. Изъ-подъ Татищевой, когда князь Голицынъ разбилъ ихъ, отецъ мой бѣжалъ домой; а послѣ при допросахъ отрекся, показалъ, что состоялъ при немъ изъ-подъ неволи, смотря на другихъ; а когда-де увѣровалъ, что онъ не царь, тотчасъ же-де и бѣжалъ отъ него. Этимъ самымъ показаніемъ отецъ мой и спасъ себя, остался безъ наказанія. А другихъ прочихъ изъ нашей братии куда какъ крѣпко жарили плетями, кто до конца держалъ его сторону и считалъ его за царя, а иныхъ смертію казнили.

— А кто онъ былъ по твоему?—спросилъ я Рыбинкова.

— Знамо кто: Петръ Федоровичъ! Объ этомъ и толковать нечего,—отвѣчалъ Рыбинковъ.—А потомъ, когда я высказалъ совсѣмъ противное мнѣніе, старикъ заговорилъ:

— Коли намъ вѣры нѣтъ, можно, чай, повѣрить командирамъ. Послѣ того, какъ онъ бѣжалъ изъ-подъ Татищевой, нагнали въ нашъ городъ много солдатъ и гусаръ. Гусарскій командиръ у насъ въ домѣ квартировалъ, и по часту съ отцомъ моимъ бесѣдовалъ объ немъ, спрашивалъ, каковъ онъ изъ себя. Отецъ не таясь сказывалъ: такой-де и такой.

— А нѣтъ ли на лицѣ у него знака какого?—спросилъ гусарскій командиръ.

Отецъ сказалъ—„есть!“

— Какой?—спрашиваетъ гусарскій командиръ.

— Подъ лѣвымъ глазомъ маленькій рубчикъ,—говоритъ отецъ.

— Ну, такъ и есть!—сказалъ гусарскій командиръ и вскочилъ идно съ мѣста.—Самый онъ и есть, Петръ Федоровичъ!

„А другимъ прочимъ командирамъ куда какъ противно было, коли казаки показывали объ немъ, что онъ не Пугачъ, а царь,—продолжалъ Рыбинковъ.—Бывало, пригонятъ къ

допросу казаковъ, поставятъ въ рядъ и по одиночкѣ съ крайняго начнутъ допрашивать:

— Какъ признаешь Пугача?—спрашиваютъ командиры.

— Какъ вы, такъ и я!—отвѣчаетъ иной казакъ.

— Однако какъ?—спрашиваютъ командиры.

— Знамо какъ: анператоръ!—скажетъ казакъ.

— Врешь!!!—говорятъ командиры и цыкаютъ.—Онъ подлый казачишка! Понимаешь ли, пустая твоя борода?!

— Понимаю-ста,—говоритъ нехотя казакъ.—Быть по вашему: казачишка, такъ казачишка...

— То-то же!—говорятъ командиры.—И впередъ такъ говори. Онъ подлый казачишка!..

— Слушаю-ста, — говоритъ казакъ, — а самъ думаетъ, какъ бы только отдѣлаться.

„А со стороны иной казакъ не вытерпитъ, да и скажетъ:

— Зачѣмъ напрасно корить человѣка? какой онъ казачишка? Развѣ к а з а к ъ,—вотъ это дѣло!..

— А!—кричатъ командиры.—Н е к а з а ч и ш к а, к а з а к ъ! Такъ мы же вамъ покажемъ. Эй! Плетей!

И отдерутъ бѣдняжку, словно Сидорову козу, а за что? не хотѣлъ Пугача назвать паскуднымъ именемъ: к а з а ч и ш к о й... Послѣ того всякій и говоритъ, что угодно командирамъ, а въ душѣ-то у каждаго другое... Да ничего не сотворишь, супротивъ начальства не пойдешь: сила соломѣ ломить... Есть когда бѣ въ самомъ дѣлѣ то былъ Пугачъ, то-исъ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, а не Петръ Ѳедоровичъ, то Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ не пропалъ бы!—прибавилъ Рыбинсковъ.—А вѣдь всему міру извѣстно,—заключилъ старикъ,—что Бородинъ сгинулъ въ Питерѣ, а отъ кого? все отъ него же, то-исъ отъ Петра Ѳедоровича: онъ его и допекъ!..

Теперь, кстати, о Бородинѣ.

VI.

Легенда о Бородинѣ.

Старшина Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ, при появленіи на Яикѣ самозванца, не принялъ его сторону, собралъ подъ свое знамя до четырехсотъ казаковъ и степной стороной Яика пробрался на помощь Оренбургу. Во все время осады Оренбурга Пугачевымъ, Бородинъ съ своимъ отрядомъ держался въ этомъ городѣ, дѣлалъ частыя вылазки противу скопищъ самозванца и безспорно много содѣйствовалъ оборонѣ города. Потомъ, когда Пугачевъ оставилъ Оренбургъ и перенесъ бунтъ на берега Волги, Бородинъ преслѣдовалъ и громилъ отдѣльныя шайки самозванца, скитавшіяся между Волгой и Яикомъ. Наконецъ, когда Пугачевъ выданъ былъ въ руки правительства, Бородинъ въ числѣ другихъ конвоировалъ его до Москвы *).

Изъ Москвы Бородинъ съ частью казаковъ, бывшихъ съ нимъ въ конвоѣ, отправился въ Петербургъ, гдѣ, само собой разумѣется, былъ милостиво принятъ, обласканъ и по

*) По преданіямъ казаковъ, Бородинъ былъ въ числѣ конвойныхъ Пугачева, но по нѣкоторымъ даннымъ, до меня дошедшимъ, я заключаю, что онъ не конвоировалъ Пугачева, а пріѣхалъ въ Петербургъ уже въ ноябрѣ или даже декабрѣ 1774 г. А до этого времени Бородинъ, кажется, занимался преслѣдованіемъ разрозненныхъ шаякъ Пугачева, скитавшихся между Волгой и Яикомъ.

своему званію щедро награжденъ государыней, какъ вѣрный и усердный слуга, успѣвшій на Яикѣ составить въ свое время оппозицію самозванцу и тѣмъ не допустить весь народъ (я разумѣю яицкихъ казаковъ) стать подъ знамя Пугачева. Еще въ іюнѣ 1774 г., когда бунтъ продолжался, Бородинъ былъ произведенъ въ маіоры, пожалованъ золотою медалью и награжденъ тысячью рублями (цыфра по тому времени порядочная, особенно для казака, не имѣвшаго родоваго!). Съ прекращеніемъ же мятежа, когда, какъ выше сказано, Бородинъ явился въ Петербургъ, государыня произвела его отъ арміи въ полковники и назначила **В о й с к о в ы м ъ А т а м а н о м ъ у р а л ь с к а г о** (переименованнаго изъ яицкаго) **к а з а ц к а г о в о й с к а**. Получивъ такое назначеніе, въ январѣ 1775 года, Бородинъ оставался въ Петербургѣ и—**с к о р о п о с т и ж н о умеръ** *). Такая смерть Бородина послужила народу поводомъ сочинить насчетъ его слѣдующую легенду.

— ...Не умеръ нашъ Мартемьянъ Михайловичъ своею смертию, а допекъ его лишь Пугачъ, а нашъ Петръ Федоровичъ!—говорилъ мнѣ одинъ старикъ **).—Хотѣлъ онъ выслужиться передъ государыней и самъ повезъ Пугача въ Москву. Мартемьяна Михайловича провожали сродственники и знакомые. За башней на прощаньѣ стали по обычаю пить водку, наливку и все такое. Пугачъ сидѣлъ въ закрытой телѣгѣ, выглянулъ оттуда и спросилъ: „Мартемьянъ Михайло-

*) Неизвѣстно, т. е. у меня нѣтъ данныхъ, когда Бородинъ умеръ; но полагать надо, онъ умеръ въ апрѣлѣ, потому что высочайшее повелѣніе о назначеніи вмѣсто Бородина другого атамана, **Ив. Кир. Акутина**, послѣдовало 7-го мая. А промежутокъ времени отъ смерти одного атамана до назначенія другого по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ не могъ быть слишкомъ продолжительнымъ.

**) Здѣсь я привожу имена рассказчиковъ по той причинѣ, что одинъ и тотъ же варіантъ настоящей легенды мнѣ доводилось слышать отъ нѣсколькихъ лицъ.

вичъ! Что пьете одни? Поднесите-ка и мнѣ!“ А Мартемьянъ Михайловичъ ему въ отвѣтъ: „Куда тебѣ, паршивому бѣсу, изъ одной посуды съ нами пить!..“ Пугачъ поблѣднѣлъ и сказалъ: „Хорошо же! Ты хочешь видѣть мою смерть—не удастся: я скорѣе твою увижу!“ Немного погодя одинъ изъ старшинъ, Михайловъ, подошелъ къ телѣгѣ, гдѣ Пугачъ сидѣлъ, и поднесъ ему изъ своего стакана. Пугачъ выпилъ, крикнулъ и сказалъ:

— Спасибо, дружище! Не забуду я тебя. Господа честные! Запомните, что скажу,—сказалъ Пугачъ ко всѣмъ, кто тутъ былъ:—отнынѣ родъ Михайловъ возвысится, а родъ Бородинъ падеть!

— Такъ и случилось,—прибавилъ рассказчикъ.—За двѣ станціи до Москвы выѣхалъ на встрѣчу къ Пугачу царевичъ Павелъ Петровичъ и увезъ его съ собой. „А съ тобой,—сказалъ онъ Мартемьяну Михайловичу,—съ тобой увидимся послѣ, въ Петербургѣ, Богъ дастъ, тамъ и потолкуемъ!“.

Приѣхалъ чрезъ сколько-то времени Мартемьянъ Михайловичъ въ Питеръ, и отвели ему тамъ гдѣ-то по край города фатеру. Живетъ Мартемьянъ Михайловичъ и ждетъ, что-то будетъ. Разъ является къ нему на фатеру офицеръ и требуетъ его во дворецъ. Поблѣднѣлъ Мартемьянъ Михайловичъ, сдѣлался словно цолотно, и нехотя пошелъ за офицеромъ. „Чуетъ кошка, чье мясо съѣла“. Пошелъ Мартемьянъ Михайловичъ и пропалъ, словно въ воду канулъ. Никто изъ нашихъ казаковъ больше ужъ не видалъ его. Чрезъ сколько-то времени двое изъ казаковъ, что были съ нимъ въ Питерѣ, пошли во дворецъ понавѣдаться объ немъ, но тамъ сказали имъ, что старшина Бородинъ умеръ... Такъ на томъ и положили: умеръ, да умеръ Мартемьянъ Михайловичъ, а никто и мертваго-то его не видалъ. Ложь ли, правда ли, говорили, что его живаго въ столбъ заклали. А Михайловы пошли съ того времени все въ гору, да въ гору! Значить, какъ Пугачъ сказалъ, такъ и вышло: родъ Михайловъ возвысился.

— ...Когда Мартемьянъ Михайловичъ ѣхалъ съ Пугачемъ въ Питеръ, Пугачъ часто съ усмѣшкой говаривалъ ему: „Мартемьянъ Михайловичъ, куда ѣдешь? Зачѣмъ ѣдешь? Не вернуться ли домой,—лучше будетъ. Эй, Мартемьянъ Михайловичъ! Поверни-ка оглобли назадъ, покуда время есть. Не слушаешь! Ну, Богъ съ тобой! Послѣ самъ на себя пеняй“.

Пріѣхали въ Питеръ. Мартемьяна Михайловича тотчасъ же позвали въ сенатъ, а казаковъ, что съ нимъ были, въ сенатъ не впустили, остановили на улицѣ у крыльца. Черезъ нѣкоторое время вдругъ во всѣхъ церквахъ зазвонили въ сполохъ. Казаки подумали, что пожаръ, но ни дыму, ни по-лымя нигдѣ не видать, и народъ по улицамъ спокоенъ. Казаки дивуются, что бы это такое значило, а то и въ голову никому не придетъ, что звонятъ о рабѣ Божіемъ Мартемьянѣ Михайловичѣ. На послѣдокъ вышелъ изъ сената какой-то енаралъ, весь въ крестахъ, да въ звѣздахъ, и объявилъ казакамъ: „Бородинъ умеръ!...“

Послѣ того одному изъ казаковъ трафилось быть въ комнатахъ у государыни. Вдругъ, братецъ ты мой, изъ-за ширмъ вышелъ Пугачъ и прямо къ казаку: „Здорово, дружище! Узнаешь ли меня?“

— Какъ не узнать!—говоритъ казакъ.

— То-то же! Думали, что я умру: умеръ Мартемьяшка Бородинъ! Самъ виноватъ. Зачѣмъ шутъ тащилъ сюда? Не безъ чего говорилъ дураку, чтобы воротился. Однако, не хочешь ли винца? Выпей!

И поднесъ казаку цѣлую кружку какого-то заморскаго вина, насилу тотъ ноги дотащилъ до фатеры—больно ужъ захмѣлѣлъ. А Мартемьянъ Михайловичъ пропалъ. Съ живаго съ него, говорили, шкуру содрали, какъ хивинцы съ Бекича. И подѣломъ,—прибавилъ рассказчикъ:—не суйся не въ свое дѣло. Однако, Павелъ Петровичъ, когда на царство сѣлъ, сжалился надъ сыномъ его, надъ Давыдомъ Мартемьяновичемъ, далъ ему атаманство. Съ того времени Бородинъ

опять пошли въ ходъ, а дотолева ихъ и въ пару не знать было.

— Во всю дорогу отъ Уральска до Питера Мартемьянъ Михайлычъ и Пугачъ грызлись межъ себя, перекосялись и грозили другъ дружкѣ. Мартемьянъ Михайловичъ грозился царицей, а Пугачъ—царевичемъ. Мартемьянъ Михайловичъ говаривалъ Пугачу: „Дай срокъ доѣхать до матушки-царицы: задасть она тебѣ такую баню, что до новыхъ вѣнковъ не забудешь!“ А Пугачъ говаривалъ Мартемьяну Михайловичу: „Дай срокъ доѣхать до царевича Павла Петровича: задасть онъ тебѣ такого жару, что небо съ овчинку покажется!“

Случилась еще такая исторія. На какой-то станціи перемѣняли телѣгу. Мартемьянъ Михайловичъ приковывалъ Пугача къ новой телѣгѣ, да, видно, больно сжалъ кандалами ему ноги. Пугачъ не вытерпѣлъ, сказалъ: „Мартемьянъ Михайловичъ! Сжался! Ослобони немного кандалы“. Могуты моею нѣтъ,—больно ноги жметъ“. А Мартемьянъ Михайлычъ усмѣхается, да говоритъ: „Потерпи! Въ Питерѣ, Богъ дастъ, совсѣмъ снимутъ...“

— Ну, Мартемьянъ! Не забуду я этого!—сказалъ Пугачъ.—На Яикѣ ты мнѣ много солилъ, да я забылъ то. А этого во-вѣки вѣковъ не прощу.—Переѣхалъ ты мнѣ теперича черезъ ногу:—Богъ дастъ, придетъ время, переѣду я тебѣ черезъ шею. Попомни!

Пріѣхали въ Питеръ. Пугача взяли во дворецъ, а Мартемьяна Михайловича поставили на обывательской квартирѣ. Черезъ недолгое время позвали и его во дворецъ. Съ нимъ пошелъ вѣстовой казакъ. Мартемьяна Михайловича ввели въ горницу, а вѣстоваго остановили въ прихожей. Вѣстовой любопытничалъ, отворилъ немного дверь въ горницу и заглянулъ туда. Что же увидалъ онъ?—Увидалъ онъ, сударь мой, диво дивное, чего и не ожидалъ!—На кровати, за бѣлыми кисейными занавѣсками, лежитъ Пугачъ, — похоже,

только что вышелъ изъ бани: волосы мокры, а лицо красно.— У ногъ его, на стулѣ, сидитъ царевичъ Павелъ Петровичъ,— а у окна сидитъ царица. И всѣ плачутъ, платочками слезы утираютъ.—А у притолки, словно солдатъ, стоитъ на вытяжку Мартемьянъ Михайловичъ,—стоитъ и дрожить, словно на морозѣ. Вѣстовой тоѣ-жъ минуту попятился назадъ и вышелъ изъ прихожей въ сѣни, будто ничего не видалъ. Знамо, боялся, какъ бы бѣды какой не нажать. Долго вѣстовой ждалъ Мартемьяна Михайловича—не выйдетъ ли изъ горницы,—и не дождался, ушелъ на квартиру. На другой день всѣ казаки, что находились при Мартемьянѣ Михайловичѣ, человекъ съ шесть, пошли во дворецъ понавѣдаться о старшинѣ. Когда они пришли, ихъ спросили:— „Кого вамъ надо?“ — „Атамана!“—сказали казаки.—„Какого?“ — „Мартемьяна Михайловича Бородина!“ — сказали казаки.

— Атаманъ у васъ теперь другой въ Уральскѣ, Иванъ Кирилычъ Акутинъ! — сказали казакамъ. — А Мартемьянъ Михайловичъ приказалъ долго жить: вчера волею Божіею умеръ въ одночасъ!

Тутъ же вынесли и отдали казакамъ кафтанъ и саблю Мартемьяна Михайловича.

— Возьмите!—сказали казакамъ.—Отвезите на Уралъ и отдайте сродственникамъ Бородина. А завтра,—сказано казакамъ,—завтра приходите хоронить его.

Ни живы, ни мертвы казаки воротились на квартиру, взяли съ собой кафтанъ и саблю Мартемьяна Михайловича.— На другой день, какъ было приказано, пришли казаки во дворецъ и видѣли гробъ заколоченный, а что было въ гробу,—не видали.—Сказано только имъ, что въ томъ гробу лежитъ тѣло атамана Бородина, а правда ли?—Богу одному извѣстно.—Однако, по секрету кой-отъ-кого слышали, что Мартемьянъ Михайловичъ и не думалъ умирать, а засадили его въ темницу, тамъ онъ и кончилъ жизнь свою, не видя свѣта Божьяго. А удружилъ ему все-таки не другой кто, а самъ Пугачъ.—Извѣстно, не его казнили, а казнили под-

ставного. Самъ же онъ изжилъ вѣкъ свой по секрету, не показывался народу.

— Есть когда я долженъ жить по секрету,—говорить онъ государынѣ,—то и супротивника моего, Мартюшку Бородина, посади въ секретную же, чтобы не досадно мнѣ было. А есть когда не такъ,—то, говорить, убѣгу, не удержатъ меня никакіе замки и караулы; убѣгу, говорить, и опять взбунтую всю Расею, да не такъ, а почище.

По этой самой причинѣ и засадили Мартемьяна Михайловича въ темницу. А кто говорилъ, что ему поднесли яда, и умеръ онъ отъ яда.—То ли, сѣ ли, а доканаль Мартемьяна Михайловича Петръ Ѳедоровичъ! И по дѣламъ, — прибавилъ рассказчикъ:—Мартемьянъ Михайловичъ обращался съ нимъ очень грубо, когда везъ его въ Питеръ.

...Собрался Мартемьянъ Михайловичъ ѣхать изъ Питера въ Уральскъ и пошелъ проститься съ государыней, а денщику велѣлъ исподволь укладываться. Вдругъ прибѣжалъ на квартиру испуганный, блѣдный, словно кто гналъ за нимъ.—„Скорѣй бѣги за подводами!...—кричитъ онъ денщику.—Живѣй укладывайся! Ыдемъ!“ Денщикъ въ одинъ мигъ сбѣгалъ на ямской дворъ и привелъ коней. — Поѣхали.—„Погоняй!“—безперечь кричитъ Мартемьянъ Михайловичъ на ямщика.—Проѣхали сколько-то станцій. Мартемьянъ Михайловичъ пришелъ въ себя и говоритъ денщику по-киргизски, чтобы ямщикъ не понялъ:

— Какое, братецъ мой, я чудо видѣлъ, если бы только ты зналъ!—Стою это я у матушки-царицы въ опочивальнѣ. рассказываю ей, какъ мы стражались супротивъ злодѣя Амелъки Пугача.—А онъ, Пугачъ-то, вдругъ изъ-за ширмы какъ выскочить, словно звѣрь лютый, да какъ ринется на меня съ кулаками—я идно обмеръ, не зналъ, куда дѣваться. Спасибо, на мое счастье царевичъ подоспѣлъ, пришелъ изъ другой комнаты и за меня заступился, не далъ ему бить меня, а то бы, вѣрно, пересчиталъ онъ мнѣ ребра

и вычистилъ зубы; пожалуй, и хуже бы что сдѣлалъ.—Теперь, братецъ мой, вижу, что даль маху: не ѣздить бы мнѣ совсѣмъ сюда... Богъ бы съ ними... Хоша и публиковали, что онъ Амелъка Пугачевъ, а выходитъ, вонъ какой онъ Пугачъ... за ширмами въ опочивальнѣ обрѣтается. Однако, помолчи объ этомъ до поры до времени: Богъ знаетъ, что можетъ выйти.

Лишь только проговорилъ Мартемьянъ Михайловичъ эти слова, не отѣхали послѣ того и съ версту, какъ догоняетъ ихъ кулъеръ и велитъ Мартемьяну Михайловичу ѣхать назадъ въ Питеръ:—„матушкѣ, де, царицѣ ты спонадобился чтой-то“, говоритъ кулъеръ. — Ни живъ, ни мертвъ Мартемьянъ Михайловичъ пересѣлъ изъ своей повозки въ бричку кулъера и поѣхалъ съ нимъ обратно въ Питеръ, а денщику велѣлъ ѣхать слѣдомъ за собой.—На другой день денщикъ пріѣхалъ въ Питеръ, но Мартемьяна Михайловича не засталъ: отдалъ Мартемьянъ Михайловичъ Богу душу... Денщикъ и мертваго-то его не видалъ, а видѣлъ только гробъ одинъ.—Такъ и пропалъ Мартемьянъ Михайловичъ!.. А отчего пропалъ?—Оттого самаго, что никакого почтенія не оказывалъ ему, то есть Петру Ѳедоровичу: онъ его и допекъ!—заклучилъ рассказчикъ.

Изъ этого, что выше рассказано, читатель видитъ, что хотя варіаціи легенды о Бородинѣ разны, но тонъ, но смыслъ ея одинъ и тотъ же, то есть, что старшина Бородинъ погибъ по проискамъ Пугачева. Это голосъ всего народа, т. е. яицкихъ казаковъ,—народа, по понятію котораго самозванецъ Пугачевъ и императоръ Петръ Ш—суть одно и то же лицо.—Но были и есть и такіе люди, которые смерть Бородина приписываютъ совсѣмъ другимъ причинамъ, нисколько не примѣшивая тутъ Пугачева, какъ самозванца. Послушаемте этихъ людей.

— Болтаютъ, болтаютъ, батюшка, якобы Мартемьяна Михайловича нашего погубилъ Пугачъ,—совсѣмъ не Пу-

гачъ. Пугачъ какую имѣлъ власть?—Пугачъ былъ самозванецъ, бунтъ, разбойникъ; Пугача самого казнили, пятерили.—За то, что Мартемьянъ Михайловичъ не корился Пугачу, сражался супротивъ него, когда тотъ бунтовалъ и за царя себя выдавалъ,—за это самое государыня Катерина Алексѣевна и полюбила Мартемьяна Михайловича, выписала его къ себѣ въ Питеръ, наградила полковничьимъ чиномъ, деньгами обдарила и сдѣлала его атаманомъ надъ нашимъ войскомъ.

Пора была ѣхать Мартемьяну Михайловичу изъ Питера въ Уральскъ, а государыня не пушала.—„Поживи, да поживи. Что торопишься? Успѣешь еще!“ говорила государыня.—Очень ужъ полюбила она Мартемьяна Михайловича. Покуда онъ жилъ въ Питерѣ, не проходило дня, чтобы государыня обѣдала безъ него; каждый Божій день приглашала его къ столу и сажала около себя на первое мѣсто.

Видя въ такой чести Мартемьяна Михайловича, питерскіе князья и бояре испугались, чтобы онъ не пошелъ въ гору, не перебилъ у нихъ дороги, обозлились на него, взяли, да и отравили его! Зазвали его въ удаленные покои во дворецъ и поднесли ему рюмку вина. Онъ выпилъ, да тутъ же, голубчикъ, не сходя съ мѣста, и умеръ,—царство ему небесное!..

Государыня очень тужила и соболѣзновала о Мартемьянѣ Михайловичѣ, плакала, когда его въ гробъ клали. Допытывалась, кто погубилъ его, да не допыталась. Всѣ лѣкаря были подкуплены боярами, за одно, значить, были съ ними. Потрошили Мартемьяна Михайловича и донесли государынѣ, что Бородинъ умеръ отъ прилива крови. Такъ и предали дѣло волѣ Божіей.—А мы навѣрное знаемъ, что Мартемьянъ Михайловичъ умеръ не отъ прилива крови, а отъ мышьяку или-бо отъ другого какого яда“.

VII.

Заключительное слово отъ автора.

Хорошо ли, худо ли—первая часть моей задачи кончена, т. е. преданія о Пугачевѣ, слышанныя мною изъ устъ народа, переданы.—Въ особой статьѣ, если позволятъ обстоятельства, я приведу кое-какіе факты, относящіеся вообще къ эпохѣ Пугачевского бунта и на основаніи ихъ займусь по возможности подробнымъ разборомъ народныхъ преданій, а теперь считаю необходимымъ сказать объ нихъ только вотъ что.

Какъ бы эти преданія ни казались намъ баснословными, сказочными, но въ нихъ мы должны видѣть своего рода истину. Въ отношеніи къ личности самого Пугачева преданія эти, само собой разумѣется, чистѣйшая басня—объ этомъ и говорить бы не слѣдовало, да ужъ сказалось. Но въ отношеніи того лица, роль котораго Пугачевъ разыгрывалъ—не басня, или хотя и басня, но басня, имѣющая въ основѣ своей историческія событія: на этихъ-то событіяхъ и соткалась басня.—Преданія эти, по крайней мѣрѣ большая и главная ихъ часть не сочинены народомъ, напротивъ, они сочинены въ свое время для народа, и народъ въ простотѣ сердечной вѣрилъ имъ, какъ и теперь вѣритъ: такъ для пониманія народнаго онѣ сочинены ловко,—лучше требовать нельзя... Потомки, т. е. дѣти и внуки яицкихъ казаковъ,

вѣрятъ, потому что слышали отъ отцовъ и дѣдовъ,—а отцы и дѣды, т. е. современники пугачевщины, вѣрили потому, что исторія о корабельной пристани, о дѣвицѣ Воронцовой, о загородномъ дворцѣ, о записи (отреченіи) императора Петра Ш и т. под., однимъ словомъ, исторія переворота 28 іюня 1762 г. была извѣстна имъ настолько, насколько, на примѣръ, извѣстна намъ осада Севастополя и вся Крымская война.

Не говоря о томъ (пространномъ) манифестѣ, который возвѣщалъ объ отреченіи Петра Ш и о восшествіи на престолъ Екатерины II,—этотъ манифестъ, допустимъ это, могъ и не дойти до Яика,—яицкіе казаки могли знать о переворотѣ и помимо этого манифеста,—во-первыхъ, по пословицѣ: „слухомъ земля полнится“, а во-вторыхъ, потому, что одинъ изъ ихъ старшинъ, Алексѣй Ивановичъ Митрясовъ, въ компаніи съ войсковымъ атаманомъ донскихъ казаковъ и съ старшинами и казаками того войска, принималъ личное участіе въ походѣ императрицы въ Петергофъ и обратно,—за что, въ числѣ другихъ, получилъ въ награду золотую медаль въ 30 червонцевъ съ изображеніемъ государыни и съ надписью: 28 іюня 1762 г. *). Былъ ли живъ Митрясовъ въ Пугачевскую пору—не извѣстно; по крайней мѣрѣ, по бу-

*) Казаки, участвовавшіе въ петергофскомъ походѣ, попали тутъ случайно. Они пріѣзжали въ Петербургъ станицами, по издревле существующему обычаю бить челомъ государю. Между тѣмъ, случился переворотъ, и они пристали къ гвардейскимъ полкамъ. Кромѣ Донскихъ и Яицкаго, были въ то время въ Петербургѣ Гребенскіе и Терскіе казаки; но объ нихъ въ докладѣ Воен. Коллегіи государынѣ, утвержденномъ подписью ея руки, сказано: „Оны старались же быть въ походѣ, но за не сыскомъ лошадей не были“.—Награднымъ не было.—А участвовавшіе въ походѣ получили слѣдующія награды: атаманъ Степанъ Ефремовъ—саблю въ серебряной оправѣ съ именемъ государыни,—старшина Михаилъ Поздѣевъ, войсковой дьякъ Ив. Яновъ, походные есаулы Сем. Сулинъ и Ив. Горбиковъ (донскіе) и старшина Ал. Митрясовъ (Яицкій)—именныя золотыя медали въ 30 червонцевъ съ надписью 28 іюня 1762 г.,—а одиннадцать человекъ казаковъ (донскіе) — деньги по 10 р. каждый: „противъ гвардейскихъ солдатъ“ сказано въ докладѣ.—Изъ Арх. В. Коллегіи. Дѣла каз. повѣтъ, кн. № 104, листъ 19.

магамъ того времени онъ мнѣ не встрѣчался; но въ 1771 г. онъ былъ живъ,—это я знаю по походамъ его за калмыками.—Во всякомъ случаѣ, Митрясовъ, въ теченіе девяти лѣтъ послѣ событій 28 іюня 1762 г., живя на Яикѣ и щеголяя золотою медалью на шеѣ, могъ служить казакамъ своимъ землякамъ живымъ фактомъ, живой исторіей о тѣхъ событіяхъ. — Слѣдовательно Пугачеву или его сугласникамъ, какъ выражаются казаки, весьма легко и сподручно было рисовать какіе угодно узоры по канвѣ, хорошо извѣстной народу. А что Пугачевъ мастеръ былъ на подобнаго рода художества и не жалѣлъ красокъ на описанія своихъ мнимыхъ походовъ, тому служитъ доказательствомъ слѣдующій фактъ.—Въ августѣ 1774 г. близъ г. Петровска въ послѣдніе, значить, дни своей ужасной дѣятельности, Пугачевъ, между прочимъ, говорилъ донскимъ казакамъ, приставшимъ къ его шайкѣ, вотъ что:—*Слушайте, други мои! Я былъ въ Египтѣ три года, въ Цареградѣ—три года, да (въ третьемъ, не упомянуть гдѣ, мѣстѣ) два года. И я примѣры всѣ чужестранныя узналъ. Я знаю, какъ съ господами поступить!... *)*.

На походѣ или въ лагерѣ—все равно—среди военныхъ заботъ, въ виду, такъ сказать, непріятеля, Пугачевъ, мы видимъ,—не преминулъ приплести и Египетъ, и Царьградъ. Послѣ этого можно ли сомнѣваться, что сочиненіе всѣхъ басенъ о корабельной пристани, о пружкомъ королѣ, о турецкомъ салтанѣ и т. под.—принадлежитъ самому Пугачеву или его „сугласникамъ“.—Пугачеву, который, будучи на свободѣ въ первое время своего появленія, или даже прежде, приготовляясь къ своему дѣлу, не торопясь, могъ баснословить о себѣ, что хотѣлъ и какъ хотѣлъ, сидя за полуштофомъ пѣнника, въ кругу своихъ

*) Изъ подлиннаго допроса Донскихъ казаковъ, квартирмистра Малахова и сотника Мелехова.—Изъ Арх. В. Кол. изъ дѣлъ кн. Потемкина, кн. № 45, листъ 9. — Слова, поставленные въ скобкахъ „въ третьемъ, не упомянуть гдѣ, мѣстѣ“ относятся къ рассказчику Малахову.

енараловъ и сенаторовъ? Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Даже и тѣ изъ преданій, которыя, по содержанию своему, носятъ явный признакъ позднѣйшаго относительно Пугачева происхожденія, если вдуматься въ нихъ, представляются въ иномъ свѣтѣ. Напримѣръ, басня объ отрокѣ, подаренномъ королю иной земли. Кто выдумалъ этого мнимаго отрока? Казаки? Едва ли! Такіе династическіе, если можно такъ выразиться, расчеты уму простыхъ людей недоступны, чужды.— Въ баснѣ объ отрокѣ видна, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ представляется,—въ баснѣ этой видна мысль заговорщиковъ высшаго полета—мысль такого рода: „Если не удался Пугачъ,—авось удастся Пугаченокъ!“

И такъ, еще разъ скажу, что какъ бы не казались намъ преданія о Пугачевѣ баснословными, сказочными, въ нихъ есть своего рода правда, въ томъ смыслѣ, что преданія эти не сочинены, не выдуманы народомъ, а сочинены, выдуманы въ свое время для народа,—короче, источникъ ихъ въ самомъ Пугачевѣ или, правильнѣе, въ заговорѣ, разрѣшившемъ Пугачевскимъ бунтомъ.

Москва. 1860. Февраль.

III.

СКАЗАНИЯ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

I.

Змій и комета.

Въ концѣ лѣта 1858 года, въ киргизской Букеевской ордѣ, случилось диво-дивное, чудо-чудное, подобнаго которому и старики старожилые не запомнятъ. Въ степи, неподалеку отъ Ханской Ставки, среди бѣлаго дня, упалъ съ неба на землю огромной величины змій, толщиной въ самага большого верблюда, а длиной саженой въ двадцать. Съ минутой змій лежалъ неподвижно, а потомъ, свернувшись въ кольцо, поднялъ голову сажени на двѣ отъ земли и сильно, пронзительно, подобно бурѣ, зашипѣлъ. Люди, скоть и все живое въ страхѣ ницъ попадали. Думали, что настало свѣтопреставленіе. Вдругъ съ неба же спустилось облако, подошло къ змію саженой на пять и остановилось надъ нимъ. Змій прыгнулъ на облако, облако одѣло собой змія, закрубилося и ушло подъ небеса. На землѣ, послѣ змія, остался только чадъ и смрадъ. Но черезъ нѣсколько минутъ потянулъ съ востока свѣжій вѣтерокъ, и воздухъ очистился. Все пришло въ прежнее нормальное состояніе.

Толки о такомъ чудномъ явленіи долгое время занимали умы степного народа, Около этого времени я странствовалъ по Узенямъ, прилегающимъ къ степямъ букеевскихъ киргизовъ, и, само собой разумѣется, не могъ не слышать о паденіи съ небесъ на землю чуднаго змія. Возвращаясь съ

Узней на Уралъ, я льстилъ себя пріятной мыслью, что мнѣ чуть ли не одному изъ первыхъ выпадалъ завидный жребій сообщить знакомымъ моимъ казакамъ, живущимъ на Уралѣ, такую любопытную и интересную новость. Но каково же было мое удивленіе и разочарованіе, когда, пріѣхавши на Уралъ, я узналъ, что вѣсть о змѣ давнымъ-давно упредила меня и перешла уже въ область преданій; въ это время занимало умы народа другое, всѣмъ и каждому видимое чудо—звѣзда съ хвостомъ!

Вѣсть о паденіи съ неба на землю змѣ прошла между казаками безъ особенныхъ толковъ. Иные слегка вѣрили ей, а иные и вовсе не вѣрили, но и тѣ, кто вѣрилъ, не придавали ей большого значенія. „Случилось это чудо въ ордѣ, у нехристей, басурмановъ, стало быть, до нихъ и касается, а до насъ, православныхъ, ему дѣла нѣтъ“. Такъ говорили казаки про киргизскаго змѣя.

Но появленіе кометы—совсѣмъ иное дѣло! Комета, или звѣзда съ хвостомъ, видима была всему міру, стало быть, до всего міра и касается. Кометѣ, какъ и слѣдуетъ, народъ придавалъ сверхъестественное значеніе. Иные видѣли въ ней предвѣстницу мора, голода, повсемѣстныхъ кровопролитныхъ войнъ и т. п. бѣдствій; иные видѣли въ ней предзнаменованіе, что народился великій, грозный царь, въ родѣ Петра Перваго Алексѣевича; иные—эти ужъ слишкомъ далеко заходили—принимали ее прямо за одно изъ апокалипсическихъ явленій, предшествующихъ кончинѣ міра. Словомъ, впечатлѣніе, произведенное на народъ кометою, было не шуточное: за весьма малыми исключеніями, почти всѣ и каждый ждали чего-то необыкновеннаго, страшнаго. Приведу фактъ.

Въ одной изъ нашихъ станицъ, въ Кр.....мъ форпостѣ, живетъ коротко знакомый мой, Иванъ Михайловичъ Б.....въ, старикъ почтенный и веселый, любящій побесѣдовать о чемъ угодно, охотникъ и пѣсенокъ попѣть какихъ угодно, не отказывающійся при случаѣ, „если линія такая подойдетъ“, въ „прокладной компаніи и чарочку другую—третью пропу-

стить, словомъ, старикъ умный, милый, симпатичный. Проездомъ черезъ ту станицу, гдѣ живетъ Иванъ Михайловичъ, я останавливался въ ней дня на три, а Иванъ Михайловичъ почти не выходилъ изъ моей квартиры, а я квартировалъ у Павла Осиповича В....на. Между толками о томъ, о семъ, Иванъ Михайловичъ частенько пѣвалъ пѣсни, а я записывалъ. Вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, подъ конецъ нашей бесѣды, когда я записалъ уже нѣсколько пѣсенъ, Иванъ Михайловичъ запѣлъ пѣсню про Добрыню. Онъ пѣлъ, я записывалъ. Пѣсня выходила длинная, конца не видать было. По крайней мѣрѣ, пѣвецъ, послѣ каждаго почти двухъ стиховъ, останавливался и приговаривалъ: „Ой, длинная исторія!“ Замѣтно было, что пѣвецъ утомился. Между тѣмъ, у меня рука устала до такой степени, что я съ большимъ трудомъ водилъ перомъ по бумагѣ. Я прервалъ писаніе, а Иванъ Михайловичъ пѣніе.

— Отдохнемъ,—сказалъ я моему собесѣднику.

— Пожалуй, отдохнемъ,—отвѣчалъ тотъ; а потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Да что мы привязались, словно ребятишки? Не выгнаты, чай. Не каплетъ надъ нами. Оставимъ лучше до другого раза. Коли опять заѣдешь къ намъ, я докончу про Добрыню. Да, кстати, и другихъ пѣсенокъ къ тому времени поприпомню.

Я согласился, оставаясь въ полной увѣренности, что Добрыня Никитичъ не уйдетъ отъ меня. Черезъ нѣсколько недѣль я снова былъ въ той станицѣ, гдѣ живетъ Иванъ Михайловичъ. При первомъ съ нимъ свиданіи, я напомнилъ ему о Добрынѣ, а онъ напомнилъ мнѣ о кометѣ, красовавшейся въ то время на горизонтѣ во всемъ блескѣ.

— Неточію пѣсни пѣть, а и балясы точить страшно въ нонѣшнее время,—сказалъ Иванъ Михайловичъ, принимая на себя черезчуръ постную, набожную фізіономію.—Видишь, какое знаменіе въ небесахъ. Не даромъ эта звѣзда съ хвостомъ восходитъ: иль-бо моръ, иль-бо что другое!

Сколько я ни настаивалъ, Иванъ Михайловичъ былъ не-

преклоненъ. Я попотчивалъ Ивана Михайловича водкой. Куда! Иванъ Михайловичъ закачалъ головой и замахалъ руками.

— Что такъ?—спросилъ я.

— Неточію вино потреблять, я и хлѣбъ-то мало ѣмъ въ нынѣшнее время,—отвѣчалъ старикъ.

И это была правда: Иванъ Михайловичъ, дѣйстви-тельно постился. И не одинъ Иванъ Михайловичъ, а многіе, многіе постились. Хозяйка дома, гдѣ я останавливался, женщина еще молодая, чуждая многихъ изъ тѣхъ предрасудковъ, какіе можно видѣть въ старухахъ, оставила въ то время чай пить, и все по поводу звѣзды съ хвостомъ!..

Вотъ какое впечатлѣніе произвела комета на умы моихъ земляковъ. Послѣ этого, куда ужъ киргизскому змію спорить съ кометой, видѣнной всѣмъ міромъ!

Наконецъ, и комета изъ глазъ народа скрылась; но я оттого все-таки ничего не выигралъ. Съ Иваномъ Михайловичемъ мнѣ не довелось послѣ того видѣться: Добрыня Никитичъ такъ и остался за нимъ. Придется ли мнѣ когда встрѣтить этого почтеннаго старика и добыюся ли когда отъ него или отъ другого кого изъ моихъ земляковъ конца пѣсни про Добрыню — Богъ вѣсть. Подожду такой счастливой встрѣчи, а теперь покуда приведу здѣсь то, что слышалъ отъ Ивана Михайловича. Вотъ, что онъ пѣлъ:

Не громъ гремитъ у насъ во Кіевѣ,
Не громъ гремитъ передъ дождичкомъ,
Не молонья свѣтитъ передъ тучкою:
Тутъ бьетъ челомъ Добрыня передъ матерью,
Передъ старой вдовой, Афимьей Александровной:
— „Ужъ ты гои еси, родима, мила матушка,
Стара вдова, Афимья Александровна!
Ужъ ты, дай-ка мнѣ свое-де благословеньце
Отымиѣ мнѣ и во вѣки —
Во чисто поле Добрынѣ ѣхати.
Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
Во чисто поле, разгуляюся,
Съ казаками мнѣ, Добрынѣ, показывать,

Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидатся,
Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, поборотся,
Богатырскую силу испровѣдати“.

Тутъ возговорить его матушка родимая,
Стара вдова, Афимья Александровна:

— „Ужъ ты, гой еси, дитя мое, чадо милое,
Добрынюшка, сынъ Никитивичъ!

Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:

Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлатъ,
Ты коня сѣдлатъ, Добрынюшка, конемъ владать.
Тебѣ отъ роду только двѣнадцать лѣтъ.

На тринадцатомъ годочкѣ ты погулять захотѣлъ,
По большому полю по Куликову“.

Возговорить тутъ Добрыня, сынъ Никитивичъ:

— „Ужъ ты, гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова, Афимья Александровна!

Благослови меня ѣхать во чисто поле на двѣнадцать лѣтъ.

Я поѣду отъ восхода до запада,

Къ тому озеру къ Бѣлозерову,

Ко дядюшкѣ своему къ родимому,

Для грѣховъ своихъ избавленія.

Тутъ возговорить его матушка родимая,

Стара вдова, Афимья Александровна:

— „Ужъ ты, гой еси, дитя мое, дитяtko,
Добрыня, сынъ Никитивичъ!

Будутъ ли отъ сухова дерева отрасли:

Тогда будь надъ тобой мое благословеньце.

На кого ты меня, Добрынюшка, покинешь?

Молоду свою жену кому прикажешь?“

Возговорить тутъ Добрыня, сынъ Никитивичъ:

— „Ужъ ты, гой еси, родима—мила матушка,

Стара вдова, Афимья Александровна!

Я покину тебя, матушка, на Бога,—

Молодой женѣ своя ей воля:

Хошь замужъ иди, хошь вдовой сиди—

Хошь за князя поиди, хошь за боярина,—

Иль за сильнаго могучаго богатыря,

Только не ходи, моя жена, за Алешку Поповича:

Алешка Поповичъ мнѣ названный братъ.

Мы въ полѣ съ нимъ сѣжались,

Крестами съ нимъ мѣнялися.

Благослови, матушка, взойти на конюшенъ дворъ,

Выбрать подъ себя мнѣ коня добраго,

Кони добрые, все иноходые!
Туть входилъ Добрыня на конюшенку,
И вскричалъ Добрыня своимъ громкимъ голосомъ:
— „Ужъ вы, гой еси, мои кони добрые,
Кони добрые, все иноходные!
Сослужите мнѣ службу недалнюю и недалнюю,
Совезите меня отъ восхода до запада,
Ко тому озеру, къ Бѣлозеру“...
Туть всѣ кони испугалися,
Повѣсили свои буйны головы,
Потушили очи ясны во сыру землю.
Отвѣтъ изъ нихъ держалъ одинъ буланый конь:
— „Ужъ ты, гой еси, нашъ хозяинъ ласковый,
Добрыня, сынъ Никитивичъ!
Сослужу я тебѣ службу недалнюю и недалнюю,
Когда минеть двѣнадцать лѣтъ“.

Здѣсь Иванъ Михайловичъ остановился. Случалось мнѣ, кромѣ Ивана Михайловича, сталкиваться съ казаками-пѣсенниками,—пѣвали они про Добрыню эту же самую пѣсню, но дальше начала все-таки не шли, всегда почти останавливались на словахъ старой вдовы, Аѳимьи Александровны:

„Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлатъ,
Ты коня сѣдлатъ, Добрынюшка, конемъ владать“...

Вообще, въ памяти молодого поколѣнія казаковъ мало сохранилось старинныхъ пѣсенъ, а если и сохранилось что, то въ весьма небольшихъ и, большею частію, нескладныхъ отрывкахъ. Одинаковую участь съ пѣснями терпятъ и преданія,—эти совсѣмъ почти забываются. Дѣло понятное; духъ времени беретъ свое.

При настоящемъ направленіи литературы, обращающей вниманіе на всѣ стороны народной жизни, я считаю для себя не только позволительнымъ, но даже обязательнымъ заносить на бумагу и предавать печати кой-какія преданія, пѣсни, повѣрья и т. под., подслушанныя мною у моихъ земляковъ. Да не пропадетъ вдосталь, что живетъ еще въ народѣ, хотя отрывочно, смутно! Лучше немного, нежели ничего.

II.

Еще змій.

— Слыхалъ ли ты о змій, что съ неба упалъ въ Букеевской киргизской ордѣ?—спросилъ я однажды собесѣдника моего, Афанасья Дмитрича Барсукова.

— Какъ не слыхалъ? Слыхалъ!—отвѣчалъ онъ.—Молва объ этомъ давно прошла.

— Правда ли?

— Кто ее знаетъ; слыхалъ я отъ многихъ,—все говорятъ только слышанное; а такихъ, кто бы самъ видѣлъ этокое дивовище, не доводилось мнѣ встрѣчать, нечего лгать. А впрочемъ,—присовокупилъ старикъ,—дѣло сбыточное. Мало ли какихъ чудесъ не бываетъ на вольномъ свѣтѣ,—всяко бываетъ.

— Мудрено что-то,—замѣтилъ я,—огромнѣйшій змій, съ верблюда толщиной, нѣсколько сажень длиной. Ну, самъ посуди, откуда этокое дивовище возьметъ? Да еще толкуютъ, съ неба,—хоть бы изъ озера, какого.

— Почему мы знаемъ, чего не знаемъ!—сказалъ Афанасій Дмитричъ.—Вотъ, являлась же звѣзда съ хвостомъ: откуда она взялась? изъ озера, что ли?—Знамо, на все произволеніе Божіе: Его святая воля, Его надъ нами власть!... Тоже и насчетъ змія. Какъ узнаешь, откуда онъ взялся и зачѣмъ?—Може, знаменіе какое. А може, и проста упалъ

на землю—вы вѣдь никакимъ знаменіямъ не вѣрите.—
 Може, радуга-дуга изъ кіянь-моря вытянула, да уронила,
 а послѣ опять подъ небеса втянула,—и это бываетъ.—
 На моей памяти—я тогда въ Сарачикѣ жилъ—разъ съ неба
 съ дождичкомъ лягушки да ящерицы падали; всю степь по-
 крыли. Старики, помню, тогда говорили, что радуга-дуга
 втянула ихъ съ водой, когда воду пила.—А насчетъ того,—
 продолжалъ старикъ,—что змій былъ огромнѣющій—и этакіе
 бываютъ: вольный свѣтъ всѣмъ полонъ.—Къ примѣру, взгля-
 ни на образъ Егорья Храбраго: тамъ змій-то какой огромнѣю-
 щій, больше самого Егорья, да еще крылатый и съ лапами.—
 А къ киргизамъ-то, говорятъ, свалился простой, безъ лапъ
 и безъ крыль. Этакихъ-то, чай, не занимать стать на воль-
 номъ свѣтѣ,—сказано: вольный свѣтъ всѣмъ полонъ.

— Ты не повѣришь,—продолжалъ старикъ,—разъ и у
 насъ на Яикѣ въ старину появлялся такой змій,—много пако-
 стей, говорятъ, дѣлалъ, совсѣмъ было казаковъ отъ Яика от-
 билъ.—Тѣ, бывало, съ неводомъ, или съ сѣтью сунутся въ рѣ-
 ку, а онъ, проклятый, къ нимъ въ неводъ, или въ сѣть, навер-
 тить, навертить на себя, закувыркается да и высучитъ изъ
 рукъ казаковъ неводъ иль-бо сѣть, и утащитъ на дно, въ
 глубь. И грѣхъ, и смѣхъ, батенька.—Это бы ничего, съ
 этимъ бы казаки справились какъ нибудь; нѣтъ, мошенникъ,
 дальше пошелъ! Сталъ, проклятый, по ночамъ выходить на
 берегъ и таскать коровъ, телятъ и всякій скоть, что въ зубы
 попадетъ.—Вотъ это ужъ не ладно, убыточно.—Казаки со-
 бирались партіями и выходили супротивъ него съ ружьями
 и копьями, но ничего не брало; пули отскакивали отъ него,
 словно горохъ отъ стѣны, а шки скользили по чешуѣ, слов-
 но сковородникъ по сковородѣ,—этакая мерзость.—Побились,
 побились казаки и отступились, махнули рукой и положи-
 лись на волю Божію. Стали ждуть зимы.—Что-то она, роди-
 мая, скажетъ.—„Авось-де, думаютъ казаки, зимой змій око-
 лѣетъ иль-бо въ другія страны удалится“.—Только осто-
 рожность стали наблюдать, чтобы вдосталь не разорилъ,
 разбойникъ, насчетъ скота; стали гонять скоть въ степь,

дальше отъ Яика. Прошло сколько-то времени спокойно, змій притихъ, не слышно было про него, думали, уплылъ на низъ въ море, а оттуда въ Персію.—Вдругъ случилась такая оказія, что весь народъ диву дался, испугался: змій снова появился, поймалъ на берегу и сглотнулъ казачьяго мальчугана лѣтъ десяти иль-бо двѣнадцати! Вотъ онъ, проклятый, за какое ремесло взялся,—чего еще гаже!—Народъ хорошенько еще не опамятовался, а отецъ мальчугана отмочилъ диковинную штуку,—разъярился, аки, левъ и вышелъ съ зміемъ на поединокъ, одинъ-на-одинъ, батенька, и—убилъ змія!

— Какъ же такъ?—спросилъ я.—Казакъ, говоришь ты, партіями выходили супротивъ него, и ничего не сдѣлали. Какъ же одинъ-то одолѣлъ?

— А вотъ какъ!—сказалъ старикъ.—Казакъ, значить, пошелъ на отчаянность: что будетъ, то будетъ, а змія баловать не слѣдъ: разлакомится, и всѣхъ людей, пожалуй, переведетъ. Главное, казакъ за кровь свою вступился; тутъ, значить, всяка боязнь въ сторону: иль-бо панъ, иль-бо палъ!—Ну, и смекальце маленькое имѣлъ казачекъ.—Насадилъ онъ на винтовку косу на манеръ солдатскаго штыка, намоталъ на дуло всякаго тряпья цѣлый ворохъ, наплатилъ сначала это тряпье селитрой и порохомъ, и сталъ караулить змія на берегу.—Чуялъ, что ли, змій, что добиваются до него вплотную, что не пройдетъ ему даромъ казачій мальчуганъ—не могу сказать, только долго что-то, проклятый, не показывался изъ воды и не выходилъ на берегъ. Казачекъ изо-дня-въ-день, изъ-ночи-въ-ночь караулилъ его, и соскучился. На послѣдокъ сдѣлалъ змію приманку: раздѣлъ до нага другого своего сынишку и посадилъ на берегу, а самъ залегъ около него въ яму.—Въ первую же ночь, какъ казачекъ это сдѣлалъ, змій вышелъ изъ воды, выползъ на берегъ, увидалъ нагого мальчугана и къ нему, но лишь только подползъ къ нему и разинулъ пасть—казачекъ и тутъ! всадилъ винтовку съ косою въ гортань змію и выстрѣлилъ: коса сдѣлала свое дѣло—располыснула, значить, гортань змію,—пуля, то-ись, не пуля, а цѣлый жеребій, кусокъ свинцу,

сдѣлала свое—разорвала, значитъ, змію внутренности, то-ись, кишки и лытошки,—а пуще всего тряпье съ селитрой и порохомъ—вспыхнуло, значитъ, и разворотило змію челюсти!—Змій и покотился подь яръ—рыгнулъ раза два-три, потрепехтался, потрепехтался и—издохъ!

— А змій былъ преогромнѣющій,—прибавилъ старикъ,—съ самое большущее сосновое бревно,—такъ старики рассказывали. Водился онъ, старики говорили, на С т а р о й Я м ѣ. Тамъ, въ талахъ, и гнѣздо у него нашли. А дурить подымался выше, къ устьямъ Ч а г а н а. Тутъ казачекъ и доканаль его,—заклучилъ рассказчикъ.

— Хорошъ киргизскій змій, а нашъ, яицкій, кажется еще лучше,—замѣтилъ я, выслушавъ рассказъ Аѳанасья Дмитрича о такомъ происшествіи.

— Что?—спросилъ рассказчикъ.—Аль не вѣришь?

— И вѣрю, и нѣтъ!—отвѣчалъ я.

— Какъ знаешь,—проговорилъ старикъ.—Мое дѣло сторона: за что купилъ, за то и продаю. Завѣрять не хочу.

— Хорошо!—сказалъ я.—Такъ и сдѣлаю, то-ись, введу въ книгу и скажу: „за что-де, господа честные, купилъ, за то и продаю!“

— Важнецъ!—сказалъ Аѳанасій Дмитричъ.—Значитъ, ни ты, ни я въ отвѣтъ не будемъ?

— Какъ въ отвѣтъ?—сказалъ я.—Еще спасибо скажутъ.

— Кто же?

— Да господа, что книжки читаютъ.

— Неужто?!—спросилъ старикъ не безъ удивленія.

— Вѣрно такъ!—сказалъ я. А потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Этого мало, Аѳанасій Дмитричъ! Тѣ господа, что книжки печатаютъ, тѣ еще деньги заплатятъ.

— Неужто?!

Старикъ отъ удивленія разинулъ ротъ и поднялъ вверхъ указательный палецъ. Немного спустя, онъ спросилъ:

— Да они-то изъ-за какой радости платятъ деньги?

— Изъ-за той,—отвѣчалъ я:—печатованныя книжки они продають тѣмъ, кто книжки читаетъ.

— А!—проговорилъ старикъ.—Теперь понялъ. Это, значитъ, все-единственно, какъ, примѣрно, я покупаю или вымѣниваю у киргизовъ барана, продаю его купцу, а купецъ гонитъ въ Русь, рѣжетъ и продаетъ людямъ мясо и сало. Значитъ, всѣмъ барышъ, всѣмъ польза: и мнѣ, и купцу, и тѣмъ, кто покупаетъ у него мясо и сало. Такъ вотъ чѣмъ ты маракуешь? Ахъ, ты, прокурать!—А мы, признаться, вчера съ племянникомъ Ермошей долго ломали голову и разсуждали про тебя: зачѣмъ, молъ, спонадобились ему старинныя пѣсни и прочее такое? Это-то слышимъ, что въ книжки вводишь. Да изъ-за чего хлопотать-то, убытиться?—толкуемъ. На все, вѣдь, знаемъ, надо лишній трудъ, лишніе расходы.—Да, да, да!—говорилъ старикъ.—Вотъ въ чемъ штука-то. Понялъ, понялъ!—Ну, теперь ты отъ меня не открутишься,—сказалъ Аѳанасій Дмитричъ:—за всякую, значитъ, пѣсню, за всякую, значитъ, исторію магарычъ съ тебя. Уговоръ лучше денегъ.

— Идетъ,—сказалъ я.—Разсказывай теперь о томъ, какъ ты мары копалъ и клады искалъ.

— Клады?—спросилъ старикъ.

— Да, да! Клады.

— Почему же ты знаешь?

— Слухомъ земля полнится.

— Однако?

— Въ К—нѣ, свать твой, Иванъ Иванычъ, сказывалъ мнѣ. Я у него цѣлую недѣлю жилъ.

— Сурсковъ?! — почти вскрикнулъ Аѳанасій Дмитричъ.—Ахъ, онъ, старый хрѣнь! Доказчикъ! Наябедничалъ!—сказалъ Аѳанасій Дмитричъ и засмѣялся.—Что касается до маровъ,—продолжалъ старикъ,—правда, много я поработалъ около нихъ, хоша и попусту, а насчетъ настоящихъ кладовъ—что сказать?—всего-то разъ только пытался, и—закаялся.

— Для меня все равно,—сказалъ я:—разъ ли, два ли, больше ли. Разсказывай, знай.

— Пожалуй, разскажу. Таитья нечего,—сказалъ старикъ.—Слушай.

Ш.

К л а д ы.

— Тому будетъ годовъ тридцать,—говорилъ собесѣдникъ мой, Аѳанасій Дмитричъ,—жилъ въ З...номъ мужикъ-палатаникъ, торговалъ пряниками, орѣхами, стручками и разными сластями. Мужикъ онъ былъ такой неуклюжій: хромой, косою, красный, рябой, до мерзости суровый, одно слово, похожъ на всѣхъ звѣрей. Съ людьми мало имѣлъ обращенія. По зимамъ торговлю велъ какъ слѣдуетъ, а лѣтней порой почитай бросалъ: палатку открывалъ только по воскресеньямъ, да по большимъ праздникамъ, а въ будни пропадалъ изъ форпоста, слонялся все по степямъ да лугамъ. Бывало, спросить кто его, какого шута дѣлаетъ онъ въ степи?—„Травы, скажетъ, собираю“—и больше ничего.—„Какія?“—спросятъ его.—„Лекарственныя!“—скажетъ.—„Отъ какой болѣзни?“—спросятъ.—„Отъ любопытства!“—скажетъ, и насупится, словно боровъ. Больше никакихъ словъ, бывало, отъ него не дощупаешься. Послѣ ужъ дознались, что онъ клады искалъ; почитай всѣ м а р ы *) въ степяхъ нашихъ изрылъ, ископалъ, такіе подѣлалъ погреба, что и донынѣ знать. Досталось и лугамъ: и тамъ подѣлалъ ямъ порядочныхъ. Я и прежде отъ людей знающихъ слыхалъ, что въ иныхъ марахъ должны быть клады: остались-де они отъ прежнихъ людей, отъ татаръ золотой орды, отъ сарачинъ, что

*) Могильные курганы, разсыянные по степямъ уральскимъ.

въ старину, допрежь нашихъ казаковъ, на Яикѣ жили. У людей утаишь, у Бога не утаишь, грѣшный человѣкъ,—оговорился рассказчикъ,—я давно зарился на мары, но побаивался пуститься на такое художество. Какъ бы чего не вышло! Всѣ толкуютъ, что съ кладами шутить нельзя, неровень-де кладъ, иному, пожалуй, и самъ не радъ будешь, есть-когда положень на голову.

— Узнавши про палатаника, что онъ маракуеть этимъ дѣломъ,—продолжалъ старикъ,—я задумалъ познакомиться съ нимъ, въ дружбу къ нему войти. У него же, говорили со стороны, имѣлись и записи о кладахъ, гдѣ, примѣрно, зарыты и съ какимъ уговоромъ. Записи эти, какъ онъ рассказывалъ мнѣ самъ, когда мы съ нимъ коротко познакомились, добылъ онъ въ Сибири отъ какихъ-то знающихъ людей. Онъ жила въ Сибири, служилъ, видишь ли, по своей охотѣ, на заводахъ, гдѣ серебряную и золотую руду копаютъ. Это онъ самъ про себя сказывалъ, а правду ли? шутъ его знаетъ; може, и болталъ, може, на каторгѣ былъ,—это всего вѣрнѣе: такой ужъ мужикъ былъ несуразный, дикій, одно слово, на всѣхъ звѣрей похожъ. Сначала онъ и говорить-то со мной по-людски не хотѣлъ, куда ужъ тутъ до знакомства, а пуще до дружбы. Сказано: мужикъ былъ нелюдимъ, словно боровъ. Однако, сама собой подошла такая линія, что онъ самъ навязался ко мнѣ въ дружбу: разъ избавилъ я его отъ дикой свиньи, отъ борова...

— Что? — спросилъ я.

— Отъ борова, говорю, избавилъ его! — отвѣчалъ старикъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ,—сказалъ Аѳанасій Дмитричъ:

„Однажды ходилъ я по лугамъ, талы рубилъ. Дѣло было глубокой осенью, въ самые заморозки. Кой-какіе ерики и старицы покрылись уже снѣжкомъ *), а по Яику

*) Первый или, иначе, молодой ледъ. Снѣжкомъ онъ, безъ сомнѣнія, названъ отъ снѣга или снѣватаго цвѣта.

кой-гдѣ были только закрайницы. Хорошо. Рублю это слышу и слышу: въ сторонѣ, недалеко отъ меня, кричитъ благимъ матомъ человѣкъ. Что за оказія? думаю. Не тонетъ ли кто, иль-бо не рѣжутъ ли кого киргизы: тогда еще бывали отъ нихъ такія баловства. Со мной было ружье, фузея, заряжено дробью, на случай, не попадется ли тушканъ (заяцъ), иль-бо тюлька (лиса). Какъ только услыхалъ человѣческой голосъ, тое-жъ минутой взялъ я ружье въ руки, а топоръ заткнулъ за поясъ и пошелъ на голосъ. На всякій случай, запустилъ въ ружье поверхъ заряда еще пульку. Шелъ, шелъ на голосъ, и пришелъ къ Яику, къ небольшому яру; взглянулъ подъ яръ и увидалъ дивовище: въ водѣ, то-есть, въ закрайницѣ, сажени на двѣ отъ берега, по сихъ поръ (разсказчикъ провелъ рукой по подбородку), сидитъ человѣкъ,—это нашъ палатаникъ; а на берегу, у самой закрайницы, стоитъ преогромнѣйшій боровъ, хрюкаетъ, чмокаетъ и навастриваетъ клыки! Мужикъ лишь только пошевелится,—кабанъ оцетинится, запрыгаетъ и хочетъ броситься на мужика: тотъ и присмирѣетъ. А ступить на закрайницу кабанъ, видится, боится: скользко. Вижу, мужику плохо, а самого меня такъ смѣхъ и разбираетъ; а засмѣяться боюсь, чтобъ кабана не испугать. отошелъ я немного въ бокъ, приложился по кабану и влѣпилъ ему весь зарядъ дробы, да вдобавокъ пулю, подъ переднюю лопатку, кабанъ и повалился.

— А случилась этакая оказія съ мужикомъ такимъ побытомъ,—продолжалъ разсказчикъ.—По своему обычаю, шатался онъ по лугамъ и отыскивалъ, по записи, трехствольный осокоръ, около котораго яко-бы котель зарытъ съ казной. Такого осокоря онъ не нашелъ, а нашелъ, чего совсѣмъ и не искалъ—нашелъ давешняго кабана, раненаго, вотъ въ чемъ и бѣда-то, вотъ отчего и весь грѣхъ-то случился. Дня за два дотлева, кто-то изъ гулебщиковъ задѣлъ этого кабана пулей по уху, значитъ, ранилъ только, а не убилъ. Раненый звѣрь, извѣстно, робокъ, сейчасъ бѣжитъ отъ человѣка, лишь только почуетъ, а раненый—статья иная,—раненый

вѣрь частенько кидается на человѣка. Такъ и этотъ. Мужикъ пучилъ глаза вверхъ, смотрѣлъ, значить, на деревья, а подъ ноги мало глядѣлъ и нечаянно подошелъ къ кусту, гдѣ лежалъ кабанъ. Кабанъ бросился на мужика и сшибъ его съ ногъ. Къ счастью, не задѣлъ ни однимъ клыкомъ, а только мордой ударилъ по ногамъ. Исторія эта случилась у самаго яра. Мужикъ взвизгнулъ и кубаремъ полетѣлъ подъ яръ; кабанъ—туда-жъ за мужикомъ. Мужикъ въ безпамятствѣ бросился въ Яикъ, то-ись, на ледъ, на закрайницу, и провалился по самое горлышко. Кабанъ сталъ у закрайницы. Въ этомъ видѣ я и засталъ ихъ.

— Убивши кабана, я вытащилъ изъ воды и мужика. Тотъ не зналъ, какъ и благодарить меня, совалъ въ руки мнѣ золотой, да я не взялъ, Зачѣмъ? Какой бы послѣ того я былъ казакъ, еслибъ плату взялъ за такое дѣло! Всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же. А правду сказать,—прибавилъ старикъ,—не случись я тутъ по близости, пропалъ бы мужикъ: кабанъ не далъ бы ему выйти на берегъ, скосилъ бы; а сидѣть въ водѣ, подо льдомъ, самъ посуди, не шутка,—та-же смерть.

—Съ той поры, сдѣлались мы съ палатаникомъ друзьями закадычными,—продолжалъ старикъ. — Бывало, въ длинные зимніе вечера, сидимъ мы съ нимъ вдвоемъ, у него на фатерѣ, потягиваемъ ерофеичъ,—чай и сахара въ ту пору не были у насъ въ ходу,—потягиваемъ ерофеичъ, и мужикъ рассказываетъ о своихъ походахъ, а я, разиня ротъ, слушаю. Разъ, подъ веселую руку, и говоритъ онъ:

— Былъ я, говоритъ, въ Сибири на Тоболъ-рѣкѣ; былъ, говоритъ, въ Сибири и на Иртышъ-рѣкѣ, видѣлъ, говоритъ, въ Иртышъ-рѣкѣ ту самую суводь, гдѣ Ермакъ утонулъ...

— Я за это-то слово и ухватился,—проговорилъ Аѳанасій Дмитричъ,—и спрашиваю пріятели:

— Вотъ какъ! Ты и суводь-то ту видѣлъ, гдѣ Ермакъ утонулъ?

— Этого мало! говоритъ пріятели. Я даже купался въ той суводи.

— Вотъ какъ! говорю я. Купался!—Ай-ай, голова жеты! А потомъ опять спрашиваю его, допытываю:

— Да кто жъ знаетъ, кто видѣлъ, въ какой суводи Ермакъ утонулъ?

— Ермаковы казаки, говоритъ пріятель, Ермаковы казаки видѣли! Они, говоритъ, изъ рода въ родъ пересказывали объ этомъ. Въ сибирскихъ горахъ, говоритъ палаташникъ, я видѣлъ одного стараго-престараго старика, жилъ въ пещерахъ для души спасенія. Онъ, говоритъ палаташникъ, отъ колѣна Ермаковыхъ казаковъ. Онъ, говоритъ, слышалъ отъ своего отца, а тотъ отъ своего отца, а тотъ отъ своего, и такъ дальше, словно по лѣстницѣ, до самыхъ Ермаковыхъ казаковъ. Онъ, говоритъ, и рассказалъ мнѣ объ этомъ, онъ и суводь-то указалъ. Есть-когда любопытно,—говоритъ палаташникъ,—я расскажу тебѣ, какъ и отчего дѣло это стало.

— Сдѣлай милость, говорю, расскажи.

— И палаташникъ рассказалъ мнѣ, чего я прежде не зналъ. То-ись,—оговорился Аѳанасій Дмитричъ, не желая уронить въ глазахъ моихъ своего авторитета,—то-ись, я зналъ, по пѣснямъ и по сказкамъ старыхъ людей, какъ Ермакъ воевалъ, какъ Сибирь покорилъ, какъ Казань и Астрахань взялъ, и все прочее; а насчетъ того, какъ онъ, голубчикъ, въ суводь-то попалъ, насчетъ этого, что лгать? не зналъ, не слышалъ; въ пѣсняхъ объ этомъ не говорится.

Послѣ такой оговорки, Аѳанасій Дмитричъ началъ-было:

— Всему свѣту извѣстно, что Ермакъ Тимофѣевичъ командовалъ донскими, гребенскими и яицкими казаками...

— Постой, постой, Аѳанасій Дмитричъ!—перебилъ я рѣчь моего собесѣдника.—Объ этомъ-то послѣ, а теперь, для порядка, о кладахъ. Рассказывай-ка, какъ ты за кладами ухаживалъ, поживился ли?

— Какъ! До поживы ли!—сказалъ старикъ.—Слава Богу, что кончилось благополучно, что пятками назадъ не пошелъ,—сострилъ старикъ.

— Что же?—спросилъ я.

— Да то же!—сказалъ Аѳанасій Дмитричъ.—Справедливо, видно, сказано: „не положа, не ищутъ“. По крайности, со мной такая притча случилась. Другому кому изъ вашей братии не въ жисть бы не сказалъ, а отъ тебя не скрою. Слушай!

— Спервоначала, какъ только прошла весна, я, по совѣту палатаника, раскапывалъ мары; въ нихъ, по сказкамъ, можно было найти и деньги, и разныя дорогія вещи, примѣрно: серебряныя чашки, миски, тарелки, кольца, серьги и прочее такое. Эти клады не опасны, около нихъ нѣтъ чертовщины, а если при которыхъ и есть, то самая малость, одной воскресной молитвы достаточно, чтобы оборониться, Молодъ я тогда былъ, въ головѣ вѣтеръ ходилъ, думалъ безъ труда разбогатѣть. Принялся за это дѣло очень усердно. Изрылъ-ископалъ маровъ довольно, но ничего путнаго не нашелъ. Кромѣ маровъ раскапывалъ и Маринкинъ Городокъ *), что около Кулагиной крѣпости. Тамъ, отыскалъ не то печь, не то горнъ изъ нежженныхъ кирпичей, да ушатъ деревянный;—весь сгнилъ, съ желѣзными обручами, и обручи-то всѣ ржа съѣла, ни на какое дѣло негодны были; да еще глиняной горшокъ нашелъ; этотъ, проклятый, цѣль, да пустой; я тутъ же съ досады и разбилъ его. И подъ Дуваный Яръ подкапывался, что повыше Маринкина Городка, на бухарской сторонѣ. Тамъ нашелъ не то человѣчью, не то слоновую кость, твердую, словно камень,—эту въ воду забросилъ; да вырылъ еще одинъ кирпичъ большущій, не такой, какъ обыкновенные наши кирпичи: наши длинны и узки, а тотъ совсѣмъ отличный, плоскій что въ длину, то и въ ширину. На кирпичѣ томъ была отпечатована рука, то-ись, истовая ладонь человѣчья со всѣми пятью пальцами, да такая большущая, что ужасъ, вдвое больше верблюжей лапы! Значить, въ старину великанъ какой-нибудь дѣлалъ его. Когда кирпичъ былъ сыръ, тогда, значить, великанъ

*) Преданіе о Маринкиномъ Городкѣ напечатано въ „Б. для Чтенія“ 1860 г. № 2. Авт.

См. выше. Р е д.

нарочно отпечатоваль на немъ рукой: „знайте-де насъ; вотъ-де какіе мы были!“—Для рѣдкости, кирпичъ этотъ я взялъ, привезъ домой и показываль сосѣдямъ, и всѣ дивились огромнѣющей рукѣ. Послѣ кирпичъ этотъ какимъ-то манеромъ извелся. Еще за Багырдаемъ, въ мару, нашель лошадиный остовъ, съ сѣдломъ и со всей сѣдельной сбруей, да остовъ человѣка, стариннаго лыцаря должно быть, весь былъ въ желѣзномъ уборѣ; только все, что было на лыцарѣ и что было на лошади, все это истлѣло, изоржавѣло; уцѣлѣли кой-какія мѣдныя бляшки, да колечки, да шлычка (шлемъ) на лыцарѣ не совсѣмъ изоржавѣла, похожа на воронку. Мѣдныя штучки подобраль, и онѣ по дому извелись, а желѣзную шлычку бросиль тамъ же, гдѣ и нашель: на кой шуть она годна! Одно слово, изрыль-ископаль маровъ довольно, но ни черта не нашель путнаго, кромѣ человѣческихъ костей, да угольевъ, да глиняныхъ кувшиновъ, да ржавыхъ копьенокъ (лезвее стрѣль), да разной ерунды, съ позволенія сказать, ни къ чему для нашего брата негодной. Однажды пробоваль рыть такое мѣсто, гдѣ, по примѣтамъ, чаяль найти деньги иль бо другое что, кромѣ костей и угольевъ,—но и тамъ ничего путнаго не нашель. Это было вотъ какъ. Разъ шель я изъ степи домой—лошадь пропащую отыскиваль—и, не дошедши до форпоста версты полторы, противу Пыжкиной Луки, сѣлъ отдохнуть на одинъ маленькій марочекъ. Сижу и закусываю калачъ съ огурцами—дѣло было, помню, въ самыя Оспожинки. Сижу я на марочкѣ, закусываю, поглядываю и вижу: близехонько около меня роетъ сусликъ нору и мордочкой высовываетъ наружу землю. Я смотрю на суслика, не пугаю его,—сижу, не шевелюсь. И сусликъ нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ на меня, однако, не пугается, дѣло свое дѣлаетъ: то выскочить изъ норы и задними ножками начнетъ отгребать землю, то скроется въ нору и мордочкой почнетъ высовывать землю; одно слово, дѣло свое дѣлаетъ. Забавно было на него смотреть. Главное, видитъ человѣка—и не боится. Долго я любовался на суслика. Напоследокъ пришло мнѣ въ голову

покормить его, бѣсенка; взялъ, отщипнулъ кусочекъ калача и бросилъ къ норѣ. Сусликъ сначала обнюхалъ кусочекъ, а потомъ схватилъ въ зубы и скрылся въ нору. Черезъ минуту иль-бо черезъ двѣ, гляжу, сусликъ тихонько выкатываетъ изъ норы, вмѣстѣ съ землей, серебряную копѣечку, за ней другую, третью, четвертую... „Батюшки-свѣты, думаю, чудо!“ И впрямь было чудо. Въ самое короткое время сусликъ накаталъ изъ норы цѣлую горсть серебряныхъ копѣечекъ. „Вотъ гдѣ, думаю, кладъ-то! Самъ дается“. Творя молитву, сгребъ я эти копѣечки, завязалъ въ платокъ и пошелъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало. А суслику, въ благодарность за его услугу, оставилъ на мѣстѣ полкалача. Съ слѣдующей же ночи принялся раскапывать марь. Сряду три ночи работалъ, отъ вечерней до утренней зари. На послѣдокъ дорылся до кирпичнаго свода. Кирпичный сводъ былъ мнѣ не въ диковину, не одинъ разъ дорывался я до сводовъ,—Но что подъ сводомъ-то?—вотъ запятая! Разломалъ я сводъ: тамъ выходъ. Хорошо. Спустился въ выходъ—это ужъ было утромъ на четвертый день—и вижу: на кирпичатомъ полу лежить чтó-то длинное, словно тридцати-пудовая бѣлуга,—накрыто кожей, на болгару похожа. Взялся я за кожу, хотѣлъ, значить, приподнять, а она тлѣнъ-тлѣномъ, такъ и рассыпается, словно зола. Я ну по ней колотить палкой, а самъ, на всякъ случай, читаю: „Да воскреснетъ Богъ“. Кожа вся разлетѣлась, словно ее и не было. Открылись два человѣчьихъ остова, лежатъ другъ къ другу головами. „Видалъ я васъ много, думаю, да корысть-то въ васъ небольшая“. Сталъ шарить въ выходѣ,—ничего нѣтъ путнаго—дребедень одна, что и въ прежнихъ марахъ. Одна только вещь похожа была на-стать:—красной мѣди топорикъ, съ толстымъ длиннымъ обухомъ,—похожъ на киргизскій ч е к а н ъ. Топорикъ этотъ я взялъ и послѣ продалъ разнощику—коробочнику за семь гривенъ сигнаціями. А серебряныя копѣечки, чтó сусликъ накаталъ изъ норы, промѣнялъ на корову Кильдебеку, киргизскому д а р х а н у (кузнецъ), а тотъ извелъ ихъ на насѣчку стремянъ, нагрудниковъ и прочаго. Копѣ-

ечки были не круглыя, а продолговатыя, аляповатыя, на иныхъ и слова были видны, но не наши, а какія-то мудренныя съ закорючками. Только и было всей моей поживы,—заклучилъ рассказчикъ. Потомъ, немного погодя, заговорилъ:

„Это была послѣдняя моя работа около маровъ, больше ужъ я не занимался этимъ дѣломъ—надоѣло оно! Нужно бы совсѣмъ закаяться, анъ—нѣтъ, лукавый соблазнилъ, пустился за настоящими кладами! А все пріятель мой, палаташникъ, чтобъ ему ни дна, ни покрывки,—все онъ смутилъ меня.

— Коли не имѣлъ удачи около маровъ,—говорить однажды онъ мнѣ,—то попытай счастья около настоящихъ кладовъ. Въ вашихъ мѣстахъ, говоритъ, довольно ихъ. Ермаковы казаки, говоритъ, оставили послѣ себя. Попытай!—говорить

— Страшно!—говорю я палаташнику.—Ты же говорилъ мнѣ, что эти клады подъ заклятіями, и что стерегутъ ихъ разные звѣри. Боюсь, говорю, страхъ, какъ боюсь.

— Я,—говоритъ палаташникъ,—укажу тебѣ такой, что не больно страшный. По записямъ Ермаковыхъ казаковъ, должно быть въ вашихъ мѣстахъ, въ Пыткиной лукѣ...

— Въ какой, спрашиваю, лукѣ?

— Въ Пыткиной!—говоритъ палаташникъ.

— Не въ Пыткиной, говорю. Рази Пыжкиной? Этакая есть.

— Може, и Пыжкина,—говоритъ палаташникъ.—Тебѣ лучше знать. Въ записяхъ неразборчиво написано. Вотъ въ этой, говоритъ, лукѣ, растутъ три осокоря, а промежъ нихъ три куста гребенщика, а промежъ гребенщика зарытъ, говоритъ, кладъ изъ денегъ, изъ ружей и изо всякой, золотой и серебряной посуды. Стережетъ его пестрый быкъ, но не опасный. Я,—говоритъ палаташникъ,—искалъ, да нигдѣ этого мѣста, какъ значится въ записяхъ, не находилъ. Деревья есть, а гребенщика нѣтъ, должно быть, срубленъ.

— Срубленъ, говорю; пять лѣтъ тому срубленъ. Я знаю, говорю, это мѣсто.

— Тѣмъ лучше,—говоритъ палаташникъ,—есть когда

знаешь. Попробуй, говоритъ, авось добудешь. Только, говоритъ, быка не бойся. Станетъ онъ на тебя мычать, рогами поводить, а ты, говоритъ, и не отмахивайся отъ него, и не кричи, и не смотри на него, знай, работай, быкъ самъ пропадетъ въ тотъ моментъ, какъ дотронешься до клада. Не забудь, говоритъ, возьми съ собой икону и чистое полотенце, на нихъ кладъ скорѣй пойдетъ.

— Давай, говорю палаташнику, вдвоемъ добывать этотъ кладъ. Двоимъ, говорю, лучше, не такъ будетъ страшно.

— Нельзя,—говоритъ палаташникъ:—съ тѣмъ и кладъ положенъ, чтобы одинъ кто добывалъ, такъ и въ записяхъ обозначено. Двоимъ иль-бо троимъ, говоритъ, не дастся, въ томъ и штука-то. Ермаковы казаки,—говоритъ палаташникъ,—были не дураки. Отъѣзжая съ Ермакомъ въ Сибирь, они, говоритъ, закапывали въ землю свое добро съ такимъ заговоромъ, чтобы далось оно только одному смѣлому человеку, кто пустится добывать его, а не двоимъ иль-бо троимъ. Я,—говоритъ палаташникъ,—только по дружбѣ къ тебѣ открываю тебѣ этотъ кладъ. Другому кому ни за какія деньги не открою. Рѣшайся! говоритъ. Чего боишься? Смотри, говоритъ, на меня: бывалъ я, говоритъ, въ разныхъ передѣлкахъ; однако, ничего, живъ и здоровъ. Воскресная, говоритъ, молитва отъ всего оборонитъ.

„Хорошо. Послушался я моего пріятеля, и пошелъ къ Пыжкиной Лукѣ, сначала днемъ, чтобы ослѣдовать и хорошенько запримѣтить мѣсто. Отыскалъ мѣсто, гдѣ росъ гребенщикъ. Мѣсто хоша было и въ лугахъ, однако, на высокой гривѣ, полая вода, значить, рѣдко понимаетъ. Хорошо, Выждалъ тихую и темную ночь—дѣло было осенью, передъ заговѣньемъ,—взялъ мотыгу, заступъ, деревянную лопату, желѣзный щупъ, переметныя сумки, во что бы кладъ положить, взялъ и икону съ полотенцемъ, какъ палаташникъ совѣтовалъ, и пошелъ на добычу. Пришелъ, разостлалъ на землѣ около себя полотенце, положилъ на него икону и принялся рыть. Рою, а самъ дрожу, словно въ лихорадкѣ. Долго ли, коротко ли рылъ, не помню, вырылъ яму почитай

въ грудь. Вдругъ поднялся вихорь, откуда онъ взялся—Богу одному извѣстно! Поднялся, говорю, вихорь, закрутилъ около меня и сорвалъ съ земли полотенце. Я выскочилъ изъ ямы, чтобы удержать полотенце, и прямо, носъ къ носу, что называется, наткнулся на быка!...

— На пестраго?—спросилъ я рассказчика, невольно улыбаясь.

— Шутъ его знаетъ, прости Господи, какой онъ былъ,—сказалъ старикъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ:—пестрый ли, черный ли, не знаю, не разглядѣлъ. Хошь вѣрь, хошь не вѣрь,—прибавилъ рассказчикъ,—а я истину тебѣ говорю, ни на волосъ не лгу. Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ случилась со мной эта исторія, а мнѣ кажется—словно вчера была; такъ и врѣзалось вотъ тутъ. Старикъ показалъ на лобъ.

— Какъ только узрѣлъ я быка,—продолжалъ рассказчикъ,—такъ всѣ жилы, всѣ поджилки во мнѣ и задрожали, а душа въ пятки ушла. Быкъ только разъ рявкнулъ, какъ на меня забыть нашла: что я, гдѣ я—ничего не помнилъ. Къ утру только очнулся. И гдѣ же? У Разбойной Старицы, батенька, версть за шесть отъ Пыжкиной Луки! Вонъ гдѣ очнулся! А какъ туда попалъ? Доднесь, батенька, не знаю. Самъ ли въ забытьѣ забѣжалъ, или шишиги затащили—хоть убей, не знаю. И не прошла эта исторія мнѣ даромъ. Какъ пришелъ домой, такъ и слегъ въ постелю. Шесть недѣль пролежалъ, бредилъ, ахиною несъ: все быкъ представлялся. Кое-какъ, за родительскія молитвы, окалямался. Съ той поры зарокъ на себя положилъ, чтобъ больше кладовъ не искать,—будь они не ладны. Каялся на духу священнику, и тотъ запретилъ, да еще за прежніе грѣхи епитемію наложилъ. Подѣломъ!

— А что пріятель твой?—спросилъ я.

— Скрылся!—отвѣчалъ старикъ.—Когда я выздоровѣлъ, его ужъ не было въ нашемъ форпостѣ. Бѣжалъ, будь онъ проклятый! Теперь, — продолжалъ старикъ, — теперь, ка-

жется, и отъ того клада убѣгу, который самъ будетъ даваться; больно ужъ Пыжкина Лука напугала.

— А развѣ есть такіе клады, которые сами даются?—спросилъ я моего собесѣдника.

— Есть!—отвѣчалъ онъ.— Всякіе есть. Коли требуется я расскажу тебѣ, что знаю. Слушай!

И старикъ началъ:

— Примѣрно, живетъ на свѣтѣ какой-нибудь жидоморъ, накопитъ казны бездну. Придетъ къ нему смертный часъ, съ собой казну взять на тотъ свѣтъ нельзя, старики говорятъ, никакая монета тамъ не въ ходу, а предоставить людямъ—жаль. Вотъ онъ, изъ ненависти, возьметъ, да и закопаетъ казну въ землю, да и наложитъ на нее такое заклятіе: „Будь-де ты, казна моя, проклята отнынѣ и до вѣку! Не давайся-де, казна моя, никому, ни старому, ни малому, до скончанія вѣка!“ Ну, и баста! Бѣсу это и на руку. Онъ тоѣ-жъ минуту и осѣтуетъ казну и ужъ никому не дастъ. Около этакого клада и близко не ходи. Кто рѣшится добывать такой кладъ, того бѣсъ устрашаетъ разными ужастями и привидѣніями. Иной робкій человѣкъ не вынесетъ страху, умретъ, и душа его пойдетъ къ чорту. Къ примѣру, кто знаетъ, что бы со мной случилось, коли-бъ засталъ меня быкъ въ самой ямѣ?—замѣтилъ рассказчикъ.—Не знай, выплелся ли бы я изъ ямы. Може, умеръ бы тамъ.

— Еще вотъ какъ бываетъ,—продолжалъ рассказчикъ. Зарывши казну въ землю, иной человѣкъ, изъ злобы, изъ ненависти къ роду человѣческому, положить на нее такое заклятіе: „Лежи, моя казна, въ мать-сырой-землѣ тихо и смиренно столько-то лѣтъ“ (примѣрно „сто“ иль-бо „двѣсти“ скажетъ, какъ вздумается). „Дайся, моя казна, тому, кто въ церковь Божію не ходитъ, отца, мать не почитаетъ, посты и евангельскія заповѣди не соблюдаетъ, нищей братіи не помогаетъ, святыя иконы не украшаетъ, священничій и монашескій чинъ не уважаетъ. Дайся, ему, казна моя, не въ корысть, не въ радость, дайся на пагубу души и тѣла, и въ семь и въ будущемъ вѣцѣ!“ Ну, и это бѣсу на руку. Какъ

только изойдетъ срокъ заклѣтыю, бѣсъ тотчасъ и подсунетъ эту казну какому-нибудь отпѣтому молодцу. За этотъ кладъ бѣсъ не держится, а сейчасъ же постарается сбурить его; знаетъ, что онъ не пройдетъ даромъ. Кто достанетъ такой кладъ, тотъ въ добрѣ не бываетъ: иль-бо умретъ въ одночасъ, иль-бо съ кругу сопьется, иль-бо въ напасть попадетъ какую. Этотъ кладъ показывается свѣчкой, ничѣмъ другимъ. Если случится, ночной порой, въ полѣ, въ степи ли, въ лугахъ ли—все единственно—увидать теплющуюся свѣчку, то крестись, батенька, и твори молитву, да скорѣй бѣги прочь: это заклѣтый кладъ, душу твою уловляющій.

— Еще вотъ какъ бываетъ. Живетъ на свѣтѣ человѣкъ доброжелательный и богатый; казны у него много, а дѣтей и сродниковъ никого нѣтъ. Придетъ смертный часъ, да еще въ ину пору и на чужой сторонѣ, гдѣ и знакомыхъ-то никого нѣтъ. Ну, кому предоставить казну? И самъ не знаетъ. Думаетъ, гадаетъ и положится на судьбу: пускай-де она рѣшитъ, кому казной владать. Возьметъ и зароетъ казну въ землю и положить на нее такое заклѣтіе: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Лежи моя казна въ мать-сырой землѣ до той поры, покуда навернется достойный человѣкъ. Дайся казна моя тому, кто въ церковь Божию ходитъ, отца и мать почитаетъ, евангельскія заповѣди соблюдаетъ, нищей братіи помогаетъ, святые иконы украшаетъ, священничій и монашескій чинъ уважаетъ. Дайся ему казна моя и въ корысть, и въ радость, чтобы въ семь и въ будущемъ вѣцѣ вкушалъ сладость. Аминь“. Вотъ къ этому-то кладу нечистая сила и подступиться не смѣетъ, а бережетъ его сила ангельская. Кто добудетъ такой кладъ, тотъ, и рассказывать нечего, заживетъ богато и счастливо. Этотъ кладъ дается иль-бо курочкой, иль-бо куропаткой, иль-бо другой какой невинненькой птичкой,—бѣленькой, пестренькой, красненькой,—а въ ину пору дается иль-бо теленочкомъ, иль-бо жеребеночкомъ, иль-бо собачкой, иль-бо свинкой, одно слово—или какой-нибудь птичкой, или какимъ-нибудь звѣркомъ. Если птичка или звѣрокъ бѣленькіе, то, значить, дается одно чисто серебро, если пе-

стренькіе—то серебро и золото вмѣстѣ, а если красненькіе—то одно чисто золото. Если увидишь, ночной порой, въ степи, къ примѣру, такую курочку, то ступай за ней, твори только молитву. Гдѣ курочка остановится, пропадетъ,—тутъ смѣло копай землю: что да нибудь непременно найдешь.

— Бываетъ и такъ, есть когда кто догадается, то и землю копать не надо; стоитъ только ударить курочку иль-бо звѣрка слегка палочкой по лбу, и проговорить Іисусову молитву: кладъ тутъ же, самъ собой, разсыплется; одна забота—деньги подбирать. Только при этакихъ кладахъ, что сами собой, безъ всякаго подвоха, даются,—при этакихъ кладахъ слѣдуетъ одно правило строго-на-строго соблюсти: есть когда одинъ человѣкъ нашель — одинъ и казну бери, — двое нашли—пополамъ, по ровну,—трое—на три части дѣли,—одно слово, сколько бы человѣкъ ни нашли, и какія-бъ люди ни были, старые ли, малые ли, все единственно,—всѣмъ по равной части: иначе кладъ опять уйдетъ въ землю. Былъ такой случай въ нашихъ мѣстахъ, въ Сарачикѣ. Я тебѣ расскажу.

Лѣтъ болѣе ста тому будетъ, какъ сарачиковскіе жители нечаянно открыли такой кладъ. Искали они въ Мажарахъ *) кирпичи и открыли выходъ. Въ выходѣ нашли лодку, покрыта лодка болгарой. Приподняли съ одного конца болгару, и—удивились и обрадовались: лодка биткомъ была набита, съ краями вровень, деньгами, и серебряными и золотыми, больше золотыми. Тутъ жители и вспомнили, что на этомъ самомъ мѣстѣ допрежъ того они часто видѣли, кто курочку, кто теленка, кто жеребеночка, но никому и въ голову не приходило, что это кладъ казался. Хорошо. Стали теперь судить и рядить, какъ съ кладомъ поступить, то-ись, какъ его дѣлить, какой кому пай дать, по той самой причинѣ, что на ту пору были тутъ и казаки, и малые ребятишки, и бабы съ грудными младенцами, почитай все жительство, семей

*) Холмообразная мѣстность близъ Сарайчиковской крѣпости, съ остатками древнихъ подземныхъ жилищъ и кладбищъ.

двадцать. Въ Сарачикѣ оставались только одни караульные казаки съ есауломъ, да хворые. Сначала рѣшили, какъ и быть должно, по христіански: раздѣлить кладъ поровну по всѣмъ обывателямъ, кто и былъ тутъ, кто и не былъ, одно слово, по всѣмъ живымъ душамъ, даже и по тѣмъ младенцамъ, что были еще въ утробѣ матерей. Хорошо. Дѣло было подъ вечеръ. Отложили раздѣлъ до утра, и разошлись по домамъ, а къ кладу приставили троихъ караульщиковъ, что ни самыхъ лучшихъ богобоязныхъ казаковъ. Ночь никому не спалась — однимъ, семейнымъ, у кого ребятишекъ много было, — съ радости, другимъ, одинокимъ, безсемейнымъ, — съ зависти. Вотъ эти, безсемейные-то казаки, и подняли бунтъ, сошлись на крѣпостной дворъ, взбулгачили и есаула, на грѣхъ и тотъ былъ безъ семьи, и тотъ принялъ ихъ сторону; сошлись, говорю, на крѣпостной дворъ и подняли гвалтъ; кричатъ, что раздѣлъ положенъ несправедливо. „Мы по крайности казаки!“ кричатъ они. „Служимъ Богу и великому государю. Зачѣмъ же равнять насъ съ бабами, да съ ребятишками, да съ дѣвчатами, а пуще съ нерожденными младенцами? Это обидно! кричатъ. Этакихъ порядковъ, чай, ни въ одной землѣ нѣтъ! У насъ и военная добыча дѣлится не всегда поровну“. И пошла, и пошла потѣха! Дѣло чуть до драки не дошло. На послѣдокъ успокоились, и рѣшили такъ: есаулу, яко начальнику, дать два пая; каждому взрослому мужчинѣ по пая, каждой женщинѣ по полпая, каждому мальчишкѣ, кто на своихъ ногахъ, по четвертой долѣ пая, каждой дѣвчонкѣ и каждому грудному ребенку по восьмой долѣ, а нерожденнымъ младенцамъ ничего! Но лишь только рѣшили такъ, и ударили по рукамъ, какъ въ тотъ же мигъ раздался подъ землею громъ, трескъ и — зашумѣло!... Это, значитъ, лодка съ казной пошла въ землю. Когда затихло, казаки бросились, сломя голову, туда, гдѣ лодка была; но тамъ пропасть одна, а по край пропасти, оглушенные громомъ караульщики! Пожадничали казаки, и всего лишились.

— Еще вотъ какъ бываетъ, — говорилъ рассказчикъ. — Запрячетъ кто-нибудь въ землю деньги или другое какое

добро спроста, безъ всякихъ, значить, заклятій и уговоровъ, чтобы самому послѣ взять. Но случится, что человекъ этотъ умретъ какъ-нибудь нечаянно, не успѣетъ никому открыть, гдѣ запряталъ деньги. Ну, и лежитъ добро его въ землѣ до поры до времени, до счастливаго, значить, человека. Вотъ и со мной была такая же исторія, что сусликъ накаталъ мнѣ цѣлую горсть серебряныхъ копѣечекъ. Мнѣ сусликъ открылъ копѣечки, а одному казаку такъ воронъ указалъ. Это случилось въ городѣ Уральскѣ, въ Переволочной роцѣ, давно, годовъ сорокъ тому, а пожалуй, и больше. Любопытная исторія: слушай-ка.

„Ходилъ казакъ по роцѣ и выбиралъ вербовое дерево на бударку. Выбралъ дерево и сталъ рубить его подъ корень. А на деревѣ томъ было гнѣздо вороново съ дѣтенышками. Слушай, какая причта-то вышла. Только лишь принялся казакъ за работу, воронъ и подлетѣлъ къ казаку, и такъ-то жалобно закаркалъ, идно казакъ остановился, пересталъ дерево рубить. Смотритъ на ворона, а тотъ такъ и вьется около него, словно ласточка; то къ ногамъ казака бросится, то сядетъ близъ него на вѣточку, и замотаетъ головой, словно кланяется, а самъ стонетъ. Казакъ жалостливый былъ, догадался въ чемъ дѣло, оставилъ это дерево и подошелъ къ другому—дерево было тоже хорошее—и сталъ его рубить. Воронъ успокоился и сѣлъ на гнѣздо. Черезъ малое время прилетѣлъ другой воронъ, пара, значить, первому, прилетѣлъ съ кормомъ для дѣтей. Второй воронъ былъ гораздо больше перваго, значить, самецъ, да такой сизый, бѣлесовый, почти сѣдой, значить, старый-престарый воронъ. Перекликнулись воронъ съ ворономъ, покаркали промежь себя, значить, перемолвились по своему. Вдругъ самецъ спустился съ дерева и прямо подъ ноги къ казаку; остановился, посмотрѣлъ на казака и закивалъ въ одну сторону головой и пошагалъ отъ казака, туда пошагалъ, куда головой кивалъ. Шагаетъ воронъ, а самъ безпрестанно оборачивается къ казаку и даетъ головой знакъ, чтобы казакъ шелъ за нимъ. Но казакъ смотритъ только на ворона и улыбается, думаетъ: хи-

трить воронъ, отъ гнѣзда отводитъ. Три раза ворочался воронъ, три раза манилъ казака за собой. На послѣдокъ вплоть подошелъ къ казаку, схватилъ носомъ за шаровары и дергаетъ, и тащитъ, словно ученая собака. Тутъ ужъ казакъ догадался.—Что-нибудь да не такъ, думаетъ казакъ, и пошелъ за ворономъ. И привелъ воронъ казака къ одному старому вязу, и остановился подъ нимъ, и давай долдыкать носомъ въ землю, подъ самымъ корнемъ. Казакъ не будь дурень, тотъ же мигъ давай топоромъ разрывать землю, гдѣ воронъ носомъ колотилъ, и скоро, братецъ мой, докопался до дубовой шкатулки, желѣзомъ окованной. Казакъ хватъ по ней обухомъ,—она и разсыпалась: трухлява была—въ землѣ, значить, долго лежала. И очутилась передъ казакомъ порядочная кучка цѣлковиковъ, старинныхъ, царя Петра Перваго Алексѣевича!

— Въ старые годы—пояснилъ рассказчикъ,—во время какого-нибудь замѣшательства, примѣрно, въ пугачевское бунтовство иль-бо въ другое какое, кто-нибудь изъ нашихъ же обывателей зарылъ эти цѣлковики для сбереженья, а послѣ и самъ погибъ въ замѣшательствѣ: рублевики его и остались въ землѣ. Воронъ—они вѣдь долго живутъ, по нѣскольку сотъ лѣтъ,—воронъ, значить, видѣлъ, какъ хозяинъ закапывалъ шкатулку, и указалъ ее счастливому казаку замѣсть благодарности, что тотъ уважилъ, гнѣздо его не разорилъ. Тварь, тварь, а свой разумъ имѣеть,—прибавилъ старикъ.

— Только такихъ простыхъ кладовъ мало бываетъ,—продолжалъ рассказчикъ,—а больше все съ заговорами, да съ заклятїями, особенно разбойничьи клады, куда какъ неприступны. Разбойники, сударь мой, мало того, что зарывали клады съ какимъ ни на-есть лихимъ уговоромъ на пагубу людскую,—нѣтъ! Еще разной мерзостью закрѣпляли, чтобы не такъ скоро достались. Примѣрно, на нашемъ морѣ (Каспійское), чай знаешь, есть Д у в а н н а я к о с а. На ней въ старину притонъ былъ разбойничій. Тамъ разбойники ду-

в а н ъ д у в а н и л и, то-ись, добычу дѣлили между себя,—оттого она и прозвалась Д у в а н н о й. Оставляя это прибѣжище, разбойники зарыли тамъ лодку съ деньгами, значить, лишнія были! Лодка перегорожена на двѣ половины, въ одной чистое золото, въ другой чистое серебро.—Что бы положить спроста? Вѣдь самимъ не нужно. Нѣтъ, бестіи! закрѣпили-таки, чтобы никто не покорыстовался. Поверхъ казны положили по чашкѣ, на серебрѣ чашку небольшую, а на золотѣ большую, и въ обѣ чашечки набурили такой мерзости—гдѣ только они ее добыли, баловники!—такой набурили мерзости, что лишь вспомнишь про нее, такъ съ души и тянетъ!.. А они, подлецы, еще такой уговоръ сдѣлали, подписали на чашкахъ: „кто-де съѣстъ изъ маленькой чашки, тому дастся серебро, кто съѣстъ изъ большой чашки, тому дастся золото, а кто съѣстъ изъ обѣихъ, тому и золото, и серебро“. Вотъ какую штуку отмочили, мошенники! Поди и добудь, кто хочетъ. Въ старые годы не разъ, однако, пробовали добрые молодцы добывать этотъ кладъ, дорывались до лодки, но взять никоимъ манеромъ не могли: лишь только протянуть къ ней руки,—она и уйдетъ въ землю. Иные, отчаянныя головы, пробовали, говорятъ, исполнить разбойничій уговоръ, брались за чашки, подносили, зажмуря глаза, ко рту, но нѣтъ! не могли и отвѣдать такой мерзости: отъ одного смрада всѣ внутренности тянуло вонь!...

— Разъ только одни разбойники дали маху, смѣшно идно,—говорилъ старикъ.—Я долго смѣялся, какъ пріятель мой, палаташникъ, рассказалъ мнѣ объ этомъ. Шли, видишь ли, четверо разбойниковъ по берегу Волги, и совѣтовались, гдѣ бы схоронить имъ золотую казну.

— Вотъ здѣсь,—говорить одинъ разбойникъ,—зароемте нашу казну: мѣсто очень примѣтно. Коли самимъ понадобится, можно скоро отыскать.

— Хорошо. Зарыли разбойники казну подъ однимъ большимъ деревомъ, подъ елью. Другой разбойникъ, самый, видно, дошлый, сказалъ:

— Дайся наша золота казна кому-нибудь тогда, когда у матушки-Волги берегъ съ берегомъ сойдется!

— Разбойники расхохотались.

— Ну, братъ,—говорять они тому, кто заклятье дѣлалъ,—выдумалъ же ты штуку! Теперь, значить, до преставленья свѣта лежать казнѣ нашей въ мать-сырой землѣ.

— Такъ и слѣдуетъ! — сказалъ заклятчикъ. — Однако, пойдите отсюда, чтобъ кто не увидалъ.

— Разбойники ушли. Только, на ихъ бѣду, около того мѣста, гдѣ они зарыли кладъ, лежалъ въ кустахъ прохожій мужикъ, видѣлъ, что они дѣлали, и слышалъ, отъ слова-до-слова, ихъ заклятье. Пришелъ прохожій въ одно село, остановился въ одномъ домѣ ночевать и рассказалъ, отъ нечего дѣлать, хозяйкѣ дома, старухѣ, что видѣлъ и слышалъ. Старуха смекнула въ чемъ дѣло и на другой же день пошла въ лѣсъ и отыскала, по сказкамъ прохожаго, ту самую ель, гдѣ разбойники зарыли кладъ,—потомъ съѣздила на другой берегъ Волги, набрала тамъ въ мѣшокъ песку и высыпала подъ елью: кладъ тотъ же часъ и вышелъ наружу. Значить, берегъ съ берегомъ сошелся. Какова старуха-то,—а? Одурачила разбойниковъ и сдѣлалась богачкой,—молодецъ!—заключилъ рассказчикъ. Но немного погода прибавилъ:

— Неизвѣстно однако, пошла ли старухѣ въ прокъ богатство. Вообще кладъ—вещь опасная, особенно тотъ, что отъ разбойниковъ поступаетъ; знамо, деньги кровавыя. Расскажу тебѣ одинъ случай,—въ нашихъ мѣстахъ это было. Слушай!

И Афанасій Дмитричъ началъ:

— Ъздили наши казаки въ Астрахань за хлѣбомъ. Разъ, вечеромъ, трафилось одному изъ казаковъ проходить мимо острога. Увидалъ онъ тамъ въ окнѣ за рѣшеткой одного арестанта, сжалился надъ нимъ, купилъ калачъ и подаль арестанту. Арестантъ поблагодарилъ казака и спрашиваетъ его:

— Кто ты, добрый человекъ?

— Рази не видишь, кто? казакъ!—говорить казакъ.

— Какой казакъ?—спрашиваетъ арестантъ.—Яицкій, что ли?

— Да, яицкій!—говоритъ казакъ.

— Это было въ ту пору,—замѣтилъ рассказчикъ,—когда мы звались еще яицкими.

— Гдѣ живешь на Яикѣ-то, въ Гурьевѣ, что ли?—спрашиваетъ арестантъ.

— Нѣтъ!—говоритъ казакъ—въ Баксайской крѣпости.

— Ну, это еще лучше,—говоритъ арестантъ.—Приходи, говоритъ, ко мнѣ подъ это самое окно завтра утромъ рано, какъ только солнышко взойдетъ. Я открою, говоритъ, тебѣ одинъ секретъ, а теперь некогда: сейчасъ, говоритъ, позовутъ меня къ ужину, а послѣ ужина запрутъ въ секретную.

— Хорошо. Утромъ, ни свѣтъ ни заря, казакъ явился къ арестанту.

— Слушай,—говоритъ арестантъ казаку:—можешь ли взяться достать кладъ?

— Казакъ былъ неробкаго десятка, и говоритъ арестанту:—Могу, есть когда онъ не заколдованъ!

— Заколдованъ-то онъ заколдованъ,—говоритъ арестантъ, да это ничего, я заколдовалъ и отколдую.

— Есть когда такъ,—говоритъ казакъ,—согласенъ. Говори, гдѣ кладъ?

— А вотъ гдѣ,—говоритъ арестантъ.—Поѣзжай на Яикъ, на протокъ Б а к с а й, къ нижнему устью. За версту отъ взморья, на правомъ берегу Баксая, отыщи кучку дикихъ камней. Отъ нея на полночь отмѣрь пятнадцать шаговъ и рой землю; тутъ и кладъ! Стережетъ его волкъ, но ты,—говоритъ арестантъ казаку,—волка не бойся: оборонить тебя отъ него эта вещица.

И далъ арестантъ казаку небольшой корешокъ плотно-на-плотно оплетенный красными нитками.

— Рыть можно,—говоритъ арестантъ,—и днемъ, и ночью, какъ хочешь. Коли представится тебѣ волкъ,—а онъ тотчасъ же представится, какъ начнешь рыть,—ты не говоря ни слова, брось въ него этотъ корешокъ, и больше ничего: волкъ

тотъ же мигъ исчезнетъ. А какъ исчезнетъ, можешь безъ препятствія рыть. И выроешь ты переметныя хивинскія сумки: въ нихъ-то и лежитъ кладъ—въ одной сумкѣ золото, въ другой серебро. Только смотри, дружище, — говоритъ арестантъ казаку,—какъ добудешь кладъ, такъ, немедля ни дня, ни часа, возьми третью, а хоша и четвертую долю изъ него, и этого достаточно,—возьми, говорю, и привези ко мнѣ: этими деньгами, говоритъ, я откупиться могу, избавиться отъ острога и отъ ссылки. Остальное, говоритъ, жертвую тебѣ. Владай на доброе здоровье. Мнѣ, говоритъ, не дороги деньги—наживу, а дорога свобода. Не забудешь меня?—спрашиваетъ арестантъ казака.

— Коли забуду,—говоритъ казакъ,—не забуду.

Распростился казакъ съ арестантомъ и побѣжалъ на пристань, гдѣ были товарищи. Пришелъ и сталъ торопить товарищей скорѣе ѣхать домой. Тѣ говорятъ, чтобы погодить съ недѣлю время: „може, де, мука подешевлетъ“. Куда! Казакъ и слышать ничего не хочетъ. А былъ онъ хозяинъ лодки, на которой они пріѣхали; значить, его воля. „Бдемте, ѣдемте, братцы!—говоритъ онъ товарищамъ.—Ночесъ домовою меня давилъ, да такой голый, холодный! Я оцупалъ его, и спрашивалъ: къ худу, аль къ добру? И онъ простоналъ: къ худу! Безпремѣнно,—говоритъ казакъ товарищамъ,—какое-нибудь несчастье случилось дома. Бдемте, братцы, ѣдемте!“

„Нечего дѣлать, послушались казаки, закупили муки, хоша и по дорогой цѣнѣ, и поѣхали домой; добрались до нашихъ черней (берега моря) и въѣхали въ Баксай. „Стой!—говоритъ хозяинъ лодки, и присталъ къ берегу, за версту отъ взморья, какъ сказывалъ арестантъ.—Подождите меня здѣсь,—говоритъ казакъ товарищамъ,—а я схожу на часикъ къ одному старцу, недалечко отсюда, снесу, говоритъ, ему вотъ этотъ заступъ, что купилъ для него въ Астрахани“. Сказалъ это и ушелъ. Скоро отыскалъ то мѣсто, гдѣ зарытъ кладъ, и сталъ рыть. Представился ужаснѣющій волкъ и оскалилъ на казака зубы. Казакъ не струсилъ и бросилъ въ волка корешокъ, что отъ арестанта получилъ:

въ ту-жъ минуту волкъ и провалился сквозь землю. Казакъ вырылъ, сумки, завернулъ ихъ въ армякъ, пришелъ и положилъ въ лодку, въ кормушку, гдѣ самъ сидѣлъ. Товарищи спросили:

— Что это у тебя?

— Ничего,—говорить казакъ.—Это армякъ я свой свернулъ.

Обманулъ товарищей. Тѣ больше и не спрашивали: у каждаго на умѣ было свое дѣло. Хорошо. Приѣхали казаки въ свое жительство и разошлись по домамъ. Остался казачекъ нашъ съ кладомъ; пересчиталъ его: денегъ оказалось велие—нѣсколько тысячъ! Радуется казачекъ, а жена его вдвое: значить, есть на что наряды купить. Отсчиталъ казакъ четвертую долю и сталъ собираться въ Астрахань къ арестанту; но жена разговорила.

— Что торопишься?—говорить жена мужу.—Успѣешь еще съѣздить на будущее лѣто. А теперь, говоритъ, нужно позаботиться о самихъ себѣ.

Казакъ послушался жены и не поѣхалъ тѣмъ лѣтомъ въ Астрахань, а сталъ обстраивать домъ и обзаводиться баранами. Однако, совѣсть мучила казака и не давала покою. Зимой, крадучись отъ жены, запрегъ тройку лошадей въ сани, будто къ баранамъ ѣхать, и по льду поѣхалъ въ Астрахань, но ужъ было поздно.

— Богъ съ тобой,—говорилъ арестантъ казаку, когда тотъ принесъ ему деньги.—Забылъ ты меня. Еслибъ въ то время, какъ нашелъ деньги, ты явился ко мнѣ, я бы вышелъ отсюда, деньгами бы откупился. А теперь поздно, теперь никакія деньги не помогутъ. Судь конченъ,—говорить арестантъ казаку.—Вчера была экзекуція, видишь? И арестантъ показалъ на свою рожу: на ней стояли клеймы.—Это,—говорить арестантъ казаку,—по твоей милости! Послѣ-завтра, говоритъ, погонять меня на каторгу, такая ужъ, значить, моя звѣзда. За то и тебѣ не сдобровать,—сказалъ арестантъ казаку,—вспомнянешь меня не одинъ разъ. Хоша и вырылъ ты кладъ безпрепятственно, однако, заклятіе съ него не со-

всѣмъ снято. Это я бы только могъ сдѣлать, а теперь не сдѣлаю. Пропадешь ты съ нимъ, съ этимъ кладомъ, будешь не лучше меня, чѣмъ я теперь есть. Ступай, расторговывайся!

„Сказалъ это и отошелъ отъ окна; не принялъ отъ казака деньги, что тотъ привезъ ему.

„Какъ арестантъ сказалъ, такъ и случилось,—продолжалъ рассказчикъ.—Въ ту же зиму занесло буранами у казака всѣхъ барановъ, а лѣтомъ и домъ сгорѣлъ. Къ осени казакъ опять выстроился и намѣнялъ барановъ больше прежняго; хотѣлъ, значить, наверстать потерянное. Та же исторія: зимой всѣ бараны передохли, а къ веснѣ опять пожаръ; и пошло, и пошло богатство у казака подъ котель. Съ горя казакъ запилъ смертовую и совсѣмъ обнищалъ; сталъ хуже, чѣмъ прежде былъ. Этого, мало, пустился въ воровство и попалъ въ острогъ. Тамъ, значить, и сгнилъ!..

„Или вотъ еще, я тебѣ расскажу, былъ случай на моей уже памяти,—сказалъ Афанасій Дмитричъ.—Случай похожъ на этотъ же. Слушай.

„Стоялъ нашъ казачій полкъ въ Камень-Подольской губерніи, на цыцарской границѣ,—началъ старикъ.—Одному казаку довелось лежать въ госпиталѣ. Рядомъ съ его койкой лежалъ солдатъ, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, трудно больной. Пришелъ къ солдату смертный часъ. Солдатъ и говоритъ казаку:

— Въ годъ Волконскаго *), я былъ въ вашемъ городѣ Уральскѣ на усмирении. У меня былъ товарищъ, солдатъ же. Разными неправдами, гдѣ воровствомъ, гдѣ обманомъ, каюсь, дружище, добыли мы съ товарищемъ много денегъ, дѣвать идно некуда было. Думали дослужиться до отставки и потомъ въ торгъ пуститься. Но не по нашему вышло. Случилась война съ Туречиной. Потребовали и нашъ полкъ на войну. Передъ походомъ изъ Уральска, мы и зарыли казну нашу въ степи, повыше Уральска, у С а в у ш к и н а е р и -

*) Въ 1804 г.

к а. Мѣсто очень примѣтно: на самомъ яру Савушкина есть большая с у р о ч и н а **), одна одиныхонька, а кругомъ ея чистая гладь, нѣтъ ни марика, ни бугорка. Въ этой самой сурочинѣ, съ боку, на солнечный восходъ и зарыли мы съ товарищемъ мѣдный чайникъ, полнехонекъ золотыми и цѣлковыми, всей казны десять тысячъ. Товарища моего убили на войнѣ, а я, за грѣхи мои, подѣ штрафъ попалъ, отставку не получилъ. Теперь, видишь, умираю; казна, значить, не нужна. Возьми ее себѣ, когда Богъ вынесетъ тебя на родину. Только не забудь, дружище, подать сколько-нибудь въ церковь Божию, чтобы помолились за упокой души моей и товарища моего. Еще вотъ тебѣ какой наказъ, говоритъ солдатъ казаку: если одинъ выроешь кладъ, одинъ и владай, если кто будетъ помогать тебѣ, и съ нимъ подѣлись; если кто нечаянно увидитъ тебя, когда будешь добывать кладъ, и тому удѣли малую толику. Безпремѣнно такъ сдѣлай, какъ наказываю, говоритъ солдатъ казаку. А если не исполнишь этого, то кладъ не пойдетъ тебѣ въ прокъ. Товарищъ мой немного мараковалъ кое чѣмъ, и когда зарывали деньги, онъ что-то нашепталъ на нихъ. Не забудь это.

„Солдатъ умеръ, казакъ изъ госпиталя вышелъ. До смѣны оставалось еще долго, года два. Казака нетерпѣнье взяло. Хотѣлъ было бѣжать изъ полка на Уралъ, да постыдился общества и побоялся суда. „Найдешь ли, нѣтъ ли кладъ—Богъ вѣсть, рассуждалъ казакъ, а отъ покура да отъ наказанья не уйдешь“. Думалъ, думалъ казакъ, да придумалъ вотъ что: взялъ, да и отписалъ въ домъ къ отцу-старикку обо всемъ, что солдатъ рассказалъ. Хорошо. Получилъ старикъ отъ сына письмо и пошелъ къ казаку, къ сосѣду, чтобы тотъ прочелъ ему сыновное письмо; самъ старикъ не умѣлъ грамотѣ, а сосѣдъ умѣлъ. Поглядѣлъ сосѣдъ на письмо, прочиталъ про себя, понялъ въ чемъ дѣло, помузыкалъ нарочно, да и говоритъ старикку: „Не разберу теперь (дѣло было ночью,

**) Холмъ или, правильнѣе, бугоръ, образуемый с у р к а м и изъ земли, выгребаемой этими звѣрками изъ норъ.

при огнѣ, пояснилъ рассказчикъ), слѣпо написано. Приходи, говоритъ, завтра, днемъ“. Хорошо. Старикъ ушелъ съ письмомъ домой и утромъ рано опять пришелъ къ сосѣду, а того дома нѣтъ. „Гдѣ?“ спросилъ старикъ домашнихъ. Кто-то сказалъ ему: „Уѣхалъ-де, чѣмъ свѣтъ, куда-то верхомъ“. Нечего дѣлать, старикъ пошелъ домой и на улицѣ встрѣтилъ мальчика, тотъ шелъ къ мастеру, писать, значить, учился, Старикъ и заставилъ его прочесть письмо. Тотъ, кое-какъ, кое-какъ, по складамъ, черезъ пято въ десято, сталъ читать, читалъ, читалъ и дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится о Савушкинѣ, о сурчинѣ, о мѣдномъ чайникѣ... Старикъ смекнулъ въ чемъ дѣло, вырвалъ у мальчика письмо, бросился домой, сѣлъ на лошадь и поскакалъ за городъ, къ Савушкину. А сосѣдъ ѣдетъ уже оттуда, и везетъ въ торокахъ въ мѣшкѣ кладъ.

— Стой!—кричитъ старикъ.—И наша доля тутъ есть. Давай дѣлить!

— Что орешь? Сумасшедшій!—говоритъ сосѣдъ.—Рази дома моего не знаешь? Приходи уже ко мнѣ и раздѣлимъ. Не здѣсь же въ самомъ дѣлѣ завести дѣлежку; кто-нибудь, пожалуй, увидитъ. Рази этого хочется!

„Старикъ согласился и вернулся съ сосѣдомъ. Ёдутъ. Подъѣзжаютъ къ городу. Сосѣдъ и говоритъ старику:

— Разъѣдемся врозь и въѣдемъ въ разные ворота, чтобы не подать никому сумнѣнье. Ты поѣзжай хоть вотъ въ эти и указалъ старику на малый выѣздъ, что у кирпичныхъ сараевъ, а я, говоритъ, въѣду вонъ въ тѣ (и указалъ на другой выѣздъ, что къ Чагану).

„Хорошо. Старикъ и на это согласился, въѣхалъ въ малый выѣздъ, а сосѣдъ поѣхалъ къ другому, что у Чагана. Старикъ пріѣхалъ домой, оставилъ лошадь и тое-жь минуту пошелъ къ сосѣду, а тотъ еще не пріѣзжалъ. Старикъ ждетъ-пождетъ, а сосѣда нѣтъ. Напоследокъ въ обѣденную пору явился и сосѣдъ, но въ торокахъ у него пусто. Старикъ въ страхѣ спрашиваетъ сосѣда:

— Гдѣ жъ деньги-то?

„А сосѣдъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спрашиваетъ старика:

— Какія? Не тѣ ли, говоритъ, что во снѣ тебѣ ночесъ приснились? Очнись, старый чортъ! Что попусту орешь?

— Какъ какія?—закричалъ старикъ и вытаращилъ глаза: тутъ только въ настоящую догадался, что сосѣдъ обулъ его въ лапти.

— Не тужи, старикъ, — говоритъ сосѣдъ, — а самъ смѣется.— Подожди, сынъ еще отпишетъ тебѣ, гдѣ зарыты деньги. А о тѣхъ, что давеча видѣлъ, не хлопочи понапрасну: я и безъ тебя найду имъ мѣсто.

— Такимъ манеромъ,—продолжалъ рассказчикъ,—и завладалъ казакъ кладомъ одинъ, завладать-то завладалъ, что и говорить,—однако не на радость: пустился было въ торгъ, но вскорости умеръ въ одночасъ. Послѣ него взялась орудовать хозяйствомъ жена, но и та черезъ короткое время умерла. Тутъ, словно грачи, со всѣхъ сторонъ налетѣли сродники, и мужнины, и женины, и давай тащить богатство по себѣ, и все растащили, и никому оно не пошло въ прокъ, а разошлось прахомъ, словно его и не было.

„Или вотъ еще какой былъ случай,—продолжалъ рассказчикъ.—Разъ—тому будетъ годовъ болѣе ста, разъ казачата купались на Яикѣ, подъ Краснымъ Яромъ. Одинъ казаченокъ взглянулъ вверхъ и увидалъ: изъ яра торчитъ бокъ кубатки. Казаченокъ указалъ товарищамъ. Тѣ по ребячеству, и давай кидать въ кубатку камнями. Кидали, кидали да и разбили кубатку,—чего только и добивались казачата. Разбили, говорю, кубатку, а изъ нея и посыпались цѣлковики. Казачата и давай согребать ихъ, и нагребли полные подолы, и принесли домой. Хорошо.—Слѣдовало бы отцамъ-матерямъ, чьи были ребятишки, священника позвать и молебенъ отцѣть, да сколько-нибудь въ церковь подать. Нѣтъ, и въ голову никому не пришло. Зато, въ первую же ночь, оттого ли, не оттого ли, всѣ тѣ дома, куда ребятишки деньги принесли, всѣ тѣ дома; сударь мой, разомъ вспыхнули, а отъ нихъ и весь

городъ до тла сгорѣлъ. Вотъ тебѣ и кубатка!—заклѣчилъ старикъ.

— Да, кладъ вещь мудреная и привередливая,—сказалъ онъ немного погодя.—И достать его трудно, а доставши, надо умѣючи обращаться съ нимъ.

— Что правда, то правда,—замѣтилъ я.—Ну, а насчетъ Харкина клада что скажешь?—спросилъ я моего собесѣдника.—Вѣдь онъ по сосѣдству у васъ: пытался, что ли?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ старикъ.—И безъ меня добры люди ухаживали за нимъ, да шишъ взяли. Значить, не нашлось между нашими такого молодца, кто бы могъ владѣть этимъ кладомъ.

Съ позволенія читателя, маленькое отступленіе, или поясненіе. Харко, баснословный герой, сподвижникъ Разина, жилъ нѣкоторое время на Яикѣ и воевалъ съ киргизами. У Харка было двѣнадцать товарищей. Тѣ измѣническимъ образомъ погибли отъ рукъ плѣнницъ, басурманскихъ амазонокъ. Послѣднихъ было тоже двѣнадцать. Харко ужаснымъ образомъ отмстилъ смерть товарищей: вмѣстѣ съ ними онъ живыхъ похоронилъ и убійцъ ихъ, басурманскихъ амазонокъ. Сверхъ того, въ могилу каждаго товарища положилъ, между прочимъ, по ношѣ золота и по ношѣ серебра. Вотъ объ этомъ-то кладѣ я и завелъ рѣчь съ моимъ собесѣдникомъ *).

— Ты, чай, знаешь,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—что Харко, зарывши у Красныхъ Яровъ кладъ, сдѣлалъ такой уговоръ, чтобы онъ дался тому, кто на своемъ вѣку убьетъ двѣнадцать дюжинъ басурмановъ, или басурманокъ—все единственно. Ну, этакого-то вотъ молодца, видно, и не выискалось. Встарину не выискалось,—добавилъ рассказчикъ, а теперь и подавно не выищется: теперь, дѣло извѣстное, орда присмирѣла, не воюетъ,—стало быть колотить ее не за что.

*) Легенду о Харкѣ см. въ „Русск. Вѣстн.“ 1859 г. № 8. Авт. См. выше. Р е д.

— Зарымши кладъ, — продолжалъ рассказчикъ, — Харко, для примѣты, зарылъ около вербовую жердь, кугой обмотанную. И сверхъ того на могилѣ cadaго сугласника посадилъ по лѣсной яблонѣ,—значить, всѣхъ яблоней было двѣнадцать, но старики наши помнили только одну. Годовъ съ тридцать тому, какъ и эта яблоня извелась, высохла, а все оттого, что казаки часто подрывали корни у нея, искали, значить, Харкинъ кладъ. Съ той поры, какъ яблони не стало, не сталъ казаться и кладъ,—должно быть чортъ его осѣтовалъ, иль-бо что другое. А покуда цѣла была яблоня, онъ нѣтъ, нѣтъ, да и дасть бывало о себѣ знать.

— Разъ красноярскій казакъ Адсковъ неподалеку отъ яблони рылъ, рылъ да и дорылся до вербовой жерди, обмотанной кугой. И жердь, и куга цѣлехоньки, ничуть не загнили, словно со вчерашняго дня въ землѣ. Адсковъ смекнулъ, что это—примѣта Харкина клада, тотчасъ же прибѣжалъ на форпостъ и объявилъ казакамъ. Тѣ обрадовались и, словно шальные, цѣлой оравой бросились къ тому мѣсту, гдѣ Адсковъ видѣлъ жердь,—но ея и слѣдъ простылъ. Значить, кладъ только о себѣ знать далъ: „вотъ-де я гдѣ лежу—не забываютъ!“

— Въ другой разъ ѣхалъ черезъ Красны-Яры левизоръ по таможенной части, не изъ русскихъ, а изъ новокрестьянъ, должно быть кизылбашенинъ. Подводчикомъ былъ покойный Данила Мостовщиковъ, а конвойнымъ Кузьма Ефремовъ. Этотъ еще живъ, онъ самъ тебѣ объ этомъ расскажетъ. Только лишь поровнялись съ яблоней, а она недалеко была отъ дороги,—и видятъ: саженьхъ въ пяти отъ яблони торчитъ изъ земли конецъ жерди, обмотанной кугой, той самой, значить, что и Адсковъ видѣлъ. Первый увидалъ подводчикъ, сдержалъ лошадей и показалъ конвойному на жердь. А конвойный замоталъ головой и махнулъ подводчику рукой, чтобы тотъ не останавливался, погонялъ. Проѣхали. Приѣхали въ Калмыковъ и сдали левизора тамошнимъ казакамъ, а сами, сломя голову, поскакали назадъ, прискакали къ яблонѣ, а жерди нѣтъ, словно и вовсе ее не было, и

слѣда на землѣ никакого не видно. Тутъ только казаки спохватились, что дали маху, да ужъ поздно. Кладъ, значить, не имъ однимъ давался, а и левизору; може, онъ-то и былъ тотъ молодецъ, что на своемъ вѣку перебилъ до двѣнадцати дюжинъ басурмановъ. Пожадничали казаки и ничего не получили. Вскорѣ послѣ того и яблоня повалилась. И съ той поры о Харкинѣ кладѣ ни слуху, ни духу,—заклучилъ рассказчикъ.

— Еще чего нѣтъ ли?—спросилъ я собесѣдника, когда онъ кончилъ рассказъ о Харкинѣ кладѣ.

Афанасій Дмитричъ отрицательно покачалъ головой, и отвѣчалъ:

— Больше покуда ничего нѣтъ. Рази послѣ попридумаю.

— Какъ ничего?—вмѣшался въ разговоръ молодой казакъ, племянникъ старика, вошедшій на тотъ разъ въ комнату.—Хоша о томъ расскажи, дядя,—прибавилъ племянникъ,—что толкуеть о кладѣ-то свать нашъ, Иванъ Ивановичъ...

— Сурсковъ!—быстро прервалъ Афанасій Дмитричъ.—Чепуху онъ городить! Насмѣшникъ онъ, больше ничего!—сказалъ старикъ, стараясь принять на себя недовольную, сердитую физиономію.—Разъ этотъ досадный человѣкъ какую штуку отмочилъ насчетъ меня, да еще въ компаніи, страхъ, какъ оконфузилъ меня,—заговорилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ.—Сидѣли мы у него въ гостяхъ и разговорились о кладахъ. Я, разумѣется, въ головахъ, рассказываю и о своихъ и о чужихъ похожденияхъ. Вдругъ сватушка мой и говоритъ:

— Толкуете вы, братцы, все не то. Я такъ вотъ расскажу вамъ исторію, дивную исторію. Слушайте-ка!

— Всѣ замолчали и насторожили уши, а я пуще всѣхъ. Въ это самое время я собирался вышить рюмку вина, под-

несъ-было ко рту, и остановился. Любопытно было послушать, что скажетъ неговорливый сватушка. Онъ и говоритъ:

— На одномъ мару лежалъ большой камень. На камнѣ была подписочка: „кто сей камень перевернетъ, тотъ получить несмѣтное богатство“.—Многіе пробовали, но камня не перевернули. На послѣдокъ выискался одинъ силачъ, понатужился и камень перевернулъ. На исподней сторонѣ камня была другая подписочка: „дуракъ тотъ человекъ, кто не положа ищетъ!...“

— Вотъ какую штуку онъ отмочилъ, грѣховодникъ!—сказалъ Афанасій Дмитричъ и самъ засмѣялся.—Всѣ, кто тутъ былъ,—продолжалъ онъ,—всѣ такъ и покатались со смѣху; а я чуть-чуть не лопнулъ со стыда, съ досады, Да ты, смотри,—оговорился старикъ,—смотри, въ книжку это не введи. Стыдно!

— Вотъ еще что выдумалъ! —сказалъ я. — Стыдъ не дымъ, глаза не выѣсть. Теперь за Ермакомъ чередъ,—валяй.

— Слушаю; радъ стараться!—былъ отвѣтъ старика. Я приготовился слушать Ермака.

IV.

Ермакъ.

...Всеми свѣту извѣстно, что Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ, былъ предводителемъ, то-есть, по нашему, атаманомъ донскихъ, гребенскихъ и яицкихъ казаковъ.—Такъ началъ рѣчь свою Аѳанасій Дмитричъ.

— Спервоначала,—продолжалъ онъ,—спервоначала Ермакъ разбой держалъ по сию-морю Каспическому, да по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ. Чай, и у васъ, по вашимъ книгамъ, это значитъ?—обратился ко мнѣ рассказчикъ.

Я кивнулъ утвердительно головой. Старикъ Продолжалъ:

— Ну-съ, спервоначала Ермакъ разбой держалъ, а потомъ спокаялся, очуствовался и захотѣлъ загладить грѣхи и всѣ винности свои какъ передъ Господомъ Богомъ, такъ и передъ царемъ державнымъ. Для этого, не спросясь, не доложась, безъ указа, значить, государева, пошелъ и покорилъ Сибирь: выходитъ, самовольно покорилъ. Изъ Сибири пришелъ въ Москву къ царю съ повинною. Хорошо. Царь собралъ бояръ на совѣтъ: что дѣлать съ Ермакомъ?—Одинъ бояринъ сказалъ: „надо-де Ермаку голову срубить“. А Ермакъ на тѣ его слова сказалъ:—„Не къ тебѣ я пришелъ, а къ царю: царь меня и суди. Я самъ не хуже тебя!“—Съ этимъ словомъ Ермакъ выхватилъ изъ ножонъ саблю вострую и смахнулъ тому боярину буйну голову. Объ

этомъ и въ пѣснѣ сказано. Всѣ остальные бояре ужаснулись, прикусили язычки; а иные изъ царскихъ палатъ убѣждали: такъ солонъ пришелся имъ Ермакъ. Царь и говоритъ:

— Ай-да, Ермакъ! Въ бѣдѣ сидить, бѣдой кутить!

А Ермакъ молчитъ, стоитъ, не шевелится, смотритъ прямо въ глаза царю, не смигнётъ, будто и не про него рѣчь.—Царь спрашиваетъ его:

— Какъ ты смѣлъ мои корабли разбивать?

Ермакъ отвѣчаетъ:

— Ваше царское величество! Не прикажи казнить, прикажи слово молвить. Разбивалъ я корабли татарскіе, армянскіе и всѣ басурманскіе. Въ томъ числѣ, видно, и твои подъ руку подвернулись. Почему я зналъ, что твои? Они вѣдь не орлены, не клеймены!...

— Резонъ!—говорилъ царь.—Правда, корабли мои не орлены, не клеймены.—А, ну, спрашиваетъ царь: какъ ты смѣлъ въ моихъ глазахъ боярина моего убить?

— А какъ онъ смѣлъ,—отвѣчаетъ Ермакъ,—какъ онъ смѣлъ въ твоихъ глазахъ такія дерзкія слова говорить, чтобы мнѣ голову срубить? Никакое яройское сердце этого не вытерпитъ!—Есть-когда я виненъ,—суди ты, а не бояринъ: я самъ не хуже его, може, еще лучше!

Сказалъ это Ермакъ и ударилъ кулакомъ себя въ грудь, идно стальной латъ на немъ затрещалъ и лопнулъ по спайкамъ.

— Резонъ!—говорилъ царь. — Умѣешь дѣла дѣлать, умѣешь и отвѣтъ держать. За Сибирь всѣ вины тебѣ прощаю. Только, говоритъ, сослужи мнѣ еще одну службу, послѣднюю; а тамъ—хощь служи, хощь на покой иди. Не хватаетъ у меня силы-мочи Казань и Астрахань взять. Возьми, говоритъ, Казань и Астрахань на мое царское имя, да безъ рати,—говоритъ царь.—По-крайности, на мою не надѣйся: нѣтъ у меня; всю, говоритъ, растеряли глупые воеводы. Извернешься, чай, какъ-нибудь?—спрашиваетъ царь.

— Еще бы!—говоритъ Ермакъ.—Не учиться стать. Не впервой такія дѣла обрабатывать. Оба града, говоритъ, въ

три часа съ половиною возьму; и рати съ тебя не спрошу: свою найду. Затѣмъ, говоритъ, прощенья просимъ; счастливо оставаться, ваше царское величество!

И пошелъ Ермакъ на Казань и Астрахань. И взялъ Ермакъ Казань и Астрахань, взялъ безъ силы-рати, одинъ взялъ съ двумя своими вѣстовыми,—самъ третей, значить.— Ермакъ, между нами будь сказано, съ п р и б ы л ь ц о й немного былъ,—добавилъ рассказчикъ,—то-ись, имѣлъ въ послушаніи у себя малую толику шишиговъ (чертей). Гдѣ рати не доставало, тамъ онъ и выставлялъ ихъ.

Взявши Казань и Астрахань, Ермакъ опять уѣхалъ въ Сибирь: сторона та ему очень понравилась. Поѣхалъ Ермакъ въ Сибирь затѣмъ, чтобы жизнь свою тамъ кончить. Царь послалъ ему туда, за Казань и Астрахань, богатѣющей подарокъ—золотой лать, въ двѣнадцать пудъ. Ермакъ обрадовался царскому подароку и задалъ товарищамъ своимъ банкетъ на лодкахъ посередь Иртышъ-рѣки. Пили, гуляли, изъ пушекъ палили, Расею и царя прославляли. Ермакъ нарядился въ царскій лать, разгуливалъ по банкету, съ лодки на лодку перепрыгивалъ, но какъ-то неспопашился, оступился и полетѣлъ въ воду, и попалъ въ самую то-ись суводистую суводь! Она его, голубчика, и втянула. Справиться-то онъ никоимъ манеромъ уже не могъ, потому самому, что на немъ былъ царскій лать двѣнадцать пудъ: онъ пуще всего и утопилъ его. Такимъ-то побытомъ и кончилъ жизнь свою воитель Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ! И съ той самой поры, заключилъ рассказчикъ, стали орлить и клеймить царскіе корабли и всякія казенныя вещи. Значить, Ермакъ научилъ.

— Такъ, что-ли, я рассказалъ?—спросилъ меня, немного погодя, Аѳанасій Дмитричъ.—Чай, и у васъ, въ исторіяхъ, есть про Ермака. Нельзя же, думаю, обойти такого важнаго яроя.

— Почитай все такъ,—сказалъ я.—Одно только немного не такъ.

— Что же?—спросилъ меня старикъ.

— А вотъ что!—сказалъ я.—По нашимъ исторіямъ, Ермакъ утонулъ не во время банкета, а во время сраженія съ басурманами.

— Только въ этомъ разница?

— Въ этомъ только,—сказалъ я, не желая входить съ собесѣдникомъ моимъ въ дальнѣйшія разсужденія и подвергать критикѣ его разсказъ.—А все прочее,—прибавилъ я,—все прочее, Аѳанасій Дмитричъ, чистѣйшая быль, словно по писанному или-бо по печатованному. Теперь, кстати, спой-ка пѣсню про Ермака.

— Ихъ двѣ: которую тебѣ?—спросилъ старикъ.

— Которую?—сказалъ я.—Валяй обѣ: много добра не надоѣсть.

— Изволь!—сказалъ старикъ.—Только не обезсудь,—оговорился онъ, голосъ у меня не такъ-то хорошъ: старъ становлюсь.—Не позвать ли лучше племянника Ермошу? Знаешь, онъ лучше меня поетъ.

— Зачѣмъ?—сказалъ я.—Для меня не голосъ важенъ, а слова важны.

— Хорошо,—сказалъ старикъ, прокашливаясь и расправляя усы и бороду. Сначала вотъ эту, коротенькую.

И старикъ запѣлъ:

Какъ на Волгѣ-рѣкѣ, да на Камышенкѣ
Казакѣ живутъ, братцы, люди вольные:
Все донскіе, гребенскіе со яицкими.
У казаковъ былъ, братцы, атаманушка —
Ермакомъ звали Тимофеевичемъ.
Не злата труба, братцы, вострубила,
Не звонка ли, не громка ли рѣчь возговорила —
То возговорилъ, братцы, Ермакъ Тимофеевичъ:
„Ужъ вы думайте, казаки-братцы, попридумайте,
Какъ проходитъ у насъ лѣто теплое,
Настаётъ, братцы, зима холодная.
Еще гдѣ намъ, братцы, зимовать будетъ?
Намъ на Волгѣ жить — все ворами слыть.
На Яикъ идти—переходъ великъ.
На Казань идти—грозень царь стоитъ,
Грозень царь стоитъ, братцы, немилостивый.

Онъ послалъ на насъ рать великую,
Рать великую, въ сорокъ тысячей.
Такъ пойдѣте же, да возьмемъ Сибирь!“

— Эту пѣсню, батенька, вездѣ въ нашей сторонѣ услышишь; почитай каждый мальчишка ее знаетъ,—заговорилъ Аѳанасій Дмитричь, кончивъ пѣніе.—А вотъ эту за рѣдкость,—сказалъ онъ и запѣлъ:

Шатаился, мотался, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ.
Онъ шатаился, мотался по чисту полю,—
По чисту полю, Ермакъ, да по синю морю.
Разбивалъ же, Ермакъ, всѣ бусы-корабли:
Татарскіе, армянскіе, басурманскіе;
А и больше того корабли осударевы!
Осударевы корабли безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскаго они безъ ербычка.
Возговорить Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— „Ой вы, гой еси, мои братцы-товарищи,
Вы морскіе удалые разбойнички!
Еще гдѣ намъ зиму зимовать будетъ?
Намъ на Волгѣ жить, братцы, все ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ.
Идти-ль намъ, не идти на Иртышъ-рѣку.
Мы съ Иртышъ-рѣки возьмемъ Тоболь-городъ.
Тоболь-городъ возьмемъ бѣлой грудью,
Бѣлой грудью возьмемъ, безъ свинца, безъ пороху,
Безъ свинца, безъ пороху, съ камчатной съ одной плеткою.
И поѣдемъ мы къ царю съ повинною,
Повеземъ ему свои буйны головы,
Во правой рукѣ повеземъ топоръ—плаху“.—
Ермакъ Тимофеевичъ ловилъ добра коня,
Добра коня что ни лучшаго,
Добра коня богатырскаго.
Надѣивалъ на него уздечку тесьмянную,
Накладывалъ потнички бѣлы-бумажные,
Накидывалъ сѣделище черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подиругъ шелковыхъ —
Не для красы—для крѣпости.
Садился-де Ермакъ на добра коня,
На добра коня, Ермакъ, на иноходаго.
Передомъ ѣдетъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ.

Ужь онъ ѣдетъ, ѣдетъ потихохоньку,
Ужь онъ ѣдетъ, ѣдетъ посмирнехоньку.
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу, ко царскому,
Ко крылечку подъѣхаль, ко крашеному.
Какъ слѣзаль Ермакъ со добра коня,
И пошелъ Ермакъ въ царскія палатушки;
Ужь идетъ-де онъ безъ докладушекъ,
Идетъ Ермакъ потихохоньку, посмирнехоньку.
Какъ вошелъ Ермакъ во палатушки,
Во свѣтлыя царскія залушки.
Возговорить Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— „Здорово ты, нашъ батюшка, православный царь,
Православный царь, ты, Пётръ Алексѣевичъ,
Со своими князьями и боярами!
Узнаёшь ли Ермака ты, сына Тимофеевича?
Я пріѣхаль къ тебѣ съ повинною,
Привезъ тебѣ свою буйну голову,
Во правой рукѣ топоръ—плаху.
Я шатаился, я мотался по чисту полю,
По чисту полю и по синю морю.
Разбиваль я, Ермакъ, бусы-корабли:
И татарскіе, и армянскіе, и басурманскіе,
А и больше твои осударевы.
Осударевы кораблики безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскіихъ они безъ ербычковъ“.
Возговорить нашъ батюшка, православный царь:
— „Ужь вы, гой еси, мои князья-бояры,
И вы думчіе мои сенаторушки!
Еще что намъ съ Ермакомъ будетъ дѣлать:
Иль казнить его, или вѣшати?
Иль во всѣхъ винахъ его простити?
Иль велѣть ему Казань, Астрахань взять?...“
Возговорить одинъ-де, бояринъ-то,
И старшій думчій сенаторушка:
— „Ой, ты, гой еси, батюшка, православный царь!
Еще мало намъ Ермака казнить-вѣшати!“
Тутъ возговорить Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— „Ой, ты, гой еси, ты врешь, собака!
Безъ суда, безъ допроса хочешь Ермака вѣшати“.
Богатырская сила въ немъ разгоралася,
Богатырская кровь въ немъ подымалася,
Вынималь онъ изъ колчана свою саблю вострую,

Онъ срубилъ, смахнулъ боярину буйну голову:
Буйная его головушка отъ плечь отвалилася,
Да по царскимъ залушкамъ покатилася.
А и царская картина перемѣнилася,
А и думчѣ сенаторы испугалися,
И по царскимъ заламъ разбѣжалися.
Возговорить нашъ батюшка, православный царь:
— „Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ—бѣдой кутить.
Еще что намъ надъ Ермакомъ дѣлать?“
Ни одинъ князь отвѣту не далъ.
Во всѣхъ винахъ прощаль его.
Только Казань, Астрахань взять велѣлъ...

— Пѣснѣ конецъ, а Ермаку слава!—сказалъ Аѳанасій Дмитричъ, кончивъ пѣніе.—Еще разъ скажу, прибавилъ онъ, пѣсня эта за рѣдкость въ нашей сторонѣ.

Дѣйствительно, прибавлю и я отъ себя, пѣсня эта весьма мало извѣстна современнымъ уральскимъ казакамъ. Общеупотребительная нынче между ними первая, которая начинается словами:

„Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, да на Камышенкѣ“
и которую каждый казаченокъ споетъ вамъ съ большими или меньшими пропусками. Но ту, о которой Аѳанасій Дмитричъ отозвался, какъ о рѣдкостной, мнѣ случилось слышать всего только разъ. Я записалъ еѣ, какъ и слѣдуетъ, слово-въ-слово.

V.

Я д ъ.

— Бѣгали отъ насъ казаки въ погоню за разбойниками-киргизами,—говорилъ собесѣдникъ мой, Аѳанасій Дмитричъ.—Догнали киргизовъ за Кара-Кулемъ, отбили у нихъ добычу и, какъ водится, самихъ порядкомъ пощипали. Все хорошо, однимъ только нехорошо: киргизы ранили одного изъ нашихъ казаковъ стрѣлой въ икру, такъ самую малость, и небольно было, не больнѣе того, какъ бы, къ-примѣру, осаужалить. Кажись, дѣло пустое, анъ, вышло не пустое: разворотило у казака ногу, словно бочку, и кинуло всего въ жаръ, и въ третій день казачекъ побывшился. Думали, что казакъ съ-глазу умеръ,—анъ, не съ-глазу. Которой стрѣлой ранили его, эту стрѣлу онъ вывезъ съ собой изъ похода и, когда пришелъ домой, воткнулъ ее въ сѣняхъ подъ застрѣху. Черезъ сколько-то времени послѣ того, какъ схоронили казака, ребятишки его достали стрѣлу и стали баловаться, и одинъ другого укололъ. Что-жъ случилось? Мальчикъ, котораго укололи, распухъ. Слава Богу, не умеръ. Случился на ту пору въ нашемъ форпостѣ купецъ,—съ торгомъ на низъ ѣхалъ,—человѣкъ свѣдущій. Онъ-то и избавилъ мальчика деревяннымъ масломъ—и внутрь давалъ, и снаружи мазалъ. Купецъ этотъ и рассказалъ, что стрѣла, то-ись копьянка, ядомъ напитаана. Чтобы увѣриться въ словахъ купца, нароч-

но, тихонько отъ него, сдѣлали пробу надъ собакой; укололи,—и собака черезъ два дня издохла.—Вотъ какія вещи бывають!—прибавилъ рассказчикъ.

— Почему же зналъ купецъ, что стрѣла ядомъ была напитаана?—спросилъ я рассказчика.—Что онъ, докторъ, что ли, какой?

— Дохтуръ, не дохтуръ, а эти вещи хорошо, видно, зналъ,—сказалъ старикъ.—Рассказалъ онъ намъ послѣ такую ужасную исторію, что и теперь, какъ вспомнишь, и теперь морозъ по кожѣ подираетъ. Слушай-ка.

— Жили-были въ одномъ селѣ двое сиротъ, мальчикъ и дѣвочка,—началъ рассказъ Аѳанасій Дмитричъ.—У сиротъ этихъ не было ни отца, ни матери, ни сродниковъ; кормились они милостынею. Мальчику было лѣтъ десять, а дѣвчкѣ лѣтъ восемь. Однажды заѣхалъ въ то село, гдѣ жили сироты, странній мужикъ, торговецъ,—торговалъ разными сластями. Сироты пришли къ нему попросить Христа-ради. Мужикъ спросилъ ихъ: есть-ли у нихъ отецъ и мать, иль-бо сродственники какіе? Тѣ говорятъ, что они круглые сироты, кормятся именемъ Христовымъ. Тогда мужикъ и сталъ уговаривать ихъ, чтобы пошли къ нему въ дѣтищи.

— У меня,—говоритъ мужикъ сиротамъ,—иѣтъ дѣтей. Идите ко мнѣ жить. Я,—говоритъ,—буду поить-кормить васъ, обувать и одѣвать. А когда выростете, тебя—говоритъ мальчику—женю, а тебя—говоритъ дѣвчкѣ—замужъ выдамъ. А имѣніе мое,—говоритъ,—раздѣлю между вами поровну.

Дѣло дѣтское,—сироты ничего не понимали, только плакала. Тутъ узнали и обыватели того села, гдѣ они жили, и говорятъ мужику:

— Чего съ ними толковать: глупы! Коли у тебя есть желаніе, добрый человѣкъ, воспитать сиротъ,—возьми, говорятъ, ихъ и поѣзжай съ Богомъ, куда путь-дорога лежитъ.

Знамо, обывателямъ на руку, что выискался такой добрый человѣкъ, что избавляетъ отъ сиротъ: эти, значитъ, съ хлѣбовъ и съ податей долой. Хорошо. Взялъ мужикъ сиротъ,

посадила въ повозку и повезъ съ собой. Мѣсяць цѣлый ѣхали, напоследокъ пріѣхали къ мужику на хуторъ. Хуторъ былъ въ мѣстѣ уединенномъ, лѣсномъ, глухомъ, вокругъ все болота и ни души живой. Но сиротамъ до этого дѣла нѣтъ. Живутъ они у мужика на хуторѣ, словно у Христа за пазухой. Мужикъ не знаетъ чѣмъ и кормить ихъ, что ни самими, значить, лучшими явствами. Особенно кормилъ и холилъ дѣвочку, такъ и пичкалъ ее пряниками, изюмомъ и разными сластями. Въ полгода она у него такъ отѣлась, что и узнать нельзя было: дотолѣ была худенькая, черненькая, а тутъ сдѣлалась пухленькая, бѣленькая, словно тѣсто пшеничное.

Хорошо. Прошло еще сколько-то времени,—перезимовали. Весной и состряпалъ мужикъ такую штуку, что вчужѣ, какъ только раздумаешься, морозъ по кожѣ подираетъ.—Взялъ онъ пустую бочку и высадилъ у нея дно,—потомъ взялъ дѣвочку, разнагишалъ и засадилъ въ эту бочку, а дно у бочки опять задѣлалъ. Дѣвочка, знамо, плакала, кричала,—да ничто. Мальчикъ тоже пустился-было въ слезы,—да ничто: мужикъ пригрозилъ топоромъ,—и мальчикъ замолчалъ. Задѣламши бочку, мужикъ взялъ большой буравъ и наvertѣлъ въ ней много дыръ, почестъ изрѣшетилъ бочку. Сдѣламши это, мужикъ покатылъ бочку со двора и вкатылъ въ середину болота, неподалеку отъ хутора. Вкатимши бочку въ болото, мужикъ досталъ изъ кармана дудочку и засвисталъ на ней. И въ болотѣ засвистали: это змѣи засвистали. И полѣзли змѣи въ бочку сквозь набуравленные дыры, и стали змѣи дѣвочку грызть, жалить, и стали изъ нея кровь точить. Ужасъ, что такое! Сначала дѣвочка, бѣдняженька, сильно кричала, а потомъ тише и тише; напоследокъ перестала. Значить, змѣи задушили бѣдняженьку! Мальчикъ опять-было поднималъ крикъ, но мужикъ—съ топоромъ къ нему, и говорить:

— Есть когда не замолчишь, то и тебѣ тоже будетъ! А я, говорить, не хочу съ тобой такъ поступить: довольно и сестренки твоей. И черезъ нея, говорить, мы получимъ не-

смѣтное богатство. Тогда, говорить, и ты заживешь по-барски. Молчи, глупый мальчишка!

„Мальчикъ замолчалъ. Прошло сколько-то времени, мужикъ опять засвисталъ на дудкѣ, и въ болотѣ опять засвистали, но ужъ тише прежняго. Это были тѣ змѣи, кои въ бочку еще не попали. И эти змѣи полѣзли въ бочку.—Черезъ нѣкоторое время мужикъ опять засвисталъ; но въ болотѣ было тихо.—„Всѣ!“ сказалъ самъ про себя мужикъ и выкатилъ изъ болота бочку со змѣями. Тѣ, пока тощи были, слободно лѣзли въ бочку сквозь дыры, а изъ бочки вылѣзть ужъ не могли; напились и нажрались, значить, человѣчьей крови и раздулись; только головы ихъ торчатъ изъ дыръ, словно пронизки. Ужасть, что такое!—Выкатимши изъ болота бочку, мужикъ развелъ огонь и повѣсилъ надъ нимъ большой котелъ на половину съ водой. Когда вода стала закипать, мужикъ надѣлъ на руки кожаныя рукавицы, взялъ желѣзные клещи и давай ими таскать змѣй—схватить клещами змѣю за голову, вытащить изъ дыры и въ котелъ, и въ котелъ. Такимъ манеромъ всѣхъ змѣй перетаскалъ въ котелъ и сталъ варить;—самъ варить, а самъ уполовникомъ помѣшиваетъ. Долго ли, коротко ли, мужикъ варилъ этакую гадость, напоследокъ прилегъ на полъ отдохнуть, а мальчику приказалъ слегка поддерживать подъ котломъ огонь и помѣшивать уполовникомъ въ котлѣ, чтобы ни одна капля этого взвара не ушла черезъ край. И рукавицы съ себя снялъ и отдалъ мальчику.—Ладно.

„Мужикъ лежалъ, лежалъ и храпѣлъ; а мальчикъ сидитъ на корточкахъ у котла, подкладываетъ подъ него дрова и помѣшиваетъ въ котлѣ уполовникомъ, какъ мужикъ приказалъ, а самъ, бѣдняженька, тихонько плачетъ. Не помнитъ мальчикъ, какъ случилось, что скинулъ съ одной руки рукавицу и дотронулся голымъ пальцемъ до уполовника, то-ись, до самой чашечки, что въ котелъ опускается,—и въ одинъ мигъ палецъ у него вздулся. Мальчикъ удивился, однако, не обробѣлъ, а захотѣлъ испробовать, отчего такая оказія случилась; взялъ и зачерпнулъ уполовникомъ немного этого

взвара, даль остыть и маленькую капельку капнулъ себѣ на ладонь,—и въ одинъ мигъ капля прошла сквозь ладонь, дыру, значить, проѣла. Больно было мальчику, что и толковать, однако, не струсилъ онъ, не заплакалъ, не закричалъ, самъ Богъ, значить, подкрѣпилъ его и надоумилъ.—„Одна капля, да еще остуженая, что сдѣлала, думаетъ самъ про себя мальчикъ.—Что же можетъ сдѣлать цѣлый уполовникъ этого зелья, да еще горячаго?!—Господи благослови!“—сказалъ мальчикъ самъ про себя, и въ ту-жъ минуту зачерпнулъ полный уполовникъ этого зелья и бухъ на рожу мужику. Мужикъ только вздрогнулъ и тутъ же окочурился; даже и голоса никакого не издалъ. Значить, нашла коса на камень.

„Послѣ такого случая, знамо дѣло, мальчикъ пустился бѣжать, куда глаза глядятъ. Утромъ наткнулся въ лѣсу на дровосѣковъ и рассказалъ имъ, что и какъ было. Тѣ выслушали мальчика, посмотрѣли на его руку, а она стала уже заухать. Тогда одинъ изъ дровосѣковъ, человѣкъ, видно, знающій, не говоря ни слова, прижалъ руку мальчика къ дереву и отхватилъ топоромъ, повыше кисти и пониже локтя. Этимъ самымъ и избавилъ мальчика отъ неминуемой смерти.—По сказкамъ мальчика, дровосѣвки отыскали хуторъ и нашли въ немъ все такъ, какъ мальчикъ рассказывалъ: и котель съ зельемъ, и мертваго мужика;—у того, у подлеца, и рожи не знать было—зелье сожгло — и издырвленную бочку. Бочку разбили и въ ней нашли однѣ бѣлыя косточки дѣвочкины. Собрали эти косточки и, какъ подобаетъ, схоронили тутъ же въ лѣсу, а избушку съ мертвымъ мужикомъ и съ зельемъ и со всѣмъ, что въ ней было, завалили хворостомъ и предали огню.

— Зачѣмъ же мужику нужно было этокое зелье?—спросилъ я рассказчика, когда онъ кончилъ свой рассказъ.

— Какъ зачѣмъ? Рази не догадываешься?—спросилъ старикъ.—Этимъ самымъ зельемъ,—продолжалъ онъ,—мужикъ торговалъ, спроваживалъ, значить, его за границу, къ непріателямъ, а тѣ, знамо дѣло, закаляли въ немъ стрѣлы, копья и всякое оружіе на пагубу нашу и всѣхъ добрыхъ

людей. Довольно слегка поранить человѣка стрѣлой иль-бо саблей, что зельемъ такимъ напѣтана иль-бо намазана,—и человѣку тому неминуемо приключится смерть, если только не успѣютъ во-время захватить какимъ ни на есть лекарствомъ.

— Отъ кого-жъ купецъ слышалъ эту исторію?—снова спросилъ я моего собесѣдника.

— Отъ дѣдушки!—отвѣчалъ тотъ.—А дѣдушка его и былъ тотъ самый сирота-мальчикъ, что угомонилъ мужика ядомъ,—заклучилъ старикъ.

VI.

Оборотни.

...На моемъ вѣку мнѣ только разъ довелось видѣть оборотня въ нашихъ мѣстахъ и то давнымъ-давно, когда я маленькимъ мальчишкой былъ,—говорилъ старикъ.—Въ нашихъ мѣстахъ, чтобы не сглазить, этакихъ мерзостей нынче ужъ совсѣмъ нѣтъ; да и въ старину, сказывали старики, было мало. Народъ-то, что ли, былъ совѣстливый, иль-бо потому, что въ достаткѣ жилъ и ни въ чемъ нужды не имѣлъ—не знаю, какъ сказать; а только въ томъ могу завѣрить, что хоша и изъ нашихъ въ старину бывали такіе доки, что съ нечистой силой знались, однако, на такія штуки не пускались, чтобы образъ звѣря какого принять и тѣмъ людей стращать и обирать, иль-бо кого по насердкамъ въ звѣря оборотить. А вотъ въ Расеи, между мужиками,—продолжалъ рассказчикъ,—и въ старину, говорятъ, бывало и въ нонѣшнее время много бываетъ такихъ пакостей. Тамъ, говорятъ, цѣлые свадебные поѣзды въ волковъ оборачивали и оборачиваютъ, есть-коли дружка плохъ, не можетъ, значить, супротивъ заговора свой отговоръ представить.

„Оборотни бываютъ двухъ сортовъ,—продолжалъ старикъ:—одни вольные, другіе подневольные. Вольный оборотень тотъ, кто самъ собой, своей волей, оборачивается въ какого-нибудь звѣря, чтобы невзначай людей пугать и ихъ

обирать, когда тѣ испугаются. Подневольный оборотень тотъ, кого кто-нибудь по насердкамъ оборотить въ звѣря, чтобы тотъ скитался и нужду спознавалъ. Подневольные оборотни безопасны, жалости подобны, они никакихъ худностей никому не дѣлаютъ, ихъ и обижать грѣшно. А вотъ тѣхъ, кои сами собой, ради корысти, на эти штуки пускаются, тѣхъ, знамо, и убить не грѣхъ—туда и дорога. Былъ такой примѣръ и у насъ, на моей памяти, годовъ пятьдесятъ тому. Жили мы тогда въ Гурьевѣ-городкѣ. Въ одно время прошла по городу молва, что оборотень ходитъ въ образѣ свиньи. Сначала не всѣ вѣрили, а подъ конецъ всѣ увѣрились. Разъ ночью шла изъ гостей домой женщина. Вдругъ изъ-за угла, словно стрѣла, выскочила преогромнѣющая свинья и прямо женщину подъ ноги. Женщина обмерла и безъ чувствъ упала на землю; а когда очуствовалась, то ни жемчужной сороки,—тогда еще въ модѣ были сороки,—ни индѣйской шинки на головѣ не осталось. Значитъ, оборотень сграбасталъ. А женщина была изъ хорошаго, богатаго дома и хмѣльного въ ротъ не брала. Въ другой разъ, вскорѣ послѣ этого, оборотень напалъ на казака и стащилъ съ него шелковый азымъ, норковую шапку и козловые сапоги. Правда, казакъ былъ выпимши, но не совсѣмъ, былъ еще въ чувствѣ, во всѣ глаза глядѣлъ, видѣлъ, какъ свинья зубами сорвала съ него и шапку, и азымъ, и сапоги, но оборониться и закричать не могъ: отъ испуга и руки, и ноги у него отнялись и голосъ замеръ.

Послѣ этихъ исторій стали обыватели беречься, по ночамъ не стали ходить по одиночкѣ, а стали ходить по двое, по трое, съ фонарями да съ оружіемъ. Съ того ли, не съ того ли, перестала свинья разгуливать по городу. Прошло сколько-то времени спокойно, стали свинью забывать. Вдругъ, среди бѣла дня, въ какой-то праздникъ, появилась она въ слободкѣ, около дѣвичьяго хоровода: хотѣла, значитъ, поживиться чѣмъ-нибудь отъ дѣвчатъ. Тѣ, словно отъ дождя, въ разныя стороны, подняли крикъ-плачъ и взбулгачили весь народъ. Затормошился народъ и кинулся на свинью, кто съ

ружьемъ, кто съ дубьемъ. Свинья видитъ, что дѣло плохо, поворотила оглобли назадъ и драло вонь изъ города, и побѣжала къ шишамъ *). Народъ за ней. Кто-то, набѣгу, выстрѣлилъ по ней изъ ружья и раздробилъ ей правую переднюю ногу. Еще кто-то выстрѣлилъ и попалъ свиньѣ въ морду. Однако, совсѣмъ не убили. Успѣла, бестія, забѣжать за одинъ шишъ и пропала; спряталась, значить, въ шишъ. Народъ окружилъ шишъ и давай палить въ него изъ ружей. Палили, палили и перестали. Слышутъ: въ шишѣ что-то шевелится и стонетъ. Принесли багры и стали растаскивать шишъ. Оттащили сколько-то пучковъ и увидали: на лоскуткѣ кошмы (войлокъ) стоитъ на колѣняхъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, въ голубой китаечной рубашкѣ. Правая рука у него перебита пулькой и виситъ, словно плеть; зѣвки разбиты; изъ нихъ и изъ руки, какъ теперь помню, етруится черная кровь. Старикъ силится что-то сказать, а не можетъ; только мычить, да стонетъ, да головой качаетъ, кланяется, да лѣвой рукой-то на себя покажетъ, то на церковь.

— Каится! каится!—закричалъ кто-то изъ народа. — Попа, видно, просить.

— Дьявола ему, еретику, а не попа! Не достоинъ онъ этого! Добивай его, ребята!—закричалъ еще кто-то.

— По этому слову кто-то выстрѣлилъ, и старикъ повалился. Въ тоѣ-жъ минуту завалили его опять камышомъ и подожгли. Шишъ былъ огромнѣющій, воровъ болѣе ста, запыхалъ словно адъ: къ вечеру отъ старика и праху не осталось! Съ той поры никто ужъ больше не видалъ свиньи-оборотня.

„Это я самъ, своими глазами, видѣлъ,—прибавилъ рассказчикъ.—А разъ довелось мнѣ говорить съ однимъ чело-вѣкомъ. Тотъ, ложь ли, правда ли, самъ былъ въ оборотняхъ, только не по своей волѣ, а по волѣ тещи своей, колдуньи. Я тебѣ расскажу. Слушай-ка.

*) Запасы камыша, приготовленнаго для топлива и складываемаго въ конусообразныя кучки. Эти-то кучки называются шишами.

„Жилъ онъ, этотъ человѣкъ,—говорилъ старикъ,—съ женой не въ ладахъ, часто колотилъ ее, а все изъ-за того, что взялъ ее нечестную, ошибся. Жена жаловалась своей матери. Та часто выговаривала зятю, чтобы унялся, не тиранилъ жену, чтобы забылъ ея дѣвичій проступокъ. „Грѣхъ да бѣда, говоритъ теща зятю, съ кѣмъ не бываетъ. Не то, говоритъ теща, сыграю я съ тобой такую штуку, что неточію дочь мою, а и дома своего не узришь“. Зять, однако, не унимался, колотилъ жену по-прежнему, а того и въ головѣ не держалъ, что теща его колдунья.

„Разъ, въ пьяномъ видѣ, поколотилъ онъ жену очень больно; та и убѣжала къ матери, въ другое село. На другой или-бо на третій день, съ похмѣльной головой, зять пошелъ къ тещѣ за женой. Теща притворилась, будто ничего не знаетъ, что тамъ у нихъ съ женой произошло, встрѣтила зятя ласково, усадила за столъ и стала потчивать обѣдомъ. Но зятю не до обѣда: у него голова трещитъ съ перепоя.

— Нѣтъ ли чѣмъ опохмѣлиться, любезная тещенька?—спрашиваетъ зять.

— Коли нѣтъ,—говоритъ теща ласковымъ голосомъ:—есть! По пословицѣ, не для зятя, собаки, а для своего дитяти, говоритъ теща будто шутками. Вотъ, говоритъ теща, кушай, да только, смотри, не обожгись.

„Сказала это и достала изъ-за печки стаканъ вина и поднесла зятю. Тотъ, не перекрестясь и не благословясь, духомъ выпилъ стаканъ. Хотѣлъ порожній стаканъ поставить на столъ, а онъ, то-ись стаканъ, самъ собой выпалъ изъ рукъ. Зять взглянулъ на руки, а онѣ не руки, а волчьи лапы. Онъ взглянулъ самъ на себя, и весь-то онъ не человѣкъ, а волкъ, отъ головы до пятокъ волкъ! Зять съ мыслями еще не успѣлъ сообразиться, какъ теща и жена схватили одна ухватъ, другая кочергу и давай гнать его изъ избы. Въ дверь ли, въ окно ли, не помнитъ, зять выпрыгнулъ на дворъ. Тамъ собаки принялись рвать его. Онъ на улицу, и тамъ собаки. Онъ въ лѣсъ, а тамъ волки, и тѣ стали-было пощипывать его. Однако, вскорѣ заступился за

него волчій предводитель, къ примѣру, атаманъ. Подошелъ онъ къ оборотню, обнюхалъ его и зарычалъ на своихъ. Тѣ замолкли, присмирѣли, подошли къ оборотню, обнюхали его, полизали и хвостами завертѣли; значить, въ компанію къ себѣ приняли. Къ вечеру вся стая поднялась съ мѣста и пошла на промыселъ. Оборотень съ ней же. Дѣло было зимой, снѣгъ былъ глубокій, по брюхо волкамъ. Истовымъ волкамъ, знамо, это ни по чемъ, а оборотню куда какъ жутко было. Однако, со временемъ и онъ обдержался, сталъ бѣгать, какъ и настоящій волкъ. Въ ту же ночь зарѣзали волки лошадей и стали ѣсть. На нихъ глядя, и оборотень присунулся-было къ лошади, но ѣсть не могъ—въ душу не пошло. Замѣтилъ это волчій предводитель, подошелъ къ оборотню и знаками показалъ, какъ слѣдуетъ съ маханиной обращаться. Сперва волкъ положилъ лапу на маханъ—„гляди-де!“, потомъ рванулъ зубами и вырвалъ кусокъ маханины; вырвалъ и бросилъ на снѣгъ; потомъ опять взялъ со снѣга въ зубы и три раза встряхнулъ въ воздухъ; напоследокъ сталъ ѣсть. Оборотень сдѣлалъ точно такъ же. И показалась послѣ того оборотню маханина вкусной-превкусной, что твоя жареная гусятина иль-бо поросятина, и сталъ онъ уписывать ее за обѣ щеки. Съ этого самаго раза оборотень и языкъ волчій сталъ понимать, сталъ и разговаривать съ волками, а всѣ человѣческіе pomysлы изъ головы совсѣмъ вышли, одно слово, сдѣлался настоящимъ волкомъ, будто и не былъ никогда человѣкомъ.

Такимъ манеромъ цѣлыхъ три года оборотень жилъ съ волками и вошелъ у волковъ въ большую славу, какъ храбрый, небоязливый, ловкій и проворный рѣзакъ. Бывало, никто лучше не подцѣпитъ и не зарѣжетъ овцу, корову иль-бо другую какую скотину. Стараго предводителя гдѣ-то убили на промыслѣ. На мѣсто его волки выбрали себѣ атаманомъ оборотня: ужъ больно ловокъ былъ, пострѣлъ! Черезъ три года, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пришелъ оборотень въ человѣчій разумъ и вспомнилъ прежнюю свою человѣчью жизнь, вспомнилъ и тещеньку свою любезную. И захотѣлось ему отмстить тещѣ чѣмъ возможно. Что-жъ, зачѣмъ дѣло

стало? Подъ началомъ цѣлая стая волковъ! Въ одну ночь онъ и скомандовалъ волкамъ, чтобы шли за нимъ. Волки повиновались и пошли. Подошли къ тому селу, гдѣ жила теща оборотнева, зашли задами къ тещину двору, знамо, оборотень показывалъ, влѣзли на базъ, гдѣ овцы содержались, разломали сверху дыру и спустились въ базъ, чтобы перерѣзать у тещи всѣхъ овецъ, такой приказъ былъ отъ оборотня. Спустились въ базъ, и попали въ западню: овецъ въ базѣ не было. Правда, были двѣ-три ледація овцы, да шутъ ли въ нихъ? Волкамъ, а пуще оборотню, не того хотѣлось. Ну, нѣтъ овецъ—это еще не бѣда: „на нѣтъ и суда нѣтъ“; а то бѣда, что волкамъ вылѣзть изъ база нельзя, вотъ это для волковъ скверно! Прежде они, пострѣлы, такъ дѣлывали: залѣзутъ, бывало, къ кому-нибудь въ овчарню, нарѣжутъ овецъ многое-множество, наладутъ ихъ полѣнницей и по нимъ вылѣзутъ вонъ. А теперь не то вышло; значить, нашла коса на камень. Пробовали волки стѣну грызть,—скоро ли прогрызешь: стѣна толстая, изъ сырого кирпича. Принялись за дверь и около нея ничего не взяли: дверь была дубовая, обита желѣзомъ. Стали землю рыть, чтобы подъ стѣну подраться, и тутъ ничего не взяли: земля мерзлая, не скоро подроешься. Взвыли волки и въ досадѣ кинулись на оборотня, что завелъ ихъ въ такое мѣсто. Растерзали-бъ волки оборотня, еслибъ не подошли въ эту минуту къ дверямъ люди. Волки осѣлись притихли, поджали хвосты и забились въ уголь. Оборотень ни живъ, ни мертвъ, забился въ другой и слышитъ на дворѣ за дверью голосъ тещи. Та смѣхомъ говоритъ сыновьямъ:

— Гость дорогой пришелъ, да не одинъ, а съ цѣлой компаніей. Приготовьтесь, дѣтушки, хорошенько угостить.

Сказано, теща была колдунья. Она знала и день, и часъ, когда зять-оборотень вернется; припасла къ тому времени такой крѣпкій базъ и оставила въ немъ, для приманки волкамъ, двѣ-три паршивыя овцы, а остальныхъ припрятала въ другое мѣсто.

Немного погода, растворилась дверь и въ базъ вошла

теща съ фонаремъ и съ веревкой въ рукахъ. За нею вошли три сына ея, три здоровенные мужика, съ топорами и веревками. Подошла теща къ волкамъ, посмотрѣла на нихъ, пересчитала—ихъ было двѣнадцать—и говоритъ: „Хороши гости, нарядные“. А волки, словно снулые, сидятъ на заднихъ лапахъ, не шевелятся; нечистая сила и ихъ пригвоздила. Потомъ подошла теща къ оборотню, погладила его по головѣ, смѣется и говоритъ:

— Что, мой другъ, соскучился видно объ насъ? Извѣстить пришелъ?—Милости просимъ!

Сказала это и накинула оборотню на шею веревку и повела вонъ изъ база.

— А вы,—говоритъ она сыновьямъ,—угостите пріятелей его, какъ должно. Скиньте съ нихъ тулузы-то, чай, жарко имъ въ нихъ.

Привела теща оборотня въ избу, поставила супротивъ печки, достала изъ-за печки стаканъ вина и подала оборотню.—Выпей,—говоритъ теща. — Оборотень не знаетъ, какъ съ стаканомъ сладить. Теща велѣла ему сѣсть на заднія лапы, а переднія протянуть. Онъ такъ и сдѣлалъ. Теща вставила ему стаканъ между лапъ и помогла выпить. Оборотень выпилъ и въ тотъ же мигъ обратился опять въ чело-вѣка. Тогда теща и говоритъ зятю:

— Не разъ говорила я тебѣ: не бей мою дочь; но ты не слушалъ. Теперь пеняй самъ на себя. Но, любезный зятюшка, это только одни цвѣточки, а ягодки еще впереди. Берегись! Если отнынѣ слово одно услышу отъ дочери, что ты обижаешь ее, то оборочу тебя въ волка на цѣлую жизнь.

Зять, знамо дѣло, клянется передъ тещей всѣми богами, что не будетъ обижать жену, а у самого на умѣ одно, какъ бы только вырваться живому отъ тещи. Та напоила его, накормила и отпустила домой; дала ему и одежду, а его одежда, что была на немъ, вся изнасилась, покуда оборотнемъ ходилъ.—Лишь только вырвался отъ тещи, зять и побѣжалъ, сломя голову, куда глаза глядятъ; и въ село свое не зашелъ,

и отъ жены, и отъ дома, и отъ всего сродства своего отступился,—пошелъ, значить, странствовать.

Показывалъ этотъ человѣкъ мнѣ руки свои. На всѣхъ, сударь мой, пальцахъ первыхъ суставовъ не было: отморозилъ онъ ихъ въ первую зиму, какъ оборотнемъ бѣгалъ! А на ногахъ пальцы уцѣлѣли, по той самой причинѣ, что на ногахъ сапоги были. Послѣ, знамо, и сапоги износились, да ничего: ноги, значить, обдержались.

Мужичка этого я видѣлъ старичкомъ. Бакчи онъ у насъ караулилъ. Послѣ, какъ слышно было, ушелъ онъ на Иргизъ и постригся въ монахи. Это было въ ту пору, когда иргизскіе монастыри не были еще разорены,—заклучилъ старикъ.

VI.

Проклятые.

„По понятіямъ уральцевъ, заимствованнымъ, конечно, отъ великоруссовъ, ш у т о в к и суть проклятыя жены и дѣвы. Онѣ живутъ во плоти, невидимо отъ людей, и будутъ жить до пришествія Христова. А какъ онѣ не совсѣмъ еще отрѣшились отъ земли, то часто ходятъ между людьми, похищаютъ одежду и пищу... и выбираютъ для себя любовниковъ изъ мужчинъ. Обыкновенно шутовки нападаютъ на тѣхъ, которые горюютъ объ отсутствующихъ или умершихъ женахъ или любовницахъ... Кромѣ шутовокъ, т. е. проклятыхъ женщинъ, есть между чертами и ш у т ы, т. е. проклятые мужчины. Эти полужемные молодцы въ свою очередь обольщаютъ между людьми молодыхъ женщинъ... Конечно, случается, что кромѣ женщинъ попадаютъ въ сѣти шутовъ и неопытныя дѣвушки... Отецъ или мать можетъ проклясть и погубить свое дѣтище безъ всякаго намѣренія, отъ одной глупости и неосторожности. Стоитъ только отцу или матери сказать не въ часъ сыну или дочери два слова: „будь проклять“—и дитя тотчасъ исчезнетъ. Н е ч а с о м ъ простолюдины считаютъ самые глухіе полдни, т. е. промежутокъ или, правильнѣе, переходъ отъ 12-го къ 1-му часу — переходъ, продолжающійся, впрочемъ, только одно мгновеніе или и еще меньше“.

(Изъ разказа: „Василій Струняшевъ“).

— Ъхаль одинъ казакъ изъ Самары въ Уральскъ, — говорилъ собесѣдникъ мой, старикъ.— Ъхаль по Обчему (Общій Сыртъ). Телѣжонка у казака была ледащяя, словно у башкирца; связана, какъ говорится, лыкомъ да мочалой; въ добавокъ, не смазана, будто въ Самарѣ и дегтю не нашлось на

базарѣ; и поэтому самому скрышитъ на всѣ лады; особенно одно колесо отличалось: какъ только обернется, такъ и вскрикнетъ: „тырлы!“ И все, братецъ мой, на одинъ ладъ: „тырлы“ да „тырлы“. Ничего, однако, казакъ привыкъ къ этому „тырлы“. Спустилась дорога подъ гору и пошла лѣсомъ, осинникомъ. Казакъ сидитъ на одной наклескѣ и пѣсенки мурлычить. А колесо все свое: какъ обернется, такъ и вскрикнетъ „тырлы“. И въ лѣсу откликнется: „тырлы!“ Колесо „тырлы“ и въ лѣсу „тырлы“. Сначала казаку невдомекъ, что это „тырлы“ не проста; думаетъ, что это въ лѣсу отдается. Немного погодя, дорога вышла изъ лѣсу и пошла по увалу, по ровному мѣсту, а тамъ и по степи. Казакъ ѣдетъ,—колесо: „тырлы!“ И въ степи, позади телѣги: „тырлы!“—„Тырлы“ да „тырлы!“ Что будешь дѣлать? Немного погодя, это самое „тырлы“ слышно не позади, а по правую сторону телѣги. Чудеса! Еще немного погодя, это „тырлы“ слышно по лѣвую сторону. Чудеса! Еще немного погодя, это „тырлы“ слышно въ самой телѣгѣ, на другой наклескѣ, супротивъ казака. Чудеса! Казакъ остановился, слѣзъ съ телѣги, обошелъ кругомъ, тяжи и кое-что поправилъ, пересѣлъ на другую наклеску и поѣхалъ. Казакъ ѣдетъ, а колесо опять „тырлы“, а въ отвѣтъ колесу опять „тырлы!“ Это „тырлы“ на другой ужъ сторонѣ, гдѣ прежде казакъ сидѣлъ.

— Что за оказія?—говоритъ казакъ самъ про себя.— Ужъ не чортъ ли шутить?

— Чортъ не чортъ, а похожъ на него!—говоритъ въ отвѣтъ казаку невидимый голосъ.

Казакъ ужаснулся и давай творить молитву, а самъ, вытараща глаза, озирается на всѣ стороны. Думаетъ и то,—не притаился ли кто гдѣ, не пугаетъ ли. Но никого нѣтъ, и быть негдѣ: мѣсто гладкое, ни кустика, ни марика.

— Не безпокойся,—говоритъ казаку невидимый голосъ,—никого не увидишь. А есть-когда хочешь,—говоритъ невидимый голосъ,—я самъ тебѣ покажусь.

Казака покоробило, по кожѣ у него морозъ пробѣжалъ.

— Будь спокоенъ,—говоритъ невидимый голосъ,—никакого худа тебѣ не сдѣлаю, да и не могу: не въ моей власти.

— Да ты кто?!—почти запылялъ казакъ.—Прежде скажись, чтобы я зналъ, а потомъ ужъ и покажись.

— Я проклятѣй!—говоритъ невидимый голосъ.—Ну, что, хочешь, чтобы я тебѣ показался?—спрашиваетъ невидимый голосъ.

Казакъ видитъ, что не отбоярится ему отъ проклятѣго, коли тотъ самъ навязывается,—думаетъ: надо-де, уважить, а то, пожалуй,—долго-ли до грѣха,—худа бы какого не сдѣлалъ.

— Кажись!—говоритъ казакъ, а у самага голосъ дрожить.

— Только, пожалуйста.—упрашиваетъ казакъ проклятѣго,—пожалуйста, почтенный, покажись въ пристойномъ образѣ, чтобы вдалась не испугаться...

— Хорошо,—говоритъ невидимый голосъ, со смѣхомъ.—Зажмурь глаза!

Казакъ зажмурился.

— Гляди!—говоритъ невидимый голосъ.

Казакъ открылъ глаза и увидалъ прямо передъ собой, на другой наклескѣ, мужчину въ красной александрійской рубашкѣ.—Мужчина былъ парень молодой, усъ только рѣжется,—парень бѣлый, кудрявый, краснощекій, здоровенный, на лбу хошь онучи суши—высохнуть.

— Ну, что? Каковъ я на твои глаза?—спрашиваетъ проклятѣй казака.

— Ничего,—говоритъ казакъ,—на мои глаза, ты такой же человекъ, какъ и всѣ люди.

— Да!—говоритъ проклятѣй, и вздохнулъ.—Я такой же былъ человекъ, какъ и ты, какъ и всѣ люди. Да вотъ, по грѣхамъ моимъ, попалъ въ дьявольское общество и почитай на одномъ конѣ съ дьяволами сижу.

— По какому же случаю ты попалъ въ дьявольское общество?—спрашиваетъ казакъ.

— Извѣстно, по какому,—говоритъ проклятѣй: — мать

прокляла; не въ часъ лихо слово молвила и погубила меня.—Правда,—говорить проклятѣй,—самъ я тому причиной: на мать руку полнялъ... Годомъ я купецъ города Нижняго,—чай, слыхалъ?—спрашиваетъ проклятѣй казака.

— Какъ не слыхать? — говоритъ казакъ. — Слыхалъ! Тамъ Макарьевска ярманка.

— Родителя у меня не было въ живыхъ, а была одна родительница,—говорить проклятѣй.—Держала она меня въ строгости, что и говорить, да не воздержала; значить, чего въ комъ не положено, въ того не положишь. Однажды я загулялся въ разныхъ веселыхъ домахъ. Слыхалъ ты, какъ нашъ братъ гуляетъ?—спрашивалъ проклятѣй казака.

— Ну,—говорить проклятѣй,—я и загулялся, и задолжалъ: вина много перебралъ. Денегъ со мной было немного, расплатиться нечѣмъ. Надѣялся на товарища, а тотъ измѣнилъ, подлець, скрылся. Хозяева въ долгъ не вѣрятъ и отъ себя не отпускаютъ. „Расплатись, говорятъ, за вино да за музыку; не то, говорятъ, въ полицію представимъ“.—Что дѣлать? Послать къ матушкѣ за деньгами—боюсь. Знаю, мать денегъ не дастъ. А тамъ пристають:—„Расплатись, говорятъ,—сію-жъ минуту расплатись; не то, говорятъ, за будошниками пошлемъ.“—Дулся, дулся, да и перевернулся: скинулъ съ себя всю одежду, какая была, и отдалъ подъ закладъ. „Когда, говорятъ, принесешь деньги,—тогда возьмешь свое обратно“.—Остался я въ одной рубахѣ, и въ такомъ видѣ пришелъ домой. Мать вскинулась на меня, стала бранить и бить. Я, съ пьяныхъ-то глазъ, возьми и толкни матушку въ грудь. Этого, знамо дѣло, матушка не стерпѣла, плюнула мнѣ въ рожу, да и сказала:—„Будь же ты за это, анаѣема, проклять!“—На бѣду мою,—говорить проклятѣй,—пришлось матушкѣ слова эти выговорить не въ часъ. Ну, и конченъ балъ! Въ тотъ же мигъ подцѣпили меня дьяволы и увлекли въ свое сонмище! Теперь,—говорить проклятѣй,—и исполняю повелѣнное мнѣ дьяволомъ.

— Что-жъ ты дѣлаешь?—спрашиваетъ казакъ.

— Извѣстно, что,—говорить проклятѣй:—слоняюсь по

міру между людьми, отыскивая такихъ дѣвушекъ, иль-бо молодушекъ, кои по полюбовникамъ или по мужьямъ тоскуютъ, примазываюсь къ нимъ и... Дальше нечего рассказывать, самъ знаешь.

— Какая же польза тебѣ оттого?—спрашиваетъ казакъ.

— Какъ какая? говоритъ проклятѣй.—Чудной ты человекъ! Вѣдь я во плоти... Опять и то, еслибъ я и не хотѣлъ, такъ дьяволы приневолятъ: я въ ихъ власти. Что прикажутъ, то и исполняй. А вздумай-ка послушаться, бѣда! такъ отстегаютъ желѣзными, раскаленными прутьями, что въ другой разъ не захочешь супротивничать. Таковъ предѣлъ.

— Да дьяволамъ-то какая польза отъ этого?—спрашивалъ казакъ.

— Казакъ молодецъ, любопытничаетъ, до всего, значить, доходитъ,—замѣтилъ рассказчикъ.

— А вотъ какая!—говоритъ проклятѣй.—Къ которой женщинѣ я прикачнусь, вѣдь она можетъ забеременѣть и родить. Вотъ этого-то младенца, что отъ меня родится, дьяволы и подцѣпятъ и утащатъ къ себѣ,—ни въ жисть не оставятъ между людьми. Дьяволы, видишь ли, какую-то выгоду находятъ въ томъ, чтобы какъ можно больше залучить въ свое общество человѣческихъ душъ и во плоти, и безъ плоти,—особенно дорожатъ младенческими душами. Хорошенько не умѣю тебѣ объяснить,—говоритъ проклятѣй,—какую выгоду изъ этого дьяволы чаютъ получить, — насчетъ этого они больно не откровенны съ нашимъ братомъ. Одно замѣтно, что они больно дорожатъ младенческими душами.

— Значить, всѣ проклятые занимаются этимъ же ремесломъ?—допытывается казакъ.

— Нѣтъ, не всѣ!—говоритъ проклятѣй.—Тѣ только занимаются этимъ ремесломъ, кто въ совершенныхъ лѣтахъ.

— А рази, окромѣ младенцевъ, что отъ вашего брата родятся, есть между вами и несовершенныхъ лѣтъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Есть,—говоритъ проклятѣй,—примѣрно, мальчики и дѣвочки. Эти, глядя по возрасту, около дома шишлятъ; при-

мѣрно, мальчики дрова собираютъ, провизию запасаютъ, а дѣвочки ѣсть готовятъ, одежду починяютъ, новую шьютъ, прочее такое, все по домашности...

— Гдѣ-жъ провизию-то берете, гдѣ одежду-то берете?— спрашиваетъ казакъ.

— Какъ гдѣ? между людьми побираемся!—говоритъ проклятѣй.—Для этого нарочно снаряжаемъ партіи мальчишекъ. Тѣ, невидимо отъ людей, ходятъ по домамъ, по базару, по мяснымъ рядамъ, выглядываютъ, гдѣ что положено безъ молитвы и отъ всего этого дерутъ по малости,—нарочно берутъ по малости, чтобы хозяевамъ не въ догадъ было. Примѣрно, если побирušки наши изъ всѣхъ лавокъ въ мясномъ ряду по фунтику возьмутъ мяса, такъ и то съ пудъ наберутъ. Вотъ этимъ-то и пробавляемся.

— По какому же побыту маленькіе-то попадаютъ къ вамъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Да по такому же, по какому, примѣрно, и я попалъ,—говоритъ проклятѣй;—знамо, родители проклинаятъ. Къ примѣру, раскричится иль-бо разбалуется ребенокъ, надоѣстъ матери. Та съ досады и скажетъ ребенку: „о, чтобъ черти тебя взяли!“ или: „отвяжись, ты, проклятый!“ иль-бо что другое похожее на это. И скажетъ мать такое не въ часъ, и не случится на ту пору на ребенкѣ креста,—ну и конченъ балъ! Черти въ тотъ же мигъ подхватятъ ребенка и утащатъ къ себѣ,—поминай, какъ звали.

— А есть между вами старики иль-бо старухи?—допытывался старикъ.

— Нѣтъ!—говоритъ проклятой.—По той самой причинѣ нѣтъ: кто же будетъ проклинять ихъ, то-ись, стариковъ и старухъ? Некому! Правда, бываютъ средственныхъ лѣтъ мужчины и женщины, да рѣдко, очень-очень рѣдко,—а все молодежь одна, да мелюзга. А сами мы,—говоритъ проклятѣй,—не растемъ и не старѣемся: какъ кого въ какомъ возрастѣ застанетъ проклятіе, такъ тотъ въ такомъ возрастѣ и остается на всю жизнь; а жизнь наша,—говоритъ проклятѣй

и вздыхаетъ,—жизнь наша долга, до второго пришествія, до суда страшнаго.

— А тогда что будетъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Не вѣдаемъ!—говоритъ проклятѣй.—Эта статья отъ насъ закрыта.

— Ну, а совершенныхъ лѣтъ проклятыя дѣвки и молодая женщины, то-ись, по нашему, шутовки, тѣ тоже этимъ художествомъ занимаются, какимъ, къ примѣру, и ты?—спрашиваетъ казакъ.

— Непремѣнно!—говоритъ проклятѣй.—Онѣ еще больше нашего брата объ этакихъ дѣлахъ хлопчатъ, да только, горе ихъ, мало успѣваютъ....

— По какой же причинѣ мало?—спрашиваетъ казакъ.

— А по той самой,—говоритъ проклятѣй,—что къ мужчинѣ трудно прикачнуться: мужчина супротивъ женщины крѣпче. Рѣдкій, рѣдкій мужчина, рази изъ тысячи одинъ, предается тоскѣ по женѣ иль-бо по любовницѣ; а безъ этого и прикачнуться нельзя. Женщины же супротивъ мужчинъ гораздо слабѣе, къ грѣху самохотному, чтобы не сглазить, большую привержность имѣютъ; и потому самому нашему брату лафа около женщинъ: купаемся, словно сыръ въ маслѣ. Я тебѣ про себя скажу,—говоритъ проклятѣй.—Недавно, съ годъ тому, въ селѣ, подъ городомъ Самарой, одна дѣвушка врѣзалась въ молодого парня, въ работника. Нѣкое время пробавлялись они с у х о ю л ю б о в ь ю: надзоръ въ домѣ былъ строгій. Вдругъ случился наборъ, и забрили работнику лобъ. Всплакалась дѣвушка и предалась тоскѣ-отчаянію; лишилась, бѣдняжечка, сна и пици. На ту пору я проходилъ черезъ то село, гдѣ жила дѣвушка, узналъ ея положеніе, увидалъ и самое: ничего, дѣвка смазливая. „Хорошо, думаю, къ этой можно прикачнуться“. Вѣдь и у насъ,—говоритъ проклятѣй казаку,—и у насъ губа-то не дура, языкъ не лопатка, знаетъ, что сладко. Насчетъ этой статьи мы разборчивы, на кой-какихъ не заримся, а выбираемъ, чтобъ была и молода, и хороша, и сдобна. А вотъ шутовки, говоритъ проклятѣй, тѣ не разбираютъ, всякому рады, былъ бы только

мужчина, по той самой причинѣ, я ужъ тебѣ сказалъ, что имъ не лафа около мужчинъ. Хорошо,—говорить проклятой,—рѣшилъ я, значить, прикачнуться къ той дѣвушкѣ, и для того выбралъ такую минуту, когда она сидѣла въ избѣ одна и плакала по полюбовничкѣ, принялъ на себя образъ полюбовничка,—на этотъ счетъ мы молодцы, можемъ всякія личины принимать,—обрядился въ солдатскую шинель...

— Гдѣ жъ ты шинель-то взялъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Вотъ еще о чемъ спрашиваетъ?!—говорить проклятой.—Гдѣ взялъ?—Да сбондилъ! Нарочно въ городъ Самару слеталъ и тамъ у гарнизонныхъ солдатъ изъ цехауза стянулъ. Больше негдѣ было взять. Обрядимшись некрутикомъ, я, говоритъ проклятой, и представился Машѣ,—дѣвушку Машей звали. Та, какъ только узрѣла меня, такъ, словно безумная, и бросилась мнѣ на шею, и давай цѣловать: этого только мнѣ и нужно было. Съ того самаго раза,—говорить проклятой,—какъ женщина, своей волей, коснется до нашего брата, она наша... Откуда ты, соколикъ мой?—говоритъ Маша,—а сама цѣлуетъ меня.—Тише, тише, говорю ей: кто бы не услыхалъ. Бѣжалъ, говорю, изъ роты: о тебѣ соскучился. — Куда-жъ мнѣ дѣвать тебя? — спрашиваетъ Маша, когда мы съ ней нацѣловались и намиловались.— Объ этомъ, говорю, не безпокойся. Теперь лѣто, проживу, говорю, на огородѣ, въ коноплянникѣ. И зажилъ я въ коноплянникѣ, говоритъ проклятой. Маша каждую ночь приходила ко мнѣ и ѣсть приносила. Сначала я не могъ ѣсть этой пищи, по той причинѣ, что съ молитвой готовлена. Приказалъ Машѣ, чтобъ она сама готовила, безъ молитвы; Маша такъ и сдѣлала.—Къ осени перешелъ я изъ конопляника въ теплый погребъ, что въ избѣ былъ подъ поломъ, и въ немъ поселился. День, бывало, сижу въ погребѣ, а въ ночь къ Машѣ. Жисть была славная, хоть бы и не проклятому: пилъ—ѣлъ сладко, спалъ мягко. Главное, никто не безпокоилъ, никто, значить, не догадывался. Напоследокъ догадались: Маша забрюхатѣла... Отецъ Маши принялся сейчасъ же за крестъ, да за молитву. Ну, супротивъ этого нашему

брату не устоять, я тое-жъ минуту оборотился въ муху и драго изъ погреба, а тамъ изъ избы: улепетнулъ, значитъ. Не въ похвальбу сказать,—говорить проклятѣй,—нашъ братъ никогда крѣпко не держится за полюбовницъ. Чуть не такъ,—поклонъ, да и былъ таковъ. А все по той причинѣ, что завести нашему брату другую полюбовницу не трудно; во всѣхъ странахъ, куда не заверни, вездѣ сыщешь. Въ ину пору у нашего брата по нѣскольку полюбовницъ въ разъ бываетъ. Такъ и странствуемъ отъ одной къ другой, скуку разгоняемъ. Если разстояніе малое, примѣрно въ одномъ селѣ или въ одномъ городѣ,—ходимъ пѣшечкомъ, не торопясь, а если разстояніе большое,—примѣрно, одна полюбовница въ селѣ, а другая въ другомъ,—то оборачиваемся въ какую-нибудь птицу иль-бо въ огненный шаръ, и перелетаемъ. Въ послѣднее время, однако,—говорить проклятѣй,—черти запретъ положили, чтобъ мы, безъ крайней нужды, огненнымъ шаромъ не летали, по той причинѣ, что де люди скоро узнаютъ.—Да,—говорить проклятѣй,—на насъ людямъ много жаловаться грѣхъ: мы не привязчивы. А вотъ шутовки—статья иная: тѣ не въ насъ. Тѣхъ какъ ни гоняй, какъ ни обжигай, онѣ все свое. Примѣрно, засадятъ осѣтованнаго шутовкой мужчину въ избу, и всѣ двери, всѣ окна, всѣ, значитъ, продухи заградятъ крестомъ и молитвой. Кажись, что бы тутъ дѣлать? Одно—махнуть рукой и уйти. Нашъ братъ такъ и дѣлаетъ; а шутовка не такъ. Шутовка ни за что скоро не разстанется съ своимъ полюбовникомъ, готова околотъ, шельма, около того дома, гдѣ полюбовникъ, отыщеть какую-нибудь щелочку и влѣзеть-таки, влѣзеть къ нему. Жалко, значитъ, разстаться. А все потому, я ужъ тебѣ говорилъ, что на ихъ несчастье мало выдается такихъ слабодушныхъ мужчинъ, а безъ мужчинъ, дѣло извѣстное, жить скучно, особенно тѣмъ, кои привержены къ самохотному грѣху. Изъ нихъ,—говорить проклятѣй,—такія есть жлудныя до мужчинъ, что если осѣтуютъ какого, то ни въ жисть не разстанутся съ нимъ, возьмутъ да и задуютъ бѣднаго, чтобы никому не доставался. Такія злющія.

— Гдѣ-жъ вы живете?—спрашиваетъ казакъ.

— Въ одиночку — гдѣ придется, — говоритъ проклятѣй.—А домами—юртами живемъ завсегда подѣ водой, на днѣ озера, прудовѣ, старицѣ,—вобче въ стоячихъ и тинистыхъ водахъ, гдѣ никогда не бываетъ водосвятія, то-ись, куда не ходятъ православные на ярдань и не дѣлаютъ намѣ помѣхи.

— А рази отъ водосвятія бываетъ вамѣ помѣха?—спрашиваетъ казакъ.

— Еще какая помѣха-то, кто бы зналъ!—говоритъ проклятѣй.—Какъ только погрузятъ въ воду крестъ, такъ всѣ наши „чертоги“ затрясутся и разрушатся,—а самимъ намѣ бываетъ душно, тяжело,—всѣ вонь и бѣжимъ. Одно слово, при такихъ оказіяхъ намѣ жить нельзя,—и мы въ такихъ водахъ не живемъ.

— Вотъ какъ!—говоритъ казакъ.

— Да этого еще мало—говоритъ проклятѣй,—намѣ и въ такихъ-то водахъ, куда никогда на ярдань не ходятъ, и въ такихъ-то водахъ иногда помѣха бываетъ.

— Отчего же?—спрашиваетъ казакъ.

— Оттого, — говоритъ проклятѣй, — если обыватели по воду ходятъ.

— Неужто и отъ этого вамѣ помѣха бываетъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Бываетъ и отъ этого,—говоритъ проклятѣй.—Вѣдь иная степенная и кроткая женщина, знаешь, не зачерпнетъ воды спроста, а непременно сотворитъ молитву, да призоветъ крестную силу. Ну, и конченъ балъ! Сила крестная низойдетъ на воду и перевернетъ вверхъ дномъ всѣ наши чертоги. По этой самой причинѣ,—говоритъ проклятѣй,—мы и выбираемъ себѣ въ жилище такія стоячія и болотистыя воды, куда неточію на ярдань, а и по воду никто не ходитъ. Вотъ, къ примѣру, у насъ въ Яикѣ ни одного нашего притона нѣтъ, а въ Солдатской Старицѣ *) цѣлыхъ два.

*) Солдатская Старица—старое русло Яика, огибающее Пере-

— Ну, а въ Баскачкиной ростоши *) рази нѣтъ у васъ притона?—спрашиваетъ казакъ.

Проклятѣй покачалъ головой.

— Помилуй!—говоритъ казакъ.—Неужто міръ лжетъ? Вѣдь всѣ говорятъ, что въ Баскачкиной ростоши черти живутъ.

— Ну, да-да-да!—говоритъ проклятѣй.—Тамъ точно, есть притонъ, да не нашъ. Тамъ, говоритъ проклятѣй, живутъ черти, а не мы; тамъ,—понимаешь ли?—истовые черти живутъ съ душами опивицъ, удавленниковъ и утопленниковъ, кто, значить, самъ себя удавить, утопить,—вобще съ душами тѣхъ, кто самъ на себя руки наладетъ.—А мы, говоритъ проклятѣй, живемъ особнякомъ, съ опивицами, удавленниками и другими самоубивцами не якшаемся, по той причинѣ, что наша жисть особая: мы, проклятые, во плоти, а они, то-ись, самоубивицы, безплотны: мы, есть-когда говорить правду, живемъ все-таки въ свое удовольствіе, на всей своей волѣ, а они вѣчно въ цѣпяхъ, вѣчно въ хомутахъ, вѣчно подь огненнымъ кнутомъ, вѣчно, что называется, въ каторгѣ.

— Вотъ какъ!—говоритъ казакъ.—Вы врозь отъ опивицъ и всѣхъ самоубивицъ. Я этого не зналъ.

— Да, да, врозь!—говоритъ проклятѣй.—Черти насъ не мѣшаютъ. И сами черти съ нами мало живутъ. У нихъ своя особья собранья. У насъ, въ нашихъ притонахъ, говоритъ проклятѣй, только для надзора, для порядка, живутъ поочередно нѣсколько чертей. Тѣ, къ примѣру, въ родѣ квартальныхъ, комиссаровъ, блюдутъ порядокъ, судъ и расправу чинятъ.

— Вотъ какъ!—говоритъ казакъ.—И у васъ есть начальство. Я этого не зналъ.

волоchnую Рощу, близъ г. Уральска. Солдатской названа она, въ позднѣйшее время, отъ солдатскихъ казармъ, близъ нея построенныхъ.

*) Баскачкина ростошь—оврагъ, соединяющійся однимъ концомъ съ Солдатской Старицей—издавна славится мѣстомъ пребыванія чертей. Объ этомъ будетъ сказано въ особой главѣ.

— Нельзя,—говорить проклятой,—и намъ жить безъ начальства. Вѣдь и межъ нами всяко бываетъ: и ссоры, и драки, и разные кляузы. Такъ было бѣ кому разобрать, разсудить и въ порядокъ произвести.

— Да изъ-за чего же,—говорить казакъ,—изъ-за какого, прости Господи...

— Ты, однако, не призывай это Имя вслухъ, при мнѣ,—упредилъ проклятой казака, не давъ ему слова договорить.— Пожалуйста, говоритъ, не призывай это Имя при мнѣ: тяжко слышать. На умѣ-то, если хочешь, пожалуй держи, а вслухъ не говори.

— Ладно, ладно,—говорить казакъ,—не буду. Скажи-ка мнѣ,—спрашиваетъ казакъ,—изъ-за чего же у васъ могутъ происходить ссоры и драки? Что дѣлите? Чай, сѣно не косите, на плавню не ходите?

— Да изъ-за всего,—говорить проклятой.—Примѣрно, одинъ у другого вещь какую-нибудь зажилить, или одинъ у другого какъ обзоветъ нехорошо, обругаетъ, или одинъ у другого дорогу перебьетъ у полюбовницъ, или одинъ другого въ картахъ надуетъ.

— Вотъ какъ, — говоритъ казакъ. — Вы и въ карты играете. Я этого не зналъ. Да гдѣ-жъ вы карты-то берете?—спрашиваетъ казакъ.

— Чудной ты человѣкъ!—говорить проклятой.—Гдѣ беремъ? Знамо гдѣ: у людей крадемъ! Я вѣдь тебѣ сказывалъ, что мы только воровствомъ и живемъ. Своего хозяйства завести не можемъ...

— Такъ, такъ!—говорить казакъ.—Извини, почтенный, забылъ. Да когда-жъ вы находите время картежничать?—спрашиваетъ казакъ.—Вѣдь ты же сказывалъ, что больше занимаетесь насчетъ женскаго пола.

— Ну, не все же насчетъ этого,—говорить проклятой,—одно вѣдь и надоѣсть. Хоша мы проклятые, то-ись, люди необыкновенные, хоша въ насъ и есть капелька нечистой силы, однако мы не двужилые, устатокъ знаемъ; ну, и отдыхаемъ. Кромѣ того, говоритъ проклятой, въ нѣкоторые дни

и сами черти даютъ нашему брату вольготу. Примѣрно, весь Великій Постъ, особенно Страстная Недѣля, всѣ Оспожинки, всѣ тѣ дни, въ кои люди постятся и молятся,—всѣ такіе дни полагаются намъ на отдыхъ, на гулянку; эти дни на изволящаго: кто хочетъ—въ міру шатайся, кто хочетъ—въ притонъ иди. Вотъ въ это-то время и собираемся мы въ притоны, кому куда ближе, или у кого гдѣ больше знакомыхъ, и заводимъ танцы, пляски и всякія игрища,—дымъ коромысломъ! А разъ въ году, говоритъ проклятѣй, въ понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ, всѣ шуты и всѣ шутки безпремѣнно должны являться въ притоны, каждый въ свой, гдѣ приписанъ. Въ этотъ день дѣлается намъ перекличка, повѣрка: всѣ ли на лицо, не пропалъ ли кто.

— А рази случается, пропадаетъ кто изъ васъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Случается,—говоритъ проклятѣй.—Въ міръ опять возвращается.

— Какимъ же побытомъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Ну, этого ужъ я тебѣ не скажу!—говоритъ проклятѣй.—Нельзя,

— Отчего же?—допытывается казакъ.

— А вотъ отчего!—говоритъ проклятѣй.—Примѣрно, я расскажу тебѣ, отчего нашъ братъ переходитъ въ міръ, а ты перескажешь людямъ; ну, и конченъ балъ! Міръ узнаетъ это средство и будетъ уловлять нашего брата, а чертямъ оттого большой убытокъ. Тогда весь сонмъ чертей, и съ самимъ сатаной, поднимется на меня, и житья мнѣ не будетъ, пожалуй, причтутъ къ опивицамъ и запрячутъ въ хомутъ.

— Такъ вотъ какъ вы поживаете!—говоритъ казакъ.—Въ томъ только и время у насъ проходитъ, что иль-бо женскій полъ, иль-бо игрища.

— Да,—говоритъ проклятѣй,—въ томъ только и жистъ наша состоитъ.

— Ну, спрошу я тебя еще вотъ о чемъ,—говоритъ казакъ проклятому:—межь себя вы не женитесь, не сходитесь, то-ись, шутъ съ шутовкой?

— Нѣтъ!—говорить проклятѣй.—Этого не бываетъ и быть не можетъ.

— Отчего же?—допытывается казакъ:—По моему, говорить, кажись, все единственно: и шутъ во плоти, и шутовка во плоти.

— Нѣтъ, не все единственно,—говорить проклятѣй.—Къ примѣру, я хоша и во плоти, но не полный человѣкъ. Тоже и шутовка: хоша и во плоти, но и она не полный же человѣкъ. А не полный человѣкъ съ неполнымъ человѣкомъ не можетъ соединяться. Для этого, говорить проклятѣй, нужно чтобы хоша одинъ человѣкъ былъ полнымъ человѣкомъ, таковъ предѣль. Оттого-то вѣдь шутовки жлудны насчетъ мужчинъ, я тебѣ ужъ сказывалъ. А есть когда-бъ можно было намъ съ шутовками сходиться, намъ бы житья отъ нихъ не было: засѣдлали бы онѣ насъ и взнуздали, не стали бы онѣ и по міру шататься, мужчинъ отыскивать, а выѣзжали бы на нашемъ братѣ.

— Такъ, такъ!—говорить казакъ.—Теперь понимаю, А вотъ что еще, почтенный, не во гнѣвъ будь тебѣ сказано,—говорить казакъ проклятѣму:—повернись-ка, пожалуйста, ко мнѣ задомъ: я посмотрю.

— Чего посмотришь?—спрашиваетъ проклятой.

— Спину твою,—говорить казакъ.—Хочу, значить, увѣриться, правду ли говорятъ люди, что у вашего брата спина жолобомъ, то-ись корытомъ?

— Изволь,—говорить проклятѣй, и повернулся къ казаку спиной.

Казакъ повелъ кнутовищемъ по спинѣ проклятѣго: спина, какъ спина, на корыто ничуть не похожа.

— Ну, что?—спрашиваетъ проклятѣй.

— Ничего!—говорить казакъ,—Спина, какъ спина, никакого изъяна нѣтъ. Значить, болтаютъ. Извини, что побезпокоилъ.

— Болтаютъ-то, болтаютъ, да не совсѣмъ, — говоритъ проклятѣй.—Я тебѣ это объясню. Спина корытомъ, говоритъ

проклятой, бываетъ не у насъ, а у настоящихъ чертей. Тѣ вѣдь тоже иногда, по нуждѣ, пускаются въ наше ремесло.

— Какъ такъ?—спрашиваетъ казакъ.

— А вотъ какъ!—говоритъ проклятой.—Примѣрно выйдеть такая линія, что иная женщина оченно ужъ тоскуеть о мужчинѣ, съ ума бѣдняжка сходить, а нашего брата на ту пору близко не случится. Ну, какъ тутъ быть? Искать насъ? Да скоро ли отыщешь! Вѣдь въ ину пору нашего брата семью собаками не сыщешь. А женщина тѣмъ временемъ можетъ образумиться, въ разсудокъ придти. Вотъ по этой самой причинѣ, чтобы, знаешь, не упустить такой удобный случай,—вѣдь и черти-то придерживаются вашему правилу: „куй желѣзо, покуда горячо“,—вотъ по этой-то причинѣ кто-нибудь изъ настоящихъ дьяволовъ и приметъ на время образъ человѣческой и явится къ женщинѣ. Знамо, черту нужно только, на первыхъ порахъ, осѣтовать женщину, а послѣ онъ передасть ее кому-нибудь изъ проклятыхъ, кто первый на глаза попадется. Самъ же дьяволъ жить съ нею по нашему не можетъ, не дано. На первыхъ порахъ отъ него въ этомъ дѣлѣ одинъ только отводъ, обманъ. Вотъ у этихъ-то чертей, говоритъ проклятой, кои прикидываются нашимъ братомъ, и бываетъ спина корытомъ, сгладить ее, значить, не могутъ. Кромѣ того,—говоритъ проклятой,—у нихъ и хвостъ, никуда спрятать не могутъ, таковъ предѣлъ. Кромѣ того,—говоритъ проклятой—у нихъ и ногъ настоящихъ, человѣчьихъ, не бываетъ, а бываетъ иль-бо звѣриныя лапы, иль-бо лошадиныя копыты, таковъ предѣлъ. По этимъ вещамъ,—говоритъ проклятой,—мало-мальски толковая женщина скоро можетъ узнать и догадаться, кто таковъ есть ея душенька. А нашего брата,—говоритъ проклятой,—распознать трудно. Мы, братецъ мой, какъ есть совершенные... Ай, ай!—вдругъ заревѣлъ проклятой, и тычма полетѣлъ съ телѣги.

Казакъ остановился.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ онъ проклятого.

— Оказія!—говоритъ проклятой, а самъ ежится и чешется.—Разговорился я съ тобой и не замѣтилъ, какъ на-

ѣхали на такое мѣсто, что обожгло меня, словно огнемъ. Посмотри,—говорить проклятой казаку,—что впереди-то?

Дорога въ этомъ мѣстѣ спускалась подъ гору. Внизу изъ-за березника виднѣлся крестъ часовни. Больше ничего.

— Ничего!—говорить казакъ.—Вонъ только Сергѣевскій Скитъ виднѣется.

— Въ томъ-то и штука, что скитъ!—говорить проклятой.—Давеча у старцевъ крестный ходъ былъ, вотъ здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ, прошелъ. Ну, и нельзя мнѣ черезъ эту черту переступить. До трехъ дней,—говорить проклятой,—никакая нечистая сила не можетъ переступить чрезъ ту черту, гдѣ крестный ходъ пройдетъ. Дорога идетъ прямо черезъ скитъ,—говорить проклятой казаку.—Поѣзжай одинъ, а я, говорю, кругомъ обойду, и по ту сторону опять тебя встрѣчу.

— Хорошо,—говорить казакъ,—ступай. Только вотъ что, почтенный, говорю казакъ проклятому: може, я остановлюсь въ скиту-то и долго тамъ пробуду. Неужто-жъ ты ждать меня будешь? Соскучишься. Не лучше ли, почтенный, намъ совсѣмъ разстаться, а? Какъ ты думаешь?—спрашиваетъ казакъ проклятого.—Чай, самъ знаешь, конный, пѣшему не товарищъ.

— И то дѣло,—говорить проклятой.—Пожалуй, разстанемся. Поѣзжай ты себѣ, а я пойду себѣ. Въ самомъ дѣлѣ,—говорить проклятой,—скоро ли я съ тобой дотащусь до Уральска, а мнѣ надо туда поспѣшить.

— Что такъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Какъ что?—говорить проклятой.—На дняхъ отъ васъ полкъ выступилъ на Ахтубу.

— Ну, такъ что жъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Какъ что?—говорить проклятой.—Ты что за безтолочь? Рази не догадываешься? Все же сколько-нибудь осталось такихъ женъ, кои по мужьямъ тоскуютъ. Значитъ, нашему брату пожива. Понялъ?—спрашиваетъ проклятой казака.

Казакъ только плюнулъ, махнулъ рукой, сотворилъ ме-

литву и погналъ лошадь. Казакъ, значить, смѣло ужъ тутъ поступалъ, надѣялся, значить, на черту, замѣтилъ рассказчикъ. А проклятѣй ударился о земь, оборотился, братецъ мой, коршуномъ и полетѣлъ къ Уральску.

Недѣлю спустя, казакъ пріѣхалъ въ Уральскъ и, словно сонъ въ руку, получилъ нерадостную вѣсть: одна молодая баба, сродственница его, связалась съ проклятымъ, съ тѣмъ самымъ, который балясничалъ съ казакомъ на Обчемъ.

— Почему же знали, что съ тѣмъ, а не съ другимъ?— спросилъ я рассказчика.

— Видали люди, что проклятѣй коршуномъ леталъ,— отвѣчалъ старикъ.—Ну, кромѣ того, продолжалъ онъ, и женщину вскорѣ въ чувство привели, и она рассказывала, каковъ изъ себя проклятѣй. По примѣтамъ, вышелъ тотъ самый, что къ казаку на Обчемъ приставлялся.—А что проклятѣй толковалъ казаку насчетъ того, какъ они въ своихъ притонахъ живутъ, какъ время проводятъ, какъ въ міру пицей побираются и прочее,—все это, сударь мой, суцая правда,—подтвердилъ рассказчикъ.—Бывали случаи, что люди—настоящіе люди, а не проклятые—гащивали у проклятыхъ, иные по своей волѣ, а иные по-неволѣ,—а послѣ выходили на свѣтъ Божій и рассказывали, что видѣли и что слышали.—Бывали и такіе случаи, что люди улавливали шутовокъ, и тѣ, знамо дѣло, рассказывали про свое житье-бытье. Я тебѣ расскажу одну любопытную исторію, какъ шутовку уловили. Слушай!

— Къ одному холостому парню прикачнулась шутовка и осѣтовала его. Случилась этакая оказія вотъ по какому случаю. Парень, видишь ли, любилъ дѣвушку и хотѣлъ на ней жениться, да не довелось, сердечному: не отдали. Навернулся другой женихъ, богатый,—за того и отдали. Парень и предался тоскѣ-отчаянію, а шутовка и шась къ нему, словно тутъ и была. Сначала домашніе не догадывались; а потомъ догадались, дѣло сдѣлалось явнымъ. Прежде парень былъ разбитной, веселый, здоровый, а тутъ, словно въ воду опустился: не пьетъ, не ѣстъ, пожелтѣлъ, исхудалъ—

сдѣлался шкилетъ-шкилетомъ,—ходить уныль, задумчивъ, ни съ кѣмъ словечка не вымолвить,—отъ всѣхъ бѣгаетъ, прячется, забивается на подволоку, въ базы, въ разные закоулки, и когда гдѣ бываетъ одинъ, шепчется, смѣется, цѣлуется. Тутъ ужъ и сомнѣніе всякое въ сторону; дѣло видимое, парень съ шутовкой живетъ.

Многажды мать приступала къ сыну,—продолжалъ рассказчикъ,—уговаривала его, чтобы онъ повѣдалъ ей свое горе; но тотъ, бывало, молчитъ, головой качаетъ. На послѣдокъ мать пошла къ священнику и рассказала ему, что съ сыномъ ея творится,—и священникъ далъ матери совѣтъ, какъ она должна къ сыну подступиться, чтобы вывѣдать отъ него всю подноготную.—Мать, по совѣту священника, и приступила къ сыну. Сначала говорила о томъ, о семъ, а на послѣдокъ завела рѣчь о Грушѣ, то-есть, о той самой дѣвушкѣ, пояснилъ рассказчикъ, на которой не довелось парню жениться. Потому мать завела рѣчь о Грушѣ, что въ домѣ извѣстно было, что шутовка являлась къ парню въ образѣ Груши,—не разъ, значить, подслушивали, какъ онъ называлъ шутовку этимъ именемъ.

— Слышу отъ людей,—говоритъ мать,—что къ тебѣ, дитятко, Груша ходитъ. Правда ли?

„Сынъ головой качаетъ: врутъ-де! Мать опять говоритъ сыну:

— Ты, дитятко, отъ меня не скрывай. Я не для того спрашиваю, чтобы журить тебя иль-бо запретъ на тебя положить, а для того единственно, чтобы совѣтъ тебѣ подать къ лучшему. Если ужъ ходитъ она къ тебѣ, то видались бы вы съ ней по секрету, чтобы огласки большой не было. Долго ли до грѣха, мужъ Грушинъ узнаетъ, и выйдетъ бѣда. Мнѣ, яко матери твоей, и говорить-то съ тобой объ этакихъ дѣлахъ не слѣдовало, да что буду дѣлать? сердце не терпитъ; вѣдь мнѣ жаль тебя, вѣдь ты дитя мое, мое рожденъе.

„Парень и проговорился.

— Да мы, говорить, и такъ по секрету выдаемся.

— Гдѣ жъ вы видаетесь-то?—спрашиваетъ мать.

— Да гдѣ доведется,—говоритъ сынъ,—когда на подволокѣ, когда въ базу, когда въ передбанникѣ, когда гдѣ, какъ случится.

— Ну, а въ избу рази она не ходитъ къ тебѣ?—спрашиваетъ мать.

— Нѣтъ, ходитъ,—говоритъ сынъ,—только тогда ходитъ, когда въ избѣ, кромѣ меня, никого не бываетъ! да еще когда икона бываетъ задернута занавѣской; а есть-когда икона не бываетъ задернута занавѣской, то останется въ дверяхъ и прикажетъ мнѣ задернуть, я и задерну, она и войдетъ.

— А есть ли на тебѣ крестъ-то?—спрашиваетъ мать.

— Нѣтъ!—говоритъ парень.—Я бросилъ его: она такъ приказала.

— Зачѣмъ же ты послушался, глупенькій?—спрашиваетъ мать.

— Нельзя не послушаться,—говоритъ сынъ, — страшается, что ходить ко мнѣ не станетъ, а мнѣ безъ нея, ма-тушка, смерть; хоть сейчасъ же роите могилу. Еще вотъ что вчера, какъ уходила, она сказала мнѣ,—говоритъ парень:—„може-де, родные будутъ мазать тебя какимъ снадобьемъ, може-де, святой водой спрыскивать стануть, може-де, призовуть священника или какого-нибудь канунника, чтобы молитвы надъ тобой читать; то ты, говоритъ, ни подъ какимъ видомъ не давайся: я этого, говоритъ, терпѣть не могу. А есть-когда данься, то, говоритъ, иль-бо тебя задушю, иль-бо сама на себя руки наложу, иль-бо домъ вашъ огнемъ спалю, иль-бо всю скотину у васъ переморю!“ Я, говоритъ сынъ матери, обѣщаль ей, что этого не будетъ. Пожалуйста, маменька! умаливаетъ сынъ мать; пожалуйста, родимая, не трожьте меня, оставьте въ покоѣ.

„Говоритъ это, а самъ такъ и заливается слезами. Мать тоже плачетъ и говоритъ сыну, успокоиваетъ; знамо, говоритъ такъ, какъ священникъ научилъ:

— Хорошо, хорошо, дитятко! не будемъ тебя беспокоить никакими мазями, никакими отчитываньями; жалко мнѣ

тебя, вѣдь ты дитя мое. Живи въ свое удовольствіе, какъ знаешь. Только, дитятко, по подволокамъ, да по базамъ, да по передбанникамъ не укрывайся. Къ чему? Вотъ тебѣ вся горница въ твое владѣніе, располагайся здѣсь какъ знаешь; наша и нога сюда не коснется. А чтобы, говоритъ мать, чтобы и ей не было никакой помѣхи, я и образа-то отсюда вынесу, въ другую избу перенесу.

„Сынъ обрадовался и бросился матери на шею. Мать поласкала сына, поплакала, и подъ какимъ-то предлогомъ увела сына изъ дома, а сама и виду не показываетъ, что задумала что-то противъ него и противъ шутовки. Въ то самое время, какъ мать ушла съ сыномъ изъ дома, пришелъ въ ихъ домъ священникъ и велѣлъ очистить избу отъ всего святого, чтобы шутовкѣ было не въ домекъ; а самъ обошелъ снаружи домъ, и всѣ окна, всѣ щели, всѣ, значить, продухи оградилъ крестомъ и молитвой и окропилъ св. водой; не тронулъ только однѣ двери, оставилъ ихъ, какъ и были, не огражденными, чтобы шутовка могла войти въ избу безъ препятствія.

„Въ первую же ночь послѣ того, какъ все это устроили, шутовка и явилась къ возлюбленному прямо въ горницу. Эту ночь, и другую ихъ не беспокоили, дали имъ всю волю. Шутовка радуется такому счастью, не замѣчаетъ подвоху, совсѣмъ поселилась у парня, и ручки, и ножки, что называется, склала. Хорошо. На третью ночь, часу во второмъ съ полуночи, когда парень съ шутовкой наигрались вдоволь, угомонились и легли спать, явился къ дверямъ священникъ съ причтомъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, съ евангеліемъ, съ св. водой, съ мѣстными иконами, съ кадилами и со свѣчами, подошелъ къ дверямъ, оградилъ ихъ крестомъ, окропилъ св. водой и вошелъ въ избу,—вошелъ, поднялъ святой крестъ надъ головой, оградилъ въ воздухѣ и возгласилъ: во имя Отца, и Сына, и св. Духа! Да исчезнетъ сила нечистая, да сокрушится она передъ силою Животворящаго креста Господа нашего Іисуса Христа“.

— Аминь! — возгласилъ причтъ и запѣлъ ангельскія пѣсни.

Шутовка взвизгнула, въ видѣ жука завертѣлась и закружилась по горницѣ,—попалась, голубушка! Шутовка ищетъ мѣста, гдѣ бы улизнуть, но мѣста такого нѣтъ; подлетитъ къ дверямъ—тамъ священникъ съ крестомъ—жжетъ, къ окну—тамъ тоже жжетъ; къ трубѣ—тамъ тоже; къ болтовой дырѣ—тамъ тоже; одно слово, куда не кинется, вездѣ отказъ! А священникъ съ причтомъ возглашаютъ молитвы, поютъ ангельскія пѣсни, читаютъ евангеліе, кадятъ кадилами, кропятъ св. водой, одно слово, вздохнуть не даютъ шутовкѣ! Вилась, вилась шутовка по горницѣ, стучалась, стучалась о косяки да о стѣны, напоследокъ измучилась, изъ силъ выбилась и рухнула на полъ, идно стѣны задрожали. Это, значитъ, нечистая сила пошла сквозь землю. Въ эту самую минуту пропѣли пѣтухи, и, на мѣсто жука, очутилась на полу дѣвушка въ красномъ штофномъ сарафанѣ. Священникъ къ ней, осѣнилъ ее крестомъ, окропилъ святой водой и надѣлъ на шею ей н а т ѣ л ь н ы й крестъ, а евангеліе возложилъ ей на голову. Нѣкоторое время дѣвушка лежала словно убитая, напоследокъ очувствовалась, приподнялась, перекрестилась и сотворила молитву. Этимъ и дѣло завершилось,—сказалъ старикъ.—Устигли шутовку, и она перешла въ міръ, стала истовымъ человѣкомъ.

— Дѣвушка эта,—продолжалъ рассказчикъ,—сказывали про себя, что она родомъ купеческая дочь, города Кіева, и что въ давнихъ годахъ согрubiла своей матери, и та прокляла ее. Она же, знамо дѣло, рассказывала людямъ и про житье-бытье свое, какъ жила и что дѣлала, бывши шутовкой,—выходитъ то же самое, какъ и проклятой парень толковалъ казаку на Обчемъ. Ёхать дѣвушкѣ въ свой городъ и отыскивать родню было поздно,—чай, давнымъ-давно вся родня по-вымерла, повыродилась. Да и не для чего было хлопотать, старую родню отыскивать: новую Богъ далъ. Благо, собой дѣвушка красавица, еще краше той, въ образѣ которой являлась къ возлюбленному. Черезъ шесть недѣль и обвѣнчали

парня съ дѣвушкой, и зажили они, какъ живутъ и всѣ добрые люди. Только священникъ наказалъ молодому строго-настрого, чтобы онъ до году отнюдь не снималъ съ молодой креста, хоша бы она и просила его о томъ; а сама она до году не могла и прикоснуться до креста, чтобы снять.

„Хорошо. Живутъ мужъ съ женой чиннымъ манеромъ. Жена, какъ подобаетъ, забеременѣла, была уже насносахъ. Разъ случилось имъ быть въ банѣ. Жена раздѣлась и говоритъ мужу:

— Снялъ бы ты, миленькій, съ меня крестъ, вѣдь грѣшно быть въ банѣ въ крестѣ.

— А священникъ-то что приказалъ?—говоритъ мужъ.— Рази не знаешь?

— Коли не знаю,—говоритъ жена,—знаю. Да вѣдь годъ-то минулъ. Припомни-ка хорошенько,—говоритъ жена:—въ первый-то разъ надѣли на меня крестъ дня за два до Троицы? а нынче уже пятый день, какъ Троица прошла. Значить, больше году вышло.

„Мужъ припомнилъ время, счелъ: выходитъ такъ, какъ жена говоритъ; а того и въ голову, дуралей, не заберетъ, что Троицынъ день—праздникъ не въ числахъ, а переходящій, взялъ да и снялъ съ жены крестъ. Отмочилъ штуку, нечего сказать! Лишь только мужъ снялъ съ жены крестъ, жена и исчезла! До году-то, сударь мой, еще дня два не доставало.

— Погубилъ ты меня и съ дѣтищемъ своимъ, что въ утробѣ у меня!—говоритъ съ вышины невидимый голосъ жены.—Зачѣмъ ты меня послушался? Вѣдь не сама я отъ себя говорила, а съ приказу чертей. Тѣ во весь годъ изо дня въ день приставали ко мнѣ, утягощали и тоску на меня нагоняли, чтобы я упросила тебя снять крестъ. Я по-неволѣ это дѣлала: мнѣ тошно было! А ты, по своей глупости, не расчелъ время и исполнилъ мое хотѣнье. Мнѣ, конечно, такая ужъ дорога. Да дѣтище-то твое зачѣмъ гибнетъ? Вотъ о чемъ подумай! По прошествіи года этого бы не случилось.

Теперь пеняй самъ на себя, дружокъ! Прощай!—сказалъ въ вышинѣ голосъ жены и—замолкъ.

„Мужъ какъ стоялъ, такъ и ошалѣлъ,—сказалъ старикъ,—насилу въ чувство привели. А жена все-таки пропала; пропало и чадо нерожденное! А исполнись годъ,—замѣтилъ старикъ,—этого бы ничего не было, черти рѣшительно бы отступились отъ бывшей шутовки. Но такъ ужъ, видно, тому быть,—добавилъ старикъ.—Теперь, сударь мой, — сказалъ онъ, немного погодя,—рѣчь о томъ, какъ люди, сами-собою, отъ своего, значить, дурачества, отъ своего необдуманнаго языка, попадаютъ въ дѣвольское обчество. Слушай!

— Разъ партія ребятъ пришла къ озеру купаться. Одинъ изъ нихъ, парень такой бойкій, прибаутникъ, скоморошникъ,—одно слово, бѣдовый парень, отпѣтый, раздѣлся, скинулъ съ себя и крестъ, подошелъ къ берегу—озеро было крутоярое—посмотрѣлъ на воду, что-то скверное сказалъ,—потомъ оборотился къ товарищамъ и смѣхомъ проговорилъ:

— Прощайте, братцы! Къ шишигамъ въ гости иду.

Товарищи засмѣялись.

— Ступай не въ в о р о т и м у!—кто-то изъ нихъ сказалъ.

„Парень засмѣялся, отошелъ отъ берега, разбѣжался и прокричалъ: „О б о д р а н н ы й б а р а н ь ч е р т у г о т о в ь!“—прокричалъ эти слова и въ тотъ же мигъ нырнулъ въ воду, внизъ головой,—нырнулъ и—пропалъ! Только и видѣли его.—Думали, что парень утонулъ. Принесли изъ хуторовъ—это было въ Щаповыхъ хуторахъ,—прибавилъ рассказчикъ,—принесли бредни, волокушки, — этого мало,—привезли цѣлый неводъ, и давай искать парня; но не нашли. Цѣлыхъ двѣ недѣли, изо-дня-въ-день, бились, искали и все-таки не нашли. А какъ бы не найти?—замѣтилъ рассказчикъ.—Вѣдь не въ Яикѣ, а въ озерѣ. И озеро-то было небольшое; изъ конца въ конецъ, съ берега до берега, процѣдили его,—ни одного карасика, ни одной лягвы, ни одного рака не оставили—все поймали;—всякій колбашекъ, всякій камешекъ, что на днѣ лежали, все это на берегу очутилось.

Только парня не нашли. Да и какъ найти?—замѣтилъ старикъ.—Вѣдь парень не утонулъ, вѣдь онъ, сударь мой, живьемъ попался къ чертямъ! Онъ сказалъ: о б о д р а н н ы й б а р а н ь ч е р т у г о т о в ь; по этимъ самымъ словамъ черти-то и сцапали его, и утащили въ свой вертепъ! И подѣломъ,—прибавилъ старикъ,—не напрашивайся!

„Утащили парня къ себѣ и не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Вотъ какая голова,—прибавилъ рассказчикъ,—и чертей-то поставилъ въ тупикъ!—Если бы парень былъ пьяный,—продолжалъ старикъ,—они задушили-бъ его и душу его причислили къ партіи опивицъ. Если бы парня прокляли мать иль-бо отецъ—черти приобщили бы его къ партіи проклятыхъ. А то ни то, ни сѣ,—вышелъ парень межеумкомъ.—На другой день черти собрали сходку, но и на сходкѣ не рѣшили: дѣло было по новости. Шатали—валяли, напоследокъ послали въ адъ, къ сатанѣ, значить, просятъ разрѣшенія, какъ съ парнемъ поступить? — И въ аду, у сатаны, дѣло это, должно быть, тоже явилось по новости: долго что-то рѣшенье не выходило. Напоследокъ вышло въ такой силѣ: „Сдать парня въ партію проклятыхъ, чтобы жилъ онъ у нихъ до поры до времени.—А чтобы парень не ѣлъ даромъ хлѣба—приписано было въ указѣ — женить его покуда на какой-нибудь шутовкѣ, чтобы приплодъ отъ нихъ былъ!“

— Хоша парень и попалъ по своей глупости въ сонмъ чертей, но все-таки былъ полнымъ человѣкомъ, стало-быть жениться ему на шутовкѣ можно было,—пояснилъ рассказчикъ.

— Получимши отъ сатаны таковое повелѣніе,—продолжалъ старикъ,—черти и приступили къ парню, чтобы онъ женился.

— Женись!—говорятъ черти парню.—Житье тебѣ будетъ важнецъ, лучше нашего. Шутовочку, говорятъ, предоставимъ тебѣ первый сортъ, красавицу отъ всего свѣта.

Парень обробѣлъ, не знаетъ, что дѣлать. А шутовокъ налетѣло со всей округи велие,—одна другой моложе, одна другой краше; облѣпили парня, словно мухи, затормошили парня,—каждая забѣгаетъ къ нему въ глаза,—знамо, каждой

хочется замужъ. Парень мыслями распленился, однако, сразу не поддался. Попросилъ у чертей на недѣлю отсрочки, чтобы обдумать это дѣло. Черти согласились и дали парню отсрочку, а шутовкамъ приказали покуда убираться по своимъ мѣстамъ. Парень думалъ, думалъ, но ничего въ свою пользу не выдумалъ. На послѣдокъ, подобно утопающему, что за соломенку хватается, парень обратился къ одной шутовкѣ, женщинѣ не молодыхъ лѣтъ. Изъ всѣхъ шутовокъ только эта одна не навязывалась парню въ жены; извѣстно, лѣта были не такія. Она жила у проклятыхъ замѣсто кухарки, варила имъ, значить, пищу, стирала рубахи, заготовляла провизию и прочее такое, а въ бѣсовскія и самохотныя дѣла не вмѣшивалась; извѣстно, лѣта ея были не такія. Вотъ къ этой-то шутовкѣ парень и обратился за совѣтомъ, и говоритъ ей однажды ночью, когда очередные черти были въ отлучкѣ, а проклятые, которые спали, которые тоже были въ отлучкѣ,—и говоритъ парень шутовкѣ:

— Тетушка! Научи меня, что мнѣ дѣлать? Неточію жениться,—мнѣ и жить-то здѣсь тошно; а какъ о женитьбѣ вздумаю, такъ во мнѣ вся внутренность воротится.—Ты, тетушка, живешь здѣсь издавна,—стало-быть порядки здѣшніе знаешь. Не придумаешь-ли какое средство, какъ бы мнѣ вырваться отсюда на свѣтъ Божій. Я тебя въ вѣкъ не забуду, по гробъ моей жизни молельщикомъ за тебя буду.—Може, молитва моя во что да нибудь тебѣ поставится. Сжался, родимая. Помоги!

— Жаль мнѣ тебя, паренекъ,—говоритъ шутовка:—отъ своего глупаго языка пропадаешь.—Жаль и родительницу твою: чай, плачетъ, бѣдняжечка, о тебѣ; по себѣ это знаю,—говоритъ шутовка и вздыхаетъ.—Дѣлать нечего, хоша послѣ и побой приму отъ чертей, а совѣтъ тебѣ дамъ; только будь ловокъ и мужественъ.—Скажи чертямъ,—научаетъ парня шутовка,—что жениться ты согласенъ, но съ уговоромъ, чтобы прежде женитьбы сводили они тебя въ родительскій домъ.—„Хочу-де, скажи имъ,—хочу-де, въ останній разъ взглянуть на домъ родительскій и заочно проститься съ роди-

телями и съ родными“.—Черти будутъ отговаривать, а ты стой на своемъ,—научаетъ парня шутовка.—Черти будутъ резонъ представлять, чтобы ты сперва женился, а потомъ уже они поведутъ тебя въ домъ; но ты стой на своемъ, не соглашайся: коль скоро женишься—все пропало: шутовка не отпустить тебя, хоша бы и черти были согласны. Крѣпись, паренекъ,—говоритъ шутовка:—черти побьются, побьются и все-таки съ тобой согласятся, чтобы выполнить наказъ сатанинскій, и поведутъ тебя къ вашему дому. Вотъ тутъ-то ты и не плошай,—говоритъ шутовка.—Тропинка отъ озера ведетъ на дорогу,—дорога прямо поведетъ къ вашимъ хуторамъ. Черти пойдутъ дорогой, а ты дорогой не ходи, сверни въ сторону, влѣво отъ дороги. Тутъ вся низь,—я знаю, говоритъ шутовка,—я часто тутъ хожу,—вся низь поросла чертополохомъ. Знаешь ли ты эту траву?—спрашиваетъ шутовка.

— Знаю,—говоритъ парень.

— Ну, это и хорошо,—говоритъ шутовка.—Какъ войдешь въ чертополохъ,—научаетъ парня шутовка,—такъ и рви эту траву, и кидай отъ себя во всѣ стороны, и иди не торопясь. Черти будутъ тебѣ говорить, чтобы ты этого не дѣлалъ, чтобы вышелъ на дорогу; но ты не слушай, твори молитву и дѣлай свое дѣло. Черти будутъ кричать, бранить, стращать, но ты не бойся: ни одинъ изъ нихъ къ тебѣ не приблизится. Подойдешь ты къ большой дорогѣ, къ почтовой, и ты черезъ нее, черезъ большую дорогу, не переходи: за ней нѣтъ чертополоха, да и черти на дорогѣ тебя переймутъ, схватятъ, а остановись ты тутъ, гдѣ чертополохъ, и жди первыхъ пѣтуховъ. Какъ пѣтухи пропоютъ, такъ черти и исчезнутъ. Тогда смѣло иди черезъ дорогу и ступай домой: будешь спасень.—Только слушай, паренекъ,—говоритъ шутовка,—не забудь вотъ что: до трехъ лѣтъ хмѣльнаго въ ротъ не бери, а пуще, не упивайся,—не то черти задушатъ тебя. Попомни это, паренекъ.

„Хорошо. Какъ шутовка научила, такъ парень и сдѣлалъ: наотрѣзъ сказалъ чертямъ, что ни въ жисть не же-

нится, есть-когда они не сводятъ его взглянуть въ последний разъ на домъ родительскій. Черти дулись, дулись, да и согласились, и въ самую глухую полночь вывели парня изъ озера и повели къ хуторамъ. Идутъ дорогою; впереди чертъ, позади чертъ, по одну сторону чертъ, по другую сторону чертъ, а въ серединѣ парень, словно арестантъ. Парень осмотрѣлся, увидалъ въ сторонѣ отъ дороги траву чертополохъ. Улучивши такую минуту, когда одинъ крайній чертъ зазѣвался, парень и шмыгнулъ съ дороги въ чертополохъ. „Куда ты?“ вскричали черти, и остановились. Но парень молчитъ, дѣлаетъ то, чему шутовка научила. Сначала черти и вида не подали, что догадываются о замыслѣ парня, говорятъ ему безъ брани, безъ угрозъ, чтобы вышелъ на дорогу: „ближе-де!“ Но парень свое дѣло дѣлаетъ, рветъ чертополохъ и бросаетъ имъ въ чертей. Тѣ все терпятъ, надѣются перенять парня на большой дорогѣ, но парень за дорогу не пошелъ, а присѣлъ недалеко отъ нея въ кусты чертополоха. Тутъ уже черти не стерпѣли, вскинулись на парня, давай ругать его всякими скверными словами и стращать всякими ужастями, но ничего не взяли. Парень порываетъ травку и подбрасываетъ въ чертей. Черти отошли подальше, столпились въ кучу, и говорятъ парню:

— Ахъ, ты, подлець! Ахъ, ты, такой-сякой, немазаный-слѣпой! Надулъ насъ. Ну, подлець!—говорятъ черти парню,—не забудемъ мы этого, никогда не простимъ тебѣ! Не нынче, завтра, а доберемся мы до тебя, подлеца. Рано ли, поздно ли, а будешь опять у насъ, тогда крѣпись, подлая душа!...

Тутъ вспѣлъ пѣтухъ, и черти исчезли. Дождался парень свѣта и пришелъ домой, то-ись, не прямо въ домъ, а залѣзъ въ базъ; прямо въ избу придти стыдно было, по той причинѣ, что парень былъ нагой, въ томъ самомъ, значить, видѣ, въ какомъ попался къ чертямъ.

„Хорошо. Жилъ послѣ того парень въ родительскомъ домѣ года два благополучно, но на третьемъ году, на послѣднемъ, значить, не вытерпѣлъ, прорвался: разъ на свадьбѣ у

товарища напился мертвецки пьянъ, напился и пропаль! Не выпустили его черти и изъ-за стола: гдѣ парень сидѣлъ, тутъ они и задушили его. Самъ, значить, виноватъ,—замѣтилъ рассказчикъ: — н е б е з ч е в о шутовка упредила, чтобы не пилъ.

„Этотъ парень, видишь, какимъ побытомъ спервоначала попалъ къ проклятымъ въ притонъ—совсѣмъ не думано, не гадано, отъ одного озорничества своего,—сказалъ старикъ.— А вотъ другой, я тебѣ расскажу, другой парень нарочно пошелъ къ проклятымъ; зналъ, грѣховодникъ, куда шелъ. Слушай-ка!

„Былъ онъ знакомъ, этотъ парень, съ однимъ мужикомъ, съ сарайщикомъ, что въ кирпичныхъ сараяхъ жилъ и кирпичи дѣлалъ. А кирпичные сараи, знаешь, у Солдатской старицы, между солдатскими казармами и между Баскачкиной ростошью. Слушай, что было—оказія, сударь мой! Разъ ночью парень сидѣлъ у пріятеля своего, сарайщика, и тотъ угощалъ его виномъ. Вино все вышло, а пить хочется тому и другому, а кушать негдѣ: поздно, кабаки заперты.

— Вотъ что, дружище!—говоритъ сарайщикъ парню.— Есть у меня одно такое мѣсто, вплоть отсюда, рукой подать; хорошіе люди живутъ, угостятъ они насъ и виномъ, и чѣмъ хочешь, и пельменей наварятъ, и денегъ не возьмутъ. Только, не знаю, достанетъ ли у тебя храбрости идти туда: мѣсто, впередъ говорю, мѣсто очень бойкое. Храбрый ли ты?—спрашиваетъ сарайщикъ парня.

— Хвалиться не смѣю,—говоритъ парень;—однако, доселева трусу не праздновалъ. Правда, въ страженіяхъ не бывалъ,—говоритъ парень,—а что касается до кулашной расправы, въ этомъ постоять могу: сердце не дрогнетъ, кулакъ не сфальшитъ.

— Не въ томъ дѣло,—говоритъ сарайщикъ.—Ни драться, ни бороться не приведется; въ этомъ завѣрить могу. Нужно только имѣть сердце яройское, чтобъ и самого черта не испугаться, есть-когда доведется увидать его.

— Что мнѣ чертъ!—говоритъ захмѣлѣвшій парень.—

Дѣдушка мой видалъ ихъ у Баскачкиной ростоши цѣлый легионъ; однако, ничего они ему не сдѣлали. Чертъ нипочемъ, черта не испугаюсь!—говорить парень.

— Хорошо,—говорить сарайщикъ.—Въ самомъ дѣлѣ, черта бояться не слѣдуетъ. Чертъ не дуракъ, зря не кидается. Слушай!—говорить сарайщикъ.—Я поведу тебя къ чертямъ, то-ись, не къ самимъ чертямъ, а къ проклятымъ, что у чертей подь началомъ живутъ, пріятели мои. Согласенъ?—спрашиваетъ сарайщикъ парня.

— Что-жъ?—говорить парень.—Не мѣшаетъ, хоша разъ, побывать и у чертей въ гостяхъ. Кто знаетъ, куда попадешь, какъ умрешь. Идемъ!

— Идемъ!—говорить сарайщикъ.

„Пошли добры-молодцы къ Солдатской старицѣ.

— Скидай и крестъ, и поясъ!—говорить сарайщикъ парню, когда подошли къ старицѣ.—Въ этомъ, говоритъ, уборѣ тамъ не принимаютъ.

„Парень скинулъ съ себя и крестъ, и поясъ.

— Иди за мной!—говорить сарайщикъ, и самъ пошелъ въ воду.

„Парень пошелъ за нимъ. Зашли въ воду по самую шейку.

— Зажмурь глаза!—говорить сарайщикъ.

„Парень зажмурилъ.

— Опускайся съ головой!—говорить сарайщикъ.

„Парень опустился.

— Открой глаза!—говорить сарайщикъ.

„Парень открылъ глаза, и очутился не въ водѣ, сударь мой, а посередь просторной избы. Изба сдѣлана была не изъ лѣса, иль-бо изъ кирпича, иль-бо изъ чего другого, а изъ чего-то свѣтлаго, словно будто бы изъ хрусталя, иль-бо изъ льда: сквозь стѣны все видно, что въ водѣ; видно, какъ и рыбка плаваетъ, какъ и лопухи растутъ; а сквозь потолокъ видно, какъ на небѣ звѣздочки блещутъ. Въ избѣ, какъ бытъ слѣдуетъ, всякаго буторя и всякой хурды-бурды довольно: и одежды мужской и женской, и столовъ, и стульевъ, и пола-

вошниковъ, и посуды всякой; одно слово—домъ справный; только одного нѣтъ—св. иконъ. Людей въ избѣ никого не видать было. Сарайщикъ кашлянулъ; но никто не откликнулся. Сарайщикъ крикнулъ: „Эй, хозява! Есть ли кто дома?“ Изъ-за перегородки послышался съ просонокъ женскій голосъ:

— Кто тутъ?

— Я!—говоритъ сарайщикъ.—Иванъ мірянинъ.

„Немного погода, вышла изъ-за перегородки, съ заспанными глазами, женщина среднихъ лѣтъ, въ нашемъ, казачьемъ, уборѣ.

— Ба-ба-ба!—говоритъ женщина сарайщику.—Гость дорогой. Давно не видать было. Милости просимъ. А это кто?—спрашиваетъ она сарайщика и киваетъ головой на парня.

— Товарищъ мой,—говоритъ сарайщикъ. — Угощай, тетка Матрена. Да, смотри-ка, нельзя ли насчетъ пельменей?

И тетка Матрена принялась угощать гостей, выставила четвертную бутылъ вина и уставила столъ разными закусками и фруктами.

— А насчетъ пельменей не обезсудьте, гости дорогие,—говоритъ тетка Матрена, сирѣчь шутовка,—пояснилъ рассказчикъ:—сдѣлать не изъ чего. Баранины хоша и много, да мука вся вышла. Не взыщите. Въ другой разъ, милости просимъ, приходите; всего поприпасу. Наши всѣ въ разбродѣ; одна домовничу, оторваться-то теперь и некогда, чтобы провизіей заpastись.

„Дальше какой былъ разговоръ, парень не помнитъ: очень ужъ спьянился,—продолжалъ рассказчикъ.—На другой день утромъ парень очутился въ сараяхъ. Какъ вышелъ изъ вертепа проклятыхъ, и этого не помнитъ. Сарайщикъ, значить, вывелъ. Когда совсѣмъ отрезвился и пришелъ въ настоящій разумъ, парень чувствовалъ себя какъ-то неловко, будто бы бѣду какую-то сдѣлалъ. Шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, быть у проклятыхъ въ вертепѣ, вѣдь это то же, что быть и у самихъ чертей!—замѣтилъ рассказчикъ.—Однако, парень смолчалъ, никому, значить, не сказалъ, ни

роднымъ, ни знакомымъ, что былъ въ гостяхъ у проклятыхъ; только самъ себѣ зарокъ далъ, не знаться больше съ сарайщикомъ. Шутъ его знаетъ, что онъ за человѣкъ! Може, самый истовый шишига иль-бо самый коренной проклятой, уловляющій людей въ свое общество!

„Прошло сколько-то времени спокойно,—говорилъ старикъ далѣе.—Разъ трафилось парню быть въ мясныхъ рядахъ. Идетъ онъ по рядамъ и видитъ: ходитъ по рядамъ, съ мѣшкомъ за плечами, женщина, и въ глазахъ мясниковъ подбираетъ съ прилавковъ куски говядины. Мясники ни слова, будто и не видятъ. Что за оказія!—думаетъ парень.—Сталъ вглядываться въ женщину. Ба! да это тетка Матрена, то-ись, та самая проклятая, что принимала ихъ съ сарайщикомъ въ вертепѣ и угощала! Парень не успѣлъ еще хорошенько образумиться, какъ проклятая подошла къ нему и говоритъ:

— Здравствуй, сударикъ! Что не зайдешь къ намъ? Приходи! Наши нынче всѣ въ сборѣ.

— Хорошо!—говоритъ парень.—Какъ-нибудь на-дняхъ зайду.

— Пожалуйста, заходи!—говоритъ проклятая.—Худности никакой не увидишь, окромя удовольствія. У насъ претмѣнное веселье.

— Безпремѣнно!—говоритъ парень, а самъ думаетъ: „Откачнись только, проклятая. Сейчасъ къ попу побѣгу“.

— И въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ рассказчикъ,—прямо изъ мясныхъ рядовъ парень побѣжалъ къ священнику и рассказалъ ему все, что и какъ было.—Священникъ почиталъ надъ нимъ нѣкія молитвы, а одну, воскресную, написалъ на бумажкѣ и привязалъ парню на крестъ; да въ запасъ далъ ему другой натѣльный крестъ на длинномъ и толстомъ гайтанѣ, и наказалъ парню, чтобы онъ поступилъ такъ: какъ-де, представится ему проклятая, такъ бы онъ и накинулъ на нее этотъ крестъ.—Хорошо. Черезъ нѣкоторое время парень въ самомъ дѣлѣ опять повстрѣчался съ проклятой. Та-было къ парню, хотѣла, видно, что-то сказать, а онъ не допустилъ

ее до себя, поторопился, чтобы, знаешь, избавиться поскорѣе отъ нея, и вынулъ изъ-за пазухи запасный крестъ: въ одинъ мигъ проклятая исчезла!—Съ той поры тетка Матрена никогда ужъ парню не представлялась. И лучше,—прибавилъ рассказчикъ:—пожалуй, грѣхъ бы какой случился.

— Насчетъ проклятыхъ, не хочу лгать,—сказалъ старикъ, немного погодя;—самъ я не видалъ такихъ молодцовъ, и не дай Богъ видѣть.—А вотъ насчетъ шутовокъ,—прибавилъ онъ,—смѣю завѣрить, самъ, своими, значить, глазами, видѣлъ одну шутовку, и вотъ по какому побыту. Слушай-ка!

И старикъ началъ:

Одно время родитель мой служилъ на передовыхъ постахъ за Яикомъ и стоялъ на Лысыхъ горахъ, то-есть, на Лысогорскомъ пикетѣ; а мы съ родительницей жили въ Дарьинскихъ хуторахъ,—нарочно переѣхали туда, чтобы къ родителю быть поближе. Разъ, лѣтней порой, когда стала послѣвать ежевика, родительница поѣхала къ родителю на пикетъ, чтобы первенькихъ ягодокъ посбирать, и меня взяла съ собой. Я былъ тогда по восьмому году и все хорошо помню.—Однажды, въ самые глухіе полдни, пошли мы съ родительницей за ежевикой. Я бѣжалъ впереди, а родительница шла позади. Подбѣжалъ я къ спуску, хотѣлъ, значить, спуститься внизъ къ Яику и увидалъ: подъ горой, на песочкѣ, у самой воды, подъ кустомъ таловъ, сидитъ женщина нагишкой; сидитъ и расчесываетъ гребнемъ, и крутитъ руками на головѣ мокрые волосы,—а волосы, какъ теперь смотрю, длинные-предлинные до самой до земли и такъ сквозь таловъ на солнцѣ переливаются голубью и зеленою, словно голова у кряковаго селезня,—а тѣло у женщины такое бѣлое, пребѣлое, что твой снѣгъ первенькой.—Я испугался и бросился къ родительницѣ. Та взяла меня за руку и спрашиваетъ, что со мной. А я дрожу и только рукой показываю подъ гору. Родительница подошла къ тому мѣсту, откуда я бѣжалъ, взглянула внизъ и увидала то же самое. А женщина сидитъ къ намъ спиной, насъ не видитъ, и убираетъ свои волосы, плететь въ косы.—Постояли мы съ родительницей сколько-

то времени, вернулись на пикетъ и сказали родителю. Родитель сказалъ казакамъ, и всѣ они пошли къ тому мѣсту. Мы съ родительницей пошли съ ними же. Подошли къ спуску, взглянули внизъ, а женщины нѣтъ. Только слышно было, когда подходили къ спуску, какъ что-то бултыхнулось въ воду, и видно было, какъ круги на водѣ расходились: значить, кто-нибудь нырнулъ въ воду. Казаки спустились подъ гору и нашли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла женщина, большой-пребольшой роговой гребень и черный, словно уголь. Казаки обшарили всѣ кусты по близности, и никого не нашли. Потомъ сѣли въ бударку и переѣхали на Самарскую сторону—и тамъ всѣ кусты обыскали, но и тамъ никого не нашли. Вернулись къ тому мѣсту, гдѣ гребень лежалъ, а гребня нѣтъ, исчезъ,—а къ гребню никто изъ казаковъ и не дотрогивался: всѣ боялись.—Выходитъ, это была празднопатающаяся шутовка!—заклучилъ старикъ.

— Може статья, ты слову моему не повѣришь,—оговорился старикъ,—по той причинѣ, что кромѣ меня никого нѣтъ вживѣ, кто видѣлъ эту шутовку. Но коли доведется тебѣ быть въ Илецкомъ городкѣ,—продолжалъ рассказчикъ,—то спроси тамъ кого хочешь, хоша, къ примѣру, чиновника Солдатова,—и онъ тебѣ скажетъ, что въ недавнихъ годахъ, близъ Илецка, въ Старомъ Яикѣ, водилась шутовка, и ее почитай всѣ обыватели видали, кому случалось бывать въ лугахъ. Чрезъ Старый Яикъ, изволишь ли знать, былъ прежде мостъ, а теперь моста нѣтъ, теперь плотина, по той причинѣ, что Старый Яикъ пересохъ. Когда былъ мостъ, на немъ, всякій почестъ Божій день, въ лѣтнюю пору, въ самые глухіе полдни видали шутовку и все-то, сударь мой, за однимъ занятіемъ: сидитъ, бывало, она на мосту, свѣся ноги, и чешетъ гребнемъ волосы, и распѣваетъ заунывныя пѣсни,—пѣсенница, знать, была;—но какъ завидитъ, бывало, людей, такъ засмѣется и бултыхнетъ въ воду.—Высохла вода, и шутовка пропала: переселилась, значить, въ другое мѣсто

VIII.

Баскачкина ростошь.

— Скажу тебѣ о Баскачкиной ростоши,—говорилъ себе сѣдникъ мой, старикъ.—Мѣсто, самъ знаешь, не уединенное, не глухое, на большомъ тракту и отъ Уральска близехонько, всего версты двѣ, а черти издавна тамъ водятся.

Мы иногда промежъ себя разсуждали: „зачѣмъ, молю, черти тутъ поселились, а не въ другомъ какомъ уединенномъ мѣстѣ? Чай, нашли бы такое удобное мѣсто,—земля, слава Богу, не клиномъ сошлась! Толкуемъ этакъ-то промежъ себя, ломаемъ головы, а дѣло-то выходитъ очень просто: на большомъ тракту больше, значить, поживы чертямъ,—вотъ она штука-то въ чемъ! Разсудилъ это одинъ старецъ изъ Иргизскихъ монастырей. И справедлива была его рѣчь. Къ примѣру, ѣдетъ ночью порой пьяный человѣкъ, упихся, что называется, до-зѣла; въѣдетъ на мостъ, что черезъ ростошь сдѣланъ, въѣдетъ, знамо, не перекрестясь, не благословясь,—черти-то и тутъ: испугаютъ, окаянные, лошадь, та и бросится въ сторону и опрокинетъ телѣгу; иль бо какъ-нибудь колесо подвернуть, иль бо ось изломаютъ, иль бо другое что сдѣлаютъ надъ телѣгой, и та свернется на бокъ,—и полетитъ пьяный съ моста вверхъ тормашкой, и сломитъ себѣ голову! А это дьяволамъ и нужно: душа убившагося пьяницы, значить, будетъ въ ихъ рукахъ.

— Вотъ уже на моей памяти,—продолжаетъ рассказчикъ,—довольно было такихъ исторій, а въ старину,—старики, бывало, рассказываютъ,—въ старину, сударь мой, не оберешься, бывало, такихъ исторій. Вотъ что однажды случилось:

— Ъхаль изъ города старикъ съ внученкомъ, мальчикомъ лѣтъ восьми или девяти. Проѣхамши Баскачкину ростошь, встрѣтили они обозъ,—съ хлѣбомъ изъ Руси шоль. Отрокъ правиль, лошадыю, своротиль немного въ сторону, придержаль лошадь и говоритъ старику:

— Дѣдушка! Что я вижу? Страсти Господни!..

— Что, дитяtko?—спрашиваетъ старикъ.

— Да, что, дѣдушка! Страсти!—говоритъ отрокъ.—Надъ обозомъ, что идетъ намъ навстрѣчу, окаянные выются—съ хвостами, съ рогами, съ когтями, съ огненными языками, какъ на Страшномъ Судѣ пишутся. Выются они, дѣдынька, надъ одной телѣгой, что позади всѣхъ,—такъ и облѣпили ее, словно карги *) маханину, негдѣ курочкѣ клюнуть: и на колесахъ-то сидятъ, и на оглобляхъ-то сидятъ, и на дугѣ-то сидятъ; а въ воздухѣ-то рой-роемъ, словно мошки въ жаркую пору.

Старикъ смотритъ на обозъ, но ничего не видитъ, хоша ночь и лунная была,—однако тотчасъ догадался, что отроку, яко чистой и безгрѣшной душѣ, откровеніе дается. Сію жъ минуту велѣль старикъ отроку остановиться, а самъ, крестясь и творя молитву, вылѣзъ изъ телѣги и подошелъ къ обозу, взглянулъ на послѣдній возъ и видитъ: лежитъ на возу мертвецки пьяный мужикъ и такъ зря, на вѣтеръ, сквернословитъ.

— Почтенный!—говоритъ старикъ пьяному мужику.—Всталъ бы ты и прошелся немного пѣшечкомъ.

— За коимъ чортомъ?—спрашиваетъ мужикъ.

— Да впереди, почтенный, глубокая ростошь, высокій

*) Вороны.

мостъ,—говорить старикъ:—грѣха бы какого не случилось,—дѣло ночное, мостъ-то не очень надежный...

— Убирайся къ чорту!..—сказалъ пьяный старику и повернулся внизъ лицомъ.

— Почтенный! Я тебѣ не шутя говорю,—говорить старикъ мужику.—Встань, касатикъ, перекрестись, сотвори молитву и пройдишь пѣшечкомъ черезъ мостъ-то,—а есть-когда тебѣ одному не въ мочь, я, пожалуй, помогу. Между нами будь сказано,—говорить старикъ,—мѣсто не очень чистое, не шутя говорю.

— И я тебѣ не шутя говорю: убирайся къ чорту!—сказалъ мужикъ, перевернулся опять вверхъ лицомъ и заоралъ какую-то скверную пѣсню.

Нечего дѣлать, старикъ отступился отъ пьянаго, и поѣхалъ съ отрокомъ своимъ путемъ-дорогой. Отрокъ и говорить старику:

— Дѣдушка! Какъ ты подошелъ къ возу и сталъ говорить съ мужикомъ, черти-то прочь отлетѣли; а какъ отошелъ отъ воза, они опять его облѣпили.

— Нишни, дитятко!—говорить старикъ.—Крестись и твори молитву. Не наше дѣло.

На другой день старикъ ѣдетъ одинъ назадъ въ городъ,—ѣздилъ-то онъ недалеко, въ Рубежную; кажется, отвозилъ отрока къ роднымъ,—ѣдетъ старикъ назадъ, подъѣзжаетъ къ Баскачкиной ростоши и видитъ—около нея дрожки и роспуски стоятъ, и народу бездна. Старикъ подъѣхалъ къ народу и спросилъ:

— Что такое?

— Мертвое тѣло поднимаютъ!—сказали старику.

Старикъ полюбопытничалъ, подошелъ къ мертвому, взглянулъ—и узналъ: это былъ вчерашній пьяный мужикъ, коего онъ уговаривалъ пройти пѣшкомъ. Случилась съ нимъ эта исторія такимъ побытомъ: весь обозъ благополучно прошелъ черезъ мостъ, одна только задняя лошадь, на серединѣ моста, вдругъ чего-то испугалась и шарахнулась; телѣга—на бокъ, а пьяный полетѣлъ въ ростошь, внизъ головой, и урѣзался

о балку!—Только и было его житія. Недаромъ, значить, ока-
янные вились и ластились около пьянаго, душой попользо-
вались, подлецы!—замѣтилъ рассказчикъ.

— А разъ случилась пресмѣшная, сударь мой, исторія съ
нашимъ казакомъ,—продолжалъ рассказчикъ.—Ѣхалъ онъ,
этотъ казакъ, изъ С а в у ш к и н а е р и к а въ городъ,—не
одинъ, а съ женой Ѣхалъ. Жена лежала въ телѣгѣ и дре-
мала, а мужъ распѣвалъ пѣсни—навеселѣ былъ. Дѣло
было ночью подъ какой-то праздникъ. Ночь была мѣсячная,
свѣтлая, хоть узоры вышивай. Вдругъ передъ самымъ мо-
стомъ лошадь остановилась, уперлась и нейдетъ.

— Ну, ну, одрань,—кричитъ казакъ на лошадь.—Какого
шута испугалась?

Жена проснулась, выглянула изъ телѣги и увидала на
мосту, на пѣрилахъ, значить, сидятъ б а р ы н и въ нѣмец-
кихъ платьяхъ, въ шляпкахъ, съ зонтиками, а около барынь
стоятъ г о с п о д а, то-ись, солдатскіе офицеры, кто съ труб-
кой въ зубахъ, кто съ гитарой въ рукахъ, кто съ чѣмъ; всѣ,
барыни и господа, разговариваютъ о чемъ-то и хохочутъ.

— Кто это?—спрашиваетъ тихонько жена мужа.

— Кто?—говоритъ мужъ.—Рази не видишь? Г о с п о д а
съ б а р ы н я м и! Разгуляться, значить, изъ казармъ вышли.
Жена опять прилегла въ телѣгу.

— Ну, ну! Шутъ тебя побери!—кричитъ казакъ на
лошадь.

А лошадь ни съ мѣста: фырчитъ, упирается, дрожить.
Казакъ хотѣлъ вылѣзть изъ телѣги, чтобы взять лошадь подъ
узды и провести черезъ мостъ. Но въ это самое время,
откуда ни возьмись, подбѣжалъ солдатъ, якобы офицерскій
денщикъ, и говоритъ казаку:

— Не безпокойся, казачёкъ! Сиди. Я проведу лошадь
черезъ мостъ.

— Есть-когда не въ трудъ,—говоритъ казакъ,—сдѣлай
Божескую милость...

Солдата отъ этихъ словъ будто покоробило, и онъ шаговъ
на пять отскочилъ назадъ...

— Не бойся, служивый, — говоритъ казакъ: — лошадь смиренная. Шутъ ее знаетъ, теперь только что-то заартачилась.

Толкуетъ казакъ, успокоиваетъ с л у ж и в а г о, а того и не знаетъ, что служивому не лошадь страшна: служивому-то „Б о ж е с к а я“ милость не понутру. Однако, немного погодя, солдатъ сталъ потихоньку подходить къ лошади, чтобы взять подъ уздцы, а лошадь фырчить, дрожить и становится на дыбы. Въ это время жена опять выглянула изъ телѣги и взглянула на солдата; а у того, у бестіи, вмѣсто человѣчьихъ ногъ, торчатъ изъ-подъ шинели лошадиныя копыты! Каковъ солдатъ, а? — замѣтилъ рассказчикъ. — Чай, ни въ какой землѣ, ни у одного царя, такого не найдешь. Ладно. Жена повела глазами на г о с п о д ѣ и на б а р ы н ѣ; и у тѣхъ, проклятыхъ, вмѣсто ногъ, торчатъ—у кого лошадиныя же копыты, у кого звѣриныя лапы, а у одной барыни изъ-подъ платья и хвостъ виденъ, закорючился, словно у собаки! Каковы г о с п о д а? Каковы б а р ы н и?—замѣтилъ опять рассказчикъ.—Сортъ!! Ладно. Жена тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло, однако, не струсила, дернула мужа за рукавъ.

— Стой, Иванычъ!—говоритъ жена мужу.—Крестись и твори молитву!—а сама вдругъ поднялась изъ телѣги, перекрестилась и возгласила: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“

Господъ и барынь словно громомъ оглушило: кто гдѣ стоялъ, тотъ тутъ и присѣлъ; и разговоры, сударь мой, и смѣхъ прекратились. Проговоривъ Іисусову молитву, женщина тотчасъ же возгласила: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!“

Ну, этого ужъ г о с п о д а съ б а р ы н я м и не выдержали: взвизгнули, окаянные, и кто гдѣ стоялъ, кто гдѣ сидѣлъ, тотъ тутъ и провалился сквозь землю, а инья барыни, что на перилахъ сидѣли, тѣ, сударь мой, полетѣли подъ мостъ и завертѣлись, словно турманы,—только шумъ пошелъ отъ платьевъ,—и грѣхъ, и смѣхъ!... Не будь съ казакомъ жены,—замѣтилъ рассказчикъ,—бѣда-бѣ могла случиться: съ пьяна казакъ не доглядѣлъ бы, не догадался бы, что то

были не господа съ барынями, а настоящіе черти, и, чего добраго, свалился бы съ моста и сломилъ бы себѣ голову“.

— И все-то, сударь мой,—продолжалъ рассказчикъ,— черти дурятъ съ пьяными, а не съ терезвыми. Вотъ уже сколько живу на свѣтѣ, а ни разу не слыхалъ, чтобы окаянные представлялись терезвымъ, а все пьянымъ. Разъ на пьянаго же казака напали, вооруженной рукой напали, сударь мой,— вотъ что забавно.

„Бхалъ онъ, этотъ казакъ, верхомъ изъ Гниловскаго форпоста,—летучку возилъ, и въ Гниломъ-то у пріятеля добрымъ манеромъ понатянулся. Бхалъ ночью. А въ тотъ день, передъ вечеромъ, только что зарыли въ Баскачкиной ростошѣ одну опоицу, женщину. На такихъ, должно быть, на радостяхъ, черти-то и раскутились и представились казаку войнами, съ ружьями, съ копьями, верхами, на бѣлыхъ лошадяхъ, въ бѣлыхъ шапкахъ, бѣлыхъ балахонахъ; выступили по сю сторону ростоши, передъ мостомъ; стали во фронтъ и преградили казаку дорогу. Это было давно, годовъ сорокъ тому, когда еще киргизы пошаливали. Ну, казаку-то и не вдомекъ, что это шишиги,—думалъ, что киргизы. Сначала казакъ поступилъ такъ, какъ военный артикуль повелѣваетъ,—окликнулъ: „Что за люди?“ Не отвѣчаютъ. „Что за люди?“ Не отвѣчаютъ. „Что за люди? Застрѣлю!“ въ третій разъ ужъ казакъ окликнулъ. Молчатъ, не откликаются, только ружьями на казака поводятъ. Казакъ видитъ, что непріатели вплотную прицѣливаются въ него, хотятъ стрѣлять, но ружья у нихъ не быють, якобы осѣкаются. Тогда и казакъ прицѣлился въ непріателей—пафъ! И одинъ непріатель повалился съ лошади. Остальные всѣ хлынули на казака. Казакъ поворотилъ коня назадъ и поскакалъ къ Гнилому. Самъ скачетъ, а самъ ружье заряжаетъ; и только что зарядилъ,—глядь,—а впереди другая партія непріателей, въ бѣлыхъ же балахонахъ, въ бѣлыхъ же шапкахъ, на бѣлыхъ же коняхъ. Казакъ—пафъ! И повернулъ коня въ бокъ, ударился въ степь, къ Садамъ. Самъ скачетъ, а самъ ружье заряжаетъ; и только что зарядилъ,—глядь,—а на

встрѣчу ему отъ Садовъ новая партія несется такихъ же непріятелей. Казакъ—пафъ! И повернулъ коня назадъ, и ударился къ Переволочной рощѣ, хотѣлъ, значить, броситься вплавъ черезъ Солдатскую старицу. Самъ скачетъ, а самъ ружье заряжаетъ; и только что зарядилъ,—глядь,—а изъ-подъ яра старицы высынала еще партія такихъ же непріятелей!—Шабашъ! Прощай, Максимъ, и съ поѣздомъ! Что дѣлать казаку? Бросить оружье и покориться? Нѣтъ! Казакъ не хочетъ кориться! Ярѳй, значить, былъ. Онъ и по этой партіи выстрѣлилъ, а потомъ—куда попало; повернулъ коня въ сторону, да и давай вавилоны писать; и грѣхъ, и смѣхъ, сударь мой. На подобіе того, какъ, примѣрно, тюлька (лиса) отъ собакъ увертывается,—такъ и казакъ нашъ отъ шишиговъ увертывается, не дается; то туда, то сюда бросится, а самъ ружье заряжаетъ, самъ стрѣляетъ. Напоследокъ всѣ заряды выпустилъ. Казакъ и тутъ не сробѣлъ,—схватилъ ружье за дуло, и давай отмахиваться отъ шишиговъ; самъ отмахивается, а самъ оретъ благимъ матомъ; и себя, значить, ободряетъ, и непріятелей стращаетъ.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта исторія, есть-когда-бъ не наѣхала на казака почта съ конвоемъ. Лишь только послышался колокольчикъ, черти и стали удаляться отъ казака все дальше и дальше, а напоследокъ, какъ почта стала подъѣзжать къ мѣсту побоища, всѣ юркнули въ Баскачкину ростошь, и—исчезли. Тутъ только казакъ очнулся и въ настоящій разумъ пришелъ, перекрестился и сотворилъ молитву, а дотлева словно замстило, это и въ голову не приходило; тутъ только казакъ спозналъ, кто таковы были непріятели. Вотъ она какова, эта Баскачкина ростошь,—бѣдовая!—прибавилъ рассказчикъ.

— А все оттого,—продолжалъ онъ, немного погодя,—что опивищъ зарывали въ ней; оттого самага и черти притонъ въ ней имѣли. Вотъ нынче, благодареніе Богу, нынче, сударь мой, почитай не слышать, чтобы черти шалили. Рѣдко-рѣдко какому-нибудь пьяному человѣку представятся, и то не близко, а издалека, какимъ-нибудь неважнымъ привидѣніемъ,

примѣрно, совой, бирюкомъ, иль бо челоуѣче-скимъ посвистомъ, иль бо бочкой. А отчего перестали черти шалить въ Баскачкиной ростоши? Да оттого, батенька, что люди не стали тутъ зарывать опивиць. Для нихъ отведено нынче другое мѣсто, въ степи, за татарскимъ кладбищемъ, гдѣ нѣтъ никакого тракта. Оттого-то и утишилось въ Баскачкиной ростоши,—заклучилъ старикъ.

IX.

О п и в и ц ы.

— Къ слову пришлось о пьяницахъ, то-ись о тѣхъ, кто не въ мѣру вино пьетъ и до смерти упивается,—сказалъ собесѣдникъ мой, немного погодя послѣ того, какъ заключилъ рассказъ о Баскачкиной ростоши.—Какъ ты думаешь о нихъ?—обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Я никакъ не думаю,—отвѣчалъ я,—не знаю. Я бы желалъ отъ тебя услышать, что ты о нихъ скажешь.

— Дѣло!—сказалъ старикъ.—Слушай!

И старикъ началъ:

— Сперва-на-перво слѣдуетъ знать, что всякому человѣку на роду написано, какою смертію и когда умереть; а пьяницамъ—нѣтъ: пьяница, значить, самъ отъ себя погибаетъ, какъ и когда придется, то-ись, когда обопьется. Всякому человѣку на роду написано и о томъ, гдѣ умереть, откуда земля взята (земля еси и въ землю паки пойдеши,—замѣтилъ рассказчикъ, въ видѣ поясненія), тамъ человѣкъ и умереть долженъ, а пьяницамъ—нѣтъ: пьяница гдѣ обопьется, тамъ ему и могила. За всякимъ человѣкомъ ангелы-хранители ходятъ, а за пьяницей нѣтъ, то-ись, и за нимъ сначала ходятъ, да отступаются, какъ скоро онъ станетъ не въ мѣру упиваться. Вотъ тутъ-то чертямъ и воля, какъ ангелы-хранители отступятся, тутъ-то они и задушиваютъ пьяницу. Но ангель-

хранитель, надо знать, отступается не тихимъ молчаніемъ, а сначала упредить того человѣка, отъ котораго хочетъ отступиться, упредить его страшнымъ, грознымъ сномъ, чтобы человѣкъ спокаялся и воздержался. Бываетъ, что иной человѣкъ, увидавши грозный сонъ, и впрямь бросаетъ пить, и тогда, знамо дѣло, ангель-хранитель опять беретъ его подъ свою защиту; а иной на то не смотритъ. Пускай не смотритъ, самъ себѣ, значить, убивица, на то, значить, у чертей и хомуты имѣются,—замѣтилъ рассказчикъ.

— Сколько разъ случалось мнѣ на моемъ вѣку видать опивицъ и слышать о нихъ,—продолжалъ старикъ:—всѣмъ-то, сударь мой, какъ послѣ люди сказывали, всѣмъ-то имъ снились грозные сны. Зналъ я одного казака, пьяница былъ горькій, всегда до безчувствія напивался, всякій почестъ разъ водой отливали. Разъ на б а г р е н ь ѣ *) приснился ему таковой-то грозный сонъ и таковой-то понятный сонъ, иной на его мѣстѣ на всю бы жизнь отказался отъ вина, но казакъ не почувствовался. Снилось ему: очутился онъ въ пустой избѣ безъ оконъ, безъ дверей и безъ пола. вмѣсто пола, лежала поперекъ избы одна только дощечка: на ней-то казакъ и стоялъ. Внизу—пропасть, въ пропасти—тьма крошечная. Изъ пропасти слышно: то будто телѣга съ пустой бочкой прогремитъ, то будто тяжелый возъ въ гору тащится и скрышитъ, то будто кто кнутомъ лошадь погоняетъ, то будто кто засвищетъ, то будто кто застонетъ!... Казакъ обвелъ глазами избу и видитъ: всѣ стѣны увѣшаны уздами, кнутами и хомутами, да какими? Страсти Господни! Поводья, супони, шлеи, всѣ, значить, кисточки и подвѣсочки сдѣланы изъ живыхъ змѣй и скорпій! Казакъ пришелъ въ ужасъ несказанный. Вдругъ, откуда ни возмись, явился окаянный, въ кучерскомъ нарядѣ и при кожаномъ фартукѣ, схватилъ со стѣны одинъ хомутъ и хлопъ казаку на шею!—Такъ-то вотъ! Казакъ рванулся.

— Не шевелись!—говоритъ окаянный казаку.—Тебѣ же

*) Рыболовство, отправляемое въ р. Уралѣ, зимней порой б а г р а м н.

послѣ хуже будетъ. Этотъ хомутъ для тебя припасенъ, но безъ мѣрки дѣланъ. Теперь примѣрю, и что не такъ, исправлю, покуда время есть.

„Казакъ рвется, крутится, хочетъ кричать—голоса нѣтъ. Напоследокъ крутился, крутился и остушился, остушился и полетѣлъ въ пропасть, летѣлъ, летѣлъ—и проснулся! Проснулся весь въ поту, словно искупанный. Казакъ сильно перепугался и въ тотъ же день, за завтракомъ, рассказалъ сонъ артельщикамъ.

— Дѣло неладное, — сказалъ казаку одинъ старикъ-артельщикъ.—Теперь тебѣ, Кузѣма, не довлѣетъ не точію упиваться безъ мѣры, а и капли въ ротъ вина брать. Сонъ не хорошъ,—говоритъ старикъ.—Берегись, дружокъ. Не то, какъ разъ попадешь къ чертямъ, и запрягутъ они тебя въ бочку, и будешь—замѣстъ лошади служить...

„Казакъ напугался и сна-то и стариковыхъ-то словъ, и бросилъ было пить, да не надолго. Дѣло было на маломъ багреньѣ. Во все багренье казакъ не шлъ. Отбагрили и воротились въ Уральскъ. Наступили Святки. По обычаю предковъ, всѣ предались веселью, но казакъ воздержался. Послѣ Святокъ поѣхали на большое багренье. И во все большое багренье казакъ не шлъ, да на послѣднемъ рубежѣ прорвался: поймалъ большущую бѣлугу, въ полтораста рублей, и съ радости выпилъ, да выпилъ-то не по-людски, вотъ въ чемъ бѣда! Нужно было переѣхать съ одного мѣста на другое. Поѣхали. Казакъ лыка не вяжетъ. Артельщики завернули его въ тулупъ и положили въ его сани. Лошадь, знамо дѣло, привычная, бѣжитъ себѣ за другими лошадьми. Ыхали по льду. Все шло хорошо. Вдругъ, словно на грѣхъ, пришла полынья, почитай поперекъ всего Яика, только къ Бухарской сторонѣ было немного льду, такъ сажени въ двѣ шириной. Артельщики какъ ѣхали одинъ за другимъ, гуськомъ, такъ и поѣхали этой закрайницей, то-ись, между берегомъ и между полыньей. И впереди ѣдутъ, и сзади ѣдутъ, а лошадь пьянаго бѣжитъ, значить, въ серединѣ. Ыдутъ тихонько, трусцой. Но лишь только лошадь пьянаго сверсталась

съ полыней, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сани хлопъ объ ледъ, словно на кочку наѣхали, а кочки никакой не было, подпрыгнули и на бокъ! А пьяный, словно мячикъ, прыгъ изъ саней и—бухъ въ полыню. Въ тотъ же мигъ сани опять стали, какъ слѣдуетъ, на полозья, и покатались своей дорогой, а пьяный пошелъ ко дну! Только шалка его да тулупъ всплыли поверхъ воды. Хомутъ-то, что окаянный примѣрялъ, значить, и пригодился!—заклучилъ рассказчикъ.

— Да,—продолжалъ онъ, немного погодя,—черти,—какъ есть черти, не даютъ покою нашему брату, кто ужъ черезъ чуръ упивается, то-ись, до-зѣла, какъ говорится; такъ и дыбять, окаянные, надъ пьяными, чтобы залучить къ себѣ; одно слово, враги рода человѣческаго. Недавно, годовъ пятнадцать тому, сыграли-было они штуку съ одной старухой, изъ нашего форпоста,—Бычиха прозывалась. Тащилась она—не о ней будь сказано, покойница ужъ—тащилась она чуть живехонька со свадьбы. Вдругъ, откуда ни возьмись, подвернулись къ ней двѣ женщины, якобы подруги, что въ бесѣдѣ съ нею были, подхватили Бычиху подъ мышки и повели, якобы, къ какой-то товаркѣ въ гости. Ничего. Идетъ старуха съ товарками, идетъ и пѣсню распѣваетъ:

Подъ горою калина,
Подъ горою малина...

„Товарки подпѣваютъ, подплясываютъ, рукавами размахиваютъ, пальцами прищелкиваютъ; одно слово — вьются около Бычихи, какъ самыя задушевные и ласковыя подруги. Вдругъ Бычиха запнулась за что-то, якобы за кочку, и съ языка у ней невзначай сорвалось: „Господи Іисусе!..“ Подругъ словно не было,—исчезли, окаянные! Бычиха очутилась по колѣни въ водѣ. И гдѣ же? Въ Багырдаѣ, у Соррокъ, верстъ за семь отъ форпоста. Вонъ куда шишигито занесли! Хорошо еще, что старуха запнулась за кочку въ водѣ; не запнись—она едва ли бы сотворила молитву, а идти безъ молитвы—пропала бы, что и толковать: завели бы ес

черти въ воду по шейку и—пригнули бы! Старуха тотчасъ же очнулась,—куда и хмѣль дѣвался,—однако, отъ испуга разслабла и не могла вернуться домой; изъ воды-то кое-какъ выплелась на берегъ и тутъ же упала, и всю ночь до утра пролежала. Утромъ наѣхали на старуху косяшники и привели домой. Съ того ли, не съ того ли, а старуха бросила, однако, пить, и до самой смерти хмѣльного въ ротъ не брала.

— Еще такимъ же манеромъ черти сарачиковскаго казака завели-было въ воду,—продолжалъ рассказчикъ.—Шель онъ, этотъ казакъ, со свадьбы же, какъ водится, пьяный. Вдругъ подвернулись къ нему, какъ и къ Бычихѣ, два казака, якобы товарищи, и повели къ кому-то въ гости. Хорошо. Идутъ втроемъ, то-ись, казакъ и два товарища, идутъ и, знамо дѣло, пѣсни распѣваютъ, скоморошничаютъ, поютъ смѣшную пѣсню:

„Не полая-то вода разливалася...“

„На счастье казака ночь была ненастная, по небу тучки ходили, вдругъ молонья освѣтила. Казакъ хоша и пьянъ былъ, а перекрестился, и проговорилъ: „Святъ, Святъ Господь Саваофъ!“ Товарищей словно не было, исчезли, окаянные! Казакъ осмотрѣлся и видитъ: въ двухъ-трехъ шагахъ впереди рѣчка Сорочинка. Дѣло было весной, Сорочинка, самъ знаешь, рѣчка крутоярая, а въ водополье бываетъ глубокая и быстрая. Попасть въ нее трезвому, и то бѣда: не скоро вырвешься, а о пьяномъ и толковать нечего. Не освѣти молонья, казаку и на умъ бы не пришло перекреститься. Шагъ-два, и пропалъ бы казакъ ни за денежку.

— Еще съ однимъ казакомъ, — продолжалъ рассказчикъ,—сыграли черти этакую же штуку, совсѣмъ уже сверзили-было казака съ яра, да Богъ помиловалъ: во-время казакъ молитву проговорилъ. Шель онъ, этотъ казакъ, со свадьбы пьяный, и къ нему подвернулись какіе-то казаки, якобы товарищи, и повели въ кабакъ. Подошли къ кабаку. Въ кабакъ огонь, музыка, танцы, пѣсни, одно слово, веселье. Дверь у кабака настезъ. Одинъ пріятель вошелъ въ кабакъ,

а другой остался сзади и нудить казака, чтобы скорѣй шелъ. Пошелъ и казакъ. Но казакъ имѣлъ хорошую привычку: всякій разъ, когда входилъ въ двери и переступалъ черезъ порогъ, онъ творилъ Іисусову молитву. Такъ и тутъ сдѣлалъ. Лишь только занесъ на порогъ ногу, казакъ и сотворилъ: „Господи Іисусе!“ Вдругъ кабакъ съ трескомъ разсыпался, и все исчезло, все пропало: и кабакъ, и пріятели, и музыка! Казакъ очутился на высококомъ яру Яика, стоитъ на одной ногѣ, словно солдатъ на ученьѣ, другая вверху поднята, какъ, значить, черезъ порогъ занесъ. Казакъ хотѣлъ повернуться назадъ, да не спонашился и полетѣлъ подъ яръ. Когда летѣлъ, казакъ чертилъ и руками, и ногами по яру, и, къ счастью казака, попалъ ему въ руки толстый, крѣпкій солодковый корень; казакъ уцѣпился за него и повисъ. На ту пору плыли неподалеку отъ того мѣста рыбаки въ бударѣ, услышали голосъ казака, подплыли къ нему и сняли его съ яра. А все Іисусова молитва помогла: во-время, значить, была сказана,—заклучилъ старикъ.

Х.

Колдуны и заговорщики.

— Да что объ этомъ толковать,—сказаль собесѣдникъ мой послѣ того, какъ кончилъ рассказъ объ опивицахъ.— Толкуй, не толкуй, а дѣло извѣстное, да переизвѣстное, что окаянныя уловляютъ человѣческія души. А есть такіе, братецъ мой, молодцы,—заговорилъ старикъ,—кои сами, своей доброй волей, закабаливаютъ душу свою дьяволамъ.

— Кто же это?—спросилъ я.

— Будто не знаешь?—сказаль старикъ.— Всѣ колдуны и колдуньи, всѣ воржецы и ворожейки, всѣ, значить, люди съ п р и б ы л ь ю. Примѣрно, въ сей жизни воржець чертями повелѣваетъ, какъ халуями, что прикажетъ, то и дѣлаютъ; а въ будущей жизни, то-ись, на томъ свѣтѣ, черти воржецомъ повелѣваютъ, какъ халуемъ, помыкаютъ имъ, какъ вздумается. Таковъ, значить, порядокъ заведенъ,—безъ этого, значить, ни одинъ дьяволъ не пойдетъ въ услуженіе чело вѣку.

— Вотъ что для меня диво,—говорилъ старикъ далѣе:— какъ человѣкъ изъ мірскихъ, изъ тлѣнныхъ выгодъ соглашается закабалить душу свою черту на вѣчныя, безконечныя времена. Не диво, еслибъ только мужики это дѣлали, потому что люди они обиженные судьбой, въ дерюгѣ да въ лаптяхъ ходятъ... Нѣтъ! И изъ нашего брата бывали и бываютъ такіе

молодцы и молодицы, кои съ дьяволомъ якшаются. Что касается насчетъ иного прочаго—нельзя хвалиться; а что касается насчетъ пищи и одежды, слава Богу, супротивъ мужицкой, жисть наша не въ примѣръ лучше. А все-таки и изъ нашей братии, скажу тебѣ, были и бываютъ такіе доки, что съ нечистой силой знаются. А изъ-за чего? спрашиваю. Изъ-за того, батенька, чтобы гордость свою потѣшить, чтобы, знаешь, въ чести быть и поклоны принимать. О, гордость, гордость! Ты много добрыхъ людей погубила!

— Недалеко ходить за примѣромъ,—продолжалъ рассказчикъ,—въ К—вѣ и теперь живетъ старикъ С.....въ: не хорошъ человѣкъ! Когда-то я знакомъ съ нимъ былъ, да раззнакомился: не хорошъ человѣкъ!—еще разъ замѣтилъ старикъ и презрительно покачалъ головой.—Онъ когда-то по свадьбамъ ходилъ дружкой. Теперь не ходитъ: старость одолѣла. А все-таки кормовъ своихъ не роняетъ, гордость свою спотѣшаетъ. И теперь ни одна свадьба въ томъ форпостѣ, гдѣ живетъ, или по близности, не обойдется, чтобы не пришли къ нему на поклонъ и не сдѣлали честь. Нельзя обойтись, боязно, какъ бы худа какого иль бо насмѣшки какой надъ молодыми не сдѣлалъ... бывали примѣры. А наслѣдовалъ онъ это художество, люди говорятъ, онъ г—вскаго старика Кораблева. Тотъ давно ужъ умеръ.

— Между разными штукаами, С..... въ ружья умѣетъ заговаривать, — продолжалъ рассказчикъ. — Годовъ тридцать тому назадъ, разъ трафилось мнѣ ѣхать съ нимъ въ однѣхъ саняхъ. Дѣло было въ ростепель, только что стала появляться птица. Ёдемъ мы луговой дорогой и встрѣчаемъ стаю дикихъ гусей; сидятъ въ сторонѣ на лужицѣ, близехонько: не пуганые, значить. Со мной было ружье. Схватилъ я ружье, прицѣлился и... чикъ! Опять взвелъ курокъ, и опять: чикъ! Опять взвелъ, и опять: чикъ!—Что за безлядъ, думаю?—Ружье у меня было славное, снасть исправная, огненная, осѣчки никогда не давала. Смотрю на С...ва, а тотъ, шельмецъ, смѣется. Тутъ я и вспомнилъ, что люди про него говорили; а говорили, что онъ съ прибыльцой и что умѣетъ

ружья заговаривать; да я, признаться, мало этому вѣрилъ—молодъ былъ; думалъ: гдѣ-жъ С...ву научиться? Въ Расеи иль бо въ другихъ странахъ не бывалъ.—Смотрю я на С...ва, хочу его спросить, а онъ, не говоря ни слова, взялъ изъ рукъ у меня ружье, повернулъ въ своихъ рукахъ разъ-два, пошепталъ что-то, дунулъ, отдалъ мнѣ назадъ и сказалъ:— „Теперь валяй!“ Я прицѣлился и—пафъ! Трехъ гусей срѣзалъ.

— Мнѣ довольно только услышать оружейный выстрѣлъ, говоритъ мнѣ С...въ, когда мы поѣхали съ нимъ дальше,— и я,—говоритъ,—сумѣю сдѣлать, что хозяинъ ружья придетъ ко мнѣ съ поклономъ.

— Я, признаться, не очень повѣрилъ этому, то-ись, чтобъ можно заочно заговаривать ружья; слушаю С...ва и думаю: „хвалишься, подлець!“ А онъ узналъ мои мысли и промолчалъ. Хорошо. Приѣхали въ нашу форпостъ, я остался дома, а С...въ нашель попутчиковъ и поѣхалъ къ себѣ на форпостъ.—Недѣли черезъ три, когда сошелъ снѣгъ, я поѣхалъ въ степь подъ сайгаковъ. Нашель сайгаковъ, поползъ, подползъ; хватъ за ружье—анъ, съ позволенія сказать, дыра въ г о р с т и: снасти у ружья нѣтъ! Поползъ назадъ, нашель снасть, привинтилъ крѣпко-на-крѣпко — шурупы были исправные. Опять ползу, опять подползъ къ звѣрю, хочу стрѣлять — а снасти опять нѣтъ! Опять назадъ за снастью, опять привинтилъ, пробую рукой: крѣпко, не отдерешь. Опять ползу, а самъ на снасть смотрю: тутъ. Но какъ-то засмотрѣлся на сайгаковъ, отвелъ на минуту глаза отъ снасти, потомъ взглянулъ, а ее опять нѣтъ! Тутъ и вспомнилъ похвальбу С...ва, и прямо со степи драла въ К—въ. Подъѣзжаю къ дому С...ва. С...въ сидитъ на завалинѣ и вяжетъ узлы на пряжѣ.

— Дядя Сидоръ!—говорю ему, не слѣзая съ лошади.— Не ты ли пошутилъ? Пожалуйста,—говорю,—оставь шутки..

— Гдѣ-съ-та намъ!..—говоритъ С...въ, а самъ ухмыляется.—Мы, подлецы, только хвалимся...

— Это, сударь мой, онъ мнѣ колетъ глаза тѣмъ, что я

про него въ умѣ своемъ подумалъ,—замѣтилъ рассказчикъ.—Каковъ молодецъ, а? Воржеецъ, какъ есть воржеецъ! Однако,—продолжалъ рассказчикъ,—поломался, поломался и сдался. Взялъ изъ рукъ у меня ружье, повернулъ раза два въ своихъ рукахъ, пощепталъ и дунулъ, отдалъ мнѣ назадъ и сказалъ:—„Ступай—поѣзжай! Все будетъ въ порядкѣ“.

— И впрямь стало такъ,—сказалъ старикъ:—и снасть держалась, и осѣчки не было.—Однако, съ той поры,—прибавилъ мой собесѣдникъ,—я сталъ обѣгать С...ва и поднесъ обѣгаю, шутъ съ нимъ.

— А разъ родителю моему трафилось встрѣтиться съ однимъ воржецомъ,—продолжалъ рассказчикъ.—Тотъ былъ не изъ нашихъ, а изъ иногороднихъ, мельникомъ на чьей-то мельницѣ жилъ, выше Уральска, на р. Чаганѣ. Родитель мой въ ту пору былъ въ подпаскахъ у пастуховъ войскового конскаго табуна, и часто наѣзжалъ на мельницу. У мельника было ружье очень хорошее, цѣльное, не то турка, не то винтовка, родитель запомнилъ. Бывало, какъ ни пойдеть мельникъ на охоту, на сайгаковъ-ли, на тудаковъ-ли, все равно, такъ цѣлый возъ и набьетъ; ни разу, бывало, не дастъ промаха ни по звѣрю, ни по птицѣ, а билъ, сударь мой, издалека, чуть глазъ бралъ. Родитель мой позарился на это ружье и присталъ къ мельнику: „продай“ да „продай!“ Мельникъ сначала отпѣкивался, а напоследокъ, чтобы, видно, отвязаться отъ родителя, и говоритъ ему:

— Пожалуй, продамъ, но только съ уговоромъ, чтобы ты взялъ все, что при ружьѣ есть; а безъ этого, говорить, и продать не могу ни за какія деньги. Согласенъ?—спрашиваетъ мельникъ моего родителя.

— Родитель обрадовался, думаетъ: „что-жъ при ружьѣ? Знамо, порховница, дробница и прочее такое“. Хорошо. Сталъ торговать. Но мельникъ говоритъ:

— Ступай сначала на охоту, попробуй на звѣрѣ или-бо на птицѣ, а потомъ ужъ, есть-когда ружье понравится, будемъ торговаться.

— Хорошо. Взялъ родитель мой у мельника ружье и по-

шелъ въ степь; увидалъ сайгака, подползъ къ нему и прицѣлился. Родитель цѣлитъ и чудо видитъ: какой-то безобразный мужикъ держитъ сайгака за рога и подставляетъ его бокомъ подъ ружье! Родитель опустилъ ружье, взглянулъ просто на сайгака, обоими, значить, глазами: мужика нѣтъ, сайгакъ одинъ. Родитель опять прицѣлился—и опять видитъ ту же оказію: безобразный мужикъ держитъ сайгака за рога и подворачиваетъ его подъ выстрѣлъ!.. Это былъ шишига!—пояснилъ рассказчикъ.—Это-то и есть то самое, что при ружьѣ.—Родитель мой, знамо дѣло, перепугался, перекрестился и въ ту-жъ минуту побѣжалъ на мельницу и бросилъ мельнику ружье. Мельникъ смѣется и спрашиваетъ родителя:

— Ну, что? Согласенъ купить съ тѣмъ, что при ружьѣ есть?

— Родитель, знамо дѣло, покачалъ головой: не хочу-де! А потомъ, немного погодя, вышелъ изъ избы, сѣлъ на лошадь и ускакалъ въ табунъ. Съ той поры родитель ни ногой на мельницу,—сказалъ старикъ, а потомъ, немного спустя, заговорилъ:

„А то еще я самъ видѣлъ одного старика, изъ нашихъ казаковъ, и тотъ рассказалъ мнѣ диковинную вещь про себя. Съ нимъ была вотъ какая исторія.—Во младости своей онъ несчастливъ былъ въ багреньѣ, во всю жизнь ни разу, что называется, не обрыбился и не зналъ, не понималъ, какъ ловятъ багромъ бѣлугъ, осетровъ и прочее. Сначала люди, кое-кто изъ сусѣдей, принимали его въ артель, потому, думали, что „не всѣ-де ловцы, а есть и богомольцы“, а напоследокъ, какъ ледащаго баграчея, совсѣмъ забраковали и не стали принимать въ артель. Казакъ и самъ не сталъ напрашиваться—совѣстно было пай брать задаромъ—и совсѣмъ пересталъ ѣздить на багренье, и все баграчейское заведеніе бросилъ, а завелъ у себя въ домѣ постоянный дворъ. Разъ передъ багреньемъ сталъ къ нему на фатеру пріѣзжій купецъ, что пріѣхалъ рыбу закупать. Извѣстно, въ городѣ нашѣмъ въ то время бываетъ шумъ, гамъ, бѣготня, суета; а нашъ

казакъ и усомъ не ведетъ, сидитъ себѣ дома, сложа руки. Купецъ и спрашиваетъ его:

— Что-жъ ты-то, хозяинъ, не собираешься на багренье? Али нездоровъ?

— Нѣтъ,—говоритъ казакъ,—здоровъ-то я здоровъ, благодареніе Господу-Богу; да удачи въ ловлѣ мнѣ нѣтъ; я,—говоритъ,—и заведеніе баграчейское бросилъ.

— Гмъ!—сказалъ купецъ.—А хочешь,—говоритъ купецъ казаку,—хочешь, я сдѣлаю тебѣ, что ты будешь первый ловецъ, первый баграчей въ войскѣ?

— Какъ не хотѣть!—говоритъ казакъ. — Только можно ли?

— Коли говорю, стало быть, можно,—говоритъ купецъ.— Ступай на базаръ,—говоритъ купецъ казаку,—купи багоръ, пряжи, навязъ и два-три багровища. Я,—говоритъ,—начало тебѣ багорчикъ, и ты будешь въ добычѣ.

Казакъ сходилъ на базаръ и купилъ багоръ, пряжи, навязъ и два багровища. Купецъ началъ багоръ, отдалъ казаку и сказалъ:

— Поѣзжай на багренье, и будешь въ заловѣ. Только слушай, казачекъ,—говоритъ купецъ,—когда вернешься съ багренья, багоръ не расчаливай, а храни его въ такомъ видѣ до будущаго багренья. И послѣ будущаго багренья не расчаливай. Одно слово,—говоритъ купецъ,—держи его въ такомъ видѣ, какъ отъ меня получилъ—и всегда будешь въ заловѣ.

„Хорошо. Казакъ отправился на багренье и точно, наловилъ рыбы бездну. На другой годъ поѣхалъ и наловилъ еще больше, на третій,—еще больше, и все однимъ багорчикомъ, все тѣмъ же, что купецъ началъ. Вошелъ казакъ въ славу, какъ первѣйшій баграчей. Тогда ужъ не точію свой братъ казаки, а и чиновники въ перебой другъ передъ дружкой стали присутствовать его къ себѣ въ артель. Казакъ зазнался, въ артель ни къ кому не ходитъ и къ себѣ не принимаетъ, а ѣздитъ на багренье одинъ съ работникомъ. Ладно. Прошло сколько-то лѣтъ обнаковеннымъ порядкомъ; у казака все

одинъ и тотъ-же багорчикъ; казакъ пуще глазу бережетъ его, чтобы не испортился. Разъ, на одномъ багреньѣ, стоитъ казакъ у проруби и таскаетъ что ни лучшихъ отборныхъ осетровъ, кругомъ обклатя ими. Подходить къ казаку какой-то купецъ и говоритъ:

— Что, казачекъ, рыбку, знать, ловишь?

— Рыбку,—говоритъ казакъ.

— Осетриковъ?—говоритъ купецъ.

— Осетриковъ!—говоритъ казакъ.

— Поздравляю!—говоритъ купецъ.

— Покорнѣйше благодаримъ!—говоритъ казакъ.

— Продай!—говоритъ купецъ.

— Изволь! — говоритъ казакъ.—Съ нашимъ большимъ удовольствіемъ.

— Почему за штуку?—спрашиваетъ купецъ.

— По семидесяти-по-пяти рублевъ!—говоритъ казакъ.

— Не мало-ли, казачекъ?—говоритъ купецъ,—а самъ смѣется.—Ты взглядишь-ка хорошенько въ своихъ осетриковъ,—говоритъ купецъ:—вѣдь гостинишные!...

Казакъ взглянулъ на осетровъ и ужастился! Замѣстъ осетровъ, лежатъ на льду, внизъ брюхомъ, мужики, сударь мой, въ синихъ чапанахъ и красныхъ подпояскахъ.

— Пошли по своимъ мѣстамъ!—цыкнулъ купецъ на мужиковъ.

И тѣ нехотя-нехотя поползли къ проруби и нырнули въ воду. Казакъ отъ ужаса и руки опустилъ, и багорчикъ выронилъ, и пошелъ багорчикъ подъ ледъ.

— Понимаешь-ли, въ чемъ дѣло?—спрашиваетъ купецъ казака.

„Казакъ гдѣ понимать, казакъ только головой качаетъ и руками разводитъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—говоритъ купецъ.—Вижу, багорчикъ началъ тебѣ такой же дока, каковъ, къ примѣру, и я. На этотъ багорчикъ настоящая рыба не шла, а шли, съ позволенія сказать, шишиги въ видѣ осетриковъ. Ты видѣлъ, каковы эти осетрики—нарядные, въ синихъ чапанахъ

и въ красныхъ подпояскахъ.—Тебѣ, конечно, нипочемъ,—говорить купецъ;—взялъ денежки да и къ сторонѣ. А каково было купцамъ, кои твоихъ осетриковъ покупали, а?—спрашиваетъ купецъ.—Чай, не одинъ купецъ разорился, покупаячи твоихъ осетриковъ,—говорить купецъ.—Къ примѣру, осетриковъ твоихъ купятъ, сложатъ въ воза и повезутъ въ Русь, а осетрики, одинъ по одному, всѣ въ дорогѣ повылѣзаютъ изъ возовъ и уйдутъ во-свояси, чтобы въ другое время опять идти къ тебѣ на багорчикъ; купцамъ же отъ этого подвоха, понимаешь, великій раззоръ. Въ прошломъ году,—говорить купецъ,—у моего приказчика цѣлый обозъ разбѣжался твоихъ осетриковъ; не точію до Москвы, а и до Сызрани ни одного не довели. Я догадался въ чемъ дѣло, и вотъ нарочно пріѣхалъ къ вамъ на багренье, чтобы пугнуть твоихъ осетриковъ и чтобы они не ввязывались не въ свое дѣло. Впередъ,—говорить купецъ казаку,—такимъ промысломъ не занимайся и чужимъ навороженнымъ багорчикомъ не багрь, а багрь своимъ, простымъ. Хоша барыша будетъ и мало, по крайности, грѣха на душу не примешь, никого, значить, въ убытокъ не введешь.—Прощай, почтенный!—сказалъ купецъ казаку и отошелъ прочь“.

— Вотъ, видишь ли, какіе есть на вольномъ свѣтѣ дошлые люди—чертями, словно халуями, повелѣваютъ!—замѣтилъ рассказчикъ; а потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Только изъ нихъ всякіе есть: иные употребляютъ чертей на дѣла вредныя людямъ, а иные на дѣла полезныя. Къ примѣру, я тебѣ намедни сказывалъ про Ермака Тимофеевича, что онъ въ такихъ случаяхъ, когда не доставало у него войска, выставлялъ противъ непріятелей шишиговъ. Какъ бы не погрѣшить, а я, признаться, хвалю Ермака за это,—молодецъ! Вѣдь, какъ ни разсуждай, а все-таки онъ дѣлалъ на пользу Расеи. И между нашими казаками въ старину бывали такіе воины, кои въ страженіяхъ подпускали чертиковъ. Къ примѣру, у насъ есть Р а з б о й н а я с т а р и ц а. Отчего она такъ названа, знаешь ли? Гдѣ тебѣ знать, а мы знаемъ. Разбойной она названа, сударь мой, оттого, что тутъ казаки

наши киргизовъ разби́ли, а разби́ли казаки киргизовъ вотъ по какому побыту. Слушай-ка!

„Въ старину, когда по Яику не были еще построены наши форпосты, часто орда перелазила черезъ Яикъ и ходила на Волгу грабить русскихъ. Разъ киргизы большимъ собраньемъ, человекъ тысячи въ полторы, перелѣзли черезъ Яикъ и пошли къ Волгѣ. Въ городѣ нашемъ узнали объ этомъ и послали супротивъ орды команду казаковъ, человекъ съ двѣсти. Походнымъ атаманомъ былъ какой-то Желѣзновъ, може, родичъ твой,—замѣтилъ рассказчикъ.—Команда наша опоздала, Орда шла уже съ Волги и переправлялась за Яикъ. Казаки застали на переправѣ только хвостикъ киргизовъ и кой-кого изъ непріятелей убили, кой-кого въ полонъ взяли, а главная сила бусурмановъ была уже за Яикомъ, на той, значить, сторонѣ. Казаки погорячились, хотѣли броситься за Яикъ, чтобы хорошенько пощипать киргизовъ и отучить ихъ отъ такихъ пакостей; но атаманъ удержалъ.

— Стой здѣсь, ребята!—говоритъ атаманъ.—Непріятель самъ къ намъ вернется. Только бейте хорошенько!

И точь-въ-точь случилось такъ, какъ атаманъ сказалъ.—Киргизы покружились, покружились на томъ берегу, поаллакали, поаллакали и, словно бараны, бросились въ Яикъ и поплыли на этотъ берегъ. Казаки только принимаютъ ихъ на этомъ берегу и колотятъ, кто чѣмъ: кто колетъ пикой, кто рубитъ топоромъ, кто лупитъ дубиной,—почти всѣхъ поколотили; самая малость осталась вживѣ; казаки взяли ихъ въ полонъ и повели въ городъ. Казаки дивуются и спрашиваютъ плѣнниковъ, зачѣмъ они вернулись назадъ и сами дались имъ въ руки.

— Зачѣмъ?—говорятъ плѣнники. — Крайность заставила! Васъ на этой сторонѣ, видимъ, горсточка, а на той сторонѣ—сила несмѣтная! Вся степь покрыта казачьими полками и съ пушками! Мы по-неволѣ и бросились на сю сторону.

— А на той сторонѣ ни души не было русской,—замѣтилъ рассказчикъ.—Что-жъ та за сила несмѣтная, коя испу-

гала киргизовъ? Знамо, какая: атаманъ, между нами будь сказано, былъ съ п р и б ы л ь ю и выставилъ, значить, супротивъ киргизовъ своихъ подчиненныхъ, то-ись, шишиговъ! Молодецъ! Нельзя не похвалить,—заклучилъ старикъ.

— А вотъ еще насчетъ заговоровъ расскажу тебѣ,—сказалъ, немного погодя, мой собесѣдникъ.—Давеча я рассказывалъ тебѣ про старика С..ва, что ружья заговариваетъ. Этакихъ людей, каковъ, къ примѣру, нашъ С...въ, не мало на вольномъ свѣтѣ; а есть, сударь мой, и такіе, кои себя заговариваютъ отъ ружей, отъ сабель и отъ всякаго оружья.—Говорятъ, что есть такія секретныя молитвы, кои спасаютъ человѣка отъ пуль и отъ прочаго; примѣрно, Богородицынъ Сонъ и прочее такое. Молитвы молитвами—противъ этого ничего нельзя сказать; однако, и отъ дьявола бываетъ—и противъ этого ничего нельзя сказать. Къ примѣру, башкирину иль-бо киргизину—гдѣ знать христіанскія молитвы, а бывали случаи, что и бусурманы насчетъ этой статьи пускали нашему брату пыль въ глаза.

„Въ старые годы, когда башкирцы вольничали и часто подъ нашъ городъ подступали, было страженіе у нашихъ казаковъ съ башкирцами на Г о р к а х ъ, повыше Уральска, гдѣ С е м е н ы ч е в ъ е р и к ъ. Въ этомъ страженіи одинъ башкирецъ много накостилъ казакамъ; подбѣжить къ нашимъ вплоть и пустить стрѣлу; убить хоша и не убьетъ, а кого-нибудь безпремѣнно ранить. Наши бьютъ въ башкирца изъ ружей и не убьютъ. Сначала думали, что на башкирцѣ панцырь, а какъ взглядѣлись хорошенько, увидѣли, что панцыря нѣтъ: даже грудь у разбойника открыта, обросла волосами. Наши видятъ, какъ пули ударяютъ въ грудь башкирца и отскакиваютъ, словно горохъ отъ стѣны; а башкирецъ только зубы скалитъ и ругается. Тогда одинъ казакъ догадался, снялъ съ шеи у себя крестъ, смялъ его въ зубахъ и запустилъ въ ружье, замѣсть пули; дождался, какъ башкирецъ налетѣлъ на него, и выстрѣлилъ: башкирецъ съ копыть долой! Куда и заговоръ пошелъ. Значить, сила нечистая супротивъ силы Божеской стоять не можетъ.

„А то еще разъ на Каспицкомъ морѣ случилась диковинная вещь,—продолжалъ разсказчикъ.—Я отъ астраханскаго рыбопромышленника слышалъ. Взяли трухменцы въ полонъ судно съ астраханскими ловцами. На суднѣ только и были три человѣка: одинъ русскій и два калмычина. Трухменцевъ было человѣкъ пятнадцать. Заполонивши судно, трухменцы оставались еще въ морѣ, выжидали, значитъ, еще добычи. Лодочку свою разбойники привязали къ судну, а сами все забрались на судно. Сначала строгій карауль держали надъ русскими и надъ калмыками, связанными ихъ содержали, а напоследокъ освободили; думали, видно, что де трое могутъ сдѣлать супротивъ пятнадцати человѣкъ. Ладно. Въ одинъ жаркій день, трухменцы все забрались въ трюмъ, а на палубѣ оставили только двоихъ караульщиковъ, смотрѣть за судномъ и наблюдать за плѣнниками. Плѣнники давно сговорились, какъ бы избавиться отъ разбойниковъ; добыли и топоръ. Этотъ случай показался имъ самымъ удобнымъ, и они рѣшились приступить къ дѣлу. Топоръ взялъ русскій, и легъ на палубѣ у трюма, будто спитъ; а калмыки подсѣли къ караульщикамъ, одинъ на носу, а другой на кормѣ. Слово за слово, калмыки и разговорились съ караульными трухменцами; тѣ зазѣвались, калмыки и швырнули ихъ за бортъ. Одинъ калмычининъ ловко швырнулъ трухменца, и слѣда не оставилъ; а другой не спопанился и самъ съ трухменцемъ полетѣлъ за бортъ. Стали калмычининъ и трухменецъ въ водѣ барахтаться; другой калмычининъ сталъ помочь подавать товарищу, бросилъ ему веревку съ палубы. Сдѣлался шумъ, крикъ. Въ трюмѣ трухменцы услышали, и бросились-было вонъ; но русскій показавъ топоръ, трухменцы назадъ. Немного погодя, одинъ изъ трухменцевъ, мужчина толстый, мужественный, прямо полѣзъ по лѣстницѣ изъ трюма; но русскій хватъ трухменца по головѣ топоромъ, разсѣкъ черепъ до половины. Трухменецъ полетѣлъ внизъ, но тотчасъ же оправился и опять полѣзъ; а у самого, у бести, ни кровинки изъ головы—вотъ что дивно! Русскій еще разъ огрѣлъ трухменца топоромъ, разсѣкъ голову до челюстей,

и раздвоилась голова словно арбузъ, а крови опять-таки нѣтъ, хоть бы одна капелька, вотъ оно чудо-то! Русскій въ третій разъ ударилъ: голова у трухменца совсѣмъ раздвоилась, одна половина повисла на плечо, а другая на другое, а крови-таки нѣтъ, хоть бы одна капелька, вотъ оно чудо-то, такъ чудо! А трухменецъ все лѣзетъ вонъ, одной рукой по лѣстницѣ цѣпляется, а другой сжимаетъ разрубленную голову. Одно слово — чудо! Русскій обробѣлъ, хотѣлъ-было съ отчаянія броситься за бортъ, да калмычнинъ выручилъ; человекъ, видно, былъ тоже дошлый. Самъ держитъ товарища на веревкѣ, а самъ кричитъ русскому: „Руби своя рука! Руби своя нога! Руби чевонибудь своя! Пуцай скорѣе своя кровь!“ Русскій догадался, и вмигъ отсѣкъ на рукѣ своей кончикъ мизинца. Знамо, у русскаго тотчасъ изъ руки брызнула кровь. Въ этотъ же мигъ и у трухменца хлынула изъ башки кровь. Трухменецъ полетѣлъ въ трюмъ и око-лѣлъ!

— Вотъ какіе дошлые люди бываютъ на вольномъ свѣтѣ, а все отъ дьявола! — сказалъ старикъ; а потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Забылъ я сказать тебѣ о воржецахъ еще вотъ что. Есть-когда воржець передъ смертью сдастъ свое художество другому-кому желающему, то тѣло его лежитъ въ землѣ спокойно и гніетъ; а есть-когда не сдастъ, то тѣло его не гніетъ и въ тѣло его вселяется дьяволъ и является людямъ и страшаетъ. Такія оказія бывали въ нашихъ мѣстахъ нерѣдко. Одно, бывало, спасенье отъ такихъ воржецовъ—осиновый колъ. А осина, извѣстно, какое дерево: на немъ хриstopродавецъ-Иуда удавился. Разроютъ, бывало, могилу ба-ловника-воржеца, и пригвоздятъ его осиновымъ коломъ, ну, и шабашъ! Всякія шалости прекратятся. Расскажу я тебѣ одну такую исторію, очень забавная. Слушай-ка!

„Былъ-жилъ межъ нашими казаками одинъ забулдыга, то-ись, пьяница отъ всего свѣта. Какъ его имя и какъ про-зывался—не знаю, да, вѣроятно, и въ ту пору, когда онъ жилъ, врядъ ли кто изъ нашихъ зналъ, никому не нужно.

Всѣмъ издавна онъ былъ извѣстенъ подь однимъ прозваньемъ: Л о г и н ы ч ь. Сказано, пьяница былъ горькій, да еще съ придурцой, а можетъ, и не былъ съ придурцой, можетъ, только прикидывался такимъ. Ни къ работѣ, ни къ службѣ не былъ срушенъ. Войсковая канцелярія, матушка, билась, билась съ нимъ и отступилась: исключила его, значить, изъ казачьихъ списковъ, какъ негоднаго. Такъ онъ и шатался изъ мѣста въ мѣсто, гдѣ день, гдѣ ночь, нигдѣ, значить, не имѣлъ постояннаго пристанища. Бывало, сказываютъ старики, во время какого-нибудь рыболовства, таскается Логинычъ по обозамъ и потѣшаетъ народъ разными штуками. Примѣрно, поднесутъ ему стаканъ вина, а на закуску подадутъ сырую рыбу и скажутъ: „Закуси, Логинычъ!“ Логинычъ и примется уписывать сырую рыбу, словно голодная собака. Или ничего не дадутъ на закуску и скажутъ: „Извини, Логинычъ; закусить-то нечѣмъ!“ „Какъ нечѣмъ?“ скажетъ Логинычъ. „А это-то что?“ И съ этимъ словомъ примется грызть стаканъ, какъ сухарь. Такой-то былъ забавникъ этотъ Логинычъ. Однимъ только нехорошъ: съ нечистой силой знался. При жизни его никто этого художества за нимъ не зналъ, не выказывалъ, значить; а послѣ смерти оказалъ, грѣховодникъ.

„На плавнѣ ли, у севрюгъ ли, шатался Логинычъ, по обнаковенію, по обозамъ, и вдругъ пропалъ. Одни говорили, что онъ утонулъ, другіе—что его киргизы взяли въ полонъ, а иные говорили, что его какіе-то обозники нашли мертвымъ близъ Бударинскаго форпоста и тутъ же, гдѣ нашли, закопали будто въ землю. Потолковали, потолковали, да и забыли, кому какая нужда! Вдругъ Логинычъ обозначился и сталъ дурить, подлець! Разъ изъ бударинской команды были казаки въ секретѣ *); двое лежали въ лощинѣ, а третій былъ на часахъ немного поодаль отъ товарищей, сидѣлъ подь кустомъ. Этакъ около полуночи часовой видитъ вершника на бѣлой лошади и въ бѣлой одеждѣ.

*) Пикеть, выставяемый на ночь въ мѣстѣ глухомъ, скрытномъ, иначе: секретномъ.

Вершникъ ѣдетъ мимо секрета тихонько, безперечь останавливается, озирается, будто высматриваетъ чего-то, одно слово, представляется разбойникомъ-киргизомъ. По одѣяню, часовой не разберетъ хорошенько—казака ли это, или киргизъ, и потому взялъ да и окликнулъ: „Кто ѣдетъ?“

— Логинычъ!—закричалъ вершникъ, захохоталъ во все горло, и ускакалъ.

„Казаки со страха и секретъ бросили, ускакали на форпостъ. Сначала не повѣрили, думали, что они спали и имъ соннымъ пригрезилось. Но на слѣдующую ночь вся команда увѣрилась, что то была истинная правда. Съ вечера сошлись къ крѣпости казаки, толковали о томъ, о семъ, и, знамо дѣло, и о Логинычѣ не забыли; трунить надъ тѣми, кто въ прошлую ночь былъ въ секретѣ; не замѣтили, какъ и время прошло, была ужъ на исходѣ двѣнадцатая склянка, значить, полночь. Вдругъ часовой, что стоялъ на вышкѣ, подалъ знакъ, что на третномъ пикетѣ маякъ горитъ; значить, тревога; значить, гдѣ-нибудь киргизы нападеніе сдѣлали на линію. Команда встревожилась и сѣла на конь. Хотѣли и при крѣпости зажечь маякъ, да начальникъ не велѣлъ; сначала приказалъ увѣриться, точно-ли маякъ горитъ, не варить ли кто кашу въ степи; начальникъ, изволишь ли видѣть, опасался, какъ бы не сдѣлать напрасную тревогу. Хорошо. Тое-жъ минуту команда поскакала на низъ къ пикету, пикетъ былъ недалеко, всего версты за три. Но лишь только команда выѣхала въ поле, на встрѣчу ей скачутъ пикетные казаки.

— Куда вы? — спрашиваютъ форпостные казаки пикетныхъ.

— Къ вамъ на форпостъ!—отвѣчаютъ пикетные казаки.

— Зачѣмъ? — спрашиваютъ ихъ.

— У васъ, при крѣпости, маякъ горитъ!

— А у васъ?—спрашиваютъ ихъ.

— У насъ нѣтъ!

„Форпостные казаки оглянулись назадъ, и видятъ: маякъ при крѣпости горитъ! Смотрятъ на пикетъ—пикетный маякъ

не горить! Тое-жь минуто казаки вернулись на форпостъ, прискакали: маякъ цѣлехонекъ, не горить! Оказія. Столпились казаки у крѣпостныхъ воротъ, не знаютъ, что дѣлать. Вдругъ видятъ: отъ верхняго выѣзда скачетъ вершникъ на бѣлой лошади и въ бѣлой одеждѣ, а за нимъ, немного одалъ, же одѣяныи. Передній вершникъ прямо держитъ на крѣскачетъ цѣлая свита на такихъ же лошадяхъ и въ такомъ постъ. Команда думаетъ, не киргизы ли ужъ быють на ихъ форпостъ; приготовилась отпоръ дать. Часовой съ вышки окликнулъ: „Кто ѣдетъ?“

— Логинычъ!—закричалъ вершникъ и захохоталъ, поворотилъ коня влево и прямо юркнулъ въ Б у д а р и н ъ е р и к ѣ. Свита его за нимъ же.

— Тутъ уже вся команда повѣрила, что Логинычъ взаправду дуритъ. Съ тѣхъ поръ и сталъ Логинычъ выдѣлывать разныя штуки, спокою не давалъ бударинскимъ казакамъ. И только, сударь мой, ихъ однихъ тревожилъ, а другихъ по сосѣдству никого не беспокоилъ. Полагали, что это оттого, что около-де Бударина зарытъ Логинычъ. А иные говорили, что это будто бы оттого, что когда-то, когда Логинычъ былъ живъ, бударинскіе ребята сильно поколотили его за что-то; вотъ за это-то самое, будто бы, Логинычъ и мстилъ бударинскимъ казакамъ. Оттого ли, не оттого ли, все единственно, а только плохо приходилось бударинскимъ казакамъ, смаялись они и жалобу приносили атаману, просили, чтобы позволилъ имъ перенести форпостъ на другое мѣсто; но атаманъ не вѣрилъ. Однако, вскорѣ и онъ увѣрился.

— Разъ ждали атамана на низъ. Въ полночь слышуть: колокольчикъ звенить. „Бѣжить! бѣжить!“ — кричитъ часовой съ вышки. Команда припаслась, стала во фронтъ у крѣпости. Начальникъ тутъ же; ждетъ, чтобы съ липортомъ къ атаману подойти. А колокольчикъ все ближе и ближе,—ужъ въ улицѣ,—вотъ и повозка катитъ, тройкой; кони все бѣлые; и впереди, и сзади, и по бокамъ конвойные, на бѣлыхъ же коняхъ. Но никому невдогадъ эти бѣлые кони; у всѣхъ на умѣ

атаманъ. Повозка подкатываетъ къ крѣпости. Часовой окликаетъ: „Кто ѣдетъ?“

— Логинычъ!—кричатъ изъ повозки и хохочутъ. И въ тотъ же мигъ повозка взяла влѣво, и прямо въ Бударинъ ерикъ!

— Команда хорошенько еще не опомнилась отъ этой штуки, какъ опять послышался колокольчикъ, ближе и ближе; вотъ и повозка катитъ, прямо къ крѣпости. Начальникъ приказалъ часовому молчать. Повозка подкатилась къ воротамъ и остановилась. Вышелъ настоящій атаманъ и вскинулся на начальника, бранить.

— Что-жъ часовой-то молчитъ, не окликаетъ?—говоритъ атаманъ.—Аль военный артикуль забыли?

— Такъ и такъ!—оправдывается начальникъ...—Логинычъ дуритъ, совсѣмъ съ пахвей насъ сбиль. Сію минуту,—говоритъ начальникъ,—только въ ерикъ провалился.

— Что за оказія!—говоритъ атаманъ.—Неужто правда?

— Точно такъ!—говоритъ начальникъ.—Извольте спросить команду: никого пьяныхъ нѣтъ, всѣ терезвы.

— Ладно. Атаманъ успокоился, и говоритъ:

— Объ этомъ мы завтра потолкуемъ. А теперь вотъ что: слѣдомъ за мной бѣжить чиновникъ, изъ Оренбурга, левизоръ отъ губернатора. Хорошенько окликнуть его, какъ можно громче!—приказываетъ атаманъ.

— Слушаю!—говоритъ часовой съ вышки.

— И точно, минуту спустя, послышался колокольчикъ,—ближе и ближе; катитъ и повозка, тройкой, кони бѣлые... Казаки догадываются, что за птица летитъ,—но молчатъ, только шушукуются межъ себя да тихонько посмѣиваются. Повозка къ крѣпости. Атаманъ у воротъ. Часовой окликаетъ: „Кто ѣдетъ?“

— Логинычъ!—кричатъ изъ повозки и хохочутъ. И, по обнаковенію, прямо въ ерикъ.

— Тутъ ужъ и атаманъ повѣрилъ, и велѣлъ было основный колъ припасти, чтобы завтра резолюцію учинить Логинычу. Но на бѣду никто не зналъ, гдѣ Логинычъ зарытъ.

Послѣ того, на другой же день, атаманъ вытребовалъ изъ Уральска благочиннаго со всѣмъ духовенствомъ и приказалъ отслужить молебствіе, обойти крестнымъ ходомъ вокругъ Бударина и предать Логиныча анаѳемѣ, а на обоихъ выѣздахъ поставить по кресту. Какъ это сдѣлали, такъ словно рукой сняло: Логинычъ пересталъ дурить!—заклучилъ рассказчикъ.

— Однако и изъ такихъ-то воржецовъ всякіе бываютъ,—сказалъ старикъ, спустя нѣкоторое время:—одни, вотъ какъ Логинычъ, только дурятъ, пугаютъ и насмѣхаются, а вреда настоящаго отъ нихъ нѣтъ, по крайности къ людямъ не прикасаются, а только однимъ привидѣніемъ представляются; другіе же, сударь мой, ужасный вредъ дѣлаютъ.

— Былъ такой случай у илецкихъ казаковъ, и не очень давно, лѣтъ десять тому. Ъздилъ я тогда въ Илецкій городокъ съ рыбой и слышалъ тамъ отъ одного старика вотъ какую исторію. Слушай-ка!

— Поѣхали однажды илецкіе казаки рыбачить на озера и старицы, пониже Илецкаго городка. Вырыли гдѣ-то на берегу въ яру землянку и въ ней устроили станъ. Передъ какимъ-то праздникомъ, передъ Рождествомъ ли, передъ Богоявленіемъ ли—запамятовалъ, вся артель уѣхала въ дома; на стану, въ землянкѣ, остался одинъ старикъ съ собакой—тотъ самый старикъ, пояснилъ рассказчикъ, который рассказывалъ мнѣ эту исторію. Хорошо. Настала ночь, старикъ сварилъ себѣ ушицы, поужиналъ и улегся спать. Вдругъ, среди ночи, собака залаяла и на кого-то оскалилась. Старикъ проснулся, всталъ, вздулъ огонь, осмотрѣлся и увидалъ ужаси: изъ одной стѣны торчатъ человѣчьи ноги въ лаптяхъ! Ноги шевелятся и мало-по-малу выдвигаются наружу; на послѣдокъ всѣ вышли,—показалось туловище! Старикъ видитъ, что дѣло плохо, схватилъ въ охапку свою одежонку, и драю вонъ изъ землянки; а собака осталась въ землянкѣ. Отбѣжалъ старикъ нѣсколько сажень отъ землянки, остановился и сталъ обуваться и одѣваться; одѣвается, а самъ прислушивается,—слышитъ: собака сцѣпилась съ привидѣніемъ,

иль бо съ мертвецомъ что ли, не умѣю какъ сказать; идетъ, слышно, между собакой и между мертвецомъ драка отчаянная; собака, слышно, грызется, какъ собака, а мертвецъ, слышно, реветъ не-то человѣчьимъ, не-то медвѣжьимъ голосомъ, только страшно какъ-то. Напослѣдокъ собака взвизгнула и затихла. Слышно стало, что-то чмокаетъ, якобы звѣрь какой поѣдаетъ что-нибудь. Напослѣдокъ и чмоканье затихло. Тѣмъ временемъ старичокъ обулся и одѣлся и, знамо дѣло, безъ оглядки побѣжалъ въ городокъ; прибѣжалъ и разсказалъ артельщикамъ. Тѣ, на другой же день, освидѣтельствовали землянку и нашли все въ цѣлости, только все было переворочено, перебутырено, а собаки нѣтъ. Отъ собаки остались только кой-какія кости да ключья шерсти! Значить, мертвецъ растерзалъ собаку и пожралъ!—А стѣна, сударь мой, цѣла, и признака нѣтъ, чтобы сквозь нее кто лѣзъ. Не убѣги старичокъ во время,—замѣтилъ разсказчикъ,—Богъ знаетъ что бы съ нимъ случилось,—можетъ, то же бы, что и съ собакой. Это самое привидѣніе иль бо этотъ самый мертвецъ, что собаку пожралъ, былъ какой-нибудь злокозненный воржець,—пояснилъ разсказчикъ.—Земля, значить, не принимаетъ его, и онъ съ досады въ извѣстные дни и часы встаетъ и грызетъ тѣхъ, кто попадается въ руки. Конечно,—добавилъ разсказчикъ,—собаку растерзалъ онъ не потому, чтобъ она нужна была ему, а, всеконечно, потому самому, что она упредила хозяина и способствовала ему убѣжать.

ХІ.

Ф а р м а з о н ы.

— Если пересказывать тебѣ всѣ такія исторіи, что случились въ нашемъ быту, то, полагаю, въ цѣлую жизнь не перескажешь, а на базарѣ, полагаю, и бумаги не хватитъ, чтобы все записать,—сказаль собесѣдникъ мой послѣ того, какъ кончилъ разсказъ о мертвецѣ, пожравшемъ собаку.—А есть люди,—прибавилъ онъ,—кои не вѣрятъ, что есть проклятые, что есть шутовки, что есть черти.

— Какіе-жъ это люди?—спросилъ я.

— Да все вашъ братъ, чиновники, и всѣ странніе господа,—отвѣчалъ старикъ.—Не разъ доводилось мнѣ разговаривать съ господами, вотъ какъ съ тобой. Что-жъ? Слушать—слушаютъ, съ любопытствомъ слушаютъ,—грѣхъ напрасно сказать,—а подъ конецъ, какъ дослушаютъ, и отолютъ такую пулю. „Сказки—скажутъ. Ничего такого нѣтъ и быть не можетъ!“ Ништо-моль! Скажешь, бывало, на это. Все сказки! Фармазоны, вонъ, и въ Бога не вѣрятъ. Вольному воля, спасенному рай...

— Что за люди, эти фармазоны?—спросилъ я.

— Люди, какъ и всѣ люди,—отвѣчалъ старикъ.—Только на одномъ конькѣ съ сатаной сидятъ. Пожалуй, я и про нихъ тебѣ расскажу. Слушай-ка!

— Примѣрно, есть на свѣтѣ молоканы, хлысты и раз-

ная нечисть. Ну, и фармазоны тожъ. Только фармазоны немного похуже выдутъ молокановъ. Молоканъ, къ-примѣру, такъ ли, сякъ ли, въ Бога вѣрять, молоканъ, къ примѣру, и обратиться можетъ на путь истинный, если-коли захочетъ:—преграды ни въ чемъ не встрѣтитъ; а отъ фармазона этого не дождешься, фармазонъ не можетъ обратиться на путь истинный, хоша бы и желалъ—вотъ что скверно! Фармазоны, видишь ли, не признаютъ ни Бога, ни Его силу небесную, а признаютъ сатану и силу его нечистую. Кто въ общество фармазоновъ запишется, тотъ и душой, и тѣломъ пропадаетъ! Хоша бы кто и восхотѣлъ отъ ихъ общества отшатиться—не можетъ: фармазоны тому человѣку въ одинъ мигъ прекращаютъ жизнь, хоша бы человѣкъ этотъ находился отъ нихъ на краю свѣта,—вездѣ, значить, достанутъ. У нихъ, видишь ли, имѣются патреты со всякаго, кто въ ихъ общество записанъ. По этимъ самымъ патретамъ фармазоны и узнаютъ, кто станетъ измѣнять. Патреты, видишь ли, обнаковенные, расписанные разными красками, — и какъ который человѣкъ станетъ отпадать, то краски на патретѣ и начинаютъ линять, линять и совсѣмъ слиняють, есть-коли только фармазоны не доглядятъ. Но этого, говорятъ, мало бываетъ, чтобы фармазоны не доглядѣли: зорки, бестіи!.. Чуть только задумаетъ человѣкъ отстать отъ нихъ—сейчасъ замѣтятъ; а какъ только замѣтятъ, то и шабашъ! Возьмутъ въ руки пистолеть и выстрѣлятъ въ патретъ; и человѣкъ, чей патретъ, въ тотъ же мигъ умретъ, гдѣ бы ни былъ, хоша бы за миллионъ тысячъ верстъ,—все единственно! Вотъ они каковы, эти фармазоны,—одно слово: нечестивцы!..

— Ложь ли, правда ли,—продолжалъ рассказчикъ,—говорили про одного изъ нашихъ уральскихъ чиновниковъ, что пошелъ въ фармазоны, и они будто бы утомонили его. Тому будетъ годовъ двадцать-пять, какъ случилась эта исторія. Въ Питерѣ ли, въ Москвѣ ли, на цыцарской ли границѣ—навѣрное не знаю, какъ сказать, запомятовалъ,—былъ этотъ чиновникъ на службѣ съ полкомъ и гдѣ-то тамъ и съяк-

шался съ фармазонами, и записался въ ихъ нечестивое общество. Изъ дома на службу пошелъ онъ человѣкомъ, а со службы воротился другимъ: и бороду сбрилъ, и крестъ, и поясъ бросилъ, и табачище сталъ тянуть—и въ ротъ, и въ носъ, Господи прости—и скромное въ посты и зайчину сталъ жрать,—одно слово, офармазонился! Д—овъ прозывался, М.... И....чъ,—и чинъ большой имѣлъ, кажись, полковничій, и человѣкъ былъ уже немолодой, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Чай, и ты знаешь, семья Д—ва изъ всѣхъ нашихъ дворянскихъ семей самая благочестивая, богобоязная, крѣпко держится за старую вѣру. Каково жъ было роднымъ видѣть, что одинъ изъ рода совратился съ пути истиннаго? Очень, очень больно, прискорбно! У чиновника жива была и матушка, старушка,—старицей была, игуменьей въ Бородинскомъ скиту. Вотъ она-то крупѣ съ снохой, то-ись, съ супругой чиновника, и принялась за отпадшаго, и стали урезонивать его, чтобы спокаялся и обратился на путь истинный; однако, не урезонили, не могли: чиновникъ боекъ былъ, и родительницу, и жену закидалъ словами; тѣ, обѣ, не знали супротивъ него, что и говорить. Пытали призывать уставщиковъ изъ Сергіева скита и съ Иргизу, людей опытныхъ, начитанныхъ, но и тѣ ничего не подѣлали: чиновникъ и ихъ закидалъ словами и поставилъ втупикъ. Уставщики отказались. Тогда мать и жена нарочно выписали изъ Стародубіи какого-то архимандрита, человѣка очень-очень сильнаго въ писаніи и искуснаго въ словесахъ. Ну, этотъ одолѣлъ: прижалъ чиновника словно ужа вилами, довелъ, значить, чиновника до того, что тотъ повинился“.

— Хорошо. Выслушавъ повинную, архимандритъ—такъ люди говорили, а вѣрнаго не знаю, — оговаривался старикъ,—архимандритъ совѣтовалъ чиновнику съѣздить въ то мѣсто, гдѣ главный заводъ фармазоновъ, и велѣлъ ему какъ ни-на-есть, а безпремѣнно выкрасть свой патреть.—А безъ того—говорилъ архимандритъ—и повинная не въ повинную.—Чиновникъ согласенъ былъ ѣхать, и отпускной билетъ

отъ атамана получилъ,—да мать съ женой не пустили,—боялись, значить, чтобы онъ совсѣмъ тамъ не сгинулъ.

Хорошо. Остался чиновникъ дома, отпустилъ бородушку, надѣлъ крестъ и поясъ, бросилъ трубки и табакерки, и повелъ жизнь благочестивую, какую велъ и прежде, до фармазонства, но не долго прожилъ.—Черезъ какіе-нибудь мѣсяца два былъ онъ на пашнѣ, ходилъ по бакчѣ, увидалъ рѣдечку и наклонился—хотѣлъ, значить, сорвать,—наклонился и упалъ! Подошли къ нему, а онъ мертвый! Только и было его житья.—А отчего случилась такая оказія? Да оттого, говорили люди, что фармазоны прострѣлили патреть его. Вотъ какіе они, эти фармазоны,—одно слово: нечестивцы! Попасть въ ихъ общество—все единственно, что попасть къ чертямъ—нѣтъ возврата!—сказалъ рассказчикъ, а потомъ, немного погодя, прибавилъ:

— Однако, этимъ дѣломъ не завершилось: фармазоны и послѣ смерти-то надругались надъ бѣднымъ чиновникомъ и сдѣлали остуду семьѣ его. Умеръ онъ, извѣстно, подъ осень; схоронили его въ лѣсу, поблизъ хутора, на семейномъ, значить, кладбищѣ. Хорошо. На масляницу, на прощенный, значить, день, супруга чиновника, по христіанскому обычаю, поѣхала къ нему на могилу проститься. Подъѣхала къ кладбищу, вылѣзла изъ саней и подошла къ могилѣ; подошла и вскрикнула не своимъ голосомъ, и упала, голубушка, безъ чувствъ навзничь. Кучеръ и служанка подбѣжали къ барынѣ и сами еле удержались на ногахъ, и чуть-чуть не лишились языка. Оказалось, сударь мой, чудо изъ чудесъ! Могила разрыта, гробъ раскрытъ, а покойникъ вытащенъ изъ гроба и приставленъ къ стѣнѣ, лицомъ прямо къ той сторонѣ, откуда дорожка, и откуда должна была барыня подойти!...

— Грѣшили, сударь мой, на крестьянъ,—продолжалъ старикъ,—будто бы они это сдѣлали, чтобъ напугать барыню—строга, говорятъ, была она для нихъ—чтобъ она бросила хутора и переѣхала въ городъ. Но это пустяки, сударь мой,—этому вѣрить нельзя. Тутъ не крестьяне виноваты, а нечестивцы фармазоны; они, значить, хотѣли отм-

ститъ семейнымъ чиновника, что тѣ отвлекли его отъ ихъ общества. Опять надо взять и то въ расчетъ,—сказалъ старикъ:—если-бъ крестьяне надругательство этокое сдѣлали, то какая жъ имъ польза изъ того? Ну, хорошо, барыня бросила бы хутора. Да рази крестьянамъ легче-бъ было оттого? Хуже, батенька! Барыня стала бы послѣ того тѣснить ихъ больше прежняго. Нѣтъ, пустяки, пустяки! Крестьяне тутъ не виноваты. Это дѣло фармазоновъ.—Да, вотъ что я забылъ тебѣ сказать,—прибавилъ рассказчикъ.—Когда покойника снова зарывали, замѣтили: пятки у него вырѣзаны!... Ну, скажи на милость, на что это крестьянамъ спонадобилось? Выходить, это штуки фармазоновъ. Вотъ, каковы они, эти фармазоны,—одно слово: народъ отпадшій, нечестивый!—заклучилъ старикъ.

ХІІ.

Обмирающіе *).

— Въ нашемъ роду былъ такой случай: родная сестра моего родителя, значить, моя тетушка, обмирала и видѣла рай и муку,—говорилъ собесѣдникъ мой, старикъ, когда разговоръ нашъ коснулся этой статьи народнаго повѣрья или, правильнѣе, этого вѣрованья.—Дѣло было въ Оспо-жинки, на другой годъ послѣ первой холеры. Тетушка—царство ей небесное!—долгое время вдовствовала, и—какъ подобаетъ—вдовство свое соблюла въ должномъ порядкѣ и въ чистотѣ цѣломудренной. Послѣ дядюшки хоша осталась и въ молодыхъ лѣтахъ, хоша и навертывались женишки, однако тетушка замужъ не пошла. Одно слово, отъ младости и до старости вела жизнь воздержную и благочестивую, и за это самое Господь Богъ и взыскалъ ее такимъ счастьемъ, сподобилъ, значить, зарань увидать рай и муку и уготованное для нея самой мѣсто на томъ свѣтѣ.

— Въ ту пору,—продолжалъ рассказчикъ,—проѣзжалъ черезъ нашъ форпостъ старообрядческій священникъ, отецъ Василій. Тетушка исповѣдалась и причастилась, какъ дѣ-

*) Въ сказаніяхъ объ обмирающихъ истинныя вѣрованья перемѣшаны съ ложными. Православному легко замѣтить, что подобнаго рода сказанія составились между раскольниками и направлены къ подтвержденію обычныхъ имъ возрѣній на поясы, на бороду, на мундиры и проч.

лала она кажинный годъ. Утромъ она причастилась, а къ обѣду умерла, и умерла-то тихимъ молчаніемъ, недуманно, негаданно, никто изъ семьи и въ умѣ не держалъ, чтобы тетушка могла въ то время умереть, потому что была на своихъ ногахъ и ни что не жаловалась; просто, легла послѣ праведной молитвы на свою постельку отдохнуть—и умерла, то-ись, не умерла, а яко бы започивала. Сначала въ домѣ такъ и полагали, что спитъ, а напоследокъ увѣрились, что умерла: лежитъ безъ движенія, дыханье прекратилось, сердце не бьется, тѣлицо похолодѣло, словно ледъ, и стало костенѣть. Родные потужили, погоревали, однако не плакали, не рыдали. Зачѣмъ плакать-рыдать? Праведная душенька оставила сей бренный свѣтъ, сію юдоль печальную, и переселилась въ райскую обитель, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханія, но жизнь вѣчная! И въ Святомъ писаніи,—замѣтилъ рассказчикъ,—сказано, что-де немалый грѣхъ плакать по покойникамъ, а что-де радоваться должно.

Хорошо. Убрали тетушку и снарядили, какъ подобаетъ, положили въ гробъ и поставили въ переднемъ углу подъ образами, а изъ Кулагина привезли читальщицу, старую дѣвушку; и та, по правиламъ вѣры св. отецъ, стала п р а в и т ь (читать) п с а л т ы р ь. Хорошо. День прошелъ, другой прошелъ; на третій хотѣли хоронить, да пріостановились: ждали съ Узеней старшаго сына, чтобы проститься съ родительницей; за нимъ гонца послали. А жара и духота на дворѣ стояла страшная, а покойница—чудное дѣло!—ничуть не тронулась, и признака не было, чтобы мертвая. Дивились люди и разсуждали промежь себя, что видно-де, за благочестіе тетушки, Господь-Богъ показываетъ надъ ней свое благоволеніе и знаменіе, — не хочетъ-де, чтобы бренное тѣло покойницы предалось тлѣнію и смердѣнію. Хорошо. На третій день вечеромъ собралась вся семья въ сѣняхъ и готовилась поужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Кликнули и читальщицу. Та сократила (погасила) свѣчку и вышла въ сѣни, а дверь въ избу притворила. И

только что сѣли за столъ, какъ дверь изъ избы тихохонько отворилась, и на порогѣ показалась тетушка во всемъ уборѣ, какъ лежала въ гробу: и въ саванѣ, и съ вѣнчикомъ на головѣ, и съ лѣстовочкой въ рукахъ. „Ангель за трапезой!“ сказала тетушка. А у самой личико такъ и сіяетъ, такъ и сіяетъ, словно у младенца, радующагося на ликъ ангела-хранителя.

— И чудное дѣло,—замѣтилъ рассказчикъ,—хоша бы одна душа изъ семьи испугалась. А какъ бы не испугаться? Самъ посуди, мертвый возсталъ изъ гроба и представился живымъ. Напротивъ, батенька, всѣ, кто тутъ былъ, и большой и малый, всѣ съ радости побросали ложки и кинулись къ тетушкѣ, словно бы она не изъ гроба встала, словно бы она изъ гостей пришла; кинулись, говорю, къ тетушкѣ всѣ, и давай въ перебой другъ передъ дружкой обнимать ее и цѣловать. Дѣло видимое, ангель-хранитель устроилъ такъ, удалилъ, значитъ, отъ сердець людей всякій страхъ и ужасъ!—сказалъ старикъ съ чувствомъ глубокой вѣры и непоколебимаго убѣжденія.—А что все это была истинная правда,—прибавилъ старикъ,—сошлюсь на весь нашъ форпостъ: всякъ тебѣ это подтвердитъ.

Послѣ такой оговорки, старикъ продолжалъ:

— Тетушка рассказывала, что когда она легла въ постель и задремала, ее яко бы разбудили два лѣпообразныхъ вьюноша, въ свѣтлыхъ ризахъ и съ крылышками за плечами: это были ангелы-хранители,—пояснилъ рассказчикъ.— И повели ангелы-хранители тетушку съ собой и показали ей сначала рай, гдѣ души праведныя обитаютъ и блаженствуютъ, а потомъ адъ, гдѣ души грѣшныя обитаютъ и мучаются. Тетушка не хвасталась, какъ иные прочіе,—оговорился старикъ,—а говорила самую истинную правду, то-ись, что видѣла своими глазами, что слышала своими ушами, о томъ только и говорила, а чего не видала, чего не слыхала, о томъ и не говорила. Къ примѣру, въ самомъ раю она не была—и не говорила, а только постояла у золотой рѣшетки съ золотыми херувимчиками наверху. И сквозь рѣшетку

видѣла неизрѣченной красоты садъ зеленый, и весь-то онъ изъ благоуханія, и весь-то онъ изъ цвѣточковъ, и весь-то онъ изъ виноградныхъ и ягодныхъ кусточковъ, и весь-то онъ изъ финиковыхъ и кипарисныхъ деревцевъ, и весь-то онъ искрещенъ ручейками съ ключевой водицей, и черезъ каждый-то ручеекъ перекинуть съ золотыми перилами мосточекъ; одно слово—рай, объ немъ же грѣшнымъ нашимъ языкомъ и рассказать не можно. И населенъ-то онъ душами праведниковъ и праведницъ. И гуляютъ души праведныя по саду межъ кусточковъ и цвѣточковъ, гуляютъ и Господа Бога прославляютъ. А иныя души праведныя сидятъ на золотыхъ скамеечкахъ подъ деревцами и ублажаютъ себя чтеніемъ книгъ богодухновенныхъ. И всѣ-то души праведныя личикомъ свѣтлыя, прекрасныя и радостныя, что твои херувимчики писанныя. И по всему-то саду раздаются пѣсни сладкогласныя, пѣсни ангельскія, пѣсни богохвальныя, прославленныя. Тетушка смотритъ на все и не насмотрится, слушаетъ и не наслушается. Жалко было тетущкѣ оторваться отъ рѣшетки: весь бы вѣкъ она тутъ стояла, весь бы вѣкъ глядѣла да слушала. Ужъ такъ-то было сладостно и радостно. Однако, пора была идти прочь.

„И повели ангелы-хранители тетущку отъ золотой рѣшетки въ другую сторону и черезъ мало ли, черезъ много ли время подвели къ желѣзной рѣшеткѣ. За этой рѣшеткой далеко, далеко ужъ не то, что за золотой рѣшеткой,—разсказчикъ печально покачалъ головой.—За этой рѣшеткой, батенька, пропасть, а въ пропасти огонь неугасимый, червь всеочивый, смола вскипяченная, свинецъ и олово растопленные! Изъ пропасти выходитъ чадъ, смрадъ нестерпимые, слышенъ вой, стонъ, плачь, вельми ужасные, и скрежетъ зубовный! Это адъ кромѣшный, это тартаръ-треисподній, его же души грѣшниковъ наслѣдуютъ! Тетущку страхъ-ума объялъ, и она не вытерпѣла, отворотилась отъ этого зрѣлища. Даже ангелы-хранители, на что ужъ ангелы, духи безплотные и слуги самого Господа, а и тѣ личики свои за-

крыли крылышками. Таково-то ужъ зрѣлище было ужасное, противное!

„Туть недолго пробыли, пошли въ третье мѣсто, гдѣ нѣтъ ни рая, ни муки, это мѣсто такъ и слыветь подь прозваньемъ: ни рай—ни мука, иль бо: между раемъ и мукой. Туть обитають души въ половину праведныя и въ половину грѣшныя. Къ примѣру, у кого наберется и добрыхъ, и злыхъ дѣлъ поровну и кого, значить, поэтому нельзя ни въ рай водворить и ни въ муку посадить, того туть и поселяють. И живутъ онѣ, эти въ половину праведныя и въ половину грѣшныя души, не то чтобы въ большомъ удовольствіи, не то, чтобы въ большой изневагѣ, а такъ себѣ, ни то, ни сѣ, середка наполовинѣ. И за то благодареніе Господу-Богу! Что касается меня, я бы и этимъ мѣстомъ былъ доволенъ, да предоволенъ, лишь бы попасть въ него,—замѣтилъ рассказчикъ и съ благоговѣніемъ перекрестился.

„Въ этомъ мѣстѣ,—продолжалъ старикъ,—тетушка удостоилась кое съ кѣмъ изъ живущихъ туть и поговорить. Къ примѣру, была она въ одной небольшой деревушечкѣ и проходила улицей. По обѣ стороны улицы выстроены домики, и такіе-то хорошенькіе, и такіе-то пригоженькіе, и такіе-то уютненькіе, любо-дорого смотрѣть. Одно только скрадывало: домики крыты не тѣсомъ, а забраны кое-какими драничками, вездѣ щели. И у каждаго домика, у воротъ и у заваленокъ, стоятъ крашенныя скамеечки, а на скамеечкахъ кое-гдѣ сидятъ старушки, въ черненькихъ сарафанчикахъ, безъ прозументовъ, а только съ однѣми пуговками, и въ бѣленькихъ повязочкахъ. Тетушка подошла къ одной старушкѣ. Та сидитъ на скамеечкѣ и съ благоговѣніемъ читаетъ книгу—Библию.

— Богъ въ помощь!—говоритъ тетушка.

— Спасетъ Богъ!—говоритъ старушка.

— Что это у васъ, матушка,—спрашиваетъ тетушка старушку,—домики-то не въ порядкѣ: построены-то они, видится, хорошохонько, хозяйственнымъ манеромъ, а покрыты дранью, словно будто и тѣсу не достало?

— Такъ Господу-Богу угодно!—говоритъ старушка, и перекрестилась, закрывая книгу.—Не угодили мы, грѣшницы, Ему, и за это самое домики наши не покрыты, какъ слѣдовать. Дѣло, видишь ли, вотъ въ чемъ, моя касатушка,—говоритъ старушка.—Въ жизни земной, не въ похвальбу сказать, доводилось намъ, сирѣчь живущимъ въ этой деревушечкѣ, дѣлать кое-какія добрыя дѣла. Примерно, выручу я кого деньгами или другимъ чѣмъ, а не то сослужу кому какую услугу, и тотъ человѣкъ, кого выручу или кому услугу, знамо дѣло, поблагодаритъ меня, скажетъ: „благодарствую!“ Иль бо: „спасеть тебя Богъ“!—А я на это ему скажу: „не на чемъ!“ Иль бо: „не за что!“—А эти слова, замѣть, касатушка,—говоритъ старушка тетушкѣ,—эти слова непріятны Господу-Богу; эти слова обличаютъ якобы небреженіе къ доброму дѣлу,—эти слова показываютъ якобы униженіе, а униженіе, касатушка, чай сама знаешь, паче гордости. Вотъ за эти-то самыя слова, сирѣчь: не на чемъ иль бо не за что, Господь-Богъ и лишилъ насъ хорошихъ крѣпкихъ крышъ; и оттого-то мы въ ину пору и тершимъ отъ дождей, отъ бурановъ и отъ всякаго ненастья. Ты это запомни, касатушка,—говоритъ старушка тетушкѣ,—и когда выйдешь на землю, повѣдай людямъ, чтобы они остерегались этихъ словъ, сирѣчь: не на чемъ иль бо не за что, никогда бы ихъ не говорили, а безпремѣнно говорили бы: „на доброе здоровье!“ Иль бо: благодари Господа-Бога!—Къ слову пришлось,—говоритъ старушка тетушкѣ. Вотъ что еще, касатушка, попомни: коли кто сотворитъ тебѣ какое-ни-на-есть добро, то ты не говори ему: „спасибо!“—это слово непріятно Господу-Богу; а говори всегда: „спасеть тебя Господь-Богъ!“ Иль бо просто: „благодарствую!“ А слова спасибо избѣгай, касатушка: непріятно оно Господу-Богу. А знаешь ли, почему оно непріятно Господу-Богу?—спрашиваетъ старушка тетушку.—Гдѣ-жъ тебѣ знать!—говоритъ старушка.—Я тебѣ расскажу. Непріятно оно вотъ почему: въ одной невѣрной землѣ люди не признавали истиннаго Бога и Сына Его Іисуса Христа,

и Духа Святаго, и не поклонялись Имъ, а поклонялись идолу бездушному, изъ чурбана сдѣланному. Имя этому идолу было: Аба. И когда омраченные мракомъ невѣрія люди поклонялись этому идолу, они зывали къ нему: „спаси насъ, Аба!“ Или просто: „спаси, Аба!“ Видишь ли теперь, касатушка,—говорить старуха тетушкѣ,—слово с п а с и б о и смахиваетъ на идольское: с п а с и, А б а. И по этой причинѣ, совѣтую тебѣ, касатушка — говоритъ старуха тетушкѣ,—избѣгай этого слова, а завсегда говори, какъ я ужъ тебѣ сказала: „спасеть тебя Господь-Богъ!“ или просто: „благодарствую!“

— Отсюда пошли дальше,—продолжалъ рассказчикъ.— Пришли въ другую, и довольно-таки большую деревню, и все то въ ней—чудное дѣло,—были татары одни. Тетушка остановилась посреда улицы и дивуется. А ангелы-хранители говорятъ тетушкѣ:

— Не дивись, раба Божія Агрипина! Это м и л о с т л и в ы е т а т а р ы. По дѣломъ своимъ они достойны быть въ раю; но понеже родились они и жили въ нечестивой вѣрѣ, мухаметовой, то и нельзя ихъ водворить въ рай. На это, говорятъ ангелы, слово Божіе гласитъ тако: аще кто не родится водой и духомъ, то-ись, не просвѣтитя и не очиститя св. крещеніемъ, тотъ не можетъ внити въ царствіе небесное. И по тому самому отведено имъ мѣсто здѣсь, то-ись, между раемъ и мукой. Больше дѣвать ихъ некуда. А сослать въ адъ—жалко: люди они были все-таки хорошіе, смиренные, добрые, много милостыни творили.

— Отсюда пошли дальше,—продолжалъ рассказчикъ.— Вышли въ открытое поле и подошли къ небольшой избушкѣ. Въ избушкѣ, у окна за желѣзной рѣшеткой, сидитъ, яко бы узникъ какой, человекъ съ опаленными волосами и бровями, съ потертой шеей, и самъ изъ себя такой черный, закопченный, словно трубочистъ. Около избушки ходитъ, яко бы на часахъ, ангель-хранитель съ огненнымъ мечомъ и съ огненнымъ копіемъ въ рукахъ. Крылышки у него нѣсколько опалены. Ангелы-хранители, что тетушку сопровождали, по-

дошли къ тому ангелу, что у избушки ходить, и стали межъ себя разговоры вести, знамо, о дѣлахъ своихъ ангельскихъ; а тетушка подошла къ окну и полюбопытничала, спросила человѣка, что онъ есть за человѣкъ? И онъ разсказалъ ей вотъ какую диковинную вещь:

— Въ жизни земной,—говорить человѣкъ за рѣшеткой,—былъ я пьяница горькій, любилъ, значить, выпить черезъ мѣру и—какъ слѣдовать—опился! Дѣло извѣстное, подцѣпили меня, молодца, окаянные, утащили въ свой вертепъ и запрягли въ бочку. Опивицамъ всѣмъ уже такой предѣлъ.—Долго ли, коротко ли,—говорить человѣкъ,—не помню—служилъ я чертямъ замѣсть лошади и терпѣлъ муку страшную; вотъ и теперь еще, говоритъ, шея болитъ,—натеръ, значить, хомутомъ. Вдругъ въ едино время влетаетъ въ жилище дьяволовъ ангель-хранитель, тотъ самый, что у избушки моей ходить,— всѣ дьяволы затрепетали и попадали ницъ, словно дубиной кто ихъ пришибъ. Въ тотъ разъ я былъ запряженъ въ бочку. Въ одинъ мигъ ангель-хранитель обрубилъ мечомъ своимъ гужи, совлекъ съ меня хомуть и всю упряжную сбрую, а самого меня принялъ на свои пречистыя рученьки и вынесъ на вольный воздухъ, принесъ было прямо ко вратамъ райскимъ, да Петръ апостоль, безъ разрѣшенія Господа-Бога, двери райскія не отперъ. Скоро и разрѣшеніе отъ Господа вышло, да не въ той силѣ. Объ этомъ я скажу тебѣ послѣ, а теперь разскажу о томъ, по какому случаю вышло мнѣ такое недуманное, негаданное счастье. Слушай-ка.

— Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я родился и жилъ,—говорить человѣкъ за рѣшеткой,—въ тѣхъ мѣстахъ жилъ и подвижался одинъ святой и праведный мужъ, вельми угодный Богу и Имъ любимый. И за этимъ святымъ мужемъ, и день, и ночь, слѣдовали ангелы-хранители и не для того, чтобы охранять и оберегать его отъ лукаваго,—лукавый и безъ того бѣгалъ прочь отъ праведника,—а для того единственно, чтобы служить праведнику и дѣлать все ему угодное.—Хорошо.

— Близъ того села, гдѣ я жилъ,—говорить человѣкъ,— протекалъ небольшой ручеекъ, неглубокій, всего по колѣни человѣку, да такой тинистый, топкій, а моста черезъ него не было. И всѣ люди, пѣшіе и конные, переходили и переѣзжали черезъ ручей вбродъ. По этой причинѣ не разъ доводилось и святому мужу переходить черезъ этотъ ручеекъ вбродъ же. Хорошо.—Въ одно время, отъ нечего дѣлать, со скуки, вздумалось мнѣ сдѣлать черезъ ручей мостикъ для пѣшеходовъ, и я сдѣлалъ. И дѣло-то было простое: нарубилъ я въ роцѣ колышковъ, жердочковъ, набралъ валежнику; колышки вколотилъ, жердочки наложилъ, валежникомъ покрылъ, землицей усыпалъ, и—мостъ готовъ. Хорошо.—Въ скорости послѣ того я опился и попалъ къ чертямъ въ хомуть; значить—погибъ на вѣки вѣчные!

— Черезъ много ли, мало ли время,—говорилъ человѣкъ за рѣшеткой,—трафилось святому мужу проходить черезъ тотъ же ручеекъ по старой дорожкѣ—праведникъ думалъ, что, какъ и прежде, надо идти вбродъ, хотѣлъ-было и обувь съ себя снять,—анъ, глядь, недуманно, негаданно, видитъ мостъ.—Хорошо. Праведникъ перешелъ черезъ мостикъ, остановился, возвелъ очи свои къ небу и проглаголалъ:—Какой это человѣкъ сдѣлалъ мостъ? Если живъ онъ,—пошли ему, Господи, добраго здравія и душѣ спасеніе! Если же умеръ онъ, всели его, Господи, въ царствіе небесное!—И лишь только святой и праведный мужъ изрекъ словеса сіи, какъ одинъ изъ ангеловъ, что за праведникомъ ходили, въ тотъ же мигъ, безъ доклада Господу-Богу, взвился и полетѣлъ прямо въ жилище дьяволовъ, извлекъ меня оттуда. И я очутился на вольномъ воздухѣ у вратъ райскихъ. Вотъ по какому случаю я вышелъ изъ жилища дьяволовъ!

— Господь-Богъ сдѣлалъ выговоръ ангелу-хранителю, что онъ поспѣшилъ, безъ доклада, значить, слетать за мной въ жилище дьяволовъ,—говорить человѣкъ.—Однако меня-то, говоритъ, по неизрѣченной своей милости, оставилъ на вольномъ воздухѣ, муки избавилъ, въ вертепъ дьяволовъ назадъ не отослалъ, а повелѣлъ поселить вотъ здѣсь, въ этой избу-

шкѣ, аки узника; полной свободы, аки опивицѣ, мнѣ не дано. Ангелу же хранителю, какой леталь за мной, замѣсть наказанія, велѣно до поры до времени, какъ будетъ Господу-Богу угодно, ходить около избушки, якобы на часахъ. А на память того, что онъ поторошилсѣ исполнить желаніе праведнаго мужа и извлекъ изъ жилища дьяволовъ опивицу, то-ись, меня многогрѣшнаго, оставили ему крылышки опаленными, а опалилъ онъ ихъ въ вертепѣ дьяволовъ, когда выручалъ меня.

— И много тетушка исходила мѣсть, и много видѣла разныхъ чудесъ,—сказалъ старикъ.—Къ примѣру, видѣла тетушка жилище младенцевъ. И чудное дѣло! Кажись, что бы взять съ младенцевъ, вѣдь души они безгрѣшныя,—анъ, и ихъ блаженство по сортамъ. Одни какъ есть блаженствуютъ: такіе свѣтленькіе, бѣленькіе, пригоженькіе, веселенькіе,—бѣгають, рѣзвятся и яблочками играютъ. Глядя на нихъ, духъ радуется. Но и изъ нихъ-то не всѣмъ бываетъ одинаковая радость. Къ примѣру, тетушка видѣла своими глазами,—иной младенецъ играетъ, играетъ яблочкомъ, и вздумаетъ положить яблочко за пазуху, а оно и проскачетъ на полъ, за пазухой не держится. А отчего? Оттого, батенька, что, по небрежности матери, не было на немъ въ жизни земной пояса. Инымъ же младенцамъ хоша и даны всякія удовольствія, но не дано яблочковъ. И эти младенцы, глядя на другихъ, у коихъ яблочки есть, бываютъ нѣсколько при печали. А за что младенцевъ лишаютъ яблочковъ? За то, батенька, что матери ихъ на землѣ не чтутъ Спасовъ день, то-ись, до Спаса жрутъ яблоки! По этому самому, ты замѣть это когда-нибудь и гдѣ-нибудь, всякая степенная и сердобольная женщина, у которой есть умершія маленькія дѣти, ни за что на свѣтѣ не вкуситъ яблока до Спаса. Иные же изъ младенцевъ—чудное дѣло!—есть слѣпенькіе, ничего, значить, не видятъ, и носятъ ихъ на рукахъ ангелы-хранители. Это души тѣхъ самыхъ младенцевъ,—пояснилъ рассказчикъ,—кои, отъ небреженія родителей, умирають некрещенными!—Одно слово, что тетушка видѣла и что слы-

шала,—о томъ о всемъ и рассказать нашему брату не можно: языкъ устанеть и умъ-за-разумъ зайдетъ,—замѣтилъ старикъ.—А всего любопытнѣе,—прибавилъ онъ,—тетушка видѣла атамана нашего, покойнаго Давыда Мартемьяныча Бородина; а онъ, извѣстно, умеръ передъ тѣмъ за годъ. И видѣла его тетушка въ такомъ жалкомъ, въ такомъ печальномъ видѣ, что сердце вчужѣ кровью обливается, какъ вспомнишь. Куда и атаманство его пошло, куда генеральство пошло! Ничто, значить, не помогло. Не знаю, какъ по-вашему,—замѣтилъ старикъ,—а по-нашему исторія эта очень занимательна и очень любопытна. Я расскажу ее. Слушай-ка!

— Среди открытаго поля разложенъ огромнѣющій костеръ изъ цѣльныхъ дубовыхъ бревенъ, и горитъ-пылаеть костеръ ужастъ, какъ жарко, идно сажень за сто къ нему подойти не можно. А какой-то человекъ, такой высокій, бравый, но худой такой и чернявый, словно трубочистъ, съ бритой бородой, въ узкихъ солдатскихъ ритузахъ въ обтяжку и въ узкомъ кургузомъ мундирѣ, что называется, въ поддѣргашкѣ, при шпагѣ, стоитъ въ вытяжку близъ самага костра, такъ, какихъ-нибудь сажени на двѣ отъ него; стоитъ, бѣдняжечка, и съ ноги-на-ногу переступаетъ, словно журавль,—видно, хочеть какъ бы половчѣе присѣсть иль бо прилечь, а ритузы, а шпага мѣшаютъ. Въ рукахъ у человека того простой суконный зипунъ верблюжей шерсти, и человекъ держитъ его растопыря передъ собой. укрывается, значить, отъ жара и отъ пыля. Тетушка прошла было мимо, не хотѣла останавливаться, да ангелы-хранители сказали ей:

— Подойди, раба Божія Агрипина, къ человеку сему; побесѣдуй съ нимъ; онъ съ вашихъ странъ.

— Сказали это ангелы-хранители и распростерли крылышки свои передъ тетушкой, и она, подъ защитой ангельскихъ крылышекъ, подошла къ человеку вплоть; смотритъ на него—и дивуется: лицо знакомое, а признать, вспомнить не можетъ. Думала, думала тетушка, припоминала-припоминала,—нѣтъ, не вспомнить; напоследокъ спросила его, что онъ есть за человекъ? И онъ ей отвѣчалъ:

— Авъ многогрѣшный рабъ Божій, Давидъ, ниже быхъ...

— Тутъ тетушка и признала его и не дала ему выговорить слова.

— Такъ это ты, батюшка, Давыдъ Мартемьянычъ? Это ты, нашъ славный атаманушка?—говоритъ тетушка и качаетъ головой.—Узнать нельзя, родимый! Куда и красота твоя дѣвалась молодецкая!...

— Да, матушка!—говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ такимъ печальнымъ, такимъ жалостливымъ голосочкомъ.—Я тотъ самый Давыдъ Мартемьянычъ, кто у васъ въ Уральскѣ атаманомъ былъ, кто у васъ енераломъ слылъ! Я тотъ самый атаманъ Бородинъ, кого въ Питерѣ все енеральство знало и за своего брата почитало! Я тотъ самый Давыдъ, передъ кѣмъ все войско преклонялось, кто всѣмъ войскомъ повелѣвалъ! Ты, матушка, сама съ Урала, ты, чай, сама знаешь, каковъ я былъ атаманъ,—говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ.—Не поставь, Господи, въ похвальбу слово мое, отъ самаго зачатія войска нашего не было такого атамана изъ нашихъ, кто бы больше моего радѣлъ для пользы обчества. Во все время моего атаманства не жалѣлъ я ни трудовъ, ни издержекъ на пользу обчеству, къ примѣру: кто съ казачьихъ земель орду гонялъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто Узени заселилъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто за казаками учугъ еще больше закрѣшилъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто о Бухарской сторонѣ хлопоталъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто на Каспийскомъ морѣ казакамъ грани установилъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто казакамъ соляныя озера исхлопоталъ?—Атаманъ Бородинъ! Кто за казаками наемку удержалъ?—Атаманъ Бородинъ! Все атаманъ Бородинъ! За что хорошее ни возмись—все Бородинъ! Одно слово,—говоритъ Давыдъ Мартемьянычъ,—я спалъ и видѣлъ, чтобы земляки мои казаки уральскіе, ни въ чемъ никакой нужды и изневаги не терпѣли, чтобы ѣли-пили сладко и одѣвались хорошо,—и чтобы всякъ, взирая на это, Царя Небеснаго и царя земного, то-ись, Бога Создателя и царя державнаго, прославлялъ по своему

усердію и по своей расположенности! По дѣломъ моимъ,—говорить Давыдъ Мартемьянычъ,—мнѣ слѣдовало быть въ раю, да два грѣха не пускаютъ,—два грѣха незамолимыхъ. Первый грѣхъ:—я самъ-собой, своей доброй волей, то-ись, безъ указу государева, а только по совѣту пріятеля, князя Григорія Семеныча Волконскаго, обрядился въ узкую одежду и обрядилъ въ нее и казаковъ, кои по службамъ ходятъ. Второй грѣхъ, и самый важный:—я „отечество“ посрамилъ, то-ись, бородушку обрилъ,—и все-таки безъ указу государева—это-то и важно! И вотъ, сама видишь, матушка, въ какомъ теперь я положеніи нахожусь — чего еще хуже! Душно мнѣ, жарко мнѣ отъ костра сего!—говорить Давыдъ Мартемьянычъ и вздыхаетъ, голубчикъ. Высохъ я весь, словно щепка, и почернѣлъ, словно уголь! Охъ, горе, горе тѣмъ, кто „отечество“ свое не наблюдаетъ!...

— Сказамши это, Давыдъ Мартемьянычъ зарыдалъ, да такъ-то жалостно, идно тетушка, глядя на него, прослезилась; даже ангелы-хранители припечалились.

— Одна отрада,—говорить Давыдъ Мартемьянычъ, немного погодя, сквозь слезы,—одна отрада, матушка, вотъ много погодя, сквозь слезы,—одна отрада, матушка, вотъ этотъ зипунчикъ: имъ только и спасаю себя отъ жара и отъ полымя. А что это за зипунчикъ, знаешь ли?—спрашиваетъ Давыдъ Мартемьянычъ тетушку. Тетушка головой качаетъ: не знаю-де.—Этотъ зипунчикъ,—говорить Давыдъ Мартемьянычъ,—данъ мнѣ за то, что я въ домашнемъ быту позволилъ казакамъ ходить не въ мундирахъ, а въ зипунахъ и вобще въ чемъ кто хочетъ. Только въ этомъ зипунчикѣ и отраду нахожу, матушка. Безъ него, кажись, совсѣмъ бы истлѣлъ и обуглился. Да еще,—говорить Давыдъ Мартемьянычъ,—еще бываетъ для меня не малая отрада въ тѣ минуты, коли кто изъ казаковъ на землѣ помянетъ меня добромъ: въ этотъ разъ вѣтеръ нарочно перемѣнится и подуетъ отъ меня,—въ этотъ разъ мнѣ уже не такъ-то жарко отъ костра,—въ этотъ разъ нѣсколько и подышу вольнымъ воздухомъ...

— А гдѣ пріятель твой, князь Григорій Семенычъ?—

спрашиваетъ тетушка изъ любопытства Давыда Мартемьяныча.

— Тамъ!—сказалъ Давыдъ Мартемьянычъ и указалъ рукой въ ту сторону, гдѣ рѣшетка...

— Побесѣдовавъ съ Давыдомъ Мартемьянычемъ, тетушка хотѣла-было опять сходить къ желѣзной рѣшоткѣ. Хоша и непріятно, хоша и страшно то мѣсто, но тетушкѣ любопытно было опять взглянуть на него,—чаяла она, не увидитъ ли тамъ князя Григорья Семеныча; вѣдь по челоуѣчеству и его жаль. Однако ангелы-хранители туда не пошли, поспѣшили назадъ;—говорять тетушкѣ:

— Опоздаемъ, раба божія Агрипина, и—чего добраго—схоронять тебя заживо: тогда за тебя на насъ спросится.

— Нечего дѣлать,—тетушка вернулась назадъ. Когда вошла въ горницу, она испугалась самой себя, потому, увидѣла себя въ гробу.

— Не бойся, раба божія Агрипина,—говорять ангелы-хранители:—это тѣло твое брнное, а съ нами душа твоя ходила.

— Сказамши это, ангелы-хранители подвели тетушку къ самому гробу и велѣли ей наклониться надъ своимъ тѣломъ, закрыть глазки и творить молитву. Тетушка наклонилась, закрыла глазки и сотворила Іисусову молитву,—ангелы-хранители легонечко прикоснулись къ шеѣ тетушки, якобы толкнули. Тетушка вздрогнула и—очнулась въ гробу.

— Рассказывая роднымъ и знакомымъ про свое похождение, тетушка изъ всего, что видѣла и что слышала, только три слова не сказала.—Не могу, говорить, сказать запрещено. Хоша бы я и желала,—говорить тетушка,—сказать вамъ эти три слова—не могу: языкъ запнется! Таковъ предѣль. И точно, что не могла,—прибавилъ отъ себя рассказчикъ.—Кромѣ тетушки, не разъ бывало въ нашихъ мѣстахъ, и прежде и послѣ, обмирали многіе, однако всѣ, рѣшительно всѣ, кто ни обмиралъ, мужчины ли, женщины ли,—все единственно—обо всемъ говорили, а о какихъ-то трехъ словахъ не сказывали.

— Вотъ тебѣ и сказъ!—заклучилъ старикъ.—Потомъ, немного погодя, прибавилъ:—А ты, батенька, слушать-слушай, да на усъ себѣ мотай, то-ись, „отечество“ не забывай (старикъ съ важностью погладилъ свою бороду),—по крайности, помятовай о томъ, что человекъ сотворенъ по образу и подобію Божію.

ХІІІ.

Домовой и лѣшіи.

— Толковалъ ты мнѣ много и о кладахъ, и о чертяхъ, и о проклятыхъ, а о проказникѣ домовомъ, да о проказникѣ лѣшемъ ничего не сказалъ. Теперь за ними чередъ. Валяй, Афанасій Дмитричъ!—сказалъ я собесѣднику моему.

— Радъ стараться!—сказалъ старикъ.—Только не обезсудь, касатикъ, — оговорился онъ; — многаго не знаю объ этихъ господахъ. Еще о домовушкѣ, пожалуй, кой-что поразскажу: этотъ баринъ знакомецъ нашему брату, потому самому, что почитай нѣтъ дома въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ-бъ не жилъ домовушка, оттого и имя ему домовою, да еще юртовой-домовой. А вотъ насчетъ лѣшаго, не прогнѣвайся, поразсказать почестъ ничего не могу, потому самому не могу, что этотъ... какъ бы его назвать? Ну, хоть бы этотъ молодецъ въ нашихъ степныхъ мѣстахъ не водится, негдѣ, значитъ, пріютъ имѣть, и слава Богу, для насъ же лучше, а водится онъ въ Расаи, гдѣ довольно всякихъ лѣсовъ, оттого и имя ему лѣшіи, или лѣсною—все единственно. Мы только слухомъ знаемъ,—предложилъ старикъ,—что есть-когда лѣшіи идетъ лѣсомъ, то бываетъ съ лѣсомъ вровень, а есть-когда идетъ травой, то съ травой вровень; и потому самому, говорятъ, его никакъ нельзя признать.

Проговоривъ это, старикъ остановился. Я спросилъ:

— А еще что?

— Еще вотъ что,—отвѣчалъ старикъ:—есть-когда лѣшій обойдетъ кого въ лѣсу, то человѣкъ тотъ, кого лѣшій обойдетъ, безпремѣнно заплутается. И вотъ въ это-то будто время лѣшій нападаетъ на человѣка и начинаетъ щекотать его, ложь ли, правда ли, говорятъ, до смерти защекочиваетъ. Вотъ онъ какой вредкій, чтобъ ему было пусто!

Старикъ опять остановился. Я опять спросилъ:

— А еще что?

— Еще вотъ что,—отвѣчалъ старикъ, немного подумавъ:—человѣкъ, кого лѣшій обойдетъ, можетъ уйти отъ него, есть-когда догадается, побѣжить задомъ. Лѣшій станетъ искать человѣка по слѣду, и, знамо дѣло, пойдетъ туда, куда носки глядятъ, значить, въ противную сторону, а человѣкъ можетъ тѣмъ временемъ выйти изъ лѣса и прійти въ какое-нибудь жилье. Лѣшій, лѣшій, а насчетъ этого простоватъ!—замѣтилъ старикъ съ усмѣшкой, и замолчалъ.

Немного погодя я опять спросилъ:

— А еще что?

— Еще вотъ что,—отвѣчалъ старикъ:—есть-когда лѣшій спутается по слѣду и потеряетъ человѣка, то ходитъ по лѣсу и дурнымъ голосомъ нараспѣвъ кричитъ: „ш е л ь! ш е л ь! и н а ш е л ь! д а о п я т ь п о т е р я л ь!“

Старикъ остановился. Я спросилъ:

— А еще что?

— Еще ничего не знаю, касатикъ,—отвѣчалъ старикъ.— Я и прежде сказалъ,—продолжалъ онъ,—что лѣшихъ въ нашихъ мѣстахъ нѣтъ, и потому самому никому изъ нашего брата, нечего лгать, никогда не трафилось встрѣчаться съ ними. По крайности,—оговорился старикъ,—я въ жизнь мою ни отъ кого изъ нашихъ объ этомъ не слыхивалъ. А чего не знаю, о чемъ не слыхалъ,—о томъ и болтать не хочу, вотъ тебѣ и сказъ!—заклучилъ старикъ.

— Ну, а насчетъ домового что скажешь?—спросилъ я моего собесѣдника.

— Что сказать насчетъ него!—проговорилъ старикъ, какъ будто самъ про себя: потомъ, обратясь ко мнѣ, повелъ рѣчь свою такъ:

— Живетъ онъ, этотъ почтенный домовушка, чай и самъ знаешь, въ домахъ, въ подпечкахъ. Днемъ сидитъ смирно, рѣдко сказывается, а по ночамъ выходитъ на дворъ, бродитъ по базамъ, по хлѣвамъ, да по пригородамъ, осматриваетъ скотину хозяйскую, и которая придется ему по шерсти, по нраву, тое онъ холитъ, гладитъ, кормитъ, для этого подбираетъ въ домѣ кусочки и всякіе ошурки отъ хлѣба, отъ пироговъ и отъ прочаго! А иной, усердный и домовитый, и въ анбары хозяйскіе залазитъ, изъ закрововъ и изъ мѣшковъ овесъ выгребаетъ и всѣмъ этимъ коштуетъ, къ примѣру, какого-нибудь машака (лошадь) хозяйскаго, который приглянется ему.

— Бываетъ, иную лошадь самъ хозяинъ овсомъ иль бо хлѣбомъ вовсе не кормитъ, а лошадь—пушка пушкой, идно шерсть на ней лоснится. Иную же лошадь самъ хозяинъ всѣмъ пичкаетъ: и овсомъ, и хлѣбомъ, и мѣсивомъ, а лошадь—кости да кожа. Отчего такая несуразность? Оттого, батенька, что ту лошадь, которую хозяинъ любитъ, домовушка не любитъ; и потому самому все, что хозяинъ ни дастъ этой лошади, все это домовушка оберетъ, да своей любимой лошади подсунетъ: хозяйская лошадь и голодуетъ. Это еще что!—замѣтилъ старикъ.—Хуже бываетъ! Которую лошадь домовушка не любитъ, тое онъ по ночамъ мучитъ, гоняетъ по пригороду или по базу изъ угла въ уголь; случалось, совсѣмъ заганивалъ: лошадь издыхала. А любимицу свою покармливаетъ, да поглаживаетъ, да похоливаетъ, да гриву ей въ колечки завиваетъ и въ косички заплетаетъ; значить, красоту надъ ней наблюдаетъ. Вотъ онъ какой проказникъ и забавникъ, этотъ домовушка!—У насъ,—продолжалъ старикъ,—говорится: лошадь не ко двору пришла съ.—Это, батенька, значить: лошадка домовушкѣ не любила съ. И по этой причинѣ всякій толковый хозяинъ чуть лишь замѣтитъ, что лошадь безъ при-

чины тѣла на себѣ не держитъ, иль бо по ночамъ бѣгаетъ по пригороду, какъ бѣшеная, иль бо у яслей дрожитъ, бьется,— тотчасъ постарается сбыть ее и завести другую такой масти, которая домовушкѣ нравится.

— Еще за домовушкой водится вотъ какой обычай,— говорилъ старикъ:— есть-когда хозяину дома угрожаетъ напасть какая иль бо предвидится впереди счастье какое, то домовушка упреждаетъ хозяина во снѣ, давить и подѣ мышками щекочетъ.— Есть-когда домовушка предвѣщаетъ худо, то сильно давить, идно синяки у человѣка на груди остаются, а самъ домовушка бываетъ въ ту пору голый и холодный, словно ледь. А есть-когда домовушка предвѣщаетъ добро, то давить легонечко, чуть слышно, а самъ бываетъ въ ту пору мохнатый и теплый, словно тулупъ саксачій (бараній).— Иной человѣкъ, почувавши на себѣ домовушку, не обробѣетъ, оцупаетъ его и спроситъ: „на худо, иль на добро?“— И домовушка отвѣчаетъ: „къ худу!“, иль бо „къ добру!“— И всякій разъ, братецъ мой, рано ли, поздно ли, а сбывается предсказаніе домовушки,— прибавилъ рассказчикъ.— Со мной разъ былъ случай,— продолжалъ онъ немного погодя.— Есть-когда угодно, я тебѣ расскажу.

— Сдѣлай одолженіе!— сказалъ я.

— Ну, такъ слушай,— сказалъ старикъ.

— Разъ въ глухіе полдни, лежалъ я у себя въ горницѣ на постели вверхъ лицомъ. Спалъ ли по настоящему, не спалъ ли, не помню, а былъ въ какомъ-то забытѣ; вдругъ навалилось на меня что-то тяжелое и холодное: и не могъ я ни встать, ни повернуться, ни глазъ открыть, а память-то, слава Богу, есть. Я догадался, что это домовушка ко мнѣ пожаловалъ,— сотворилъ въ мысляхъ молитву и подумалъ на умѣ: домово-й-юрто-во-й! На худо, иль на добро?— Домовушка и промычалъ: „х-у-у-у-д-о!“ и вскорѣ отпустилъ меня. Я очнулся, всталъ и давай креститься, а у самого сердце такъ и ноетъ. Не прошло послѣ того и полчаса времени, какъ загорѣлся у сосѣда домъ. Вѣтеръ дулъ

въ бокъ отъ моего дома, захватывалъ только однѣ пригороды мои. Я выбѣжалъ на дворъ и вижу: дому моему опасности нѣтъ, а сгорятъ ли, не сгорятъ ли—одни базы да пригороды. „Богъ съ вами, базы да пригороды“, думаю, „надо сосѣду помогать“,—и тое жъ минуту бросился съ народомъ на пожаръ. И точно, случилось такъ какъ я думалъ: пока мы работали около сосѣдскаго дома, пожаръ прошелъ по базамъ да по пригородамъ, захватилъ и у меня одинъ базъ, самый крайній. Я не тужилъ, да и не изъ-за чего тужить было. Стоило только съѣздить въ луга, нарубить таловъ и колышковъ, и въ два-три дня базъ готовъ. Но какъ послѣ поповъхъ взглянулъ на пожарище, такъ и обмеръ: въ базу сгорѣли двѣ что ни самыя лучшія мои лошади!

— Какъ же такъ?—спросилъ я рассказчика.—Развѣ ты не зналъ, что лошади были въ базу?

— Въ томъ-то и штука, что не зналъ,—отвѣчалъ старикъ.—Грѣхъ этакой случился вотъ по какому побыту,—продолжалъ онъ.—Дня за два дотолева, братъ мой, Ермоша, наказывалъ съ кѣмъ-то косяшнику-киргизу, чтобы онъ привелъ ему двухъ лошадей, чалаго да бураго мерена.—Косяшникъ забылъ ли, или не добился толку, кто требуетъ лошадей—я ли, братъ ли мой—взялъ, да и привелъ на удачу моихъ, а и у меня, словно на грѣхъ, межъ лошадей были тоже чалый да бурый мерень. Привелъ косяшникъ лошадей въ ту самую пору, какъ я, запершись, спалъ въ горницѣ, а хозяйка куда-то выходила. Косяшникъ видитъ, что въ домѣ никого нѣтъ, взялъ да и провелъ лошадей на пригороду, поставилъ въ глухой крайній базъ, чтобы оводъ не беспокоилъ—дѣло было лѣтомъ, передъ сѣнокосомъ—привязалъ къ сохѣ да и былъ таковъ, ушелъ, подлець, въ кибитку киргиза, коровьяго пастуха; хотѣлъ, значить, послѣ зайти и сказать. А тутъ, на грѣхъ, случился пожаръ: лошадушки мои и сгорѣли. А домовушка дѣло свое сдѣлалъ, упредилъ меня, да что толку-то?—лошадушки все-таки сгорѣли!—заклучилъ старикъ, покачавъ головой.

— Бываетъ, что домовушка отправляется и въ чужія

страны къ хозяину, есть-когда захочетъ упредить хозяина о какомъ неблагополучіи,—заговорилъ старикъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Разъ была такая оказія съ моимъ роднымъ дядей, съ гурьевскимъ жителемъ. Рассказывать, что ли?—спросилъ меня старикъ.

— Сдѣлай милость!

— Ну, такъ слушай!

— Ъздилъ дядя мой въ Астрахань. Человѣкъ онъ былъ зажиточный, имѣлъ и судно свое, а домъ у него былъ, что называется, полная чаша, одинъ изъ первыхъ во всемъ Гурьевѣ; этому будетъ лѣтъ сорокъ.—Хорошо. Стоитъ дядя судномъ на Волгѣ у пристани, выжидаетъ сходныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Вдругъ, въ одну ночь, наканунѣ второго Спаса, навалился на дядю домовушка, такой голый, такой холодный! Дядя сильно обробѣлъ.—„Что да nibудь ужъ больно не такъ, думаетъ дядя, есть-когда домовушка бросилъ домъ и явился въ Астрахань“. Собравшись съ умомъ-разумомъ, дядя спрашиваетъ домовушку: „на худо, иль на добро?“—А домовушка ничего не отвѣчаетъ, только охаетъ да стонетъ. Всю ночь дядя промаялся, никакъ не вывернется изъ-подъ домовушки и отъ него ничего не допытается; только и слышитъ в з д о х и да о х и. Наконецъ къ утру домовушка свалился съ дяди и простоналъ: „Ху-у-у-до!“

— Послѣ этого дядя сталъ спѣшить отъѣздомъ, накупилъ немного хлѣба и кой-чего другаго про домашній обиходъ, и поѣхалъ въ Гурьевъ. Вѣтеръ дулъ попутный, дядя скоро и благополучно пріѣхалъ въ Гурьевъ, да только ужъ дома-то не нашель: со всѣмъ пристроемъ, со всѣмъ имуществомъ домъ до тла сгорѣлъ.—Жена съ ребятишками въ однѣхъ рубахахъ вышли. Неблагополучіе это случилось, батенька, когда домовушка дядю давилъ, то-исъ, наканунѣ второго Спаса.

— А дня за три до пожара,—продолжалъ старикъ,—домовушка въ подпечкѣ изо-дня въ день все стоналъ да охалъ, на весь домъ р ò б у (страхъ) нагналъ. Тетка сокрушалась о дядѣ, думала, не съ нимъ ли ужъ что въ морѣ

попритчилось; безперечь канонъ заздравный читала, — отъ этого и пожаръ-то случился, то-ись, не оттого, что тетка канонъ читала,—поспѣшилъ старикъ оговориться,—а отъ неосторожности. Тетка, видишь ли, прочитавши канонъ, забыла сократить свѣчку передъ образами и ушла съ дѣтьми въ кухню ужинать; свѣчка-то, видно, дотеплилась, упала и что-нибудь зажгла. Пожаръ этотъ много надѣлалъ дядѣ хлопотъ, чуть-чуть не засудили бѣднаго, — насилу откупился,—замѣтилъ старикъ.—Потомъ, немного погодя, продолжалъ:

— Нечего сказать, домовушка дѣло свое аккуратно справляетъ, то-ись, ни одного важнаго случая, къ худу ли, къ добру ли, не пропуститъ, чтобы не упредить хозяина;—молодецъ на этотъ счетъ!—Я тебѣ сказывалъ, какъ онъ упреждалъ меня о неблагополучіи, то-ись, насчетъ лошадей, что сгорѣли. Въ другой же разъ онъ упредилъ меня къ добру: какъ, батенька, сказалъ онъ къ добру,—такъ и случилось. Это насчетъ солоцкаго (солодковый корень). Любопытная исторія. Есть-когда не лѣнь слушать, я тебѣ расскажу. Хочешь?

— Сдѣлай одолженіе! Очень радъ.

— Ну, такъ слушай!

— Однимъ годомъ обыватели много нарыли и наготовили солоцкаго и повезли въ Уральскъ на лѣтнюю ярмарку, но продали задешево, всего гривень по шести за пудъ; а допрежь того продавали гораздо дороже: и по рублю по двадцати копѣекъ, и даже по полтора рубля на ассигнаціи. Знамо, тѣ, кто самъ рылъ и на своихъ лошадяхъ возилъ, тѣ въ убыткѣ не остались, все-таки за свой трудъ что-да-нибудь и получили. Но тѣ, батенька, кто здѣсь покупалъ солоцкій у другихъ и нанималъ подводы въ Уральскѣ, тѣ, знамо дѣло, остались въ большихъ убыткахъ. Я тоже кой у кого накупилъ солоцкаго,—самому на мѣстѣ обошелся въ семь-восемь гривень, а тутъ еще надо въ Уральскъ везти, подводы нанимать—все лишній расходъ,—а накупилъ я солоцкаго пудовъ сотъ пять—видишь ли, какую махину! Я еще не

отправилъ солоцкій въ Уральскъ, какъ услыхалъ, что онъ дешевъ, почти ни почемъ. „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“—подумалъ я и повѣсилъ буйную головушку.

— Идетъ день-за-день, солоцкій лежитъ на дворѣ подъ навѣсомъ, а у самого у меня животъ подводитъ. Недѣли съ двѣ я сокрушался, сна и пици лишился. Разъ зашли ко мнѣ какіе-то проѣзжіе торгаша и стали торговать солоцкій; на мѣстѣ даютъ по полтинѣ. Отдать за эту цѣну—явный убытокъ; сказано: самому обошелся въ семь-восемь гривенъ. Не отдать—еще пожалуй будетъ хуже: надо ждать будущаго лѣта, а къ тому времени солоцкій можетъ испортиться и задаромъ пропасть. Одно слово, такая подошла статья, хоть караулъ кричи.—Цѣлыхъ два дня шли у меня съ мужиками переговоры; вечеромъ другого дня рѣшился отдать, чтобы вдосталь не разориться;—ударилъ по рукамъ; но задатку мужики мнѣ не дали, не было при нихъ мелкихъ денегъ,—отложили до утра и ушли на квартиру. Хорошо.

— Проводимши мужиковъ, я поужиналъ, то-ись, славу только сдѣлалъ, что ужиналъ, чередъ, значить, отвелъ, а на самомъ-то дѣлѣ ничего не ѣлъ, только стаканчикъ перцовки выпилъ, и съ радости, и съ горя вмѣстѣ,—выпилъ, говорю, винца, помолился и легъ спать. И лишь только я заснулъ, какъ вдругъ пожаловалъ ко мнѣ домовушка, да такой-то теплый, горячій, такой-то лохматый, да и навалился-то онъ на меня тихохонько, легохонько. Я обвелъ его руками и спросилъ: до м о в о й-ю р т о в о й! н а х у д о, и л ь н а д о б р о?—И онъ три раза, подъ самое ухо, прошепталъ: „д о б р о! Д о б р о! Д о б р о!“ и тотъ же часъ съ меня долой.

— Передъ тѣмъ, какъ придти ко мнѣ домовушкѣ, я лежалъ вверхъ лицомъ, а послѣ домовушки перевернулся на бокъ, и такимъ манеромъ проспалъ до утра. Утромъ явились ко мнѣ торгаша съ задаткомъ, но я отказалъ, надѣючись на домовушкино предвѣщеніе. Тѣ давай цѣны надбавлять, дошли до шести гривенъ, но я уперся. „Не продаю!—сказалъ я на отрѣзъ. Самъ повезу въ городъ“. Торгаша ушли. Ладно.

— Черезъ два дня послѣ того пробѣгала черезъ нашъ

форпостъ изъ Уральска почта. Я пошелъ къ вышкѣ узнать, нѣтъ ли чего новенькаго; а почтальонъ отъ вышки идетъ ко мнѣ. Встрѣтились мы съ нимъ, поздоровались.

— Къ тебѣ,—говоритъ почтальонъ,—иду въ гости.

— Милости,—говорю,—просимъ.

— Слышалъ,—говоритъ почтальонъ,—у тебя есть со-
лоцкій.

— Есть!—говорю.

— Сколько?

— Пудовъ сотъ пять съ залишкомъ.

— Продай!

— Съ удовольствіемъ!

— Что за пудъ?

— На мѣстѣ, аль съ доставкой въ городъ?—спрашиваю.

— На мѣстѣ,—говоритъ почтальонъ.

— Я шутками и скажи:

— Полтора рубля!

— А меньше какъ?—спрашиваетъ почтальонъ, а самъ улыбається. Почтальонъ пріятель мнѣ былъ.

— Меньше,—говорю,—ни копѣйки!

— Идетъ!—сказалъ почтальонъ и хлопъ меня по рукамъ, да тутъ же досталъ изъ сумки двѣ четвертныхъ бумажки и сунулъ мнѣ въ руки.

— Вотъ тебѣ задатокъ—говоритъ почтальонъ.—А дня че-
резъ три иль бо черезъ четыре пріѣдетъ сюда довѣренный
человѣкъ отъ аптекаря Францыль Иваныча. Ему, — гово-
рить,—солоцкій сдашь и отъ него получишь расчетъ. А я,—
говорить, только покупаю да обзадачиваю.

— И точно,—замѣтилъ рассказчикъ,—дня черезъ три я
сдалъ солоцкій, и получилъ чистѣйшаго барышу четыреста
рублевъ. Важнецъ!—сказалъ старикъ съ улыбающимся отъ
удовольствія лицомъ, какъ будто случай этотъ совершился
вчера, а не двадцать лѣтъ назадъ.

— Такая оказія случилась вотъ по какому побыту,—
продолжалъ старикъ.—Когда вывезли изъ Уральска кое-куда
въ разные города, весь солоцкій,—въ то время аптекарь,

Францыль Иванычъ, получилъ изъ Москвы отъ другихъ, своей брата, аптекарей, заказъ въ такой силѣ: почемъ-де ни купи, а представъ въ Москву какъ можно больше солоцкаго. Спонадобился, вишь ли, онъ въ какое-то лѣкарство. Аптекарь тотчасъ за почтальона, выдалъ ему деньги и просилъ, проѣздомъ по линіи, закупить, у кого остался, солоцкій. По этой самой причинѣ я и получилъ хорошій барышъ, почитай рубль-на-рубль.—А всего любопытнѣе,—прибавилъ рассказчикъ,—всего любопытнѣе, сударь мой, та статья, что въ ту самую ночь, когда аптекарь выдавалъ въ городѣ почтальону деньги на закупъ солоцкаго, въ ту самую ночь и давилъ меня домовушка; узналъ, значитъ, и упредилъ меня, чтобы я придержался и не далъ супротивъ торгашей маху,—молодецъ! Ай-да, домовою-юртовою!—заклучилъ старикъ.

— А что за звѣрь этотъ домовушка?—спросилъ я моего собесѣдника.

— Ужъ право не знаю, какъ тебѣ сказать насчетъ него! — проговорилъ старикъ, немного подумавъ. — Самому мнѣ, нечего лгать, не трафилось читать въ книгахъ, а такъ, по слухамъ, по рассказамъ, припоминаю, что домовушка долженъ быть тотъ же шишига, то-ись, дьяволъ,—по крайности прежде былъ шишигой, а теперь, видится, обрусѣлъ.

— Какъ обрусѣлъ?—спросилъ я рассказчика.

— А вотъ какъ,—отвѣчалъ тотъ.—Говорять, когда Господь сверзилъ сатану и дьяволовъ его съ небеси, тогда всѣ дьяволы и посыпались на землю словно дождь. Которые съ сатаной попадали въ тартаръ—въ треисподній, тѣ въ тартарѣ основались; которые попадали въ воду, тѣ въ водѣ завели себѣ гнѣздо; которые попадали въ лѣсъ, тѣ въ лѣсу остались,—это, должно быть, и есть самые лѣшіе,—а которые попадали въ дома къ людямъ, въ трубы ввалились—тѣ въ домахъ пріютились, въ подпечкахъ: вотъ эти-то самые и есть наши домовые. Живя межъ людей, домовушки попривыкли къ людямъ и обрусѣли, то-ись, отъ настоящихъ-то чертей отстали; по крайности вреда людямъ не дѣлаютъ, окромя лишь того, что въ иную пору балуютъ отъ скуки ли,

отъ другого ли чего—Богъ знаетъ,—къ примѣру, нелюбимую лошадь, какъ я тебѣ давеча говорилъ, мучаютъ и со двора сживаютъ, да разными предвѣщаньями людей слабодушныхъ, робкихъ, стращаютъ.

Слушая такое опредѣленіе личности домовушки, я какъ-то невольно улыбнулся. Старикъ замѣтилъ мою улыбку, и спросилъ:

— Аль не такъ?

Я молчалъ. Мнѣ не хотѣлось подвергать критикѣ рассказъ о домовушкѣ. Но старикъ приставалъ:

— Ты что, однако, смѣешься? Аль не такъ?

— Что-то не такъ,—сказалъ я, наконецъ.

— Что же?—допытывался старикъ.

— А вотъ что,—проговорилъ я:—мудрено, чтобы чертъ обрусѣлъ. Подумай-ка, Афанасій Дмитричъ!

— И то, пожалуй, такъ!—сказалъ старикъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Въ самомъ дѣлѣ, мудрено, чтобы настоящей шишига обрусѣлъ. Тутъ что-да-нибудь не такъ. Постой, дождусь плавни (одинъ изъ видовъ рыболовства)—продолжалъ старикъ,—не встрѣчу ли какого свѣдущаго старца, что ходятъ по обозамъ и рыбой побираются, и поразспрошу его хорошенько насчетъ домовушки: что, въ самомъ дѣлѣ, за баринъ такой этотъ домово-юртовой? Спасибо тебѣ, что на разумъ меня навелъ. Надо хорошенько допытаться. А то вѣдь знать—знаю домовушку, нерѣдко сталкивался съ нимъ, а кто онъ такой родомъ и происхожденіемъ—настоящаго-то, признаться, не знаю: не допытывался. Теперь попытаюсь, безпремѣнно попытаюсь,—заклучилъ старикъ.

Смерть и черепаха.

XIV.

— Вѣрь-не-вѣрь, твое дѣло, а мы знаемъ, что она, голубѣшка, ходитъ по людямъ въ томъ самомъ видѣ, какъ изображаютъ ее на картинахъ,—говорилъ собесѣдникъ мой, старикъ, когда зашла у насъ рѣчь о смерти, то есть, объ извѣстномъ представленіи смерти въ видѣ человѣческаго скелета, вооруженнаго косами, пилами и другими орудіями мученія.—Есть-когда-бъ ее не было на свѣтѣ, то-бъ не было и изображеній,—прибавилъ старикъ.—А хоша бы и не писали ее на картинахъ,—продолжалъ онъ, немного погодя,—мы и безъ того должны объ ней знать по писанію и по преданію св. отецъ. Сказано: какъ придетъ она къ болящему человѣку или даже и не къ болящему,—кому какой предѣлъ положенъ,—да какъ взмахнетъ косою, да какъ подсѣчетъ ему главныя жилы въ ногахъ, что черезъ весь корпусъ идутъ—такъ и баста! Отнимутся у человѣка и руки, и ноги, и языкъ; и сдѣлается человѣкъ пластъ-пластомъ; и не встать уже этому человѣку, и не топтать больше мать-сырой-земли!...

— Значить, одной косы довольно,—замѣтилъ я.—Зачѣмъ же изображаютъ ее еще съ пилами, ножами и разными разностями?

— А затѣмъ,—отвѣчалъ старикъ,—что и этотъ стру-

ментъ при ней находится: такъ, значитъ, и изображаютъ ее во всеоружіи, со всѣмъ струментомъ.

— Для чего жъ онъ ей нуженъ, этотъ инструментъ?

— А вотъ для чего,—сказалъ старикъ.—Слушай-ка.

— Иному человѣку, — началъ старикъ. — опредѣляется смерть скорая и легкая. Ну, этого человѣка смерть сразу и укладываетъ, то-ись, взмахнетъ косою, дернетъ, и—баста! Иному же человѣку опредѣляется смерть долгая и тяжкая; и вотъ супротивъ этого человѣка смерть и пуцаетъ въ дѣло всѣ свои струменты. Сначала пустить въ ходъ косу, чтобы, знаешь, отнять у человѣка языкъ, голосъ и всякое владѣніе, а потомъ пуцаетъ въ дѣло ножи, пипочки-подпипочки и всякіе крючки-багорчики, чтобы человѣкъ помучился. Такая мучительная смерть посылается для иныхъ въ наказанье по грѣхамъ большимъ, а для иныхъ, людей добродѣтельныхъ, и замѣстъ награжденья, чтобы, знаешь, помучились они только на семь свѣтѣ, а на томъ свѣтѣ муки никакой бы ужъ не терпѣли. Вотъ ради этой-то причины у смерти, кромѣ косы, и имѣются еще пилы, ножи, клещи и разный мучительскій струментъ.

— Ты може не вѣришь,—говорилъ старикъ далѣе,—а у насъ былъ такой случай, что одинъ старичокъ, добродѣтельнаго житія, видѣлъ смерть воочию, видѣлъ въ томъ самомъ образѣ, какъ изображаютъ ее на картинахъ. Есть-когда тебѣ угодно—я расскажу.

— Сдѣлай одолженіе! Очень радъ.

— Шель онъ разъ, этотъ добродѣтельный старичокъ, куда-то, среди бѣлаго дня, по городу и только что вывернулся изъ проулка на Большую улицу, неподалеку отъ дома Б—хъ, какъ вдругъ на углу, лицомъ-къ-лицу, встрѣтился со смертію! Старичокъ остановился, какъ вкопанный. И смерть, голубѣшка, остановилась: не хочетъ, значитъ, переходить у старичка дорогу. Старичокъ былъ богобоязливый, житія добродѣтельнаго, вобче смертнаго часа не боялся, готовился къ нему каждую минуту. Спервоначала, увидавши смерть, хоша старичокъ и обробѣлъ,—нельзя, батенька, не обробѣть:

сказано, смерть праведника страшитъ,—однако вскорѣ отудобиль, снялъ шапку, перекрестился и давай смерти отвѣшивать низкіе поклоны; значить, покорность изъясляетъ, готовъ: „твори-де повелѣнное!“—А смерть, голубѣшка, стоитъ на своемъ мѣстѣ и киваетъ старичку головой и махаетъ руками, чтобы шелъ своей дорогой, не останавливался, а сама не хочетъ переходить старичку дорогу,—уваженіе ему оказываетъ. Старичокъ повиновался, пошелъ; прошелъ мимо смерти близехонько, шага за два. Смерть пропустила мимо себя старичка и пошла своей дорогой, кивнула старичку головой, якобы сказала: „прощай!“

— Прощедши нѣсколько шаговъ, старичокъ остановился и посмотрѣлъ взадъ смерти. Та идетъ вдоль Большой улицы. На плечѣ у нея сверкаетъ преогромнѣющая коса, какихъ старичокъ въ вѣкъ не видывалъ, а за спиной привязано лукошко, а изъ лукошка торчатъ пилы, щипцы, ножи и всякій струментъ. Смерть идетъ, коса на солнышкѣ блеститъ, а струментъ въ лукошкѣ гремитъ. Страхъ! Старичокъ смотритъ, куда смерть пойдетъ. Сверсталась она съ домомъ Б—хъ, поворотила къ воротамъ и въ нихъ скрылась. Старичокъ вспомнилъ, что глава дома Б—хъ, Кузьма Савичъ, былъ въ ту пору боленъ, въ постели лежалъ. Изъ любопытства старичокъ вернулся и пошелъ по Большой улицѣ мимо дома Б—хъ и когда проходилъ мимо оконъ, услыхалъ въ домѣ плачь и рыданіе: въ эту самую минуту добродѣтельный Кузьма Савичъ скончался! Вотъ она, какая притча-то! Прощедши домъ Б—хъ, старичокъ вернулся назадъ, и лишь только сверстался съ воротами, опять встрѣтился со смертью; та выходила изъ воротъ: дѣло свое, значить, сдѣлала. Старичокъ остановился, попятился назадъ, снялъ шапку и давай опять кланяться смерти. А та, голубѣшка, опять остановилась, опять киваетъ старичку головой, чтобы не останавливался шелъ своей дорогой. Старичокъ пошелъ; прошелъ мимо смерти близехонько; отошелъ сколько-то шаговъ, обернулся, но смерти ужъ не видалъ: скрылась, голубѣшка.

— Въ этотъ разъ старичокъ никому изъ мірянъ не ска-

зываетъ, не болтунъ былъ, не хвастался, а повѣдалъ только одному священнику, отцу своему духовному. И ужъ послѣ, черезъ сколько-то лѣтъ, когда старичокъ умеръ, священникъ въ бесѣдѣ съ стариками открылъ эту тайность,—заклучилъ рассказчикъ.

— Да,—заговорилъ старикъ, спустя нѣкоторое время,—много, батенька, есть на вольномъ свѣтѣ чуднаго, чего нашимъ скудельнымъ умомъ и понять не можно, о чемъ и допытываться-то грѣшно. Не мудрствуя лукаво, мы, люди простые, вѣримъ, а вотъ вашъ братъ, г о с п о д а, все на смѣхъ поднимаетъ. Къ примѣру, скажи кому изъ васъ насчетъ ч е р е п а х и, что-де она мститъ человѣку, коли человѣкъ разобидитъ ее, и что-де она имѣетъ силу причинять смерть человѣку,—ну, и конченъ балъ! Въ глаза дуракомъ съвздятъ.—А у насъ,—продолжалъ старикъ,—бывали такія оказіи, что люди умирали отъ черепахъ.

— Какъ же такъ?—спросилъ я.

— А вотъ какъ!—отвѣчалъ старикъ.—Слушай-ка!

— По Божескому ли устройству, или отъ чего другого—не могу до тонкости сказать, а только въ томъ могу завѣрить, что есть-когда человѣкъ больно прибьетъ черепаху, а до смерти не убьетъ, то-ись, не раздробитъ ей черепъ въ мелкіе кусочки и не разбрыляетъ ихъ по землѣ, то черепаха выйдетъ ночью изъ воды, отыщетъ того человѣка, гдѣ бы онъ ни спалъ, вскочитъ на него, потопчетъ и... и какъ это удастся ей, бестіи, сдѣлать—такъ и шабашъ: человѣкъ больше уже не встанетъ, тутъ же умретъ!—Былъ такой случай въ нашихъ мѣстахъ на моей памяти: объ немъ-то я и хочу тебѣ рассказать.

— Въ одно время стояли казаки на пикетѣ за Яикомъ, кажется, на Вязовомъ Мару. Разъ одинъ изъ пикетныхъ казаковъ ходилъ къ озеру посмотришь м о р д у—не попала ли рыба,—но нашелъ въ мордѣ черепаху. Казакъ вытряхнулъ черепаху изъ морды на берегъ, и давай валять ее палкой; убить-не-убилъ, а порядкомъ должно быть отхлесталъ; та насилу въ озеро уплелась. Ладно. Казакъ опять поставилъ

морду, вернулся на пикетъ и сказалъ товарищамъ, что, за-мѣсть рыбы, попалась черепаха.

— Что жъ ты съ нею сдѣлалъ?—спросилъ кто-то казака.

— Отдубасилъ палкой!—говоритъ казакъ.

— До смерти, что ли, убилъ?—спрашиваютъ казака.

— Нѣтъ!—говоритъ казакъ.

— Гдѣ жъ она?—спрашиваютъ.

— Въ воду уползла,—говоритъ казакъ.

— Плохо же ты сдѣлалъ!—говорятъ казаку.

— А что?—спрашиваетъ тотъ.

— Человѣкъ онъ, выходитъ, былъ неопытный, несвѣ-дущій,—замѣтилъ рассказчикъ.

— А вотъ что,—говорятъ казаку:—нынче же ночью смотри, она пожалуетъ къ тебѣ: берегись!

— Казакъ струсилъ, когда растолковали ему, какія па-кости водятся за черепахой. Однако, дѣлать нечего. Потол-ковали межъ себя казаки и присовѣтовали тому казаку, что билъ черепаху, залѣзть на вышку и просидѣть тамъ всю ночь. Иные изъ казаковъ шутники, рады были этакому слу-чаю, что проявился межъ ними такой виновникъ, одинъ-де, за всѣхъ, просидитъ на вышкѣ. Ладно.

— День прошелъ по обыкновенію; насталъ вечеръ. Ка-заки поужинали и легли кто гдѣ, а виновникъ забрался на вышку. Казаки еще не уснули, какъ смотрятъ, ползетъ отъ озера черепаха и прямо къ казачьему стану;—вотъ тебѣ и на!—Казаки молчатъ, ни-гугу; ждутъ, что будетъ отъ че-репахи. Вползла та въ казачій станъ и пошла по казакамъ: подползетъ то къ тому казаку, то къ другому,—обнюхаетъ то того, то другого, и прочь, и прочь!—Значить, не тотъ! Напоследокъ подползла къ вышкѣ, тарацила-тарацила го-лову на вышку и давай карабкаться по лѣстницѣ, но не мо-жетъ влѣзть,—нельзя. Наши лѣстницы извѣстно какія: двѣ гладкія жерди, да поперекъ рѣденько колышки,—человѣку-то трудно взлѣзть, а гдѣ ужъ черепахѣ. Долго она около лѣстницы маялась, не одолѣла, остановилась и давай пускать, давай... но эта штука не удалась: вышка высока. Казаки

смотрятъ на продѣлки черепахи и посмѣиваются,—а тотъ, что на вышкѣ, сидитъ ни живъ, ни мертвъ, кричитъ товарищамъ, чтобъ тѣ убили черепаху, а товарищи ни съ мѣста, только посмѣиваются, говорятъ виновнику, чтобы слѣзъ съ вышки и самъ убилъ, и тотъ и ноги боится спустить.—Всю ночь черепаха просидѣла подъ вышкой у лѣстницы, караулила, значить, казака—не слѣзетъ ли; напоследокъ передъ свѣтомъ уползла къ озеру. Кто-то изъ казаковъ всталъ и хотѣлъ пришибить ее, но другіе остановили. „Погоди, говорятъ, завтра она опять приползетъ. Посмотримъ, что-то отъ нея еще будетъ. Успѣемъ, говорятъ, и тогда убить“. Ладно. Такъ и положили на томъ, чтобъ завтра покончить. Въ самомъ дѣлѣ, — замѣтилъ рассказчикъ, — и казакамъ всѣмъ была въ диковину этакая оказія. Правда, слыхать-слыхали, что за черепахой водятся такія художества, но воочию видѣли все-таки въ первый разъ.

— На другой день казаки уговорились сдѣлать иначе: на вышку посадить кого-нибудь другого, а виновника оставить на стану межъ себя и закатать въ нѣсколько кошмъ (войлоки), чтобы черепаха не добралась до него. Сначала виновникъ не соглашался на эту штуку, однако товарищи уговорили. Шута ли она тебѣ сдѣлаетъ,—говорили казаки виновнику.—Завернемъ, закутаемъ тебя въ пять-шесть кошмъ. Пушкой тогда не проймешь тебя, а гдѣ ужъ черепахѣ добратся. Тотъ сдуру-то и согласился. Ладно. Нарочно съ вечера стали поглядывать къ озеру. Черепаха показалась. Казаки тоѣ-жъ минуту положили виновника на кошму и закатали его въ нее, съ головой и съ ногами,—а тамъ въ другую, въ третью; кажись, кошмъ въ шесть завертѣли и оставили на землѣ, а сами разлеглись около него. Ладно. Черепаха сначала подползла къ вышкѣ, потаращила-потаращила голову вверхъ и отвортила; поползла на станъ. Казаки опять ни-гугу. Оползла черепаха вокругъ всѣхъ казаковъ, никого не трогаетъ; напоследокъ подползла къ виновнику, а тотъ, скутанный въ кошмы, лежитъ пластъ-пластомъ, бревно-^{бѣло}номъ, не ворошится. Подползла черепаха къ рѣ

вкарabalась на него, потоптала-потоптала его... и драго назадъ къ озеру, да такъ потуманила, откуда прыть взялась. Тутъ уже казаки вскочили, схватили, кто-что, и давай тузить черепаху,—знамо, раздробили ее въ мелкіе кусочки и разбрыляли по землѣ. Послѣ того подошли казаки къ виновнику, вывернули его изъ кошемъ, а онъ, бѣдняжка, мертвый!...

— А все глупость казаковъ довела до этого несчастія!— прибавилъ старикъ, немного погодя.—Зачѣмъ было завертывать казака въ кошмы и подставлять черепахѣ? Вовсе не слѣдовало этого дѣлать...

— Конечно, не слѣдовало,—подумалъ я,—казакъ не задохнулся бы... — Однако большое спасибо тебѣ, Афанасій Дмитричъ, за всѣ исторіи, которыя я отъ тебя слышалъ,—сказалъ я рассказчику, собираясь отъ него идти.

— Не безсудь, касатикъ,—сказалъ старикъ,—чѣмъ богать, тѣмъ и радъ.—А насчетъ магарыча не забудь,—прибавилъ онъ:—за тобой!

— Непремѣнно!—быль мой отвѣтъ.

Москва.

1861. Февраль-сентябрь.

XV.

Калмыцкій адъ.

- Чульчумка!
- А?!
- Деньги есть?
- Да!
- Въ шинокъ пойдешь?
- Нѣтъ!

Такъ уральскій казакъ (русскій), Василій Бахинъ, допрашивалъ сослуживца своего (калмыка), Чиньчина Чульчумова. И Бахинъ, и Чульчумовъ, и прочіе собесѣдники, которые появятся въ этихъ очеркахъ, состояли, въ качествѣ вѣстовыхъ и драбантовъ (денщиковъ) при полковомъ штабѣ уральскаго казачьяго N* полка, квартировавшаго въ мѣстечкѣ К—вѣ, К—ой губерніи (въ Малороссіи).

— Что же такъ?—продолжалъ допрашивать русскій калмыка.

— Броста: не качу!—отвѣчалъ калмыкъ съ видимой досадою.

Въ эту минуту отворились двери избы, гдѣ помѣщалась прислуга полка и гдѣ шла бесѣда у Бахина съ Чульчумкой, и въ избу вошло нѣсколько человѣкъ казаковъ русскихъ, а вслѣдъ за ними ввалился другой калмыкъ Тюлень Шукуровъ.

Слова два объ этихъ калмыкахъ.

Шукуровъ былъ лѣтами старше и характеромъ серьезнѣе. Чульчумова, держалъ себя противу русскихъ солидно, не позволялъ имъ относиться къ себѣ съ слишкомъ плоскими шутками и насмѣшками. Русскимъ отчасти нравились въ калмыкѣ степенность, и они оставляли его въ покоѣ. Напротивъ, Чульчумка (имя этому калмыку было Чиньчинъ, а прозваніе Чульчумовъ, но русскіе, для легкости выговора, окрестили его въ Чульчумку, этимъ именемъ и мы будемъ называть его) — Чульчумка, напротивъ, былъ молодой парень, лѣтъ подъ двадцать-пять, характера легкаго, необидчиваго, позволялъ русскимъ шутить и глумиться надъ собой, перенималъ и затверживалъ остроты ихъ и подчасъ самъ старался пустить ихъ въ ходъ противу русскихъ, насколько хватало его сообразительности, находчивости и ловкости. Само собой разумѣется, перевѣсъ въ такихъ случаяхъ оставался почти всегда на сторонѣ русскихъ. Особенно донималъ его Василій Бахинъ. Но Чульчумка никогда не обижался. Разъ только, будучи пьянъ, вломился-было въ амбицію и ходилъ даже къ полковому адъютанту съ жалобой на Бахина, что тотъ обозвалъ его и д о л о м ъ. Адъютанту удалось доказать Чульчумкѣ, что въ словѣ и д о л ъ нѣтъ ничего оскорбительнаго. Чульчумка успокоился. Послѣ того онъ ни разу уже не протестовалъ противъ выходокъ Бахина, и все обстояло благополучно.

И наружностью оба калмыка, т. е. Тюлень Шукуровъ и Чульчумка, рѣзко отличались другъ отъ друга. Такъ, напри- мѣръ, лицо у Шукурова было плоское, широкое, въ высшей степени скулистое и пунцово-красное, что твой ракъ вареный, а лицо у Чульчумки продолговатое, мало скулистое и глянцовито-черное, что твое голенище сапожное. Зато въ одномъ они сходились, какъ двѣ капли воды: оба любили выпить и при всякомъ удобномъ случаѣ упивались до само- забвенія. Довольно. Обратимся къ прерванному разсказу.

— Братцы! Какое чудо я вамъ разскажу, пожалуй, не

повѣрите,—обратился Бахинъ къ вновь пришедшимъ товарищамъ.

— А что?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— У Чульчумки деньги есть, а онъ, дуракъ, въ шинокъ нейдетъ,—отвѣчалъ Бахинъ.

— Чорта съ два!—отозвался другой изъ казаковъ, молодой парень.—Какъ же, усидѣлъ бы онъ здѣсь, есть-коли-бъ были деньги. Такъ ли, Чульчумка?

Чульчумка осклабился и съ самодовольствіемъ ударилъ по боковому карману: раздался глухой звукъ мѣдныхъ денегъ.

— Вотъ она, карбованца-то!—сказалъ Чульчумка и пуще прежняго осклабился.

— Важнецъ!—сказалъ Бахинъ и тотчасъ же подсѣлъ къ Чульчумкѣ.

Дотолѣ Бахинъ плохо вѣрилъ въ „богатство“ Чульчумки; но узнавши положительно, что въ карманѣ калмыка есть гроши, Бахинъ смекнулъ, что будетъ пожива, ближе подсѣлъ къ Чульчумкѣ, ударилъ его по плечу, наклонился къ нему и подъ ухо сказалъ:

— Пойдемъ, дурашка! Нынче праздникъ, много будетъ дивчатъ и молодежи.

Чульчумка отрицательно покачалъ головой.

— Пойдемъ, дурашка! — настаивалъ Бахинъ. — Ганка Курносенко тамъ будетъ.

Чульчумка плюнулъ и проговорилъ:

— Сотня вареный ракъ давай, а не пойду!

— Дурашка!—соблазнялъ Бахинъ.—Ганка такая хорошенькая, такая миленькая, словно картинка писаная...

— Моя карбованца,—прервалъ Чульчумка,—мой злотъ не блахой былъ, серебряный, а даромъ пропадалъ!

Проговоривъ это, Чульчумка плюнулъ. Между казаками послышался легкій смѣхъ. Чульчумка продолжалъ:

— Ганка, чтобы ее заразомъ убилъ. Ганка кончалъ два кварта грушовка, взялъ моя карбованецъ, взялъ моя три злота, взялъ моя шелковый платка, взять-взялъ моя добра, а

меня обманить; два недѣль рѣшенья не давалъ. „Годи, годи!“ говорилъ. Я годилъ, годилъ, а онъ, подлець, хвостъ менѣ показалъ... карбованца моя пропалъ...

Чульчумка плюнулъ и послалъ коварной Ганнѣ рѣзкое словцо. Слушатели разразились громкимъ смѣхомъ. Даже серьезный Тюлень Шукуровъ слегка улыбнулся. Чульчумка вошелъ въ азартъ и продолжалъ:

— Моя, братцы, много горе терпять насчетъ алада-береда, и все вотъ эта виноватъ (и Чульчумка обвелъ пальцемъ вокругъ своего лица), а больше всего виноватъ вотъ эта (и Чульчумка высунулъ языкъ и ткнулъ въ него пальцемъ).

Снова смѣхъ. Чульчумка продолжалъ:

— Ержа бы (рожа) ничаво: языкъ-то больно плоха. Какъ только хотишь сказать дѣвка насчетъ алада-береда, а сказать не умѣй, а дѣвка не понимай, дѣвка смѣетъ, дѣвка прочь идетъ, а я горе терпи. Совсѣмъ бѣда, ляжи земля да калдауръ (караулъ) кричи...

Снова смѣхъ. Чульчумка продолжалъ:

— Когда Расеямъ я гулялъ, особеннъ на Москва, тамъ ничаво, тамъ караша: тамъ баба-дѣвка языкъ мой мала-мала понимай. А хохлацкій баба-дѣвка (малороссіянки) совсѣмъ языкъ моя не понимай, смѣется, а иный баба-дѣвка, убей его заразомъ, плюетъ, ержа своя сторонамъ воротить, говорить: „фуй, камликъ!“

Проговоривъ это, Чульчумка замолчалъ, потрясъ головой, отчаянно махнулъ рукой и сталъ набивать трубку. Между русскими опять смѣхъ. Калмыкъ Шукуровъ поежился и сдѣлалъ недовольную мину. Вѣроятно и онъ, подобно Чульчумкѣ, встрѣчалъ во время походной жизни неудачи при объясненіяхъ своихъ съ прекраснымъ поломъ; вѣдь и онъ не отличался отъ Чульчумки ни красотой своей „ержи“, ни правильностію языка.

Настало молчаніе. Покуда Чульчумка набивалъ и раскуривалъ трубку, двое-трое русскихъ межъ себя перешепну-

лись и одинъ изъ нихъ, все тотъ же Василій Бахинъ, обратился къ Чульчумкѣ:

— Чульчумка!

— А?—отозвался тотъ..

— Не хочешь ли въ нашу вѣру идти?

— А?!—снова отозвался Чульчумка.

— Тебѣ говорю: не хочешь ли въ нашу вѣру идти?—сказалъ Бахинъ.

— А?!—опять отозвался Чульчумка и, прищуривъ безъ того узкіе глаза, ослабилъ.

Ясно было, что Чульчумка, нарочно прикидываясь непонимающимъ, дразнилъ русскаго.

— Оглохъ, что ли ты!—сказалъ Бахинъ.—Я спрашиваю тебя: не хочешь ли въ нашу вѣру идти? не хочешь ли креститься? Не слышишь развѣ?

— Слышу!—отвѣтилъ Чульчумка.

— Такъ что жъ не отвѣчаешь, калмыцкая образина?—проговорилъ Бахинъ съ неудовольствіемъ.

— Сичасъ!—сказалъ Чульчумка, собираясь съ мыслями.—Прежъ ты мнѣ скажи: какой изъ того толкъ будетъ, а?

— Дуракъ! спрашиваешь: какой толкъ будетъ? Знамо какой,—отвѣчалъ русскій:—христіаниномъ будешь, русскіе не будутъ тобой брезговать, не будутъ отъ тебя дивчата отворачиваться, не будутъ попрекать тебя калмыкомъ, одно слово—сортъ будетъ!

Чульчумка прищурился, ослабилъ и хотѣлъ что-то сказать, но Тюлень Шукуровъ, дотелъ молчавшій, быстро остановилъ его рѣчь, сказавъ нѣсколько словъ по-калмыцки. По рѣзкости тона, можно было догадаться, что Тюлень Шукуровъ запрещалъ Чульчумкѣ всякое словопреніе съ русскими насчетъ вѣры. Потомъ обратясь къ Бахину, Шукуровъ, сердито грозя пальцемъ, сказалъ:

— А ты, Васька, пустой рѣчамъ не мели! Насчетъ бабамъ-дѣвкамъ болтай, что хочешь, а насчетъ вѣры молчи: молодой разумъ не мути, не разстраивай! Адъютанту пожалуюсь, а мало, полковнику скажу: не хорошо будетъ.

— Да тебѣ какое дѣло?—возразилъ Бахинъ:—не съ тобой говорятъ.

— Все одна,—сказалъ сердито Тюленька:—насчетъ вѣра не смѣй болтать, не разстраивай молодая разумъ. Жалиться буду. Розга шухаешь.

— Да ты чего, Тюленька, испугался?—проговорилъ Бахинъ серьезно.—Неужто Чульчумка, въ самомъ дѣлѣ, такъ вотъ сейчасъ отъ одного слова и крестится. Онъ что: дуракъ, что ли? У него, чай, не меньше твоего ума. Такъ, что ли Чульчумочка?

Чульчумка, польщенный казакомъ, осклабился,—но ничего не сказалъ. Тюленька съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на Бахина, потомъ всталъ съ мѣста и, направляясь къ двери, снова сказалъ Чульчумкѣ нѣсколько рѣзкихъ словъ, т. е. запретилъ ему пускаться съ русскими въ разсужденіе насчетъ вѣры. Тюленька ушелъ. Чульчумка одинъ остался въ кругу русскихъ.

— Однако, строгій же у тебя Тюленька,—сказалъ, минуто спустя, Бахинъ, обращаясь къ Чульчумкѣ.

— Бядовый!—отозвался Чульчумка.—Бойтся, какъ бы я вѣра своя не мѣнялъ.—У Тюленька,—продолжалъ Чульчумка,—былъ родня, калмыкъ Мантыкъ, храбрый калмыкъ; чай слыхалъ, на Сыръ-Дарья Мантыкъ много тигра убивалъ.—Эта самый Мантыкъ, прошлый годамъ, вѣра наша мѣнялъ, крестъ положилъ. Съ той пора Тюленька осерчалъ, больно осерчалъ!—Много разъ Тюленька менѣ говорилъ, чтобы я вѣра своя не мѣнялъ. Тюленька говоритъ, что русскимъ людямъ только здѣсь, на этотъ свѣтъ, бываетъ карашо, а на тотъ свѣтъ бываетъ не карашо. Тюленька говоритъ: кто въ русскій вѣра поидеть, тому на тотъ свѣтъ большой жимача дадутъ: горячій огня положить, и жарить ево напропаль, конса ево нѣтъ. Такъ, что ли?—обратился Чульчумка къ русскимъ.

— Такъ-то такъ,—сказалъ Бахинъ,—да не совсѣмъ: это только для грѣшныхъ душъ, а для праведныхъ душъ совсѣмъ иное: для нихъ есть рай пресвѣтлый, царствіе небесное. И

по вашей вѣрѣ,—прибавилъ Бахинъ,—тоже чай на томъ свѣтѣ не даютъ потачки грѣшникамъ, примѣрно, ворами, душегубцамъ. Также, чай, жимача даютъ,—а?

— Какже!—отозвался Чульчумка.—Только по нашимъ вѣра различіе есть.

— Какая-жъ различіе?—спросилъ Бахинъ.

— Тюленька больно карашо знаетъ, — сказалъ Чульчумка.—Ево отца былъ наша дьяконъ. Ево бы надо спросить, да не скажить: больно осерчалъ.

— Шутъ съ нимъ!—возразилъ Бахинъ.—Пускай сердчаетъ: на сердитыхъ, по нашему, воду возятъ. Ты, Чульчумочка, намъ расскажи. Развѣ ты хуже его? Можетъ еще лучше. Валяй, дружище! Послушаемъ, можетъ любопытно.

Чульчумка осклабился отъ удовольствія, что его похвалили, съ Тюленькой сравнили, даже выше поставили.

— Карашо!—проговорилъ онъ, минуту спустя.—Я буду говорить. Только вы, бажалыста, обратился онъ къ русскимъ, Тюленькѣ не говорить: сердчаетъ, рыжій!

— Ладно, ладно!—отозвались нѣкоторые изъ русскихъ, въ томъ числѣ и Бахинъ.

Чульчумка выколотилъ изъ трубки золу, набилъ ее табакомъ, закурилъ и началъ:

— По вашимъ вѣра такъ: теперь твоя грѣшный челакъ; теперь твоя умиралъ,—карашо. Какъ твоя умиралъ, такъ твоя сичасъ положить на горячъ мѣста, такъ твоя на горячъ мѣста и лежитъ, такъ твоя и горитъ: конса твоя нѣтъ. (При этихъ словахъ Чульчумка съѣжился и сдѣлалъ плачевную гримасу, какъ будто въ самомъ дѣлѣ попалъ въ горячее мѣсто). Вѣдь такъ?—обратился Чульчумка къ русскимъ.

— Мы свои-то порядки знаемъ,—замѣтилъ Бахинъ.—Ты намъ про ваши-то, про калмыцкіе-то порядки рассказывай.

— Сичасъ!—проговорилъ Чульчумка, и потомъ продолжалъ:

— Съ нашимъ грѣшный челакъ на тотъ свѣтъ не такъ поступаетъ, совсѣмъ другой манеръ. Слушай-ка!—Теперь я грѣшный челакъ, теперь я умиралъ. Карашо! Меня поло-

жить на жаркѣй мѣста. Карашо. На жаркомъ мѣста я мала-мала ляжу, менѣ горячо, менѣ не терпѣть, я кричу: Ой, менѣ жарко! Давай менѣ холодна! Менѣ сичасъ тащить и кладеть на холодный мѣста. Карашо. На холодной мѣста я мала-мала ляжу, менѣ студено, менѣ не терпѣть, я опять кричу: Ой, менѣ холодно! Давай менѣ жарко! Менѣ сичасъ тащить и кладеть на жаркѣй мѣста. Такой манеромъ меня туда сюда тащить и меня бываетъ карашо. Вотъ какъ наша братъ на тотъ свѣтъ живетъ!—заклучилъ Чульчумка, а потомъ, обратясь къ Бахину, прибавилъ: ладно, что ли, Басинька?

— Сорть!—отозвался Бахинъ.

— Не житье, а масляница!—добавилъ другой изъ русскихъ,

— Есть когда-бъ не военный артикуль,—проговорилъ Бахинъ, стараясь удержать улыбку, я перешелъ бы въ вашу вѣру, Чульчумка. То-то бы мы съ тобой зажили на томъ свѣтѣ! Посадили бы насъ съ тобой на горячее мѣсто, а мы и давай бы орать: ой, намъ жарко! Давай намъ холодна!—Важнецъ! Это все единственно,—пояснилъ Бахинъ,—какъ будто мы съ тобой сидимъ въ шинкѣ у Лейбы. Спросимъ вишневки, выпьемъ и кричимъ:—Лейба! Не надо намъ вишневки: подавай сливянки! Выпьемъ сливянки и опять кричимъ: Лейба! Не надо намъ сливянки: подавай вишневки! Ахъ, убей васъ,—проговорилъ Бахинъ, разсмѣявшись, и нахлобучилъ Чульчумкѣ шапку на глаза.

Всѣ громко разсмѣялись. Чульчумка обидѣлся и, освободивъ изъ-подъ шапки глаза, грозно сказалъ Бахину:

— Ты, Баська, языкомъ болтай, а рукамъ воля не давай! У меня есть свой рука, матри!

— Ну, ну, полно сердиться-то!—утѣшалъ Бахинъ Чульчумку.—Вѣдь я любя!

Съ этимъ словомъ Бахинъ изловчился и снова нахлобучилъ Чульчумкѣ шапку. На этотъ разъ шапка закрыла не одни глаза, а все лицо и съ подбородкомъ. Русскіе расхохотались. Чульчумка вскочилъ съ мѣста и бросился на Бахина,

но тотъ, пользуясь временной слѣпотой Чульчумки, увернулся и скрылся вонъ изъ избы. Чульчумка, высвободивъ изъ-подъ шапки лицо, бросился за Бахиномъ. Оба пропали. Бесѣда на время прекратилась.

Черезъ полчаса враги явились въ избу, оба на-веселѣ: Успѣли, значить, побывать въ шинкѣ у Лейбы. Русскимъ хотѣлось возобновить разговоръ о загробной жизни калмыковъ, чтобы узнать, чѣмъ кончается процессъ перетаскиванія изъ жаркаго въ холодное мѣсто и наоборотъ; но Чульчумка упрямылся, легъ на нары вверхъ лицомъ и запѣлъ калмыцкую пѣсню, а потомъ немного погодя умолкъ. Русскіе не домогались и повели рѣчь о томъ, о семъ, а подъ конецъ свели на обстоятельство неудачныхъ любовныхъ походовъ Чульчумки.

Послушаемте.

XVI.

Крючекъ и вилка.

— Чульчумка!—спросилъ Бахинъ калмыка.

Чульчумка кашлянулъ, но не откликнулся.

— Спишь, что ли, идолъ,—снова спросилъ Бахинъ.

— Сама идолъ!—отвѣчалъ Чульчумка сквозь зубы.

— Чтожъ ты молчишь? Вѣдь не дьявола, тебя кличуть.

— Говорить-то не качу!

— Ты только слушай, калмыцкій лобъ, а не говори, Говорить я буду.

— Говори.

— Слушай же!—проговорилъ Бахинъ, и, подсаживаясь ближе къ Чульчумкѣ, спросилъ:

— Хочешь, чтобъ тебя Ганка Курносенко любила?

— Пропадай она совѣмъ, эта Ганка подлець!—сказалъ съ досадой калмыкъ.—Я и глядѣть-то на него не качу, чтобъ ему здохнуть...

— Да ты не торопись ругаться-то,—проговорилъ Бахинъ: выслушай, а потомъ уже бранись. Слушай-ка. Есть коли хочешь, чтобъ любилъ тебя женскій полъ,—началъ Бахинъ,—то добейся (добудь) двѣ штучки: крючокъ да вилку...

— Какой крючокъ? Какой вилка?—перебилъ Чульчумка рѣчь Бахина.—Моя крючокъ на оба мундиръ полна. Моя на конюшня два желѣзный вилъ есть. Эта что ли крючокъ? Эта

что ли вила?—сострилъ Чульчумка и добродушно разсмѣялся. Дотолѣ калмыкъ переговаривался съ русскимъ лежа, но тутъ привсталъ, сѣлъ и, не переставая улыбаться, прямо смотрѣлъ въ глаза рассказчика.

Нѣкоторые изъ русскихъ тоже засмѣялись.

— Вишь какой заковыристый, словно чувашскій лапоть!—проговорилъ Бахинъ.—Да ты, идолъ,—обратился онъ къ калмыку,—прежде выслушай, разжуй, потомъ уже толкуй. Я тебѣ, дурашка, не смѣхомъ говорю. Слушай.

— Ладна, ладна!—проговорилъ Чульчумка, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, что ему, въ кои-то вѣки, удалось удачно состричь надъ Бахинымъ.

Бахинъ снова началъ:

— Есть-коли, говорю, хочешь, чтобъ тебя любилъ женскій полъ, то добейся двѣ штучки: к р ю ч о к ъ и в и л к у. Добыть ихъ можно слѣдующимъ манеромъ. Найди двухъ спарившихся лягушекъ, возьми ихъ бережно и положи въ глиняной кувшинъ, закупори кувшинъ и наверти въ немъ дырочекъ. Потомъ кувшинъ съ лягушками зарой въ муравейникъ. Для этого зарань, огляди, гдѣ есть большой муравейникъ, чтобы ужъ знать, куда нести лягушекъ. Ладно! Зарымши въ муравейникъ кувшинъ, уйди, куда тебѣ надо, иди отъ муравейника не оглядываясь. Муравьи черезъ дыры вползутъ въ кувшинъ и заѣдятъ, заточутъ лягушекъ. Ладно. Черезъ двѣнадцать дней, въ глухую полночь, ступай къ муравейнику, напередъ скинь съ себя и крестъ, и поясъ...

Чульчумка насмѣшливо взглянулъ на рассказчика и осклабился. Русскіе засмѣялись. Рассказчикъ догадался, что проговорился, и тотчасъ поспѣшилъ поправиться.

— Виновать, братцы!—сказалъ Бахинъ.—Я забылъ, что рассказываю идолъцу. Ничего, ничего, Чульчумка. Это до тебя не касается,—обратился Бахинъ къ калмыку, и потомъ продолжалъ:

— Ты, Чульчумка, просто-на-просто ступай черезъ двѣнадцать дней къ муравейнику, заткни только покрѣпче уши чѣмъ-нибудь, хоть хлопчаткой, хоть тряпками, а потомъ еще

завяжи уши чѣмъ-нибудь, одно слово, закутай уши глухона-глухо, чтобы ничего не слышать было. Предосторожность эта вотъ для чего. Когда ты будешь подходить къ муравейнику, то сзади тебя будутъ кликать по имени, якобы знакомые твои; когда услышишь, что тебя кличутъ, ты можешь забыться и обернешься, а обертываться ни подъ какимъ видомъ нельзя: ослѣпнешь, коль скоро обернешься, не забудь это. А коли ослѣпнешь, толковать ли? Крючка съ вилкой не найдешь. Да, кромѣ того, на всю жизнь останешься безъ глазъ, дѣло выйдетъ скверно. Понялъ?—спросилъ Бахинъ калмыка.

Чульчумка кивнулъ головой. Сначала онъ слушалъ Бахина разсѣянно, но, по мѣрѣ того, какъ разсказъ становился таинственнѣе, страшнѣе, Чульчумка дѣлался внимательнѣе. То же можно сказать и насчетъ русскихъ. Сначала нѣкоторые изъ нихъ не обращали никакого вниманія на разсказъ Бахина, но тутъ, незамѣтно, стали всѣ прислушиваться.

Бахинъ продолжалъ:

— Слушай дальше, Чульчумочка! Когда подойдешь къ муравейнику, вынь изъ него кувшинъ и бережноенько разбей его: тутъ и найдешь два лягушечьихъ остова. Извѣстно, муравьи все лягушечье мясо съѣдятъ и растащутъ по норамъ. Хорошо. Взявши лягушечьи остовы, бережненько разбери ихъ, косточку по косточкѣ; между ними и найдешь двѣ нужныя косточки: въ одномъ остовѣ косточку съ крючкомъ на концѣ, а въ другомъ остовѣ косточку съ развилочками на концѣ, они-то и есть крючокъ и вилка, ихъ-то и возьми. Хорошо. Взявши крючокъ съ вилкой, обойди кругомъ муравейникъ и ступай назадъ въ свое мѣсто, куда тебѣ путь предлежитъ. Тутъ уже ничего не бойся, иди смѣло, а назадъ все-таки не оглядывайся, не для чего, не ровень часъ; пожалуй, какія ужаси представятся. Понялъ?—обратился Бахинъ къ Чульчумкѣ.

Чульчумка кивнулъ головой. Бахинъ продолжалъ:

— Добившись эти крючокъ и вилку, смѣло говори: важнецъ! Любая женщина, любая дѣвушка будетъ твоя. Стоитъ

только слегка зацѣпить крючокъ за волоса женщины, и женщина тое-жъ минуту воспалится къ тебѣ любовью огненною, забудетъ стыдъ и совѣсть, сама повиснетъ тебѣ на шею. А коли надоѣсть, коли захочешь, чтобъ отстала, то возьми въ руку вилочку и слегка толкни ею свою полюбовницу, тотъ же мигъ любовь ея къ тебѣ пройдетъ, и ты свободенъ. Такимъ манеромъ можешь выбирать любую, кто бы она ни была—хохлацкая ли дѣвка, барыня ли какая—все единственно, супротивъ нечистой силы устоять не можетъ.

Настало молчаніе. Но минуту спустя послышался голосъ одного изъ русскихъ; онъ спросилъ Бахина:

— Развѣ тутъ нечистый дѣйствуетъ?

— А то кто же?—отозвался рассказчикъ.—Кромѣ его, никто! Онъ одинъ по этимъ дѣламъ ходокъ.

Опять настало молчаніе. Но немного погодя, обратился къ рассказчику съ вопросомъ Чульчумка:

— А что, Баська, на тотъ свѣтъ, за эта крючка и вилка, какой рызалоць (резолуцію) дадутъ?

— Извѣстно какой, — сказалъ Бахинъ: — какъ взвалить добра молодца, къ примѣру сказать, Чиньчина Чильчумыча, на горячую каменку, такъ хоть охрипши кричамши, а ужъ—извини—„холодна“ не дадутъ!

Слушатели слегка засмѣялись. Чульчумка сконфузился. Но на него на этотъ разъ не обратили особеннаго вниманія: всѣ заинтересованы были рассказомъ о крючкѣ и вилкѣ. Одинъ изъ русскихъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности, высказалъ:

— Неужто въ самомъ дѣлѣ есть на свѣтѣ такой крючокъ и такая вилка?

— Коли въ міру говорятъ,—отозвался, Бахинъ,—такъ стало быть есть. Съ вѣтра не возьмутъ.

— Мудрено что-то!—возразилъ невѣрующій.

Это былъ молодой парень.

— Что?!—произнесъ Бахинъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на казаченка, осмѣлившагося усомниться въ крючкѣ и вилкѣ.

Можно навѣрное сказать, что Бахинъ меньше бы уди-

вился, какъ еслибъ кто изъ коренныхъ уральскихъ казаковъ спросилъ, на примѣръ, его: неужто-де багромъ изъ-подо-льда, не выдавши рыбу, можно поймать ее? Минуту спустя, Бахинъ спросилъ невѣрующаго:

— Да ты изъ какихъ? Изъ господъ, что ли? Тѣ не вѣрують ни во что, зато они господа. А ты кто? Балбесъ...

Невѣрующій ничего не отвѣчалъ, а робко посмотрѣлъ вокругъ себя; замѣтно было, онъ искалъ поддержки себѣ со стороны. Но всѣ молчали, ждали, что скажетъ Бахинъ. Тотъ не замедлилъ разразиться потокомъ балагурства. Бахинъ былъ мастеръ этого дѣла.

— Эхъ, ты, дубина—дубина березовая!—обратился онъ къ невѣрующему.—Гдѣ ты росла, гдѣ повзросла?—Росла я, братцы, повзросла,—Бахинъ перемѣнилъ голосъ на плачевный, во Вшивой лукѣ, на томъ островѣ, на Каржинимъ, близъ того ерика, близъ Воючаго. — Во Вшивой лукѣ, братцы, во излучинѣ,—Бахинъ заговорилъ обыкновеннымъ голосомъ,—у трехъ маровъ, межъ трехъ вязовъ, лежитъ—гниетъ карша сокорева,—подъ той каршей, подъ сокоревой, лежитъ заразынька, зараза сибирская. Что жъ она, братцы, не убьетъ такого олуха, какъ нашъ Сидорушка, что не вѣритъ въ крючокъ-вилочку лягушечью? А? Какъ ты думаешь, Сидорушка?—приставалъ Бахинъ къ молодому казаку.—Бѣдненькій! Не поучила тебя матушка родимая уму-разуму, да на службу царскую снарядила, да на чужую дальнюю сторонушку проводила! Пропадешь ты, мальчикъ, не за денежку,—пропадешь, коли не станешь вѣрить въ крючокъ и вилочку! Горе тебѣ, безтолковому, коли не станешь слушать рѣчей умныхъ отъ людей опытныхъ, бывалыхъ! Знаешь ли ты, къ примѣру, о косточкѣ невидимкѣ, а?—приставалъ Бахинъ къ казаченку.

— Съ тобой не сговоришь,—отозвался казачекъ.

Сказавши это, казачекъ сползъ съ нарѣ, отошелъ къ дверямъ и сталъ оправлять лежавшее на полу сѣдло, хотя оно вовсе этого не требовало, ибо лежало хорошо-уютно.

— Да ты постой, Сидорушка, не уходи!—кричалъ ему

вслѣдъ Бахинъ.—Подойди ко мнѣ, голубчикъ, я расскажу тебѣ о косточкѣ-невидимкѣ, а мало,—расскажу о неразмѣнномъ цѣлковомъ, а мало, — расскажу причту о камыкѣ-камнѣ самоцвѣтѣ.

Во все время, пока Бахинъ это говорилъ, калмыкъ Чульчумка не сводилъ съ него глазъ и напряженно вслушивался въ каждое его слово.

Казачекъ, къ которому приставалъ Бахинъ, наконецъ не вытерпѣлъ и ушелъ изъ избы.

Казаки засмѣялись.

— Шутъ съ тобой,—проговорилъ Бахинъ вслѣдъ казаченку.—Дурака учать уму-разуму, а онъ же сердится. И безъ тебя есть кому меня послушать; Чульчумка!—обратился Бахинъ къ калмыку.—Хочешь добыть косточку-невидимку, а?

— К о с т у ш к а - н е в ы д у м к а? Какой такой эта штукъ?—спросилъ калмыкъ рассказчика.

— Н е н е в ы д у м к а, дурашка, а н е в и д и м к а!—поправилъ Бахинъ. Слушай, калмыцкій лобъ.

Калмыкъ кивнулъ головой. Бахинъ прокашлялся и началъ.

XVII.

Косточка-невидимка.

— Косточка-невидимка,—говорилъ Бахинъ,—просто-напросто небольшая косточка изъ черной кошки. Кто эту косточку будетъ держать при себѣ, того никто, значить, видѣть не можетъ: оттого она и называется косточка-невидимка. Добываютъ ее слѣдующимъ манеромъ. Однако, хорошенько слушай, калмыцкій лобъ, ни одного слова не пророни.

Бахинъ прокашлялся. Калмыкъ весь обратился въ слухъ и вниманіе. Бахинъ продолжалъ :

— Главное: добудь черную кошку, безъ всякой отмѣтины, то-ись, чтобы нигдѣ у нея, ни на лапкахъ, ни подъ шейкой, не было ни одинаго бѣлаго волоска. Хорошо. Добывши такую кошку, иди съ ней въ баню, въ глухую полночь, на Святкахъ, когда значить, шишиги (черти) вылазятъ изъ преисподней и разгуливаютъ по землѣ межъ людей. Хорошо. Забравшись въ баню, свари эту кошечку въ котлѣ, свари, какъ она есть, цѣликомъ. Долго вари—кипяти кошку, чтобы мясо разопрѣло, отъ костей отстало и въ кисель претворилось (превратилось). Хорошо. Бурду эту процѣди сквозь рѣшето; жижа, знамо, пройдетъ, останется густень. И эту густень разведи водой, промой и опять процѣди. Дѣлай это до тѣхъ поръ, покуда всѣ косточки очистятся. Вотъ тутъ-то межъ костями и ищи ее, голобушку, то-ись, косточку-невидимку. А распознать ее можно такимъ родомъ. Поставь пе-

редь собой зеркало и одной рукой, косточку по-косточкѣ, перебирай все кости, а самъ глядись въ зеркало. Когда будутъ попадаться тебѣ въ руку простыя кости, ты будешь видѣть себя въ зеркалѣ, а какъ попадется она, то-ись, косточка-невидимка, такъ рожа твоя скроется въ зеркалѣ: самъ себя, значить, не увидишь. Вотъ тебѣ и вся недолга!—заключилъ Бахинъ.—Потомъ, минутой спустя, онъ спросилъ калмычка.

— Понялъ?

Калмыкъ кивнулъ головой, а потомъ спросилъ:

— А какой изъ того толкъ будетъ?

— Экой ты какой, дурашка, непонятный!—сказалъ Бахинъ.—Я ужъ тебѣ говорилъ: кто-де эту косточку будетъ держать при себѣ, того никто не можетъ видѣть. Къ примѣру, вотъ бы я имѣлъ эту косточку. Хорошо. Держу я ее въ рукахъ и стою съ тобой рядомъ, а ты меня не видишь, значить, косточка глаза отводитъ; оттого она и прозывается невидимкой. Понялъ, что ли?—спросилъ Бахинъ калмыка.

Понялъ ли, не понялъ ли калмыкъ, Богъ вѣдаетъ, только кивнулъ головой и о чемъ-то хотѣлъ спросить, но Бахинъ предупредилъ его.

— Всего удобнѣе, — сказалъ Бахинъ, — эту самую косточку зашить въ шапку. Надѣлъ шапку и разгуливай по бѣлому свѣту: что хошь твори, никто тебя не увидитъ. Къ примѣру, зайди въ любую лавку и бери что хочешь, никто не воспретитъ, никто, значить, видѣть тебя не можетъ. Хорошо?—спросилъ Бахинъ Чульчумку.

Чульчумка осклабился и отъ удовольствія заёрзалъ на мѣстѣ. Ясно было, что только тутъ уразумѣлъ все значеніе таинственной косточки.

— Важна! — проговорилъ калмыкъ. — Этакъ можна къ Лейба зайти на шинка и вся грушовка, вся вишневка утащить?

— Можно!—отвѣчалъ Бахинъ.

— Ай, да славно! — осклабившись, проговорилъ Чульчумка и подпрыгнулъ на мѣстѣ.

Русскіе засмѣялись.

— Кто про что,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—а калмыкъ про вино.

— Чульчумка, убей ты, — подхватилъ другой: облопаешься!

— На томъ свѣтѣ на каменку взваляютъ и „холодна“ не дадутъ!—проговорилъ третій.

— Ничаво!—былъ отвѣтъ калмыка.—Только бы у Лейба грушовка да вишневка кончатъ.

Русскіе снова засмѣялись.

— Молодецъ, Чульчумка! — похвалилъ Бахинъ Калмыка.—Не робѣеть! И за это самое, что ты не робѣешь, да умныя рѣчи со вниманіемъ слушаешь,—сказалъ Бахинъ калмыку,—за это я научу тебя, какъ добыть н е р а з м ѣ н н ы й ц ѣ л к о в ы й. Тоже штука славная. Хочешь.

Калмыкъ закивалъ головой.

— Бажалыста,—проговорилъ онъ:—много добра не мѣшатъ.

— Слушай же, дурашка.

XVIII.

Неразмѣнный цѣлковый.

— Добейся точно такую же черную кошку,—началь Бахинъ,—спеленай ее, какъ пеленають грудныхъ младенцевъ, выходи съ ней на улицу, тоже на Святкахъ и въ полночь, и стань на перекресткѣ. Хорошо. Мною ли, мало ли, долго ли, коротко ли, постоишь ты тутъ, и явятся къ тебѣ веселые черти въ образѣ людскомъ. А отличить ихъ отъ настоящихъ людей можно по хвосту, да по ногамъ. Какъ бы тамъ чортъ ни притворялся, а хвоста скрыть не можетъ: хоть кончикъ, да будетъ видѣнь изъ-подъ одежды. Тоже и насчетъ ногъ: истовыхъ, значить, ногъ онъ имѣть не можетъ, а будетъ имѣть иль бо лошадиныя копыты, иль бо звѣриныя лапы. Поняль?

Чульчумка кивнулъ головой. Бахинъ продолжалъ:

— Явятся къ тебѣ, говорю, черти, и спросятъ: что это, человѣче, у тебя на рукахъ? Ты отвѣчай: черная кошечка. „Продай!“ скажутъ черти. Ты отвѣчай: не продажна, а оброшна. „Сколько оброку?“ спросятъ черти. Ты говори: неразмѣнный цѣлковый. Слышишь,—сказалъ наставительно Бахинъ: зазубри это слово. Ладно! Черти засмѣются и скажутъ: „Простъ же ты, человѣче! просишь цѣлковый, когда вещь стоитъ золотой. Но мы, скажутъ черти, не хотимъ воспользоваться твоей простотой. Возьми, скажутъ, золотую“!

А ты не бери, говори одно: подайте-де неразмѣнный цѣлковый. Черти станутъ давать тебѣ двѣ золотыхъ, три, десять, будутъ давать горсть золотыхъ, пригоршни, этого мало—будутъ давать мѣшки золота, но ты не зарись, стой на своемъ: дайте-де неразмѣнный цѣлковый и баста! Оно конечно,—замѣтилъ рассказчикъ,—можно бы взять мѣшокъ золота, пудика въ три, четыре, порядочная кучка, что и толковать, да проку-то въ немъ мало: какъ только возьмешь, такъ золото-то въ черепки и обратится. По этой самой причинѣ ты, Чульчумка, отнюдь на золото или на другое что не соглашайся, а стой на своемъ: цѣлковый-де неразмѣнный подавайте! Хорошо. Слушай дальше.

— Словно самарскіе кулаки, что нашего брата на пшеницѣ надуваютъ, словно, говорю, кулаки, черти долго будутъ съ тобой торговаться; напоследокъ согласятся, вотъ тутъ-то и держи ухо востро. Одного изъ себя пошлютъ черти за цѣлковымъ, якобы домой, а куда домой? Знамо, въ адъ крошечный, къ сатанѣ веселому. Хорошо. Явится чортъ съ неразмѣннымъ цѣлковымъ, и подастъ его тебѣ. Но ты кошечку изъ рукъ не выпускай—надуваютъ, бестіи. Сперва возьми цѣлковый въ лѣвую руку, на ладонь, а правой перекрести...

При послѣднемъ словѣ русскіе слушатели захохотали. Рассказчикъ пріостановился; улыбнулся и потомъ заговорилъ:

— Ахъ, Чульчумка! Жаль мнѣ тебя, горемычнаго: нельзя тебѣ добыть неразмѣнный цѣлковый. Я и забылъ, олухъ, что ты идолу поклоняешься, а что идолъ, что чортъ—не въ обиду будь сказано—все единственно. Вѣдь такъ?—обратился рассказчикъ къ калмыку.

— Ну, ну, ну! А ты не бранись, Баська!—проговорилъ калмыкъ и погрозилъ рассказчику кулакомъ.

— А ты не сердись, дурашка,—сказалъ Бахинъ:—я дѣло говорю.—Черти тебя надуваютъ, словно пить дадутъ. Вмѣсто, значить, неразмѣннаго цѣлковаго, подсунутъ тебѣ черепокъ, альбо и другое что похуже... приведется еще руки обмывать. Ну, а съ русскимъ этой штуки имъ сыграть не

удастся, коли русскій самъ не дастъ маху,—продолжалъ Бахинъ.—Къ примѣру, я продаю кошечку. Хорошо.—Мнѣ дадутъ черти цѣлковый. Хорошо.—Прежде чѣмъ отдать имъ кошечку, я перекрещу правой рукой цѣлковый и—дьявольское навожденіе исчезнетъ, то-ись, есть-коли черти подсунуть фальшивый цѣлковый, онъ тоѣ-жъ секунду обратится въ черепокъ, ну, я и кину его чертямъ въ харю.—Тогда черти подуются-подуются, да и вырыгнуть настоящій неразмѣнный цѣлковый.—Имъ видишь ли, и кошечка-то дорога, и цѣлковый-то дорогъ, — пояснилъ рассказчикъ: — вотъ они и мудрятъ, проклятые, надъ человѣкомъ, думаютъ: „не надумемъ ли“.—Однако кошечка пересиливаетъ; она, значить, все-таки для нихъ дороже неразмѣннаго цѣлковаго. Хорошо.—Слушай.

— Коли очутится у человѣка въ рукахъ настоящій неразмѣнный цѣлковый,—продолжалъ Бахинъ,—то-ись, коли онъ не исчезнетъ или не оборотится отъ крестнаго знаменія въ черепокъ,—человѣкъ отдастъ чертямъ кошечку, а самъ останется на мѣстѣ до тѣхъ поръ, покуда пропоютъ первые пѣтухи. Тогда черти исчезнутъ, и дѣло съ концомъ. Понялъ?—обратился Бахинъ къ калмыку.

Чульчумка вытаращилъ глаза на рассказчика. Ясно было, калмыкъ не уразумѣлъ всего значенія таинственнаго цѣлковаго. Бахинъ принялся объяснять.

— На этотъ самый цѣлковый,—заговорилъ Бахинъ,—человѣкъ, что захочетъ, все можетъ покупать, но не на весь, то-ись, безпремѣнно долженъ брать сдачу, не то, цѣлковый пропадетъ. Къ примѣру, купить человѣкъ въ лавкѣ чего-нибудь на полтинникъ, ему сдадутъ полтинникъ же. Человѣкъ выйдетъ изъ лавки, а цѣлковый тотъ же мигъ очутится у него опять въ карманѣ. Такимъ манеромъ хоть сто разъ въ день покупай, бери сдачу, сколько-нибудь, да бери, хоша бы грошъ единый, все единственно,—цѣлковый все будетъ приходить назадъ. Оттого-то онъ и называется неразмѣннымъ, значить всегда цѣль; нѣтъ ему размѣна.

— Важная вещь, этотъ неразмѣнный цѣлковый,—приба-

вилъ Бахинъ:—и товаръ, и сдача, и онъ самъ—все у тебя. Такимъ родомъ, покупая кое-что по малости и загреба: сдачу, можно тысячникомъ сдѣлаться. Но,—заклочилъ рассказчикъ,—коль-скоро дашь маху, купишь на весь цѣлковый—шабашъ! Не зови своимъ: останется онъ у купца, а тамъ унесутъ его черти опять къ себѣ. Понялъ?—вопросилъ Бахинъ Чульчумку.

Чульчумка прищурилъ глазки, потрясъ головой и отчаянно махнулъ рукой.

— Ай, ай, Баська!—проговорилъ наконецъ калмыкъ.—Ума-разума кончалъ! Больно страшна, больно мудрана.

— А ты какъ бы думалъ, калмыцкій лобъ?—замѣтилъ Бахинъ.—Ты полагаешь: тягъ-лягъ, да и клѣтка. Нѣтъ, дурашка, съ нечистой силой надо умѣючи обращаться, тутъ нуженъ умъ, да умецъ, да третій разумецъ.

Настало молчаніе. Только калмыкъ время отъ времени бормоталъ про себя: „мудрана, мудрана!“ „Страшна, страшна!“ Наконецъ, спустя нѣкоторое время, одинъ изъ русскихъ замѣтилъ:

— Чудная, однако, вещь, этотъ неразмѣнный цѣлковый.

— Еще бы!—отозвался Бахинъ.

— Откуда, эдакая вещь, онъ взялся?

— Отъ чорта!—отвѣтилъ Бахинъ.

— Да чортъ-то откуда добылъ?

— Изъ тартара-преисподней.

— Да откуда въ преисподнюю-то онъ попалъ?—допытывался любопытный.

— Много будешь знать, скоро состаришься!—проговорилъ Бахинъ съ оттѣнкомъ неудовольствія; но потомъ спохватился, весело прибавилъ: да что объ этомъ толковать. У чорта и помудренѣе кое-что есть, нежели этотъ цѣлковый: на то, значитъ, онъ и чортъ.

— А что такое еще?—спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Камыкъ-камень самоцвѣтъ!—сказалъ Бахинъ.

Спрашивавшій замолчалъ. Немного погодя Бахинъ заговорилъ:

— Это такой, братцы мои, камень драгоценный, которому цѣны нѣтъ, который, значить, всего на свѣтѣ дороже. А добыть онъ изъ преисподней,—добавилъ Бахинъ.—Сказывалъ мнѣ объ немъ отецъ Петръ, кроющійся священникъ. Слыхали, чай, объ немъ, объ отцѣ Петрѣ?—обратился Бахинъ къ окружающимъ.

— Это тотъ, что ли, что надерживался въ М—хъ хуторахъ?—спросилъ кто-то изъ казаковъ.

— Онъ самый.

— Да вѣдь его, кажись, давно словили и въ острогъ заточили.

— Нѣтъ, не больно давно: всего третій годъ,—сказалъ Бахинъ.—Вотъ тогда-то я и слышалъ отъ него эту притчу,—продолжалъ Бахинъ.—Когда везли его, то-ись, отца Петра, изъ Уральска въ Саратовъ, въ ту пору я служилъ на Чижахъ, и трафилось мнѣ быть въ конвойныхъ. Когда мы везли его степью по тракту на г. Хвалыньскъ, онъ, то-ись, отецъ Петръ, во всю дорогу неустанно говорилъ намъ отъ Божественнаго Писанія. Разъ онъ сказалъ, что не худо бы, для поддержки благочестія, нашему обществу добыть своего архіерея отъ благочестія. Съ нами въ ту пору былъ казакъ Краснятовъ изъ Т—хъ хуторовъ. Онъ и сказалъ на это отцу Петру, что нельзя-де этому дѣлу статься. Шутка ли! Своего архіерея добыть. Гдѣ его найдешь? На это отецъ Петръ разсказалъ намъ одну притчу, то-ись, притчу о камыкѣ-камнѣ самоцвѣтѣ. Хотите? Я разскажу.

Дотолѣ Бахинъ преимущественно ораторствовалъ для калмыка Чульчумки. Но тутъ, когда рѣчь коснулась отца Петра, кроющагося священника и притчи, слышанной имъ отъ него, Бахинъ оставилъ Чульчумку въ сторонѣ и обратилъ свое краснорѣчіе на однихъ русскихъ. Тѣ плотнѣе сдвинулись вокругъ него. Чульчумка остался на заднемъ планѣ.

— Разсказывай, Василій, разсказывай! — послышалось множество голосовъ, чуть ли не всей честной компаніи.

XIX.

Камыкъ-камень самоцвѣтъ.

— Хорошо. Слушайте.

Бахинъ прокашлялся и продолжалъ:

„Жилъ-былъ во лѣсу, во пустынѣ, нѣкій мужъ благочестивый. Хорошо.—Неужто-де, въ самомъ дѣлѣ, думалъ пустынный, можно найти все то, чего ни захочешь?—знамо дѣло, прибавилъ рассказчикъ,—дьяволъ сомущалъ пустытника.—Хорошо.—Пустынный долго ломалъ надъ этимъ голову. На послѣдокъ не вытерпѣлъ и пошелъ за совѣтомъ къ другому пустыннику,—тотъ жилъ неподалеку отъ него. Хорошо.—Пришелъ пустынный къ пустыннику и говоритъ:

— Не все ли мы трудимся?

— Какъ такъ!—спрашиваетъ второй пустынный.

— Такъ и такъ!—говоритъ первый пустынный и рассказалъ второму пустыннику, въ чемъ дѣло.

„Хорошо.—Второй пустынный—онъ былъ постарше перваго, значить, побольше видѣлъ искуса,—второй пустынный сейчасъ открылъ, значить, книгу, отыскалъ въ ней одно мѣсто и указалъ первому пустыннику.—Зри, говоритъ, братъ.—Первый пустынный прочелъ.

— Ну, что супротивъ этого скажешь?—вопросилъ второй пустынный перваго.

„Первый пустынный на первыхъ порахъ увѣровалъ-было,

а потомъ, черезъ нѣкоторое время, опять понесъ свое,—знамо, дьяволъ сомущалъ.—Вышелъ у пустынниковъ горячій споръ. На послѣдокъ второй пустытникъ и говоритъ:

— Послушай, братъ! замѣсть того, чтобы намъ спорить и дьявола потѣшать, ты испробуй. Хоша и погрѣшно, говорить, однако, дѣлать нечего, испробуй, испытай; авось увѣруешь.

— Помилуй!—говоритъ первый пустытникъ.—И безъ испытанія, напередъ можно сказать, нельзя сыскать всего, чего ни захочешь.

— Ты прежде испытай!—говоритъ второй пустытникъ.

— Хорошо,—говоритъ первый пустытникъ.—Къ примѣру, пошелъ бы я къ царю и посваталъ бы у него за себя дочь. Неужто отдасть?

— Испытай,—говоритъ второй пустытникъ.

„Первый пустытникъ рѣшился испытать, пошелъ къ царю. Хорошо.—Докладываютъ царю, что какой-то пустытникъ желаетъ видѣть его по весьма важному дѣлу. Царь велѣлъ допустить. Явился пустытникъ и говоритъ:

— Такъ и такъ, ваше царское величество! Возымѣлъ, говорить, я намѣреніе оставить пустынническое житіе и возвратиться въ міръ.

— Что же?—говоритъ царь:—вольному воля, спасенному рай.

— Однако,—говоритъ пустытникъ,—жить въ міру одному неудобно: хочу, говорить, жениться и домою обзавестись.

— Что же?—говоритъ царь.—Дѣло хорошее. И въ Писаніи сказано,—говоритъ царь:—„раститесь и множитесь“.

— Однако,—говоритъ пустытникъ, какъ бы это сказать вашему царскому величеству? Къ примѣру, у васъ товаръ, у насъ купецъ, то-ись, попросту сказать,—говоритъ пустытникъ,—пришолъ я къ вашему царскому величеству посватать у васъ за себя дочку вашу,—не будетъ ли отдашна?

— Вотъ такъ отмочилъ штуку! — замѣтилъ рассказчикъ.—Ай-да, пустытникъ! Молодецъ!—Потомъ продолжалъ:

„Царь идно ужастился, услыхавши такія слова отъ пустычника, отскочилъ отъ него на нѣсколько шаговъ и закричалъ стражникамъ, чтобы взяли пустычника подъ караулъ и отвели въ темницу. Сей же мигъ явились стражники и схватили пустычника кто за руки, кто за шиворотъ, и потащили раба Божьяго изъ царскихъ палатъ. Пустыжникъ запіялъ, кричитъ:

— Это незаконно! За что же, ваше царское величество, такая немилость? Вѣдь я не укралъ что. Я, говоритъ, только дочку твою посваталъ. Вольны отдать, говоритъ,—вольны и не отдать. Знаете: плохой сватается, хорошему путь указываетъ.

— Ай-да, пустыжникъ! Не робѣетъ. Молодецъ,—замѣтилъ рассказчикъ, потомъ продолжалъ:

„Царь одумался, велѣлъ ослобонить пустычника. Ослобонили. Царь говоритъ пустынику:

— И впрямь такъ! Однако,—говоритъ царь,—дочь у меня одна, приданаго за ней полцарства,—а умру—и все царство ея. Понимаешь?—спрашиваетъ царь.

„Пустыжникъ киваетъ головою: понимаю-де. Ладно.

— По приданому,—говоритъ царь,—должна быть и кладка *). Что жъ ты на кладку дашь?—спрашиваетъ царь.

„Знамо, — пояснилъ рассказчикъ, — царь пошелъ на шутку.

— А что изволите положить?—спрашиваетъ пустыжникъ.

— Да у тебя что есть?—спрашиваетъ царь.

— Ничего нѣтъ!—говоритъ пустыжникъ.

„Царь улыбнулся. Въ это время вошла къ нему царица съ царевной: собрались, значитъ, прогуляться и зашли къ царю спроситься.—Царь рассказалъ имъ, въ чемъ дѣло. Ца-

*) Кладка—нѣчто въ родѣ выкупа, который даетъ женихъ невѣстѣ или за невѣсту. Этотъ обычай существуетъ доселѣ у уральскихъ казаковъ.

рица засмѣялась, а царевна призадумалась. Потомъ немного погодя говоритъ:

— Папенька! Вычитала я въ книжкахъ, что есть гдѣ-то на свѣтѣ одинъ драгоцѣнный камень, называется онъ: камыкъ-камень самоцвѣтъ. Нѣтъ-то его,—говоритъ царевна,—и краше, нѣтъ-то его и дороже. Прикажите пустынноку отыскать этотъ камень.

— Ай-да, дочка! Славно выдумала!—говоритъ царь.— Зададимъ же мы отцу пустынноку задачу: исполнить—хорошо: не исполнить—голову долой! Впередъ дурить не станеть. Слушай,—говоритъ царь пустынноку.—Отыщи и доставь мнѣ камыкъ-камень самоцвѣтъ. Доставишь, дочь за тебя отдамъ,—въ томъ тебѣ порукой мое царское слово,—нѣтъ, не прогнѣвайся: велю тебя казнить. Слышишь?—спрашиваетъ царь пустыннока.

— Слушаю!—говоритъ пустыннокъ.—Больше ничего?—спрашиваетъ пустыннокъ царя.

— Больше ничего,—говоритъ царь.

— Затѣмъ прощенья просимъ!—говоритъ пустыннокъ, сказалъ это, поклонился и ушелъ.

Разсказчикъ пріостановился, прокашлялся и продолжалъ:

„Долго пустыннокъ странствовалъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ города въ городъ, но камыкъ-камня не нашель; не точію не нашель, даже ни отъ кого не слыхалъ, что есть такой камень на свѣтѣ. На послѣдокъ пустыннокъ впалъ въ раскаяніе, что рѣшился на такія дѣла, о коихъ пустынноку и думать грѣшно,—впалъ, говорю, пустыннокъ въ раскаяніе и удалился снова въ пустыню, захотѣлъ, значить, замолить грѣхъ. Ладно.—Отыскалъ пустыннокъ порожнюю келью и въ ней поселился. Ладно.—Въ первый же вечеръ пустыннокъ сталъ на молитву, стоитъ и слышитъ позади себя какой-то шекливый голосъ. Пустыннокъ оглянулся: никого нѣтъ. Пустыннокъ отплюнулся и опять сталъ молиться. На послѣдокъ пустыннокъ услышалъ явственный голосъ: —

„Отче! Выпусти меня пожалуйста отсюда. А я тебѣ слуга покорный буду“.

„Пустынный обернулся и спросилъ:

— Кто еси ты?

— Чортъ!—отвѣчалъ голосъ.

Пустынный перекрестился.

— Гдѣ ты?—спрашиваетъ пустынный.

— Здѣсь, въ рукомоиникѣ!—отвѣчаетъ чортъ.

„Пустынный подошелъ къ рукомоинику, что висѣлъ у дверецъ на бечевкѣ, подошелъ и слышитъ,—въ рукомоиникѣ что-то шевелится.

— А!?!—говоритъ пустынный.—Такъ ты тутъ, окаянный?

— Тутъ, отче!—говоритъ чортъ.

— Какимъ манеромъ ты сюда попалъ?—спрашиваетъ пустынный!

— Да отъ своей глупости,—говоритъ чортъ.—Назадъ тому годовъ тридцать,—говоритъ чортъ,—спасался въ этой самой кельѣ одинъ пустынный. Я, говоритъ, соблазнялъ его и всякими манерами мѣшалъ ему молиться, но пустынный былъ твердъ, не поддавался. Разъ стоялъ онъ на молитвѣ, а я, говоритъ чортъ, чтобъ помѣшать ему, съ дуру-то, и влѣзъ въ рукомоиникъ, и давай по кошачьи мяукать; думалъ, не выведу ли пустынного изъ терпѣнья, не выругаетъ ли онъ меня въ сердцахъ какимъ ни на есть нехорошимъ словомъ. Но пустынный, говоритъ чортъ,—твердъ былъ. Не говоря ни слова, тихою поступью, подошелъ пустынный къ рукомоинику и осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ,—только и было!—Я, говоритъ чортъ, какъ сидѣлъ тутъ, такъ и остался. Выйти отсюда мнѣ никакимъ манеромъ нельзя: крестъ не допускаетъ. Развѣ, говоритъ чортъ, развѣ какой добрый челоуѣкъ сжалится и разобьетъ рукомоиникъ: тогда, говоритъ чортъ, получу свободу. Пожалуйста, отче, разбей рукомоиникъ, спрашиваетъ чортъ, и дай мнѣ волю, а я, говоритъ чортъ, дамъ тебѣ за то чего ни запросишь. Пожалуйста, отче, удружи!—умаливаетъ чортъ и вздыхаетъ.

— А что ты мнѣ дашь?—спрашиваетъ пустынный.

— Что хошь,—говоритъ чортъ:—сребра ли, злата ли, драгоценныхъ ли камней. Всего этого,—говоритъ чортъ—у насъ вдоволь, хоть лопатами греби.

Пустынный спохватился, и говоритъ чорту:

— А можешь ли ты добыть мнѣ камыкъ-камень самоцвѣтъ?

— Постараюсь,—говоритъ чортъ.—Этотъ самый камыкъ-камень самоцвѣтъ,—говоритъ чортъ,—у нашего сатаны въ аду бережется. Слетаю, говоритъ, къ нему и выпрошу.

— А ну, какъ сатана-то,—говоритъ пустынный, пожалѣетъ и не отдастъ камыкъ-камень. Тогда что?

— Этого быть не можетъ,—говоритъ чортъ.—Хоша камыкъ-камень и дорогъ сатанѣ, однако,—говоритъ чортъ,—и Я чего-нибудь да стою. Вѣдь я не рядовой чортъ—говоритъ чортъ,—а чиновный. Есть-когда-бъ не засѣлъ здѣсь, я бы теперь былъ енераломъ. Да ты не сомнѣвайся,—говоритъ чортъ пустынному.—Я ужъ такъ поведу дѣло, что безпремѣнно добуду тебѣ этотъ камень. Пожалуйста, выпусти только на волю поскорѣе,—упрашиваетъ чортъ.

— А кто мнѣ за тебя поручится,—спрашиваетъ пустынный чорта,—кто мнѣ поручится, что ты не надуешь меня? Вѣдь ты дьяволъ!

— Клянусь тебѣ,—говоритъ чортъ,—клянусь самимъ сатаной моимъ и всѣмъ мрачнымъ его адомъ!

— Хорошо,—говоритъ пустынный.—Выпущу тебя на волю: такъ и быть! Исполнишь-ли—твое дѣло; по крайности,—говоритъ пустынный,—буду впередъ знать: твердъ ли дьяволъ въ своемъ словѣ.

Сказалъ пустынный и разбилъ посошкомъ рукомоиникъ. Чортъ съ радости заржалъ, словно оръ, и улетѣлъ; пустынный даже не успѣлъ взглянуть на его образину. Хорошо. Пустынный остался въ келейкѣ ждать, что-то будетъ, а дьяволъ тѣмъ временемъ прилетѣлъ въ адъ и явился у сатаны.

— Такъ и такъ, ваше сатанинское благородіе!—липартуетъ чортъ сатанѣ.—Тридцать-де лѣтъ сидѣлъ въ темницѣ,

въ рукомоиникѣ. Ну, и прочее такое. Значить, пересказалъ сатанѣ все, что и какъ съ нимъ было.

— Что жъ намъ теперича дѣлать?—спрашиваетъ сатана.—Самъ знаешь,—говорить сатана чорту,—камыкъ-камень самоцвѣтъ одинъ во всемъ свѣтѣ; жаль съ нимъ разстаться, на что-нибудь другое какъ бы не пригодился. Не надуть ли,—говорить сатана,—не надуть ли намъ пустычника? Куда пойдеть просить? Некуда!

— Какъ вамъ будетъ угодно, ваше сатанинское благородіе,—говорить чортъ;—только съ моей стороны, осмѣлюсь доложить вашей милости: ладно ли будетъ? Вѣдь я,—говорить чортъ,—покаялся твоимъ именемъ.

— Ну, коли такъ,—говорить сатана—дѣлать нечего. На, возьми камыкъ-камень самоцвѣтъ и отнеси пустыннику. По крайности,—говорить сатана,—будеть знать, что и мы не кое-какіе, и мы своимъ словомъ дорожимъ.

— Ладно,—продолжалъ рассказчикъ.—Получивши отъ сатаны камыкъ-камень, чортъ взвился и полетѣлъ къ пустыннику; прилетѣлъ и—бацъ на столъ камыкъ-камень, а самъ отскочилъ къ притолкѣ и вытянулся въ струну, а руку приложилъ ко лбу, якобы къ козырьку, значить, по чиновничьи честь отдаетъ. Ладно. Пустыжникъ посмотрѣлъ на камень: камень блеститъ, сіяетъ, что твое солнце, идно глаза слѣпнеть. Посмотрѣлъ пустыжникъ на чорта: тотъ—ужаснѣющая образина, идно съ души тянетъ. Пустыжникъ отвернулся отъ чорта и перекрестилъ камыкъ-камень: тотъ какимъ былъ, такимъ и остался,—не превратился въ простой камень иль бо въ черепокъ, значить, истовый. Пустыжникъ опять посмотрѣлъ на чорта, посмотрѣлъ и задумался, потомъ и говоритъ:

— Нѣтъ ли тутъ какого подвоха?

— Помилуй!—говорить чортъ—какой подвохъ? Никакого нѣтъ! Есть-когда-бъ былъ подвохъ,—говорить чортъ,—незачѣмъ бы мнѣ къ тебѣ и являться.

— Да ты-то кто?—спрашиваетъ пустыжникъ чорта.

— Да самый тотъ, кого ты выпустилъ изъ рукомоиника!—говорить чортъ.

— Помилуй! — говоритъ пустынный. — Что ты морочишь? Тотъ былъ маленькій, а ты вонъ какой верзила. Тотъ въ рукомоиникѣ помѣщался, а ты насилу въ кельѣ-то уставился. Есть-коли ты тотъ самый,—говорить пустынный,—то докажи: влѣзь опять въ рукомоиникъ; тогда и повѣрю, что нѣтъ никакого подвоха.

— Ай-да пустынный!—замѣтилъ рассказчикъ.—Подводитъ статью,—молодецъ!

„Чортъ,—продолжалъ рассказчикъ,—чортъ повелъ бурколами (глазами) на то мѣсто, гдѣ прежде висѣла его темица, то-исъ рукомоиникъ, и видитъ: тамъ виситъ новый рукомоиникъ. Значитъ, тѣмъ временемъ, покуда чортъ леталъ въ адъ, пустынный повѣсилъ другой рукомоиникъ, замѣсто разбитаго,—пояснилъ рассказчикъ.—Потомъ продолжалъ:

— Изволь!—говорить чортъ—за этимъ дѣло не станетъ. Смотри!

„Сказавши это, чортъ въ единъ мигъ превратился въ муху и влетѣлъ въ рукомоиникъ. Пустыннику только этого и хотѣлось.

— Гдѣ ты?—спрашиваетъ пустынный чорта.

— Здѣсь — отвѣчаетъ чортъ изъ рукомоиника. — Посмотри!

„Пустынный подошелъ къ рукомоинику и скорехонько оградилъ его крестнымъ знаменіемъ.

— Сиди же ты, окаянный, тутъ вѣкъ во вѣки!—сказалъ пустынный и потомъ вернулся къ столу, взялъ камыкъ-камень самоцвѣтъ и тихою поступью удалился изъ кельи.

„И заревѣлъ же дьяволъ благимъ матомъ, идно пустыня огласилась!—И закостерилъ же онъ пустытника что ни на есть хуже, идно натошакъ не выговоришь!... Однако ничего не взялъ: остался, значитъ, въ рукомоиникѣ по прежнему. И то хорошо,—прибавилъ рассказчикъ: однимъ чортомъ меньше.

— Вотъ такъ пустынный!—замѣтилъ кто-то изъ слушателей.—Дьявола облопошилъ. Молодецъ!

— Еще бы—проговорилъ Бахинъ.—На то онъ и пустынный, чтобы дьяволу не поддаваться. Однако слушайте, прибавилъ Бахинъ,—сейчасъ конецъ.

И Бахинъ продолжалъ:

„Скоро пустынный явился у царя и подалъ ему камыкъ-камень самоцвѣтъ. Царь и обрадовался, и удивился.

— Исполнилъ ты, отецъ, свое слово,—сказалъ царь пустынному,—исполню и я свое: готовься, говоритъ къ свадьбѣ!

„Тутъ пустынный открылъ царю свою тайну. Тѣмъ и дѣло кончилось,—заклучилъ рассказчикъ.—Потомъ, обратясь къ слушателямъ, спросилъ:

— А что, какова, братцы, притча?

— Важная!—отозвались нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ ли еще такой?—спросилъ кто-то.

— Такой, какъ эта, нѣтъ,—отозвался Бахинъ:—а есть другая, насчетъ нашего брата, служиваго, значить, человѣка, какъ, то-ись, нашему брату опасно полагаться на слезы женъ, когда тѣ плачутъ на проводахъ.

— Ну, что же? Валяй эту!

— Сейчасъ, братцы! сказалъ Бахинъ — Только дайте слова-два сказать Чульчумочкѣ.—Чульчумочка! обратился рассказчикъ къ калмыку.

— Я!—послышался изъ-за спины рассказчика отрывистый голосъ калмыка, словно отзывъ на смотровой переключкѣ.

— Инзирка *) твоя плакала, что ли, когда провожала тебя?—спросилъ Бахинъ.

— А твой какой дѣла?—спросилъ въ свою очередь калмыкъ.

— А вотъ какой,—сказалъ Бахинъ.—Сейчасъ я буду рассказывать исторію насчетъ этакого дѣла. Я буду говорить, а ты съ другими слушай, да на усъ мотай. Когда кончу,

*) Имя Чульчумовой жены.

скажи: бываютъ ли такія исторіи межъ вашимъ идольскимъ народомъ. Слышишь?

— Ладно!—отозвался калмыкъ.

— Ну, ладно, такъ ладно,—проговорилъ Бахинъ. Потомъ обратился къ русскимъ и сказалъ: Слушайте! Исторія начинается.

XX.

Одна жена плакала, а другая нѣтъ.

„Выходилиль отъ насъ на службу полкъ въ Туречину,— началъ разсказъ Бахинъ.— Были въ полку два закадычныхъ друга, оба изъ одного умета *), изъ О...го. Какъ водится, провожали ихъ жены, провожали до Ростошей, до первой, значить, расейской станціи. Хорошо.— Жена одного пріятеля... Сидоркой звали, а другого звали Кузьмой,— прибавилъ разсказчикъ, потомъ продолжалъ.— Жена Сидоры, прощамшись съ мужемъ, навзрыдъ плакала, какъ есть съ разными причитаньями. А жена другого пріятеля, Кузёмы, значить, прощамшись съ мужемъ, хоть бы слезинку выронила. Хорошо.— Прошелъ полкъ сколько-то станцій. Разъ, ѣдучи позади полка, пріятели разговорились о домашности, то-ись, разсказываютъ одинъ другому, кто сколько извелъ денегъ на сборку, сколько взялъ съ собой, сколько оставилъ дома женѣ. При этомъ разѣ Сидора и говоритъ Кузёмѣ:

— Не осердишься, товарищъ, что я тебѣ скажу?

— А что?—спрашиваетъ Кузема.

— Нѣтъ, однако,—говоритъ Сидора,—скажи, не осердишься?

*) Селеніе. Что въ другихъ казачьихъ войскахъ называется станцами, то на Уралѣ носитъ названіе форпостовъ, крѣпостей, хуторовъ, зимовьевъ и уметовъ.

— Нѣтъ!—говорить Кузема.

— Вотъ что,—говорить Сидора:—жена твоя не любитъ тебя!

— Вотъ-те и разъ!—говорить Кузема.—А мнѣ и невдомѣкъ. Однако, почему ты знаешь?—спрашиваетъ онъ Сидору.—А самъ, братцы мои, хоть бы усомъ моргнулъ, хоть бы бровью пошевелилъ.

— А вотъ почему,—говорить Сидора:—провожаая тебя, она, каналья, хоть бы слезинку выронила!

„Кузема сдѣлалъ только улыбочку и подумалъ про себя: „попалъ пальцемъ въ небо“, а потомъ и говоритъ:

— Ошибаешься ты, другъ любезный! Жена моя любитъ меня: я доподлинно это знаю. А вотъ твоя, стерва,—говоритъ Кузема Сидорѣ,—твоя, стерва, не любитъ тебя! Это вѣрно, дружище, хоть къ бабушкѣ не ходи.

„Сидору, братцы мои, отъ этихъ словъ идно покоробило. Сколько-то времени прошло, Сидора спрашиваетъ Кузему:

— А почему ты это знаешь?

„Кузема ему въ отвѣтъ:

— Провожала тебя, она, шельма, больно ужъ плакала!

„Сидора призадумался. Сколько-то времени прошло, онъ и говоритъ:

— Дорого бы я далъ, дружище, чтобы увѣриться въ томъ, что ты мнѣ сказалъ.

— А сколько бы далъ?—спрашиваетъ Кузема, а самъ улыбается.

— Ахъ, товарищъ!—говоритъ Сидора,—не шути! Не надрывай мое сердце: безъ того тошно!

— Послушай, Сидора!—говоритъ Кузема.—Прошли мы отъ нашей границы пять станцій, всего какихъ-нибудь верстъ сто, а тамъ до нашего жительства верстъ пятьдесятъ, всего, значить, полтора ста верстъ. Сегодня полкъ придетъ на дневку. Слушай!—говоритъ Кузема.—Лошадей нашихъ мы въ табунъ не пустимъ, а купимъ овсеца, выдержимъ лошадокъ, хорошенько выкормимъ, да на зарѣ утренней и катнемъ домой. Къ ночи будемъ тамъ. Взглянемъ на нашихъ

супружницъ, да въ ту-жъ ночь и вернемся назадъ. Полкъ перейдетъ только съ дневки на слѣдующую станцію, и мы какъ разъ явимся тутъ. Спрашиваться,—говорить Кузема,—мы не будемъ ни у сотеннаго, ни у вахмистра: не пустятъ, пожалуй; тогда хуже будетъ, а скажемъ только на всякій случай въ десяткѣ, то-ись, присвидѣтельствуемъ, чтобы, знаешь, не причли насъ послѣ къ настоящимъ бѣглымъ, что отъ службы царской бѣгають. Насъ,—говорить Кузема,—и за это тоже накажутъ, да по крайности полкъ будетъ знать, за что били: не за худое дѣло. Согласенъ?—спрашиваетъ Кузема Сидору.

— А ужъ того чего и спрашивать,—замѣтилъ рассказчикъ:—у того, братцы мои, и глаза запрыгали съ радости.

— Идетъ!—закричалъ Сидора, и самъ не зная, что дѣлаетъ, пустился скакать и кружиться, словно пьяный на масляницу.

„При этомъ разѣ лошадь у Сидора спотыкнулась. Сидора остановился.

— Плохая примѣта!—сказалъ Сидора.

— Тебѣ примѣты не даются,—говорить ему на это Кузема:—не вѣрь имъ, дружище, а вѣрь впередъ настоящему дѣлу. И такъ, идетъ?—спрашиваетъ Кузема Сидору.

— Идетъ!—отвѣчаетъ Сидора.

— Хорошо!—говорить Кузема.—Слушай уговоръ: что бы мы дома ни увидѣли, что бы мы тамъ ни услышали—молчокъ! Какъ будто насъ и нѣтъ. Согласенъ?—спрашиваетъ Кузема Сидору.

— Согласенъ!—говорить Сидора.

— Слушай же!—говорить Кузема.—Есть-когда ты не удержишь слово—я брошу тебя; я не сдержу—ты бросай меня. Идетъ?—спрашиваетъ Кузема Сидору.

— Идетъ!—говорить Сидора.

— Честное слово?—спрашиваетъ Кузема.

— Честное казачье слово!—говорить Сидора.

„Пріятели ударили по рукамъ,—сказалъ Бахинъ; потомъ продолжалъ:

— Ладно. Полкъ пришелъ на станцію. Товарищи занялись своимъ дѣломъ, то-ись, стали готовить лошадей. Приготовили. Полкъ еще стоялъ, а пріятели мчались уже по дорогѣ назадъ. Въ полдни при какой-то рѣчкѣ они остановились, сдѣлали привалъ, выдержали коней, дали имъ пощипать травки, напоили и опять пустились въ путь. Ладно.—Часу въ десятомъ ночи, какъ, значить, рассчитывалъ Кузема, товарищи были близъ своего жительства, сошли съ коней, завели ихъ въ чаганакъ^{*)}, посадили на приколъ^{**}), а сами пѣшкомъ пошли на уметъ. Спервоначала подошли они къ дому Куземы, съ задовъ черезъ плетень перелѣзли на дворъ. Тутъ залаяла было на нихъ собака, но Кузема тихонько свиснулъ. Собака узнала хозяина и, знамо дѣло, замолчала, стала къ хозяину ласкаться. Хорошо.—Пріятели подошли къ избѣ и сквозь щель въ ставнѣ видятъ въ избѣ огонекъ. Пріятели подошли къ самому окну, взглянули въ щель и увидѣли: передъ образами теплится свѣчка; стоитъ столъ; на столѣ книга; передъ столомъ стоитъ жена Куземы, такая блѣдная, печальная, въ черномъ сарафанчикѣ, безъ галунцовъ, повязана, братцы мои, постарушечьи, полотенцомъ подъ горлышко. Тутъ же, рядомъ съ ней, съ потолка, виситъ зыбка, а въ зыбкѣ лежитъ ребенокъ—сынъ, значить, Куземы. Ладно.—Стоитъ Куземина жена и скромнехонько, съ благоговѣніемъ читаетъ канонъ заздравный за путешествующихъ и на службѣ обрѣтающихся, а у самой слезы такъ и льются, такъ и льются рѣчкой. Гдѣ слѣдуетъ, по канону, она крестится, кладетъ поклоны и творитъ молитву: „Спаси, Господи, и помилуй раба своего, Кузему, на службу посланнаго“.—Пріятели все это видятъ, все это слышатъ. На послѣдокъ жена Куземина кончила канонъ, сократила божію свѣчку и зажгла простую; подошла къ зыбкѣ, нахло-

^{*)} Чаганакъ—киргизское названіе. Это—низкая, кочковатая, поросшая кустарникомъ и травой, мѣстность.

^{**}) То есть: на арканъ, на веревку.

нилась надъ ней и говоритъ: „Дитятко мое неразумное! Спишь, касатикъ, и не чуешь, что нѣтъ съ нами твоего тятеньки, а моего друга милаго, Кузема Ивановича!“—Выговорила это и зарыдала.

— Пріятелей идно слеза прошибла,—замѣтилъ разсказчикъ и продолжалъ:

— Тихимъ молчаніемъ товарищи отошли отъ окна и тѣмъ же путемъ, которымъ пришли, выбрались на зады.

— Ну, что скажешь? спросилъ Кузема Сидору.

— Не бай, дружище? говоритъ Сидора.—Вчужѣ сердце радуется. Есть-когда бы—говоритъ Сидора,—мнѣ хотя чуточку похожаго на это увидѣть въ своемъ домѣ,—я бы, говоритъ, счастливъ былъ и спокоенъ.

— Пойдемъ!—говоритъ Кузема. Можетъ, еще лучше увидишь.

— Хорошо.—Пріятели пошли на другой конецъ умета, къ дому Сидорину. Еще не дошедши до дому, они услышали шумъ-гамъ. Сидора остановился.

— Идти ли?—спрашиваетъ онъ Кузему.—Что-то сердце екнуло.

— Какъ же не идти!—говоритъ Кузема.—Вѣдь за этимъ только и скакали сломя голову, за этимъ и отлучку изъ полка сдѣлали. Пойдемъ!—говоритъ Кузема.—Было бы за что отвѣчать передъ начальствомъ.

— Пріятели пошли. Зашли также съ задовъ, перелѣзли черезъ плетень, перешли задній дворъ, подошли къ воротцамъ, что вели съ задняго на передній дворъ, и тутъ остановились, дальше, значить, не зачѣмъ было идти: кіятеръ какъ разъ тутъ имъ представился. Прямо передъ ними была расхлебянena дверь въ сѣни; въ сѣняхъ столъ; на столѣ вино, закуска,—около стола гости: двѣ-три бабенки, потаскушки, двое-трое мужчинъ, холостяги. Идетъ пиръ горой.—Жена Сидорина сидитъ, братцы мои, на колѣняхъ у одного парня. Тотъ бренчитъ на балалайкѣ.—Ну-ка! — говоритъ этотъ парень женѣ Сидориной.—Ну-ка Матринька! Я сыграю, а ты подтяни, какъ бабы съ мужьями прощаются.—

Сказалъ это и началъ, по обнаковенію, перебирать на одной струнѣ. А она, то-ись жена Сидорина, давай плаксивымъ голосомъ подтягивать:

„Дру-у-угъ мой! Душа-а-а моя-я-я!
Ты куда-а-а со-о-обира-а-а-ешься?
А! а! а! а! а! а! а!
Дру-у-угъ мой! Душа-а-а-а моя-я-я!
На ко-о-го меня ты спо-о-о-кида-а-ешь.
А! а! а! а! а! а! а!

— Кіятерьъ разыгрываетъ, бестія!—прибавилъ рассказчикъ,—потомъ продолжалъ:

„Много ли, мало ли, насмѣхалась она такъ, бестія, на послѣдокъ парень остановилъ, говоритъ:

— Ну, Матринька, довольно!—Теперь, говоритъ, валяй, по порядку: что дѣлають бабы, проводимши мужей.

„Сказалъ это и сталъ наяривать скоморошную. А она, бестія, то-ись, жена Сидорина, вскочила, подобрала сарафанъ и давай отплясывать, да пальцами прищелкивать, да припѣвать:

„...Батёчекъ мой!
Голубчикъ мой!...
Пойдемъ со мной въ базочекъ.
Что постелимъ?
Платочекъ...
.
Ходи изба, ходи печь!
.
Полубочкинъ татаринъ!...
.

— Значить развернулась, бестія,—прибавилъ рассказчикъ. Потомъ продолжалъ:

„Сидору лихоманка забила, однако стерпѣлъ: ни гу-гу. Слово свое, значить, держить. И Кузема подъ ухо ему шепчетъ, чтобы крѣпился, терпѣлъ.—Хорошо.—Кончила Сидорина жена пляску. Тутъ одинъ изъ парней и говоритъ:

— Ай-да, Матринька! я не зналъ за тобой такой удали.

— Гдѣ-жъ тебѣ и знать!—говорить тотъ парень, что на балалайкѣ игралъ.—Матринька!—говорить все онъ же: докажи!

„Матринька тоѣ-жъ минуту прыгнула къ парню на колѣни, обвила руками его шею и—пошло, братцы мои, цѣлованье...

— Матринька!—говорить первый парень.—А что, еслибъ въ эту минуту вдругъ пришелъ Сидора: что бы тогда было?

— Да ничего!—говорить.

— Коли, чай, ничего?—говорить парень.—Досталось бы, чай, на орѣхи.

— Ничего, ничего!—говорить.—Не боюсь я его. Вотъ что онъ мнѣ сдѣлаетъ!..

„Сказала это и ловкій такой вывернула кукишъ идно вся честная компанія захохотала.—Парня, что говорилъ съ женой Сидориной, вчужѣ взяла досада. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ и закричалъ:

— Сидоръ Миколаевичъ! Чуешь ли, что въ домѣ у тебя творится?

Разсказчикъ остановился. Потомъ обратясь къ слушателямъ, спросилъ:

— Какъ полагаете: что тутъ вышло?

— Знамо что,—отозвался одинъ изъ слушателей:—чай, звѣремъ ворвался Сидора въ сѣни и—пошла потѣха!

— Нѣтъ, братцы, — возразилъ разсказчикъ: — этого не было.

На лицахъ слушателей отразилось страшное удивленіе. Минуту спустя, кто-то спросилъ Бахина:

— Да ты что намъ рассказываешь: сказку или быль?

— Быль!—отозвался Бахинъ.

— Есть-коли быль, то статочное ли дѣло, чтобы мужъ, да еще казакъ, стерпѣлъ такую обиду?

— Стало-быть стерпѣлъ, — сказалъ Бахинъ: — иначе и исторія бы не была, а она еще впереди.

— Вздоръ!

— Пустяки!

— Сказки!

— Не, паря, гнетъ!

— Колышки вьеть!

Вотъ такіе-то и подобные имъ возгласы и замѣчанія посыпались со всѣхъ сторонъ на рассказчика. Даже калмыкъ Чульчумка, и тотъ не утерпѣлъ, ввернулъ свое словцо.

— Какъ можна!—заговорилъ калмыкъ.—Если-бъ мой увидѣлъ своя жена, какъ ево чужой цѣловаль,—и мой бы башка ево сшибаль.

Собесѣдники засмѣялись.

— Ай-да, Чульчумка! Молодецъ!—похвалилъ кто-то изъ русскихъ калмыка.

— Однако, перестаньте, братцы, не перебивайте его,—сказалъ одинъ изъ слушателей.—Говори, Вася,—обратился онъ къ рассказчику:—что тутъ вышло?

— Тутъ братцы мои,—проговорилъ Бахинъ,—тутъ вышло вотъ что: услыхамши слово парня, Сидора только кашлянулъ...

Рассказчикъ опять остановился, и посмотрѣлъ на слушателей. Замѣтно было, онъ подзадоривалъ любопытство слушателей. Тѣ ждали, что онъ еще что-нибудь скажетъ, а онъ молчалъ. Тогда одинъ изъ слушателей спросилъ:

— Только кашлянулъ? Больше ничего?

— Ничего!

— Гм! Что-жъ изъ этого вышло?

— Особеннаго ничего,—отвѣчалъ Бахинъ.—Только жена Сидорина отъ этого кашля ахнула, помертвѣла и замолчала. И гости всѣ притихли.

— А!! Что-жъ дальше?

— Дальше вотъ что,—сказалъ Бахинъ:—прошло сколько-то времени, гости оправились и одинъ изъ парней бросился къ заднему двору, откуда, значить, кашель послышался, но тамъ уже было пусто: Сидора съ Куземой удрали и слѣду не оставили. Посудили-порядили гости, да на томъ

и порѣшили: „помстилось-де“.—Этимъ покуда дѣло и кончилось. Слушайте, дальше будетъ.

Разсказчикъ прокашлялся и началъ:

„Въ назначенное время, какъ, значить, рассчитывалъ Кузема, пріятели наши явились въ полкъ. За самовольную отлучку ихъ немного пощупали,—тѣмъ дѣло и кончилось. Ладно.—Полкъ шелъ своимъ маршрутомъ, пришелъ въ армію: дрались тогда съ туркомъ. Ладно.—Кузема не унывалъ былъ веселъ, а Сидора словно въ воду опустился. Ладно. Полкъ не разъ бывалъ въ страженіяхъ,—всѣ казаки по обнаковенію дрались храбро, не робѣли,—еще бы! Одинъ только Сидора былъ какой-то размазней: всегда оставался позади. Кузема сколько ни урезонивалъ его—не могъ урезонить, напоследокъ отступился отъ него. Тогда Сидора совсѣмъ опустился, на казака не сталъ похожъ,—тосковалъ, значить.—Случалось въ ину пору нашимъ казакамъ бывать вмѣстѣ съ донскими. И тѣ, глядя на Сидору, дивуются, спрашиваютъ иногда нашихъ: откуда-де добыли такого ледащаго? Не ярыгой ли-де поймали тамъ у себя на Обчемъ? *)—Одно слово, дрянъ былъ, а не казакъ.—Напоследокъ что сталъ дѣлать грѣховодникъ? — Идно выговорить стыдно! просто, поношеніе, братцы, всему роду казачьему! Къ примѣру, начнется перепалка, страженіе. Тутъ всякій, и казакъ, и солдатъ, и гусаръ, всякій старается уकोкошить сколько-нибудь непріятелей,—а нашъ Сидора старается высмотрѣть, гдѣ лежатъ убитые и тяжело раненые,—высмотритъ, да межъ нихъ и уляжется, и лежитъ, якобы убитый или тяжело раненый,—вотъ что, грѣховодникъ, сталъ дѣлать!—Кончится страженіе, стануть разбирать убитыхъ и раненыхъ, и нашъ Сидора встанетъ, захромаетъ, якобы контузію получилъ, пойдетъ лошадь свою отыскивать. Случилось разъ, и ло-

*) Надъ не природнымъ казакомъ, записаннымъ, напр., въ казаки изъ крестьянъ, коренные уральскіе казаки всегда подсмѣиваются такъ: „Эй, ты! Ярыгой на Обчемъ пойманъ!“ (Ярыга — рыболовная сѣть, а Обчій — Общій Сыртъ, гдѣ идетъ грань, отдѣляющая казачьи земли отъ государственныхъ).

шадь не нашель. Другую ужь купиль послѣ убитаго казака. Не объ этомъ рѣчь, не объ лошади.—Сильно трусилъ Сидора, даже подумать объ этомъ стыдно.—Сдѣлалъ это онъ разь-два, — сдѣлалъ три-четыре раза, — все благополучно проходило. На послѣдокъ случилась вотъ какая оказія.

Проговоривъ это, рассказчикъ на минуту остановился, окинулъ взглядомъ слушателей и продолжалъ:

„Разъ происходило большое страженіе. И русскихъ, и турокъ много-такъ было убито; почти все поле было усѣяно. Такое задалось время: турокъ, поганецъ, необычайно стоялъ стойко. Однако наши собрались съ духомъ и пожали турка. Тотъ пошелъ наутѣкъ, наши за нимъ. Хорошо.—Убитые и тяжело раненые остались, значить, позади. Сидора нашъ, по обнаковенію, запрятался межъ ними. Хорошо.—Впереди идетъ страженіе, а Сидора притулился, лежитъ, грѣховодникъ, и отъ испуга еле дышетъ. Хорошо. Настала, братцы, ночь, такая темная и вѣтренная—бѣда! Впереди страженіе прекратилось, а Сидора все еще лежитъ: напала на него рѣба (ужасъ), боится, бѣдный встать. Хорошо. Долго ли, коротко ли, онъ лежалъ,—на послѣдокъ видитъ чудо: ходять по полю, межъ убитыхъ, люди въ бѣлыхъ ризахъ, съ крылышками за спинами.—Это были ангелы Господни,—пояснилъ рассказчикъ; потомъ продолжалъ:—Ходили они по полю и принимали на свои пречистыя руки души убитыхъ и тяжело раненыхъ христіанъ, чтобы, знаете, въ царствіе небесное отнести. Хорошо.—Вотъ одинъ изъ ангеловъ подошелъ къ нашему Сидорѣ, остановился надъ нимъ и призадумался. Потомъ ручкой подозвалъ къ себѣ другого ангела, что ходилъ тутъ неподалеку, подозвалъ и говоритъ ему:

— Растолкуй, брате, что это значить! Человѣкъ, кажись, не убитъ и не раненъ, а лежитъ межъ убитыхъ и раненыхъ. Чтò съ нимъ дѣлать?

„Второй ангелъ наклонился къ Сидорѣ, осмотрѣлъ его, потомъ и говоритъ первому ангелу:

— Оставь его, брате: нѣтъ намъ до него дѣла. Знаю я

этого человека давно,—говорить ангелъ ангелу:—примелькался онъ мнѣ. Каждый разъ,—говорить ангелъ,—каждый разъ, какъ начнется страженіе, онъ прячется межъ убитыхъ и раненыхъ.

— Что-жъ это значить?—спрашиваетъ первый ангелъ.

— Трусь онъ! — говоритъ второй ангелъ. — Стараются избыть смерти.

„Первый ангелъ покачалъ головкой, потомъ говоритъ:

— Удивляюсь, брате. Пускай бы кто другой трусилъ, а вѣдь это казакъ, да еще, кажись, уральскій.

— Точно такъ,—говоритъ второй ангелъ:—уральскій.

— А что, брате,—спрашиваетъ первый ангелъ,—растолкуй мнѣ, можетъ ли онъ этимъ укрыть себя отъ смерти?

„Второй ангелъ отвѣчаетъ первому:

— Кому написано на роду умереть, къ примѣру, отъ сабли или отъ пули,—того, брате, не укроетъ ничто, ни даже каменная стѣна. Только вотъ въ чемъ дѣло,—говоритъ второй ангелъ первому,—казачекъ сей все труситъ: смерть ему будетъ не отъ пули, не отъ сабли, не отъ копья, не отъ картечи, не отъ ядра, а отъ лукавства жены!—Однако,—говоритъ второй ангелъ первому,—однако мы съ тобой заговорились,—разыдемся по своимъ мѣстамъ. Жатва нынѣ большая, много положившихъ животъ за царя и за вѣру.

„Ангелы удалились, стали невидимы. Сначала Сидору обуялъ великій страхъ. Шутка ли—замѣтилъ рассказчикъ—шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, видѣть вочию ангеловъ и слышать ихъ рѣчи! Обуялъ, говорю, Сидору сначала великій страхъ, а потомъ, черезъ короткое время, страхъ прошелъ, словно рукой сняло.

„Съ этой минуты,—продолжалъ рассказчикъ,—Сидора совершенно другой сталъ, якобы переродился,—откуда что взялось.—Первый воинъ сталъ, всемъ за образца былъ. Егорья съ бантомъ получилъ. И ни разу, братцы мои, не былъ раненъ; а ужъ въ какихъ передѣлкахъ не бывалъ, сказать только и то волосъ дыбомъ становится. Одно слово, сбылось въ точности предсказаніе ангела, то-ись, ни пуля, ни

сабля, ни копьё, ни картечь, ни ядро не брали Сидору. Хорошо.—Кончилась война. Полкъ воротился на родину. Всѣ казаки были веселы и радостны. Одинъ только Сидора былъ печалень. Не радовала его ни слава храбраго, ни Егорій, ничто.—Почитай всѣ казачьи жены, изъ Уральска и съ уметовъ, выѣзжали встрѣчать мужей на Общій Сыртъ. Только жена Сидорина не показывалась.—„Знала кошка, чье мясо съѣла“,—прибавилъ рассказчикъ.—Однако, я забылъ вамъ, братцы, сказать,—договорилъ онъ:—къ этому времени жена Сидорина знала, что мужу ея вѣдомо стало, кто она такова.

„Видите ли, какъ это случилось,—продолжалъ Бахинъ.—Покуда полкъ былъ въ арміи, жены по обнаковенію писали изрѣдка мужьямъ письма, и мужья отписывали женамъ,—все какъ водится. Хорошо.—Сидорина жена, чтобъ ее ободрало, почитай каждую почту писала Сидорѣ письма, да такія слезливыя, что ахнешь. Со стороны подумаешь, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ такой жены, коя бы любила такъ мужа, какъ жена Сидорина. Хорошо.—Сидора, знамо дѣло, письма ея бросалъ, и самъ наоборотъ ей ничего не писалъ. Напоследокъ, чтобы отвязаться; написалъ ей такую загвозку. Попросилъ, значить, полкового писаря, и тотъ настрочилъ такую рацею:

„Дрожайшая-де сожительница, Матрена Семеновна!.. Побереги-де себя... Не плачь и не убивайся-де обо мнѣ.. Пригласи-ка-де лучше кого-нибудь изъ холостягъ, къ примѣру, Терешку Требушинцова... заставь-де его сыграть на бала-лайкѣ... а сама-де попляши... да спой Б а т ё ч к а, а не то-де П о л у б о ч к и н а Т а т а р и н а... Это-де тебя развеселить.. Однако-де (въ концѣ было поставлено), однако-де, отстань отъ меня, зараза!“

— Ай-да, Сидора! Молодецъ!—прибавилъ рассказчикъ.—Славно огорошилъ; не въ бровь, а прямо въ глазъ.

„Получивши отъ мужа эдакую цыдулку,—продолжалъ Бахинъ,—жена Сидорина, знамо дѣло, припомнила тотъ вечеръ, когда помстился ей мужнинъ кашель; припомнила и

догадалась, что обманъ ея вѣдомъ мужу. Съ этого раза замолчала и мужу больше ужъ не надоѣдала.

„Ну-съ,—продолжалъ Бахинъ.—Сказано: пришелъ полкъ на родину. Всѣ казаченьки разбрелись по домамъ. Одинъ Сидора проѣхалъ мимо. Родителей у него не было. Жила въ томъ уметъ тетка: онъ и взѣхалъ къ ней. Жену, знамо дѣло, на глаза не пустилъ. Велѣлъ ей изъ дома своего убраться. Та ушла къ роднымъ. Сидора и домъ свой за безцѣнокъ продалъ на сторону, а самъ поселился у тетки, до первой, значить, командировки изъ войска, чтобы уйти куда-нибудь на службу.—Тетка и кое-кто изъ родныхъ жениныхъ пытались-было уговаривать Сидору, чтобы положилъ гнѣвъ на милость, простилъ бы жену.—„Грѣхъ да бѣда на кого не бываетъ“,—говорили они Сидорѣ.—„Не такія-де сѣни, и то подламываются.“—Но Сидора не поддавался: жену и на глаза къ себѣ не пускалъ. Главное, помиилъ предсказаніе ангела.—Хорошо.—Прошло сколько-то времени, живетъ Сидора у тетки и до поры—до времени хозяйничаетъ. Разъ поѣхалъ онъ въ луга нарубить таловъ, и съѣхался тамъ съ пріятелемъ своимъ, Куземой. Тотъ ѣхалъ верхомъ. Съѣхались пріятели и разговорились.

— Куда Богъ несетъ?—спрашиваетъ Кузема.

— За талами!—говоритъ Сидора.—А ты куда?—спрашиваетъ Кузему.

— Да что!—говоритъ Кузема.—Грѣхъ случился: лошади пропали. Вечеръ я выѣхалъ изъ дома, всю ночь проѣздилъ, не нашелъ. Теперь ѣду въ Заросную луку,—не тамъ ли? Однако, — говоритъ Кузема, — я страхъ-какъ проголодался, не ужинавши: нѣтъ ли чего закусить?

— Коли, чай, нѣтъ,—говоритъ Сидора,—тетушка что да-нибудь положила.

„Сказалъ это Сидора и сталъ рыться въ телѣгѣ. Нашелъ холщевой мѣшокъ, развязалъ его: въ немъ были кокурки *). Одну кокурку Сидора подалъ Куземѣ, и тотъ, пере-

*) Круглый, небольшой, сдобный (на коровьемъ маслѣ) хлѣбъ.

крестясь и благословясь, стали закусывать, а другую кокурку Сидора самъ сталъ ѣсть.—Ѣдутъ пріятели рядомъ, одинъ въ телѣгѣ, а другой верхомъ, Ѣдутъ и закусываютъ. Съѣли ли, нѣтъ ли по полкокуркѣ, вдругъ оба почувствовали внутри что-то не ладно: тошнить, жжетъ и рѣжетъ.

— Что это?—закричалъ Кузема.

— Не знаю!—говоритъ Сидора, и сталъ разсматривать мѣшокъ; видитъ—мѣшокъ будто не тотъ, что прежде давала ему тетка съ хлѣбомъ. Тутъ Сидора догадался и говоритъ Куземѣ:

— Худо, товарищъ! Должно быть, жена, бестія, смудрила.—Ты,—говоритъ Сидора,—верхомъ, скачи скорѣй на уметъ: може, успѣешь избавиться. А мнѣ,—говоритъ Сидора,—мнѣ, знаю, Богомъ суждено умереть отъ лукавства жены. Скачи, скачи скорѣй, товарищъ!—говоритъ Сидора.

— Кузема, знамо дѣло, во всѣ лопатки поскакалъ. Сидора тоже обернулъ оглобли и пустился за нимъ же; но въ телѣгѣ, да еще цѣликомъ, лугами да чаганаками, не далеко ускачешь.—Кузема прискакалъ въ уметъ, у перваго же дома остановился, спрыгнулъ съ лошади, упалъ на земь и сталъ кататься кубаремъ. Сбѣжались къ нему обыватели, а у него ужъ пѣна у рта.—„Что? Что?“ спрашиваютъ. А Кузема слова не выговоритъ, только показываетъ пальцами въ ротъ. Обыватели догадались и тоѣ-жъ минуту принесли кто парного молока, кто меду,—принесли и стали лить Куземѣ въ ротъ. Помогло. Кузему вырвало. Отдышался онъ и рассказалъ въ чемъ дѣло. Тое-жъ минуту нѣсколько казаковъ вскочили на лошадей, взяли кто меду, кто молока, и поскакали въ луга къ Сидорѣ. Нашли его, сердечнаго, но помочь ужъ не могли: Сидора умеръ...

Разсказчикъ остановился и вздохнулъ. Межъ слушателями пробѣжалъ ропотъ негодованія. Минуту спустя одинъ изъ нихъ обратился къ разсказчику съ вопросомъ:

— Какимъ же родомъ случилось это такое несчастіе?

— А вотъ какимъ!—отвѣчалъ Бахинъ.—По шабровству извѣстно было, что Сидора почестъ каждый день ѣздилъ за

талами, жена Сидорина, подлячка, напекла кокурокъ съ мышьякомъ, сложила ихъ въ мѣшокъ и выжидала удобнаго случая, какъ бы положить мѣшокъ съ кокурками въ телѣгу Сидоры. Разъ ей не удалось, два не удалось,—въ третій удалось. Въ то самое утро, какъ случилось это несчастіе, Сидора, выѣхавши изъ дома, ѣхалъ задами и супротивъ пригороды дома, гдѣ проживала жена его, остановился, привернулъ лошадь, а самъ пошелъ домой: забылъ что-то взять, не то топоръ, не то другое что. Онъ ушелъ, а жена его, бестія, наблюдала за нимъ. Лишь только онъ скрылся, она подбѣжала къ телѣгѣ, выхватила изъ нея мѣшокъ съ хлѣбомъ, что тетка дала, а свой съ кокурками положила. Вотъ отчего и случилась такая оказія.

— Какъ же все это узнали? — спросилъ рассказчика одинъ изъ слушателей.

— А вотъ какъ!—сказалъ Бахинъ.—Лишь только тетка взглянула на мѣшокъ съ кокурками, сейчасъ узнала, что не ея мѣшокъ. Тое-жъ минутою кинулась къ женѣ: не къ кому больше. Сдѣлали обыскъ, нашли въ узелкѣ и мышьякъ—запаслива была, бестія! — Приструнили шельму. Повинилась.

— Что жъ съ нею сдѣлали?

— Извѣстно что, — отвѣчалъ Бахинъ: — сначала въ острогъ засадили, а потомъ отлупили плетьюми, да въ Сибирь услали,—дорога обнаковенная для душегубцевъ.

— А мужа-молодца все-таки извела, бестія!—замѣтилъ кто-то изъ слушателей.

— Да!—проговорилъ Бахинъ.—Такъ, значить, на роду ему было написано: ангеломъ Господнимъ, помните, не всуе предсказано.

И рассказчикъ, и слушатели притихли, призадумались. Минуту спустя, рассказчикъ спросилъ:

— А что, братцы, какова исторія?

— Поучительная!—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ ли у тебя еще такой?—спросилъ кто-то.

— На первый разъ довольно! — отвѣчалъ Бахинъ. —

Знаете пословицу: „хорошаго по немногу“. А теперь, братцы,—прибавилъ рассказчикъ,—пора лошадей убирать, а тамъ ужинать да и на боковую. А гдѣ мой дурашка Чульчумка?—спросилъ Бахинъ.—Я что-то его не вижу и не слышу. Эй, гдѣ ты, идоль?

Бахинъ всталъ и сталъ искать глазами калмыка, но его въ кругу слушателей не было: лежалъ онъ на нарахъ и спалъ сномъ молодца.

Бесѣда кончилась.

Уральскъ.

Февраль 1863.

